Пера-богатырь

Пера-богатырь

Сказки финно-угорских народов

Художник А. В. Мошев

Пера-багатыр

Финн-йӧгра войтырлӧн мойдъяс

Сыктывкар
Издательство «Эском»
2012

ББК 82.3(2Рос)
П 26
УДК 82-343 (=511.1)

П-26 Пера-богатырь: Сказки финно-угорских народов.— Сыктывкар: Издательство «Эском», 2012.— 208 стр.

Сборник состоит из двадцати четырёх сказок финно-угорских народов – ханты, манси, коми-пермяков, коми, удмуртов, мордвы, марийцев, карел, финнов, саамов, эстонцев, венгров. Сказки объединены одной общей идеей: они рассказывают о народной мудрости и смекалке, высмеивают человеческие пороки; показывают, что добро сильнее зла и справедливость всегда берёт верх.

Перевод на коми язык
Евгения Козлова

Издано при поддержке Агентства Республики Коми по печати и массовым коммуникациям

ISBN 978-5-94080-030-9

© Издательство «Эском», 2012

КАК ИМИ-ХИТЫ НА САНКАХ КАТАЛСЯ

Хантыйская сказка

МАЛЕНЬКИЙ Ими-Хиты ни отца, ни матери не помнит, давно они умерли. Ими-Хиты с бабушкой живёт. Живут они на далёком берегу большой реки, таком далёком, что, если идти туда, это место краем Земли покажется.

Растёт мальчик, и дороги его растут, всё дальше от дому уходят. По лесу бродит — слушает, по тундре идёт — смотрит. Однажды прибежал к бабушке и говорит:

— Бабушка, кого это я видел: сам серый, хвост чёрный, от дерева к дереву быстро бегает, с ветки на ветку прыгает.

Бабушка отвечает:

— Это белка. Твой отец много белки добывал.

— И я добывать буду,— говорит Ими-Хиты.

— Мал ты ещё, внучек,— бабушка сказала.— Ты за ней погонишься, она от тебя на дерево убежит, в густых ветвях скроется. Что ты с ней сделаешь?

В другой раз Ими-Хиты так бабушку спросил:

— Опять я видел кого-то. Весь белый, только кончик хвоста чёрный. Не знаешь ли, как его зовут?

КЫДЗИ ИМИ-ХИТЫ ДАДДЬӦН ИСЛАЛІС

Хант мойд

ИЧӦТИК Ими-Хиты ни батьсӧ, ни мамсӧ оз тӧд, найӧ важӧн кувсьылісны. Ими-Хиты бабыскӧд олӧ, ыджыд юлӧн ылі берег дорын, и мунны кӧ сэтчӧдз, налӧн оланіныс Му помӧн чайтсяс.

Быдмӧ-нюжалӧ зон, и туйясыс сылӧн кузьялӧны, оланінсяньыс пыр ылытіджык и ылытіджык кытшовтӧны. Вӧрті ветлӧ — кывзысьӧ, тундраті восьлалӧ — видзӧдӧ. Ӧтчыд воис котӧрӧн бабыс дорӧ да шуӧ:

— Бабӧ, кодӧс ме аддзылі: ачыс руд, бӧжыс сьӧд, пуысь пуӧ тэрыба ветлӧ, увйысь увйӧ чеччалӧ.

Бабыс вочавидзӧ:

— Тайӧ ур. Батьыд тэнад уртӧ уна кыйліс.

— И ме кыйны мӧда,— шуӧ Ими-Хиты.

— Ичӧт на тэ, нукӧ,— шуис бабыс.— Тэ сы бӧрся вӧтчан, сійӧ тэысь пышъяс, пу вылӧ каяс, сук лапъяс пӧвстӧ воштысяс. Мый сыкӧд вӧчны мӧдан?

Мӧдысь Ими-Хиты бабыслысь тадзи юаліс:

— Бара ме кодӧскӧ аддзылі. Ставнас еджыд, сӧмын бӧж помыс сьӧд. Он-ӧ тӧд, кыдзи сійӧс шуӧны?

— Как не знать! — смеётся бабушка.— Горностай это. Твой отец помногу горностаевых шкурок приносил.

— Ну, так я побегу, догоню его.

— Ох, внучек, разве горностая догонишь! Он от тебя под корнями дерева спрячется. Что тогда сделаешь?

Ещё раз прибежал Ими-Хиты, издали кричит:

— Бабушка, бабушка, не белку, не горностая я видел. Тёмный, как мокрая кора, этот новый зверь. Ушки круглые, хвостик пушистый.

Бабушка отвечает:

— Самый дорогой зверёк тебе повстречался. Соболем называется. Отец твой говорил: шкурку соболя добыть — удача для охотника.

— Побегу я, бабушка, за ним, за своей удачей побегу!

— Ох, внучек, соболь — зверь с длинным следом. По такому следу охотник, бывает, три дня, три ночи идёт. Да и чем убьёшь его?

— А чем мой отец убивал?

— Луком звенящим, стрелой поющей,— отвечает бабушка.

— А сумеешь ты сделать мне лук и стрелы?

— Попробую, может, выйдет что.

Долго трудилась бабушка, ведь не мужчина она, а старая женщина. Всё-таки смастерила лук, стрелы сделала, тупые наконечники насадила — на пушного зверька. Начал Ими-Хиты охотиться. Сперва за три дня одного зверька приносил, потом за один день

— Кыдзи нӧ ог тӧд! — сералӧ бабыс.— Сьӧдбӧж тайӧ. Тэнад батьыд сьӧдбӧж кусӧ зэ-э-эв уна вайліс.

— Но, ме, сідзкӧ, котӧрта, суӧда сійӧс.

— Ок, нукӧ, вӧтӧдан мӧй сьӧдбӧжтӧ! Сійӧ ӧд тэысь вужля улӧ дзебсяс. Мый сэки вӧчан?

Ӧтчыд бара котӧртӧ Ими-Хиты, ылысянь горзӧ:

— Бабӧ, бабӧ, эг урӧс ни эг сьӧдбӧжӧс аддзыв. Кӧтасьӧм кырсь кодь пемыд рӧма тайӧ выль зьверыс. Пельясыс гӧгрӧсоватӧсь, бӧжыс пушкыр.

Бабыс вочавидзӧ:

— Медся дона куа зверыс тэныд воча лоӧма. Низьӧн шусьӧ. Батьыд тэнад вӧлі шулывлӧ: низь ку судзӧдны — кыйсьысьлӧн шуд.

— Котӧрта ме сы бӧрся, бабӧ, ассьым шудӧс вӧтӧда!

— Ой, нукӧ, низьыдлӧн кок туйыс кузь. Сы кок туй кузя вӧралысьыд, овлӧ, куим лун да куим вой вӧтчӧ. Да и мыйӧн чергӧдан сійӧс?

— А мыйӧн батьӧ менам чергӧдліс?

— Зэлыд вужйӧн да сьылысь ньӧвйӧн,— вочавидзӧ бабыс.

— А сямман-ӧ тэ вӧчны меным ньӧвсӧ да вужсӧ?

— Видла, гашкӧ, мыйкӧ артмас.

Дыр ноксис бабыс, абу ӧд сійӧ мужичӧй, а олӧма ань. Век жӧ лӧсьӧдіс ньӧвтӧ да вужтӧ, тшӧтшыд йывъяс вӧчис ньӧвъяслы — дона куа зверӧс кыйӧм вылӧ. Босьтчис Ими-Хиты вӧравны. Медводдза кадсӧ ӧти лунӧн ӧти зверӧс вайліс, сэсся — куимӧс. Ваяс кыйдӧссӧ, бабыс вердас нуксӧ, юкталас. Пуксясны кыкӧн куяс кульны, бабыс туйдӧ-велӧдӧ:

— трёх. Принесёт добычу, бабушка внука накормит, напоит. Сядут вдвоём тушки разделывать, бабушка показывает:

— Отец твой вот так свежевал, так шкурки натягивал для просушки.

Ими-Хиты старается, всё так делает, как отец делал.

Теперь лучше стали жить бабушка и внук, есть сытнее, одеваться теплее. Ими-Хиты растёт, подрастает. Однажды говорит он бабушке:

— Бабушка, я ближние места все исходил. Смастери мне кузовок, положи в него на три дня съестного припаса. Хочу на дальних путях охотиться, дальнего зверя бить.

— Ну что ж, как просишь, так и сделаю,— отвечает бабушка.— И твой отец не всё вокруг дома промышлял.

Села бабушка у очага, из гибкой бересты изладила хороший кузовок. Положила в него побольше еды, отправила внука на дальнюю охоту.

Вышел из дому Ими-Хиты, бросил впереди себя свои подволоченные лыжи. Куда они носами легли, в ту сторону он и пошёл.

Идёт, следы примечает. Увидел след мышки — пошёл по следу мышки. Перебился тот след следом соболя, он по соболиному следу отправился. Потом ступил на песцовый след. Ни одного зверя не добыл, а от дома на три дня ушёл. В кузовке съестного припаса лишь на донышке осталось, Ими-Хиты съел последнее, подумал:

«Охотничье счастье — что ветер: то в одну сторону дует, то в другую. А всё-таки далеко я побывал. Верно, и отец мой отсюда домой бы повернул».

Сделал Ими-Хиты разворот на лыжах, вдруг слышит — свист по лесу идёт, крик раздаёт-

— Батьыд тэнад со тадзи вӧлі кульӧ, тадзи кусӧ косьтыны зэвтӧ.

Ими-Хиты старайтчӧ, ставсӧ вӧчӧ сідз, кыдзи батьыс вӧчлӧма.

Ӧні сэсся бурджыка мӧдісны овны баба-нука: пӧтӧсаджык сёйны, шоныдджыка пасьтасьны. Ими-Хиты быдмӧ, верстяммӧ.

Ӧтчыд сійӧ шуӧ бабыслы:

— Бабӧ, ме матысса вӧръяссӧ ставнас гӧгӧрті. Вӧч меным неыджыд кузов, пукты сэтчӧ куим лун вылӧ сёянтор. Кӧсъя ылӧджык туйӧ петавны, кузь кок туя зверӧс кыйны.

— Но мый нӧ, кыдзи шуан, сідзи и вӧча,— вочавидзӧ бабыс.— Тэнад батьыд эз жӧ сӧмын керка гӧгӧрын прӧмышляйт.

Пуксис бабыс горъя пач водзӧ, небыд сюмӧдысь неыджыд кузов гаровтіс. Тэчис сэтчӧ сёян, мӧдӧдіс нуксӧ ылыс угоддьӧясӧ.

Петіс керкасьыс Ими-Хиты, шыбитіс водзас кыс подъя лызьсӧ. Кытчань ныръӧн усины найӧ, сэтчань и мӧдӧдчис.

Мунӧ сідзи, кок туяс видзӧдалӧ. Аддзис шырлысь кок туй — мӧдіс сы бӧрся. Регыд шыр кок туйтӧ низь кок туй вомӧналіс, сы кок туй кузя мӧдӧдчис. Коркӧ сэсся кынь кок туй вылӧ воис. Ни ӧти зверӧс эз су, а керка дорсьыс куим лун вылӧ ылыстчис. Кузолас сёяныс сӧмын пыдӧсас и кольышті. Ими-Хиты нуръясьыштіс кольӧмнас да мӧвпыштіс:

«Кыйсян шудыд — быттьӧ тӧв ныр: то ӧтарӧ пӧлльыштас, то мӧдарӧ. Век жӧ прамӧй ылӧдз волі. Чайта, батьӧ менам татысянь эськӧ гортланьжӧ косіс».

Бергӧдіс Ими-Хиты лызь нырсӧ, друг кылӧ — вӧр-ягас кодкӧ шутлявны мӧдіс, лёкысь горзыны, серамыс гымалан шыӧн разалӧ. Ими-Хиты повзьыштіс ичӧтика, но ичӧтика и радліс — морт кӧнкӧ матын, а мыйся сэтшӧм морт, оз тӧд... Аслас нэмӧ сійӧ сӧмын бабсӧ и тӧдліс.

ся, хохот, как гром, перекатывается. Ими-Хиты немножко испугался, немножко обрадовался — человек близко, а какой человек, не знает... Он на своём веку только бабушку и видел.

Стал Ими-Хиты меж деревьев и кустов пробираться. Вышел на высокий берег реки. Видит — с ледяной горы на санках мальчишка катается. Ростом чуть пониже дерева, брови у него — что длинный мох, волосы — что кустарник. Чудной такой: катится вниз — громким криком кричит. Скатится на речной лёд — звонким хохотом хохочет, в ладони бьёт.

Ими-Хиты глаза раскрыл — смотрит, уши раскрыл — слушает. И мальчишка его увидел.

— Иди сюда, человечий мальчик, вместе кататься будем! — закричал.

— А ты чей мальчик? — Ими-Хиты спрашивает.

— Я Менгк-поших, из семьи лесных духов,— тот отвечает.— Садись передо мной на санки, я тебя покатаю.

— Лучше я позади тебя сяду,— говорит Ими-Хиты.— Очень громко кричишь, я на санках не удержусь.

— Разве я громко кричу? — удивился Менгк-поших.— Ну, хорошо, я совсем тихонько кричать буду.

Сели. Ими-Хиты впереди, Менгк-поших сзади. Только раскатились, закричал от радости лесной мальчишка. У Ими-Хиты в ушах зазвенело, свет в глазах померк. Упал он с санок, ничего не помнит. Долго ли, коротко ли лежал на снегу, очнулся, видит — Менгк-поших санки опять в гору тянет.

Ими-Хиты на себя рассердился, на мальчишку обиделся. Не стал дожидаться, пока тот на гору поднимется, подвязал лыжи, в обратный путь пустился, с пустыми руками вернулся к бабушке.

6

Пондіс Ими-Хиты пуяс да кустъяс костӧд писькӧдчыны. Петіс тӧдтӧм юлӧн джуджыд кыркӧтш дорӧ. Аддзӧ — йизьӧм чой йывсянь кутшӧмкӧ детинка даддьӧн ислалӧ. Тушанас пуысь неуна ляпкыдджык, синкымъясыс — быттьӧ ош нитш, а юрсиыс — бадь куст кодь. Тешкодь сэтшӧм: исковтӧ увлань — гора гӧлӧсӧн горзӧ. Воас йиӧн дорӧм ю ковтысӧдз — гажа серамӧн сералӧ, кекӧначасьӧ.

Ими-Хиты синъяссӧ паськӧдіс — видзӧдӧ, пельяссӧ чошкӧдіс — кывзӧ. И зонкаыд сійӧс аддзис.

— Лок татчӧ, морт рӧдысь зон, ӧтлаын ославны мӧдам! — горӧдіс.

— А тэ кодлӧн зонмыс? — юаліс Ими-Хиты.

— Ме Менгк-поших, вӧрса рӧдысь,— вочавидзӧ сійӧ.— Пуксьы даддяс ме водзӧ, ме тэнӧ ислӧдла.

— Бурджык, ме тэ бӧрӧ пукся,— шуӧ Ими-Хиты.— Тэ вывті ёна горзан да, ме дадьсьыд уся.

— Ме ӧмӧй гораа горза? — чуймис Менгк-поших.— Но, бур, ме лӧня-лӧня горзыны понда.

Пуксисны. Ими-Хиты водзас пукалӧ, Менгк-поших — бӧрас. Сӧмын йӧткысисны, горӧдіс радысла вӧрса зонкаыд. Ими-Хитылӧн пеляс тиньгыны мӧдіс, синъясыс пемдісны. Уси дадь вывсьыс, нем оз помнит. Дыр-ӧ, регыд-ӧ лым вылас туплясис, паляліс да аддзӧ — Менгк-поших бара даддьӧн чой йылӧ кавшасьӧ.

Ими-Хиты ас вылас скӧрмис, детинка вылӧ дузъялӧ. Эз понды виччысьны, кор мӧдыс чой йылӧ кавшасяс, ковъяліс лызьяссӧ, бӧр туйӧ петіс, куш киӧн и бергӧдчис бабыс дорӧ.

Кадыс аслас ӧдӧн мунӧ. Тӧв помассис, тулыс колис, гожӧм исковтіс, дай кузь зэръяса

Время своим чередом идёт. Зима кончилась, весна прошла, лето миновало, осень с дождями новой зимой сменилась. Ими-Хиты охотится, не далеко и не близко от дому уходит, добычу бабушке несёт.

И как настала опять пора подволоченных лыж, Ими-Хиты в дальний путь собрался. К тому лесу, к той горе лыжи направил, где с лесным мальчишкой катался на санках. Не даёт ему покоя обида, что он тогда на санках не удержался, хочется ему над мальчишкой верх взять.

Только и в этот раз у него ничего не вышло. Хоть и сел позади, всё равно упал с санок, когда Менгк-поших закричал-засмеялся.

Опять в обиде на мальчишку, в досаде на себя ушёл Ими-Хиты с того места.

Год прошёл. Ими-Хиты совсем вырос, парнем стал. Плечи широкие, руки сильные, на целую голову выше бабушки.

«Уж теперь-то,— думает,— не упаду с санок, хоть впереди, хоть позади сяду. Пусть Менгк-поших кричит, сколько хочет!»

Встретились на горе Ими-Хиты и Менгк-поших. Менгк-поших над Ими-Хиты смеётся.

— Ну что, опять кататься пришёл, с моих санок падать?

Ими-Хиты отвечает:

— Кататься буду, падать не стану.

Сели, покатились. Тут Менгк-поших так закричал, как раньше не умел. Он ведь тоже за эти годы подрос. С ближних деревьев хвоя осыпалась, на дальних деревьях ветки закачались. Не удержался Ими-Хиты — упал без памяти. Очнулся, сказал:

— Не буду с тобой больше кататься. Сам себе санки сделаю.

ар бӧрын выль тӧв воис. Ими-Хиты вӧралӧ, оз ылӧ ни оз матӧ ветлы, а кыйдӧс бабыслы ваялӧ.

Мыйӧн воис кыс лызя кад, Ими-Хиты ылі туйӧ мӧдӧдчис. Сійӧ ягас, сійӧ чойланьыс лызь нырсӧ индіс, кӧні вӧрса зонкӧд даддьӧн ислалісны. Некыдзи ӧбидаыс оз вун, мыйла сэки дадь вывсьыс уси, кутчысьны эз сяммы, окота сылы вӧрса зон водзын асьсӧ вермысьӧн петкӧдлыны.

Сӧмын и тайӧ пӧрйӧ нинӧм эз артмы. Кӧть и бӧрладорас пуксис, бара уси дадь вывсьыд, кор Менгк-поших городіс да серӧктіс.

Бара скӧрмис, ас вылас дӧзмӧмӧн муніс Ими-Хиты.

Во коли. Ими-Хиты дзикӧдз быдмис, верстьӧ зон лои. Пельпомъясыс паськалісны, киясыс крепаммисны, бабсьыс юрӧн ыджыд лои.

«Ӧнітӧ,— чайтӧ,— дадь вылысь ог усь, кӧть водзас, кӧть бӧрладорас пукся. Медым Менгк-поших горзӧ, мыйта тӧрас!»

Вочаасисны чой йылын Ими-Хиты да Менгк-поших. Менгк-поших Ими-Хиты вылын сералӧ.

— Но мый, бара исласьны локтін, менам дадь вылысь усявны?

Ими-Хиты вочавидзӧ:

— Ислявны мӧда, усявны ог!

Пуксисны, исковтісны. Менгк-поших другысь сэтшӧма городіс, кыдзи важӧнсӧ эз кужлы. Сійӧ ӧд тайӧ каднас быдмыштіс жӧ. Матысса пуяс вылысь лыскыс киссис, ылысса пуяс вылын вожъясыс шеновтчисны. Эз вермы кутчысьны Ими-Хиты — садьтӧг уси. Паляліс да шуӧ:

Взял Ими-Хиты свой топоришко, срубил тонкую берёзку, расколол её пополам, стал обтёсывать. А Менгк-поших стоит рядом, на его работу смотрит. Ими-Хиты махнёт топором, блеснёт на солнце лезвие, Менгк-поших засмеётся. Так засмеётся, что топор у Ими-Хиты в руках дрогнет, скользнёт по дереву, даже зарубинки не оставит. А Менгк-поших ещё громче смеётся. Потом говорит:

— Тупой у тебя топор, наострить надо.

Ими-Хиты отвечает:

— А на чём наострить? Я с собой точила не захватил.

— Как на чём? На моём языке наточи.

И высунул язык. Длинный, шершавый, лучше всякого точила.

Принялся Ими-Хиты водить топором взад-вперёд по языку Менгк-пошиха. Щекотно тому стало, засмеялся он. Дрогнул топор в руках Ими-Хиты, соскользнул, ребром повернулся и отрубил кончик языка у лесного парнишки.

Замахал руками Менгк-поших, затопал ногами. Кричать не может, смеяться не хочет. Санки бросил, побежал прочь.

«Эх,— думает Ими-Хиты,— сам виноват. А всё-таки жалко его!»

Подобрал отрубленный кончик языка, положил в кузовок и пошёл по следу Менгк-пошиха. Долго шёл, и привёл его след к большому селению. Дома там из толстых брёвен сложены. Где лиственничных стволов не хватило, еловые клали, где еловых не хватило, клали лиственницу.

Оборвался путь Менгк-пошиха у двери не лучше, не хуже других. Видно, туда вошёл лесной парень. Ими-Хиты быстро на крышу дома взобрался, приложил ухо к дымовому

— Ог понды сэсся тэкöд ислявны. Ачым аслым дадь вöча.

Босьтіс Ими-Хиты ассыс черсö, керыштіс вöсньыдик кыдз пу, поткöдіс шöри, босьтчис лöсавны да шыльöдны. А Менгк-поших сулалö орччöн, сылöн ноксьöм бöрся видзöдö. Ими-Хиты öвтыштас чернас — шонді югöрыс чер дорышас дзирдыштлö. Менгк-поших серöктö. Сідзи серöктö, мый Ими-Хитылöн киын черыс дрögмунлö, вильскö пу вывтіыс, весиг лöсас туй оз коль. А Менгк-поших нöшта гылыдджыка серöктö.

— Ныж тэнад черыд, лэчтыны колö.

Ими-Хиты вочавидзö:

— А мый вылын лэчта, ме öд зудсö аскöд эг босьт.

— Кыдзи мый вылын? Менам кыв вылын лэчты.

И мыччис кывсö. Кузь, сарöга, любöй зудйысь бурджык.

Босьтчис Ими-Хиты чер дорышнас öтарö-мöдарö новлöдлыны Менгк-пошихлöн кыв кузя. Гилялö сылöн кывйыс, бара серöктіс. Дрögмунліс Ими-Хиты киын черыс, вильскис, бергöдчис ёсьнас дай вундіс вöрса зонлысь кыв помсö.

Пондіс Менгк-поших кияснас öвтчыны, кокъяснас зымöдны. Горзыны оз вермы, серавны абу окота. Дадьсö эновтіс, прöч котöртіс.

«Эк,— ас кежсьыс мöвпалö Ими-Хиты,— ачыс мыжа. А век жö жаль сійö!»

Лэптіс вундыссьöм кыв помсö, ладмöдіс кузов пыдöсас да мöдöдчис Менгк-поших бöрся сылöн кок туйöд. Дыр тадзи муніс, и вайöдіс кок туйыс ыджыд сиктö. Керкаяссö сэні кыз керйысь тэчöма. Кöні ниа пуыс абу тырмöма, коз пу содтöма, кöні коз пуыс абу тырмöма, ниа пу ладмöдöма.

Менгк-пошихлöн кок туйыс помассис öти керка öдзöс водзын, кодöс мукöдысь

отверстию. Так и есть, там Менгк-поших. Слышно, как стонет и плачет, слышно, как домашние его расспрашивают, никакого толку добиться не могут. Потом говорит кто-то — может, мать, может, бабушка:

— Видишь, со средним братом что-то случилось. Беги к дедушке, спроси, какая беда, чем помочь. Дедушка всё видит, всё знает, он не поможет, никто не поможет.

Выбежал из дома совсем маленький лесной мальчишка. На правой ноге пляшет, левой рукой машет, поёт и хохочет чуть потише Менгк-пошиха, много громче, чем Ими-Хиты смеялся, когда бабушка ему смешное рассказывала. Поплясал, поскакал, в соседнем доме скрылся.

Ими-Хиты, как белка, с крыши спрыгнул, на соседнюю крышу взобрался. Опять слушает. Кто-то в доме мальчишку спрашивает:

— Зачем, внучек, пришёл? Верно, за делом тебя прислали?

Внучек ничего не отвечает, только слышно, как ногами притопывает, в ладоши прихлопывает. Поплясал, поскакал, из дому выскочил, в дом убежал. А Ими-Хиты всё слушает. Тот же голос говорит:

— И с чего это у нас, лесных дедушек, такие лесные внуки растут — озорные да бестолковые? Когда ещё ума наберутся! Придётся самому пойти.

Услышал такое Ими-Хиты, еле успел с этой крыши спуститься, на ту крышу взобраться. Тут вышел из своего дома старик. Брови, как белый мох, волосы, как ворох пожелтелых листьев. Из своего дома вышел, в дом, где живёт Менгк-поших, вошёл. Слышит Ими-Хиты, старик говорит:

— Ну что, внучек Менгк-поших, доигрался?

озырджыкӧн он шу, но абу жӧ и гӧльджык мукӧдсьыс. Тыдалӧ, сэтчӧ и пырис вӧрса зонмыд. Ими-Хиты тэрыба кавшасис керка вевт вылас, пельсӧ тшын петан розь бердӧ матыстіс. Кылӧ, кыдзи ымзӧ да бӧрдӧ, кылӧ, кыдзи гортсаыс юасьӧны сылысь, да нем эз вермыны тӧдмавны. Сэсся и шуис кодкӧ — гашкӧ, мамыс, гашкӧ, бабыс:

— Аддзан, шӧркост вокыдкӧд мыйкӧ лоӧма. Котӧрт пӧль дорад, юав, мый лои да мыйӧн отсавны позьӧ. Пӧльыд ставсӧ аддзӧ, ставсӧ тӧдӧ, сійӧ кӧ оз отсав, сэсся некоді отсавны оз вермы.

Котӧрӧн петіс керкасьыс зэв ичӧтик вӧрса зон. Веськыд кок йылас йӧктыштӧ, шуйга кинас ӧвтыштӧ, сьылӧ да сералӧ Менгк-пошихысь неуна лӧньджыка, но весиг сылӧн артмӧ Ими-Хитыысь гораджыка, кор бабыс тешкодьторъяс висьтавлӧ да Ими-Хиты сералӧ. Йӧктыштіс-чеччалыштіс тадзи да орчча керкаӧ саяліс.

Ими-Хиты ур моз чеччыштіс керка вевт вывсьыс, орчча керка вылас кавшасис. Бара кывзысьӧ. Кодкӧ сэні юалӧ зонкалысь:

— Кутшӧм могӧн пырин, нукӧ? Тыдалӧ, ыджыд могӧн, ыстісны кӧ?

Нукыс чӧв олӧ, сӧмын кылӧ, кыдзи кокъяснас зымӧдӧ да ки-ки воча кучкалӧ. Йӧктыштіс тадзи, чеччалыштіс, бӧр ывла вылӧ чепӧсйис да асланыс керкаӧ котӧртіс. А Ими-Хиты водзӧ кывзысьӧ. Сійӧ жӧ гӧлӧсыс шуӧ:

— И мыйла миян, вӧрса пӧльяслӧн, татшӧм нукъяс быдмӧны — вильшасьысьӧсь да тӧлктӧмӧсь? Кор на вежӧрсяласны! Ковмас аслым ветлыны.

Кыліс тайӧс Ими-Хиты, ӧдва вевъяліс керка вевт вывсьыс лэччыны да орчча вылас кавшасьны. Тайӧ здукас аслас керкаысь петіс старик. Синкымъясыс быттьӧ еджыд яла, юрсиыс быттьӧ вижӧдӧм коръя бадь кустъяс. Аслас керкаысь петіс, сійӧ керкаас, кӧні олӧ Менгк-поших, пырис. Кылӧ Ими-Хиты, кыдзи старикыс шуӧ:

А Менгк-поших ничего не отвечает, только стонет. Мать его плачет, у деда спрашивает:

— Что же с ним такое? Бедное моё дитя никому зла не сделало, кто-то зло сделал! Помоги скорей, дедушка, твой ведь это внук!

— Я ему помочь не могу,— отвечал дедушка.— Пусть тот поможет, кому наш мальчишка досадил,— человечий парень, по имени Ими-Хиты.

— А где его возьмёшь, этого Ими-Хиты? — плачет мать.

Дедушка отвечает:

— Да ведь недалеко ходить! Ими-Хиты на крыше сидит. Что мы говорим, в дымовое отверстие слушает.

— Побегу позову! — мать крикнула.

— Нет, не годится,— сказал дедушка. — Ты позовёшь — Ими-Хиты не пойдёт, я позову — не пойдёт, Менгк-пошиха и посылать не стоит — он ничего сказать не сможет. А посылать надо старшую его сестру. Кто такой красавице откажет?

Тут вышла из дома девушка. Глянул на неё Ими-Хиты, чуть с крыши не свалился. Брови у девушки, как летящая птица, косы, как поющая птица, поведёт головой — слышен звон серебра и золота.

Поглядела красавица вверх, увидела Ими-Хиты, усмехнулась, слова не сказала, в дом назад пошла.

У Ими-Хиты сердце оборвалось, за красавицей покатилось. За своим сердцем и сам Ими-Хиты спрыгнул, в дом побежал. Там схватил из кузовка кончик языка Менгк-пошиха, на место приставил. Мигом сросся язык.

— Но мый, Менгк-поших, ворссис, нукӧ?

А Менгк-поших нем оз вочавидз, сӧмын ымзӧ.

Мамыс синва чышкалӧмӧн юалӧ пӧльыслысь:

— Мый нӧ тайӧ лоӧма сыкӧд? Коньӧр дитяӧй менам некодлы лёк эз вӧчлы. Кодкӧ тай сылы лёк вӧчӧма. Отсав регыдджык, пӧльӧ, тэнад нукыс!

— Ме сылы отсавны ог вермы,— вочавидзӧ пӧльыс.— Мед сійӧ отсалӧ, кодлы миян зонканым дӧсадитчис,— морт рӧдысь зон, Ими-Хиты нима.

— А кытысь сійӧс босьтан, Ими-Хитысӧ? — бӧрдӧ мамыс.

Пӧльыс вочавидзӧ:

— Да ӧд ылӧ мунны оз ков! Ими-Хиты керка вевт вылад пукалӧ. Мый ми сёрнитам, тшын петан розь пыр кывзӧ.

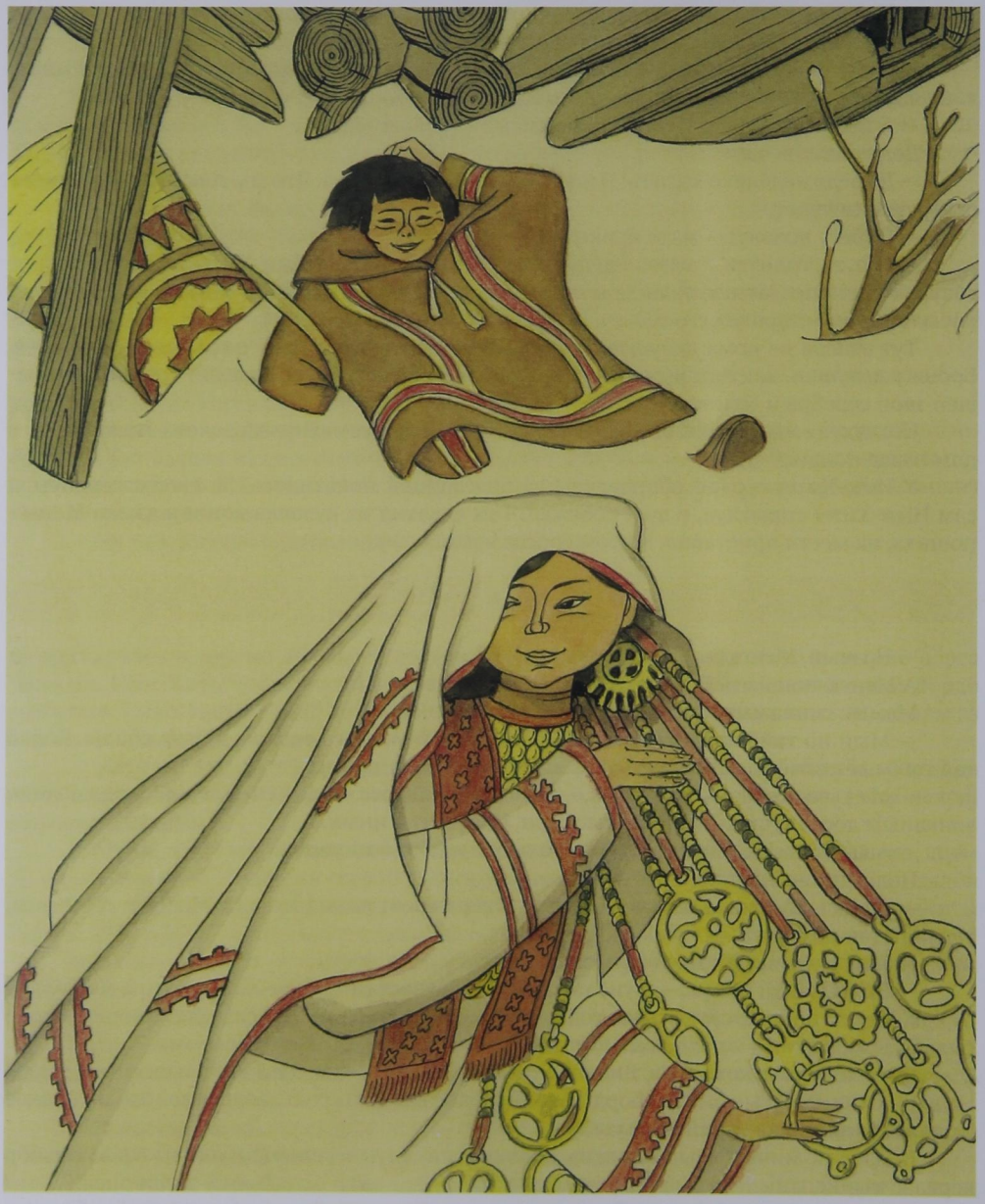
— Котӧртла, чукӧста! — мамыс горӧдіс.

— Энлы, тадзи оз туй,— шуис пӧльыс.— Тэ чукӧстан — Ими-Хиты оз лок, ме кора — оз лок. Менгк-пошихӧс и ыстыны тӧлкыс абу — сійӧ шуны нем оз сяммы. А ыстыны колӧ сылысь ыджыдджык чойсӧ. Коді нӧ татшӧм мича нывлы ӧткажитны вермас?

Сэки керкаысь петіс ныв. Видзӧдліс сы вылӧ Ими-Хиты, ӧдва вевт вывсяньыс эз усь. Нывлӧн синкымъясыс быттьӧ бордйыв лэбач, кӧсаясыс быттьӧ дзользьысь лэбач, нуӧдас юрнас — зарниӧн да эзысьӧн шыалӧны.

Видзӧдліс мича нылыд вывлань, аддзис Ими-Хитыӧс, шпыньмунліс, кыв эз шу, бӧр керкаас пырис.

Ими-Хитылӧн сьӧлӧмыс вӧрзис, мича ныв бӧрся вӧзйысьӧ. Аслас сьӧлӧм бӧрся и ачыс Ими-Хиты чеччыштіс, керкаас котӧрӧн пырис. Пырӧмӧн тшӧтш кватитіс кузов пыдӧсысь Менгк-пошихлысь кыв помсӧ, кытчӧ колӧ ладмӧдіс. Здукӧн бурдіс кывйыс.

Менгк-поших заплясал, засмеялся, только открыл рот, чтобы закричать погромче, да посмотрел на Ими-Хиты и сказал тихонько:

— Вижу, вижу, этот мой товарищ дорогое принёс, с дорогим и уйдёт.

Все на Ими-Хиты посмотрели, а он глаз с красавицы не сводит. Тогда все на красавицу посмотрели — она глаз с Ими-Хиты не сводит. Сказал тут старик:

— Э, давно, видно, надо было Менгк-пошиху язык укоротить, может, давно бы поумнел. Правду мой внучек сказал — само дело сладилось, не нам его разлаживать. Ну как, Ими-Хиты, верно мы с внуком угадали, ответь.

А Ими-Хиты не отвечает, к девушке подошёл, с ней заговорил:

— Пойдёшь за меня замуж?

— Пойду,— девушка сказала.

Что ж теперь долго рассказывать — на другой же день свадебный пир устроили. После пира Ими-Хиты с молодой женой в обратный путь собрался, к бабушке своей.

Немного ещё отошли, выскочил из дома Менгк-поших, стал им вслед свой язык показывать, стал смеяться, громким криком кричать. Закачались деревья, и Ими-Хиты покачнулся, а всё же удержался на ногах. Теперь настоящим мужчиной он стал, женатым охотником! Разве поддастся на озорство лесного мальчишки?

Бабушка Ими-Хиты с радостью встретила внука и невестку. Так внуку сказала:

— И с твоим отцом такое было. Пошёл однажды на охоту, зверя не притащил, шкурок не принёс, зато жену за руку привёл, ту, что твоей матерью стала. Ну, входите в дом!

13

Менгк-поших босьтчис йӧктыны да серавны, сӧмын восьтіс вомсӧ, медым ёнджыка горӧдны, но видзӧдліс Ими-Хиты вылӧ да лӧня шуис:

— Тӧда, тӧда, менам ёртӧй донаторйӧн локтіс, донаторйӧн и мунас.

Ставӧн Ими-Хитылань видзӧдлісны, а сійӧ мича ныв вылысь синсӧ оз вештыв. Сэки мича ныв вылӧ видзӧдлісны — сійӧ Ими-Хиты вылысь син вештыны оз вермы.

И шуис старикыс:

— Э, тыдалӧ, важӧн нин коліс Менгк-пошихлысь кывсӧ дженьдӧдлыны, гашкӧ, эськӧ водзджык вежӧрсяліс. Збыль шуис менам нукӧй — делаыс ачыс ладмис, оз нин и ков лад корсьны да гӧрӧд разьны. Но мый, Ими-Хиты, стӧча ми нуккӧд тӧдім? Вочавидз!

А Ими-Хиты чӧла матыстчис ныв дорӧ да сылы шыасис:

— Мунан ме сайӧ верӧс сайӧ?

— Муна,— вочавидзис нылыд.

Мый сэсся водзӧ дыр баитны — мӧд луннас жӧ и кӧлысь ворсісны да пируйтісны. Пир бӧрын Ими-Хиты том гӧтырыскӧд бӧр туйӧ лӧсьӧдчис, бабыс дорӧ.

Эз на ылӧдз мунны, керкасьыс котӧрӧн петіс Менгк-поших, босьтчис налы кывсӧ мыччӧдлыны, гылыда серавны да горасьыс-гораа горзыны. Пуясыс пондісны катласьны, Ими-Хиты тшӧтш катовтчыліс, но век жӧ кутчысис кок йылас. Ӧні сійӧ прамӧй мужичӧйӧн лоис, гӧтыра мортӧн! Сетчас мӧй вӧрса зонлы асьсӧ вильшӧдлыны?

Ими-Хитылӧн бабыс радпырысь вочаалiс нуксӧ да ичмоньӧс. Нукыслы шуис:

— И батьыдкӧд тадзи вӧлі. Муніс ӧтчыд вӧравны, кыйдӧс эз вай, куясӧн эз ошйысь, а том гӧтырӧс вайӧдіс, сійӧс, коді сэсся тэнад мамӧн лои. Но, пырӧй нин, пырӧй керкаас!

МАЛЬЧИК ИДЭ

Хантыйская сказка

ЖИЛ-БЫЛ мальчик Идэ. Рано остался он круглым сиротой. Отец его, охотник, ушёл однажды в тайгу на промысел и не вернулся. А вскоре умерла и мать. Взяла мальчика к себе старая бабушка.

Любила бабушка внука, и Идэ тоже любил бабушку. Целый день за ней по пятам: бабушка к речке — и Идэ за ней, бабушка в лес — и Идэ с нею. А один никуда от избушки не отходил: боялся.

— Стыдно таким трусом быть,— говорила ему бабушка.— Вед уже большой мальчик, а всего боишься.

Молчит Идэ. А бабушка думает:

«Как бы его храбрым вырастить? Другие в его годы и за рыбой, и за птицей в лес одни ходят, а мой Идэ — ни шагу без бабушки».

В тот год в тайге много кедровых орехов уродилось. Вот бабушка как-то и говорит:

— Пойдём, Идэ, орехи собирать.

— Пойдём, бабушка.

А в лес надо было ехать по реке.

Собрала бабушка берестяные корзинки и села в челнок. Идэ рядом с ней пристроился... Оттолкнулись веслом от берега и поехали. День выдался ясный, тёплый.

Проехали бабушка с Идэ две песчаные косы, проехали и третью. К четвёртой косе причалили.

ИДЭ ЗОН

Хант мойд

ОЛІС-ВЫЛІС Идэ зон. Водза-водз сійӧ ай-мамтӧг коли. Айыс вӧралысь вӧлі, ӧтчыд муніс пармаӧ прӧмышляйтны да бӧрсӧ эз лок. А регыд и мамыс кувсис. Босьтіс зонмӧс ас дорас пӧрысь бабыс.

Бабыс нуксӧ радейтіс, Идэ радейтіс жӧ бабсӧ. Лунтыр сы бӧрся и котраліс: бабыс ю дорӧ — Идэ оз кольччы, бабыс вӧрӧ — и Идэ сыкӧд. А ӧтнасӧн керкаысь ылӧ некытчӧ эз вешйыв: поліс.

— Яндзим колӧ тӧдны татшӧм полысьӧн лоны,— шуліс сылы бабыс.— Тэ ыджыд нин, а быдторйысь полан.

Чӧв ланьтас Идэ. А бабыс мӧвпалӧ:

«Кыдзи эськӧ сійӧс повтӧмӧн быдтыны? Мукӧдыс сы арлыдӧн и чериасьны, и вӧрӧ пӧтка кыйны ветлӧны, а менам Идэ — бабтӧгыс воськов оз вӧч».

Сійӧ вонас пармаын сус колльыд уна артмис. Бабыс кыдзкӧ и шуӧ:

— Ветлам, Идэ, ӧрешки чукӧртыштам.

— Ветлам, бабӧ.

А сійӧ ягас колӧ вӧлі ю кузя мунны.

Босьтіс бабыс сюмӧд кӧрзинаяс, пуксис пыжӧ. Идэ сыкӧд орччӧн ладмӧдчис...

Йӧткыштчисны пелысӧн берег дорсьыд дай мӧдісны.

Вытащили челнок на берег, сами на горку поднялись, в тайгу вошли. Стали бабушка и Идэ орехи собирать.

Высокие кедры прячут в ветвях зрелые шишки. Бабушка ударит по сучку колотушкой — шишки сами на землю и падают.

Носят бабушка с внуком полные корзинки шишек в челнок. Так много орехов набрали, что на всю зиму хватит. Можно бы и домой ехать. А бабушка села на пень и думает: «Надо, чтобы внучек мой храбрым вырос. Испытаю я сегодня его, оставлю на ночь в лесу. Медведи и волки здесь не водятся, а остальные звери не страшны». Подумав так, говорит бабушка внуку:

— Ой, Идэ, забыла я на горке ещё одну полную корзинку. Сбегай, внучек, принеси.

Побежал Идэ на горку. А бабушка села в челнок, оттолкнулась от берега — и поплыла.

Глядит Идэ с горы — уплывает бабушка. Всё дальше и дальше уносит её река.

Закричал Идэ с горы, заплакал:

— Бабушка! Бабушка! Что же ты меня одного оставила?

А бабушка с лодки отвечает:

— Побудь здесь ночку, внучек, а я утром приеду за тобой.

Так и уплыла. Идэ один на берегу остался.

«Что же теперь со мной будет? — думает он.— Пропаду я тут один, конец мне пришёл».

А солнышко тем временем уж низко за тайгу опустилось: вечереет, скоро ночь наступит.

Стал Идэ над рекой от дерева к дереву бродить — ищет, где бы на ночлег устроиться. В большом старом кедре увидел он глубокое дупло. Залез туда, свернулся клубочком и лежит тихонько. Сам ни жив ни мёртв от страха.

Луныс пуксис ясыд, шоныд.

Пановтісны бабыс да Идэ кык лыа сюр, орддьӧдісны и коймӧдӧс. Нёльӧд дорӧ сибӧдчисны.

Лэптісны пыжсӧ кос берегӧ, асьныс чой йылӧ кайисны, ягӧ пырисны.

Босьтчисны бабыс да Идэ сус коль чукӧртны.

Джуджыд сус пуяс бура воӧм кольяссӧ лапъяс пиас дзебӧны. Бабыс Идэлӧн нӧшкӧн кучкас — кольясыд асьныс и гылалӧны.

Новлӧны баба-нука коль тыра кӧрзинаяс пыжаныс. Сэтшӧм уна орешки чукӧртісны, мый тӧвбыд тырмас. Позьӧ и гортланьмӧдӧдчыны. А бабыс пуксис мыр вылӧ да мӧвпалӧ: «Колӧ, мед менам нук повтӧмӧн быдмис. Тӧдмала талун сійӧс, вой кежлас ягӧ кольла. Ош ни кӧин тані оз ветлыны, а мукӧд зверысь повны нинӧмла». Мӧвпыштіс тадзи, и шуӧ нукыслы:

— Ой, Идэ, чой йылас тай менам нӧшта ӧти кӧрзина вунӧма. Котӧртлы жӧ, нукӧ, вай сійӧс татчӧ.

Котӧртіс Идэ чой йылӧ. А бабыс пуксис пыжӧ, йӧткыштчис берег дорысь — и кывтӧ.

Горзӧ Идэ чой йылад, бӧрдны пондіс:

— Бабӧ! Бабӧ! Мыйла нӧ тэ менӧ колин?

А бабыс пыжсянь вочавидзӧ:

— Овлы тані ӧти вой, асывнас ме тэла локта.

Сідзи и кывтіс. Идэ ӧтнас берег дорӧ коли.

«Мый нӧ ӧні мекӧд лоӧ? — думайтӧ сійӧ.— Воша тані ӧтнамӧн, тыдалӧ, пом меным воис».

А шондіыс сы коста улӧдз нин лэччис, вӧр сайӧ дзебсясьӧ: рыт воис, регыд вой пуксяс.

Босьтчис Идэ ю пӧлӧн пуысь пуӧ ветлыны — корсьны, кытчӧ эськӧ узьмӧдчыны позяс. Аддзӧ — дзор, ыджыд сус пуын джуджыд горс артмӧма. Кавшасис, куткыртчис калачӧн дай ланьтӧдчис сэтчӧ. Полӧм пондаыс кулӧма нисьӧ ловъя.

Потемнела тайга, нахмурилась. Ветер поднялся, дождь пошёл. Падают шишки на землю, стучат по стволу. Совсем испугался Идэ. Спрятался он ещё глубже в дупло, дрожит, боится, как бы звери не пришли. А его никто и не думает есть. Только кедры шумят под дождём. Как ни трусил Идэ, всё-таки понемножку засыпать начал. Всю ночь и провёл в дупле.

Утром просыпается — смотрит: светло, небо ясное, день жаркий, солнечный. Шумят над ним свежие зелёные ветки, а птицы так и заливаются.

«Жив ли я?» — думает Идэ со страхом.

Стал он сам себя ощупывать; правую руку протянул — тут рука, левую протянул — и левая тут. Голова на месте и ноги целы. Никто не съел.

Вылез Идэ из дупла. Смотрит — кругом на земле шишек видимо-невидимо. Ночью насыпались. Вот хорошо-то!

Стал он шишки в кучу собирать.

Большую кучу набрал. Глянул на реку, а у берега на песке знакомый челнок лежит, и бабушка, кряхтя, в гору поднимается. Закричал Идэ бабушке издалека:

— Ты что же меня вчера одного оставила?

А бабушка и отвечает:

— Это я нарочно, Идэ. Я хочу, чтобы ты храбрым вырос. Ты — человек, а человек над всем на свете хозяин. А разве ты не хочешь храбрым быть?

— Хочу,— тихонько говорит Идэ.

Помирились Идэ с бабушкой. Пошли вместе орехи собирать. Опять целый челнок шишек набрали. Домой поехали.

С тех пор перестал Идэ всего бояться. И в лес, и на реку — всюду ходит. Нигде ему не страшно.

17

Дзикӧдз пемдіс ягыс, зумышмис. Тӧв ныр лыбӧдчис, зэрны пондіс. Усялӧны кольяс муӧ, пучерйӧ кучкалӧны. Дзикӧдз гажтӧммис Идэ. Нӧшта пыдӧджык горсъяд сайӧдчис, тіралӧ, полӧ, мед эськӧ вӧрса зверъяс эз локны. А сійӧс некоді оз и чайт сёйны. Сӧмын сус пуяс зэр улас шувгӧны. Кыдзи эз тірав Идэ, век жӧ ньӧжйӧникӧн унмыс личкыны пондіс. Сідзи войбыд и оліс горсъяд.

Асывнас садьмис да аддзӧ: югыд, енэжыс сӧстӧм, луныс мича, шондіӧн дзирдалӧ. Сы весьтын веж лапъяс шыалӧны, а лэбачыс гӧгӧр сідзи и дзользьӧ.

«Ловъя-ӧ ме?» — полӧмпырысь майшасьӧ Идэ.

Пондіс ачыс асьсӧ видлавны: веськыд кисӧ водзлань чургӧдіс — со тай сійӧ, шуйгасӧ чургӧдіс — и шуйгаыс тані. Юрыс пельпом вылас, кокъясыс дзоньӧсь. Некоді абу и вильӧдӧма.

Петіс Идэ горсйысь. Аддзӧ — му вылас гӧгӧр коль, лыд ни тшӧт абу. Войбыднас та мыйта гылалӧма. Со ӧд кутшӧм бур!

Босьтчис кольястӧ ӧтилаӧ чукӧртны.

Ыджыд чукӧр лои. Видзӧдліс юлань, а берег дор лыа вылас тӧдса пыж лэптӧма, и бабыс кашкигтыр чой паныд кайӧ. Горӧдіс Идэ бабыслы:

— Тэ нӧ мыйла менӧ ӧтнамӧс колин?

А бабыс и вочавидзӧ:

— Ме тадзисӧ наросьнӧ вӧчи, Идэ. Кӧсъя, медым повтӧмӧн быдмин. Тэ — морт, а мортыд став вӧр-ва вылас кӧзяин. Тэ мӧй он кӧсйы лоны повтӧмнас?

— Кӧсъя,— лӧня вочавидзӧ Идэ.

Бурасисны Идэ да бабыс. Ӧтвыв мунісны ӧрешки чукӧртны. Бара пыж тыр коль чукӧрмис. Гортӧ мӧдісны.

Сійӧ лунсяньыс дугдіс Идэ быдторйысь повны. И вӧрӧ, и ю вылӧ — быдлаӧ ӧтнас мунӧ. Некӧні полӧм оз тӧд.

СКАЗАНИЕ ПРО БОГАТЫРЯ ВИЩ-ОТЫРА

Мансийская сказка

В ВЕРХОВЬЯХ Онку-ях-реки, что в многоводную, многорыбную Обь впадает, семеро братьев живут, восьмая сестра. Братья, как горные скалы, как утёсы речные, крепки. Сестра, как весенний цветок, нежна. Месяц такой красавицы не видал, солнце такой красавицы не видало. Длинные её косы медными птичками-подвесками украшены. Повернёт она голову, подвески звенят, будто птички поют.

Однажды младший брат поиграть вздумал. Взял лук, пустил стрелу, одну птичку-подвеску сбил. Девушка ничего не заметила, да братья смеяться над ней начали. Тогда она рассердилась, вырвала лук у младшего брата, да так натянула тетиву, что лук пополам сломался. Старший брат вступился за младшего, тоже пустил стрелу, сразу семь птичек сбил.

Тут сказала девушка:

— За то, что вы моих медных птичек сбили, не будет вам удачи в охоте на птиц. А я с вами больше жить не хочу. Обидели меня — в лес от вас уйду!

Братья тоже обиделись.

— Ну и уходи от нас! — крикнули.

Ушла сестра. Братья за ней не побежали, не стали искать. Думали: походит по лесу, походит и назад вернётся. А она не вернулась. Что с ней случилось, потом узнаем.

БАГАТЫР ВИЩ-ОТЫР

Манси мойд

ОНКУ-ЯХ-Ю ЙЫЛЫН, коді уна ваа да уна черия Об юӧ усьӧ, олісны сизим вок, кӧкъямысӧдыс налӧн вӧлі чой. Вокъяс найӧ быттьӧ из мылькъяс ыджыдӧсь, юдор кӧдж кодь ёнӧсь. Чойныс тувсов дзоридз кодь мелі. Тӧлысьыс татшӧм мичасӧ эз на аддзыв, шондіыс татшӧм мелісӧ эз на тӧдлы. Кузь кӧсаяссӧ лэбач мыгӧра ыргӧн сырйӧн мичмӧдӧма. Бергӧдас юрнас, сыръясыс шыалӧны, быттьӧ енкайяс сильгӧны.

Медся ичӧт вокыслы ӧтчыд ворсыштны окота лои. Босьтіс киас ньӧввуж, лэдзис ньӧв, ӧти лэбач сыр уськӧдіс. Нывка эськӧ немтор эз и казяв, да вокъясыс сы вылын серавны пондісны. Дӧзмис нывка, кватитіс ньӧввужсӧ медся ичӧт вокыслӧн киысь да зэлӧдіс сӧнсӧ сідзи, мый вужйыс шӧрипӧв чеги. Медся ыджыд вокыс сувтіс медся ичӧт дорыс, ассьыс ньӧв лэдзис, ӧтчыдысь сизим лэбачӧс уськӧдіс.

Сэки чойыс шуис:

— Сы понда, мый ті менсьым ыргӧн лэбачьясӧс уськӧдінныд, лэбач кыйӧмын удачаныд оз ло. А ме водзӧ тіянкӧд овны ог кӧсйы. Ӧбидитінныд менӧ — тіян дінысь вӧрӧ муна!

Вокъясыс тшӧтш ӧбидитчисны.

— Но и мун кытчӧ кӧсъян! — горӧдісны.

Муніс чойныс. Вокъяс эз кутны, корсьны эз пондыны. Чайтісны: ветлас вӧрад, олыштас сэні да бӧр воас. А сійӧ эз лок. Мый водзӧ сыкӧд лои, бӧрти тӧдмалам.

* * *

В смородиновом городке, на берегу многоводной, многорыбной Оби, Вищ-Отыр, молодой богатырь, жил. Однажды утром вышел он из дому, голову поднял, на ясное небо посмотрел. Видит: летит стая чернетей — уток-нырков, а с ними чёрный ворон Острый Клюв. Вищ-Отыр на землю кусок мяса бросил. Чернети мимо пролетели, чёрный ворон вниз спустился, мясо склевал. Потом сделал круг над головой Вищ-Отыра и сказал:

— Вищ-Отыр, славный богатырь, до какой поры ты здесь один гулять будешь? Послушай, что я тебе поведаю. В верховьях Онку-ях-реки семь братьев живут. С ними, восьмою, сестра жила. Такой красавицы солнце не видало, месяц не видал. Обидели её братья, посмеялись над ней, медные птички-подвески с кос сбили. Ушла она от них в лес, а там её лесной дух, трёхсаженный Менкв-Ойка, схватил, к себе в городок унёс. Вот бы тебе её у менква отнять, самому на ней жениться!

Сказал так ворон Острый Клюв и дальше полетел.

А Вищ-Отыр загрустил, задумался. Домой не заходя, к старшему брату отправился.

Пришёл к старшему брату, тяжёлую дверь, из стволов лиственницы слаженную, распахнул, через порог переступил. Давно братья не виделись, поздоровались, сели, разговор завели. Вищ-Отыр рассказывает:

— Есть на свете красавица, семи братьев сестра. Такой красавицы солнце не видало, месяц не видал. Обидели её братья, она в лес от них ушла, а там её Менкв-Ойка схватил, к себе в городок унёс. Вот на той красавице хочу я жениться. Что, старший брат, скажешь?

Старший брат не отвечает. Сидит, молчит, голову опустил. Пока молчал, три раза рыба в котле свариться могла бы. Наконец голову поднял, на младшего брата взглянул, сказал:

* * *

Сэтӧра карын, уна ваа, уна чериа Об ю берег вылын, оліс том багатыр Вищ-Отыр. Ӧти асылӧ петіс сійӧ керкасьыс, юрсӧ чатӧртіс, югыд енэжӧ видзӧдлассӧ чӧвтіс. Аддзӧ, лэбӧ сьӧд чӧж кельӧб — сунач-уткаяс, а наköд кырныш, Ёсь Ныр. Вищ-Отыр муӧ яй тор чӧвтіс. Суначьяс водзӧ лэбисны, а кырныш муӧ лэччис, яйтӧ кокаліс. Сэсся Вищ-Отыр юр весьтӧд кытш вӧчис да шуис:

— Вищ-Отыр, удал багатыр, дыр-ӧ нӧ тэ тані ӧтнад овны пондан? Кывзы, мый ме висьтала. Онку-ях-ю йылын сизим вок олӧны. Налӧн кокъямысӧдыс чой вӧлі. Сэтшӧм мичасӧ шондіыс эз на тӧдлы ни тӧлысьыс эз на аддзыв. Ӧбидитісны сійӧс вокъясыс, сералісны сы вылын, кӧсаас кыӧм ыргӧн лэбач-сыръяссӧ уськӧдісны. Муніс на дінысь вӧрӧ, а сэні сійӧс вӧрса лов, куим сывъя Менкв-Ойка кватитіс, вӧрса кар мылькъяс нуис. Вот эськӧ тэныд кӧ сійӧс Менквлысь мырддьыны, аслыд сы вылӧ гӧтрасьны!

Шуис тадзи кырныш Ёсь Ныр и водзӧ лэбис.

А Вищ-Отыр гажтӧммис, думӧ уси. Гортас пыравтӧг ыджыд вок дорас мӧдӧдчис.

Воис ыджыд вок дорас, ниа керъясысь лӧсалӧм сьӧкыд ӧдзӧс восьтіс, джуджыд порог вомӧн воськовтіс. Важӧн вокъяс эз аддзысьлыны, чолӧмасисны, пуксисны, сёрниӧ воисны. Вищ-Отыр висьталіс:

— Эм кӧнкӧ тайӧ му вылас мича ныв, сизим воклӧн чой. Сэтшӧм мичасӧ пӧ шондіыс абу на тӧдлӧма, тӧлысьыс абу аддзылӧма. Ӧбидитӧмаӧсь сійӧс вокъясыс, вӧрӧ кайӧма, а сэні сійӧс Менкв-Ойка кватитӧма, аслас кар мылькйӧ нуӧма. Вот сійӧ мича ныв вылас гӧтрасьны кӧсъя. Мый шуан, ыджыд вокӧ?

Ыджыд вокыс эз вочавидз. Пукалӧ, чӧв олӧ, юрсӧ улӧ лэдзӧма. Пока тадзи чӧв оліс, эськӧ юква куим пӧрйӧ пусис. Бӧръявыв юрсӧ кыпӧдіс, ичӧт вок вылас видзӧдліс да шуис:

— Да ты знаешь ли, каков Менкв-Ойка, лесной дух? Страшен он. Ростом в три сажени, в обхват — три сажени. Кости его крепче железа, мышцы твёрже камня. В городке его менквов столько, сколько муравьёв на муравьище в жаркий день. Птица городок его из конца в конец пролететь не может, от усталости падает. Если человек посмотрит — края городка не увидит, взор на середине оборвётся. Не ходи туда, головы не унесёшь!

— Милый брат,— просит Вищ-Отыр,— а как же девушку без защиты у злого менква оставить?

Старший брат отвечает:

— Была у неё защита — семеро братьев, как горные скалы, как речные утёсы. Сама от них ушла, сама виновата!

Вищ-Отыр рассердился, с места вскочил. Половицы под его ногами, как рыбьи рёбра, прогнулись. Бросился к выходу, на пороге обернулся:

— Не человек ты — брус точильный! Ножи бы об тебя точить — вот как хорошо было бы! Камень ты!

Из дому выбежал, дверью хлопнул. Не будь она ладными руками сделана, в щепки бы разлетелись лиственничные брёвна.

Вернулся Вищ-Отыр в свой городок, места себе не находит. Поставил варить оленью голову. Олень заколот в безлистное, осеннее время, когда звери жиреют. А сварилась голова, Вищ-Отыр куска проглотить не может.

— Не захотел брат помочь, один пойду! — сказал себе.

Пошёл на берег реки, стал спускать на воду семисаженную длинную лодку. Только успел в неё сесть, прибежала на берег Вищ-Отырева сестра, схватилась за распорку на корме лодки.

— Да тӧдан-ӧ тэ, кутшӧм сійӧ Менкв-Ойкаыс, вӧрса лолыс? Страк сы вылӧ видзӧдлыны. Тушаыс куим сыв, и сывйыштны — куим сыв. Лыясыс кӧртысь чорыдджыкӧсь, сӧнъясыс изйысь крепыдджыкӧсь. Сылӧн кар мылькйын менквыс сы мында, мыйта шондіа лунӧ кодзувкоткарын кодзувкотыс абу. Лэбач сылысь кар мыльксӧ помсянь помӧдз вуджны оз вермы, мудзысла усьӧ. Морт кӧ видзӧдлас — кар мыльк помсӧ оз аддзы, видзӧдласыс шӧрас орӧ. Эн мун сэтчӧ, сӧмын юртӧ вошtан!

— Муса вокӧ,— корӧ Вищ-Отыр,— а нывсӧ пеж менквысь дорйытӧг кыдзи нӧ ме коля?

Ыджыд вокыс вочавидзӧ:

— Вӧлі сылӧн дорйӧгыс — сизим вок, гӧра изъяс кодьӧсь, юдор крежъяс кодьӧсь. Ачыс на дорысь муніс, ачыс и мыжа.

Вищ-Отыр скӧрмис, места вывсьыс чепӧсйис. Джодж плакаясыс сы кок улын чери лы моз нюгыльтчылісны. Уськӧдчис петан ӧдзӧслань, порог дорас бергӧдчыліс.

— Абу морт тэ — нитшсялӧм зуд! Пуртъяс тэ вылын лэчтыны колӧ — эськӧ кӧть пӧльза вӧлі! Из сьӧлӧма тэ!

Котӧрӧн петіс керкасьыс, ӧдзӧснас крапкис. Эз кӧ вӧв сійӧс кужысь киӧн вӧчӧма, эськӧ чагйӧ пӧрины ниа керъясыд.

Воис Вищ-Отыр аслас оланінӧ, места оз аддзы. Кӧр юр пуны босьтчис. Тайӧ кӧрсӧ арнас кыйліс, бура тшӧгӧм кӧр. Юр пусис, а Вищ-Отырлы вомас кусӧк оз пыр.

— Вок эз кӧсйысь отсавны, ӧтнам муна! — шуис аслыс.

Муніс ю дорӧ, босьтчис сизим сывъя пыжсӧ ваӧ лэдзны. Лэдзис да сӧмын на пуксис пыжас, котӧрӧн воис Вищ-Отырлӧн чойыс, кватитчис пыж мегырас.

— Милый братец,— кричит,— не езди! Куда ты один пойдёшь? В дальнем месте убьют тебя, в далёкой стороне погубят тебя! Дома останься!

Вищ-Отыр ничего ей не ответил. Ударил громко звенящим железным веслом по воде, вырвалась лодка на середину реки, а распорка в руках сестры осталась.

Молодой богатырь сильно гребёт, так сильно, что буря поднялась, гром загремел. В ближних селениях люди от ветра на землю попадали, в дальних селениях вверх глядят, удивляются, откуда гром гремит, когда в небе ясно.

Три дня, три ночи Вищ-Отыр так грёб. На четвёртый день городок лесного духа показался. Богатырь к берегу пристал, из лодки вышел, подумал:

«Если так пойду, увидят меня менквы!»

Обернулся рогатым оленем, немного пробежал, опять думает:

«У менквов зоркие глаза. Если долго так бежать буду, узнают меня!»

Ястребом обернулся. Два круга в небе сделал, вперёд полетел.

Уже совсем близко Менкв-Ойки городок. Ястреб-Вищ-Отыр думает:

«И ястребом нехорошо! Если долго так лететь буду, догадаются менквы!» Короткохвостой ящерицей обернулся, меж травинок, меж листиков скользит. «Так, пожалуй, не разглядят меня!»

Добежал ящерицей до ограды. Высокая ограда у менквов. Палисады в небо упёрлись, вершинами за тёмные тучи задевают, нижними концами, верно, в подземный мир уходят. Нигде щёлочки не найти, внутрь ограды не пролезть. Вищ-Отыр-ящерица в трещинку бревна забился, сидит. Потом так сказал себе:

— Долго ли мне сидеть? Чего ждать?

— Муса вокӧ,— горзӧ,— эн мун! Кытчӧ нӧ тэ ӧтнадыд мунан? Ылі муад виасны тэнӧ, ӧтдоринад пӧгубитасны тэнӧ! Гортын ов!

Вищ-Отыр нинӧм сылы эз вочавидз. Вартіс ылӧдз шыалысь кӧрт пелысӧн ва веркӧсас, чепӧсйис пыжыс ю шӧрӧ, а пыж мегырыд чойыслӧн киӧ коли.

Том багатыр мый вынсьыс сынӧ, сэтшӧм вынысь, весиг бушков лыбис, гымавны пондіс. Матысса сиктъясын йӧзыс лэчыд тӧв нырысь му бердӧ усялісны, ылысса сиктъясын вывлань юр чатрӧдлӧны, чуймалӧны, кытысь гымыс уси, кор енэж вылас кымӧртор абу.

Куим лун, куим вой тадзи сыніс Вищ-Отыр. Нёльӧд лун вылас вӧрса ловлӧн кар мыльк петкӧдчис. Багатыр берег дорӧ сибӧдчис, пыжсьыс петіс, думыштіс:

«Тадзи кӧ муна, казяласны менквъясыд!»

Сюра кӧрӧ пӧртчис, неуна котӧртыштіс тадзи, бара думӧ уси:

«Менквъясыд сюсь синмаӧсь. Дырджык кӧ тадзи котӧрта, тӧдасны менӧ!»

Варышӧ пӧртчис. Кык кытш вӧчис, водзсьыс видзӧдліс. Дзик нин матын Менкв-Ойкалӧн кар мылькйыс. Варыш-Вищ-Отыр думайтӧ:

«Варышнад абу жӧ бур! Дырджык кӧ тадзи лэбавны мӧда, вежӧртасны менквъяс!»

Дженьыд бӧжа дзодзулӧ пӧртчис, турун пӧвстті, коръяс пӧвстті исковтӧ-уйӧ. «Тадзтӧ, пӧжалуй, оз казявны менӧ!»

Потшӧс дорӧдзыс воӧдчис дзодзулӧн. Потшӧсыс менквъяслӧн джуджыд. Майӧгъясыс енэжсӧ пыкӧны, йывъяснас пемыд кымӧръяссӧ крукавлӧны, а подъяснас, дерт жӧ, улыс мудорсӧ судзӧны. Ичӧтик кост весиг абу, медым потшӧс саяс тӧрӧдчыны. Вищ-Отыр-дзодзув кер потасӧ тӧрӧдчис, пукалӧ сідзи. Сэсся аслыс шуис:

— Дыр-ӧ тадзи пукавны мӧда? Мый виччыся?

Мӧдіс сійӧ корны Вылысса ловлысь:

Стал он просить Верхнего духа:

— Верхний дух, пошли жару на семь дней, на семь ночей!

Услышал Вищ-Отыра Верхний дух, наслал жару. Такую жару, что листья на деревьях привяли, трава пожелтела, земля потрескалась.

Менквы-старухи, менквы-старики в городке ямы повыкопали, забрались в них. Молодые менквы в реке плещутся.

Вищ-Отыр всё в трещине сидит — теперь знает, чего ждёт. Как задумал, так и стало. На третий день спустились к реке из городка десять женщин. Девять из них женщины-менквы, среди них старшая — Менкв-Ойки сестра. Худая, длинная, и имя у неё длинное. Зовут её: Сухая-Как-Под-Ветром-Качающаяся-Трава-Женщина.

А десятая... Не у менквов такая красота родилась! Глаза у неё, как две спелых смородины, щёки румяные, косы до колен, на концах кос птички сидят, песни поют. Вот она — красавица, вот о ком говорил чёрный ворон Острый Клюв!

Стали женщины купаться. Наплескались вволю, вышли из воды, одеваются. Вдруг красавица вскрикнула:

— Кэй! Какой-то зверёк мне в рубашку заполз!

А это Вищ-Отыр-ящерица заполз.

Схватила рубашку красавицы Сухая-Как-Под-Ветром-Качающаяся-Трава-Женщина, принялась трясти. А Вищ-Отыр уже иголкой обернулся, в рукав вкололся, крепко держится.

Оделись женщины, в городок уходят. Уже к воротам подошли.

Вищ-Отыр-иголка думает:

«Чего дальше ждать? Что задумал, то делать надо!»

— Вылысса лов, ысты сизим лун да сизим вой кежлӧ жар поводдя!

Кыліс Вылысса лов Вищ-Отырӧс, ыстіс жар поводдя. Сэтшӧм жар лои, мый пу вылын коръясыс нярмисны, турун вижӧдіс, муыс потласис.

Менкв-старукаяс да менкв-старикъяс кар мылькъяныс гуяс кодъялісны, сэтчӧ дзебсялісны. Томулов найӧ юын пулькӧдчӧны.

Вищ-Отыр пыр на потасын олӧ — ӧні сійӧ тӧдӧ, мый виччысьӧ. Кыдзи мӧвпыштіс, сідзи и лои. Коймӧд луннас лэччисны ю дорӧ дас нывбаба. Ӧкмысыс менкв-ань, на вылын ыджыдыс — Менкв-Ойка чой. Косіник, кузиник, и нимыс сылӧн сэтшӧм жӧ кузь. Шуӧны сійӧс: Кос-Быттьӧ-Тӧв-Ныр-Йылын-Катласьысь-Турун-Сі-Ань.

А дасӧдыс... Эз вермы менквъяс пӧвстын татшӧм мичаыс чужны! Синъясыс быттьӧ кисьмӧм сэтӧрлӧн кык тусь, бандзибъясыс шонді рӧмаӧсь, кӧсаясыс кокчӧрйӧдзыс, кӧса помъясас лэбачьяс пукалӧны, дзользьӧмӧн сьылӧны. Со тай сійӧ — мича ныльд, со код йылысь висьталіс кырныш Ёсь Ныр!

Мӧдісны найӧ купайтчыны. Пӧттӧдз пулькӧдчисны, петісны васьыс, пасьтасьӧны. Друг мича ныльд горӧдчис:

— Кей! Кутшӧмкӧ гаг менам дӧрӧмстанӧ пырӧма!

А тайӧ Вищ-Отыр-дзодзув вӧлі.

Кватитіс мича нывлысь дӧрӧмстансӧ Кос-Быттьӧ-Тӧв-Ныр-Йылын-Катласьысь-Турун-Сі-Ань, пондіс тай пыркӧдны. А Вищ-Отыр емӧ пӧртчыны удитіс, соскас пысасис, крепыда кутчысьӧ.

Пасьтасисны аньяс, кар мылькъяныс мӧдісны. Ворота дорас нин матыстчӧны.

Вищ-Отыр-ем думайтӧ: «Мый нӧ ме виччыся? Мый мӧвпышті, сійӧс вӧчны колӧ!»

Выскользнул из рукава, упал на землю, в медведя превратился. Сгрёб красавицу мохнатыми лапами и пустился бежать.

Долго ли, коротко ли бежал, добежал до своей лодки. Тут опять сделался Вищ-Отыром — богатырём, самим собой стал. Увидела его красавица, обрадовалась, улыбнулась ему.

Вищ-Отыр спрашивает:

— Куда лодку направлять? Хочешь — к братьям своим вернёшься, хочешь — со мной поедешь, моей женой будешь?

Красавица отвечает:

— Куда ты, туда и я. Ты меня от злого Менкв-Ойки спас, я тебе верной женой буду.

Приплыли они в городок Вищ-Отыра. На другой же день Вищ-Отыр укреплять городок стал. В семь рядов палисады поставил, изнутри к ним залавы пристроил, чтобы удобнее было сквозь палисады стрелы пускать. Ведь не у кого-нибудь, а у Менкв-Ойки невесту отнял! Не простит тот обиды.

Ни много ни мало живёт Вищ-Отыр с молодой женой, а только счастливо живёт. Году не прошло, родился у них сын-красавец, будущий богатырь.

Смастерил Вищ-Отыр для сына берестяную люльку, жена люльку у окошка повесила. Однажды качала она люльку и песню пела:

Качаю я своё дитятко
В берестяной люльке с обручевым ободом.
Качаю я своё дитятко
В берестяной люльке с корневым ободом.
Качаю я своё дитятко
Пятипалой ногой с пятью пальцами.
Руки твои — молодые деревца,
Ноги твои — молодые деревца...

Мездысис дӧрӧм соскысь, муӧ уськӧдчис, ошкӧ пӧртчис. Кватитіс мича нывтӧ гӧна лапаяснас да уськӧдчис котӧртны.

Дыр-ӧ, регыд-ӧ тадзи котӧртіс, воис аслас пыж дорӧ. Тані бӧр Вищ-Отырӧ пӧртчис — багатырӧ, ачыс аснас лои. Аддзис сійӧс мича нылыд, радлыны мӧдіс, нюмдіс сылы.

Вищ-Отыр юалӧ:

— Кытчӧ нырӧн пыжсӧ бергӧдны? Кӧсъян — вокъяс дорад бӧр мун, кӧсъян — мекӧд мунам, менам гӧтырӧн лоан?

Мича ныв вочавидзӧ:

— Кытчӧ тэ, сэтчӧ и ме. Тэ менӧ пеж Менкв-Ойкаысь мездін, ме тэныд шань гӧтырӧн лоа.

Воисны найӧ Вищ-Отырлӧн оланінӧ. Мӧд луннас жӧ Вищ-Отыр карсӧ выльысь потшны босьтчис. Сизим радӧн ёсьтӧм майӧгъяс муӧ сюйис, пытшкӧссяньыс дзиръя ӧшиньяс вӧчис, медым кивыджык вӧлі на пыр ньӧвъяс лэдзавны. Ӧд эз кодлыськӧ мӧдлысь, а Менкв-Ойкалысь невестасӧ пышйӧдіс! Оз вунӧд сійӧ татшӧм ӧбидатӧ.

Дыр-ӧ, регыд-ӧ олӧ Вищ-Отыр том гӧтырыскӧд, а шудаа олӧ. Во эз коль, чужис налӧн мусаник пи, быдмас да багатыр лоӧ.

Вӧчис Вищ-Отыр пиыслы вылӧ сюмӧд лайкан, гӧтырыс лайкансӧ ӧшинь водзас ӧшӧдіс.

Ӧтчыд лайкйӧдліс сійӧ лайкансӧ да сьыланкыв нюркйӧдліс:

Лайкйӧдла ме ассьым дитяӧс
Кытшыля асыка сюмӧд лайканын.
Лайкйӧдла ме ассьым дитяӧс
Вужля асыка сюмӧд лайканын.
Лайкйӧдла ме ассьым дитяӧс
Вит чуня кока вит чуня кокӧн.
Киясыд тэнад — томиник пуяс,
Кокъясыд тэнад — томиник пуяс...

Заплакал ребёнок, мать его перекладывает, а сама поёт:

Выну я тебя из берестяной люльки
С корневым ободом,
Подниму я тебя вверх
Пятипалой рукой с пятью пальцами,
Буду я похаживать по тесовому полу
С десятью тесинами...

Когда мать сына перекладывала, сухой тёплый мох в люльку клала, щепотка мха из колыбельки за окно упала. Летела мимо синичка, схватила мох и унесла.

* * *

А Менкв-Ойка целый год покоя не знает. Всё по своей красавице-невесте, маленькой женщине, тоскует. У всех спрашивает, не видел ли кто, не слышал ли, куда она подевалась. Спрашивал и у сестры своей:

— Ты в тот день с ней купаться ходила, расскажи, что знаешь.

Сухая-Как-Под-Ветром-Качающаяся-Трава-Женщина отвечает:

— В тот день мы уже от реки к воротам подходили, вдруг, будто из-под земли вырос, встал между нами медведь. Схватил маленькую женщину и унёс. Больше ничего не знаю.

Взревел Менкв-Ойка, к лесу бросился.

Три дня в лесу бушевал, деревья с корнем выворачивал, а к концу третьего дня стали падать на городок клочья медвежьей шерсти, когти медвежьи, зубы медвежьи.

Вернулся Менкв-Ойка страшнее бури, чернее тучи. Сестре так сказал:

— Бил я медведей, стариков лесных трепал, в клочья разрывал... Пленницы моей, маленькой женщины, нету у них! Скажи, что знаешь?

Бӧрддзис дитяыс, мамыс улыссӧ вежӧ, ачыс водзӧ сьылӧ:

Босьта ме тэнӧ сюмӧд лайканысь
Вужля асыкаысь,
Лэптыла вылӧ-вылӧ
Вит чуня киа вит чуня киӧй вылӧ.
Мӧда восьлавны тэкӧд дас плакаа дай
Топыд джодж кузя...

Кор мамыс дитялысь улыссӧ вежис да лайкан пыдӧсас шоныд руа кос нитш вольсаліс, нитш клӧк ӧшинь сайӧ уси. Лэбис орччӧн пыста, кватитіс нитш клӧктӧ вомас дай лэбӧдіс.

* * *

А Менкв-Ойка быдса во нин спокой оз аддзы. Пыр аслас невеста, ичӧтик да мичаник ань понда шогсьӧ. Быдӧнлысь юасьӧ, эз-ӧ аддзывны кодкӧ, кытчӧ сійӧ воштысис. Аслас чойлысь юаліс жӧ:

— Тэ сійӧ луннас сыкӧд купайтчыны ветлін, висьтав, мый тӧдан.

Кос-Быттьӧ-Тӧв-Ныр-Йылын-Катласьысь-Турун-Сі-Ань вочавидзис:

— Сійӧ луннас ми ворота дорӧ нин матыстчим, друг, быттьӧ му увсьыс петіс, сувтіс миян водзӧ ош. Кватитіс ичӧтик аньтӧ дай пышйӧдіс. Водзӧ нинӧм ог тӧд.

Равӧстіс Менкв-Ойка, яглань уськӧдчис.

Куим лун сэні буаліс, пуяссӧ вужнас нетшкис, а коймӧд лун помланьыс кар мылькӧ вылӧ мӧдісны гылавны ош ку клӧкъяс, ош гыжъяс да ош пиньяс.

Бӧр воис Менкв-Ойка: бушколысь скӧрджык, кымӧрысь сьӧдджык. Чойыслы тадзи шуис:

Затряслась от страха Сухая-Как-Под-Ветром-Качающаяся-Трава-Женщина:

— Милый мой брат, ничего больше не знаю. Ничего больше не видела, ничего больше не слышала.

Стал Менкв-Ойка всех пробегающих зверей, всех пролетающих птиц, всех проплывающих рыб спрашивать. Никто ничего не видел, никто ничего не слышал.

Загрустил трёхсаженный лесной дух, посреди городка скамью поставил, сел на неё и заплакал. Плачет-рыдает, ручьями слёзы текут.

Так целый год сидит.

Пролетал как-то над городком чёрный ворон Острый Клюв. Менкв-Ойка голову поднял, спросил:

— Над землёй ты повсюду летаешь, всё видишь. Пленницу мою, маленькую женщину, не встречал ли где?

Отвечает ворон:

— Знаю, где она, видел её. Только тебе, как ни проси, не скажу. Ты с охоты идёшь — меня от добычи отгоняешь, кусочка мяса не кинешь, капельки крови не дашь.

Улетел ворон. А Менкв-Ойка от злой досады ещё громче заплакал.

Тут пролетала над его головой синичка:

— Чип-чип, что я знаю! Что я знаю!

— Что ты знаешь? — крикнул ей Менкв-Ойка.

— Знаю, знаю, что в гнезде моим птенчикам тепло будет. У маленькой женщины, Вищ-Отыра богатыря жены, сын родился. Мать сыночку мохом люльку устлала. Когда ребёнка перекладывала, клочок тёплого моха за окно выпал. Я тот мох подобрала, в своё гнездо несу. Чип-чип!

— Нӧйті ме ошъясӧс, вӧрса старикъясӧс трепайті, тор-тор вылӧ орйӧдлі найӧс... Пленничаӧй менам, ичӧтик аньӧй, абу на ордын! Висьтав, мый тӧдан?

Полӧмысла тіравны пондіс Кос-Быттьӧ-Тӧв-Ныр-Йылын-Катласьысь-Турун-Сі-Ань.

— Муса вокӧй менам, нинӧм водзӧ ог тӧд. Нинӧм водзӧ эг аддзыв, нинӧм водзӧ эг кывлы.

Босьтчис Менкв-Ойка став котӧртысь зверыслысь, став лэбысь лэбачыслысь, став уйысь чериыслысь юасьны. Некод нинӧм абу аддзылӧма, некод нинӧм абу кывлӧма.

Шогӧ уси куим сывъя вӧрса лов, кар мыльк шӧрас лабич пуктіс, пуксис сы вылӧ да бӧрддзис. Лимзалӧ-бӧрдӧ, синваыс шорӧн киссьӧ.

Тадзи быдса во пукаліс.

Кыдзкӧ ӧтчыд кар мыльк весьтті кырныш Ёсь Ныр вӧлі лэбӧ. Менкв-Ойка юрсӧ кыпӧдіс да юалӧ:

— Тэ быдлаті лэбалан, ставсӧ аддзылан. Пленничаӧс менсьым, ичӧтик аньӧс, эн-ӧ кыськӧ паныдавлы?

Вочавидзӧ кырнышыд:

— Тӧда, кӧні сійӧ, аддзылі. Сӧмын тэныд, кӧть кыдзи кор, ог висьтав. Тэ вӧралаӧнінысь локтан — менӧ кыйдӧс дорсьыд вӧтлан, яй тор он убӧлит мыччыны, вир войт он сет.

Водзӧ лэбис кырныш. А Менкв-Ойка забеднӧысла нӧшта гораджыка бӧрддзис.

Тайӧ здукас сылӧн юр весьтті лэбис пыста.

— Чип-чип, мый ме тӧда! Мый ме тӧда!

— Мый тэ тӧдан? — горӧдіс сылы Менкв-Ойка.

— Тӧда, тӧда, мый менам пиянлы позъяс шоныд лоӧ. Ичӧтик аньлӧн, Вищ-Отыр

Трёхсаженный лесной дух разом плакать перестал. Вскочил, крикнул:

— Собирайтесь, менквы мои! Идём войной на Вищ-Отыра богатыря, что унёс мою пленницу, маленькую женщину!

Снарядились менквы-воины, отправились. Столько их было, что, когда первые к городку Вищ-Отыра подошли, последние только из ворот лесных духов выходили. Впереди войска трёхсаженный Менкв-Ойка идёт. Рядом с ним брат его, по имени Пирх-Камка-Сорт-Камка, шагает. Подошёл Менкв-Ойка к палисаду, закричал:

— Эй, Вищ-Отыр, отдай мою пленницу, маленькую женщину! А не хочешь, свою силу, ловкость свою покажи. Посмотрим, кто кого одолеет.

Вищ-Отыр костяной лук схватил, стрелу из колчана вынул. Стрела длиной в четыре четверти, наконечник у неё железный, в три четверти. Наложил Вищ-Отыр стрелу на середину лука, стал тетиву натягивать. Натянул на всю длину стрелы, на всю длину наконечника. Пустил стрелу.

«Тэнн-тэнн»,— она запела, лесного духа в плечо ударила, с ног его сбила и дальше полетела. Потом в землю воткнулась во весь железный наконечник.

А Менкв-Ойка вскочил, к городку бросился. Рубит тяжёлым ножом палисады, кричит:

— Куда годятся твои стрелы, куда тебе со мною тягаться!

Вищ-Отыр вторую стрелу пустил. Стрела в грудь лесного духа ударила, на три сажени его отбросила, а сама поверх голов войска перелетела, по самые перья в землю воткнулась.

Так бьются три дня без еды, три ночи без сна. У Вищ-Отыра тетивой кожу с пальцев содрало. Вдруг он слышит, Менкв-Ойка ему кричит:

гётырлӧн, пи чужис. Мамыс пиыслы лайкан пыдӧсас нитш вольсаліс. Кор писӧ ки вылас босьтліс, шоныд нитш клӧк ӧшинь саяс уси. Ме нитш клӧксӧ и босьті, аслам позйӧ нуа. Чип-чип!

Куим сывъя вӧрса лов пыр жӧ дугдіс бӧрдны. Чеччыштіс, мый вынсьыс горӧдіс:

— Чукӧртчӧй жӧ, менквъясӧй! Мунам тышӧн Вищ-Отыр багатырлы паныд, сійӧ пышйӧдіс менсьым пленничаӧс, ичӧтик аньӧс!

Дасьтысисны менкв-воинъяс, туйӧ петісны. Сы мыйтаӧн найӧ вӧліны, мый медводдзаясыс матыстчисны нин Вищ-Отырлӧн оланін дорӧ, а бӧръяясыс сӧмын на асланыс воротаысь петны лӧсьӧдчисны.

Вӧйска водзас куим сывъя Менкв-Ойка мунӧ. Орччӧн сылӧн вокыс, Пирх-Камка-Сорт-Камка, восьлалӧ. Матыстчис Менкв-Ойка ёсьтӧм майӧга потшӧс дорӧ да горӧдчис:

— Эй, Вищ-Отыр, бергӧд менсьым пленничаӧс, ичӧтик аньӧс! А он кӧ, ассьыд вынтӧ да винёвлунтӧ петкӧдлы. Видзӧдлам, коді кодӧс венас.

Вищ-Отыр лы ньӧввужсӧ кватитіс, нюлыссьыс ньӧв кыскис. Ньӧвйыс нёль четверт кузя, йывсӧ кӧртысь дорӧма, куим четверта. Индіс Вищ-Отыр ньӧвсӧ ньӧввуж шӧрас, пондіс сӧнсӧ зэвтны. Зэвтіс ньӧв йылӧдзыс, кӧрта помӧдзыс вайӧдіс. Лэдзис ньӧвсӧ.

«Тэнн-тэнн»,— шыасис ньӧвйыс, вӧрса ловлы пельпомас сатшис, кок йывсьыс уськӧдіс да водзӧ лэбис. Дорӧм кӧрт йывнас муӧ пырис.

А Менкв-Ойка чеччис, кар мыльклань уськӧдчис. Сьӧкыд пуртӧн кералӧ ёсьтӧм майӧгъяссӧ, горзӧ:

— Мый вылӧ тэнад ньӧвъясыд туйӧны? Тэныд мекӧд не водзсасьны!

Вищ-Отыр мӧд ньӧв лэдзис. Ньӧвйыс вӧрса ловлӧн морӧсӧ кучкис, куим сыв ылнаӧ сійӧс бӧрвыв шыбитіс, ачыс вӧйскалӧн юр вывті лэбис, бӧжаланӧдзыс муӧ сатшис.

— Эй, Вищ-Отыр, поесть хорошо бы, отдохнуть неплохо бы!

Перестали биться. Вищ-Отыр в дом вошёл. Молодая жена лук у него из рук взяла, в угол поставила. Пот у мужа со лба рукавом утёрла. Потом пить-есть подала. Он есть не начинает, сестре говорит:

— Иди к нашему старшему брату, скажи ему: тетивой у меня на пальцах кожу сорвало, силы мои кончаются. Не придёт ли, не поможет ли мне. Беги в земле вырытым ходом, что ведёт от моего городка к городку брата.

Побежала сестра. К старшему брату пришла, говорит ему:

— Старший брат, иди помоги младшему. Трое суток бьётся он духом, тетивой ему на пальцах кожу сорвало, силы его кончаются.

Усмехнулся старший брат:

— Разве я человек? Я камень. Так Вищ-Отыр сказал. Её оружие затупилось, пусть придёт, об меня поточит. А я к нему не пойду.

Заплакала сестра, в земле вырытым ходом назад побежала. Вищ-Отыр её выслушал, ничего не сказал. Опять за лук взялся, стрелы схватил.

Пустил первую стрелу. Десять менквов рядом стояли — стрела всех десятерых пронзила. Вторая стрела пригвоздила к земле двадцать менквов.

А Менкв-Ойка со своим братом тяжёлыми ножами три палисада в щепки искрошили, к четвёртому добираются.

Ещё так три дня без еды, три ночи без сна бьются. У Вищ-Отыра сил совсем не осталось, на пальцах белые кости показались.

— Эй, остановимся! — закричал он лесному духу.— Отдохнуть пора, поесть пора!

Тадзи тышкасисны найӧ куим лун сёйлытӧг, куим вой узьлытӧг. Вищ-Отырлӧн ньӧввуж сӧн нетшӧмысь чунь помсьыс кучикыс кульсис. Друг кылӧ, Менкв-Ойка горӧдіс:

— Эй, Вищ-Отыр, сёйыштны эськӧ колӧ, узьыштны эськӧ колӧ!

Дугдісны тышкасьны. Вищ-Отыр керкаас пырис. Том гӧтырыс сылӧн киысь ньӧввуж босьтіс, пельӧсӧ сувтӧдіс. Ньылӧмсӧ верӧслӧн плеш вылысь соснас чышкис. Сэсся юнысёйны мыччис. Сійӧ сёйны оз тэрмась, чойыслы шуӧ:

— Мун миян ыджыд вок дорӧ, висьтав сылы: ньӧввуж сӧннас менам чунь помъясын кучикыс кульсис, вынӧй быран выйын. Оз-ӧ волы, оз-ӧ отсышт меным. Котӧрт му увті кодйӧм ветланінтіыс, коді тай нуӧдӧ менам кар мыльксянь воклӧн кар мылькйӧдз.

Котӧртіс чойыс. Ыджыд вок дорас воис, шуӧ сылы:

— Ыджыд вокӧ, лок отсышт ичӧтджыкыдлы. Куим сутти тышкасьӧ сійӧ вӧрса ловкӧд, ньӧввуж сӧннас чунь помсьыс кучиксӧ кулис, выныс сылӧн быран выйын.

Шпынькерис ыджыд вокыс:

— Ме ӧмӧй морт? Ме зуд. Тадзи Вищ-Отыр шуис. Сылӧн ӧберенаыс кӧ ныжмис, мед волас да меӧ лэчтас. А ме сы дорӧ ог мун.

Синваӧн бӧрддзис чойыс, му улӧ кодйӧм ветланінӧд бӧр котӧртіс. Вищ-Отыр кывзіс сійӧс, нинӧм эз шу. Бара ньӧввужъяс кутчысис, ньӧвъяссӧ кватитіс.

Лэдзис ӧти ньӧв. Дас менкв орччӧн сулалісны — ньӧвйыс став даснансӧ сквӧзь пӧйдитіс. Мӧд ньӧвйыс кызь менквӧс му бердас вурыштіс.

А Менкв-Ойка аслас вокӧд сьӧкыд пуртъясӧн куим майӧг рад чагйӧдз кералісны, нёльӧд дорӧ нин матыстчисны.

Тадзи нӧшта куим лун сёйлытӧг, куим лун узьлытӧг вермасисны. Вищ-Отырлӧн выныс дзикӧдз пакталіс, чунь помъясас еджыд лыыс мыччысис.

Согласился Менкв-Ойка. Он тоже поесть хочет, отдохнуть хочет.

Вищ-Отыр не домой пошёл. В земле вырытым ходом к старшему брату отправился. Тяжёлую лиственничную дверь распахнул, через высокий порог переступил. Со старшим братом поздоровался. Брат ничего не сказал. Жирную оленью голову в котёл положил, котёл на огонь повесил. Скоро и мясо сварилось, поели, попили. Молчат.

У стены большой ящик стоял. Старший брат поднял крышку, вытащил мешок, сшитый из рысьей шкуры. Оттуда кольчугу вынул. Из медных колец, из железных проволок скована кольчуга, блестит, переливается серебром и золотом. Надел её старший брат. Поясом, дятловыми носами украшенным, опоясался. Меч в руки взял. Тогда только первое слово сказал:

— Теперь пойдём!

Подошли к городку Вищ-Отыра. Возле палисада громадный, как скала, валун лежал. Старший брат ударил по валуну ногой. С грохотом камень раскололся, на много кусков разбился. Посыпался каменный град на войско Менкв-Ойки. Половину его воинов разом перебило.

А старший брат выхватил меч из ножен, принялся крушить вражье войско. Вищ-Отыр от него не отстаёт. Старший брат налево рубит, младший — направо. Старший — направо, младший — налево. Тем менквам, что от каменного града уцелели, головы снесли.

Опустили мечи братья, огляделись. Все менквы мёртвые лежат, только лесного духа ни мёртвого ни живого не видно. И брата его, Пирх-Камки-Сорт-Камки, нету.

— Испугались нас, убежали! — сказал старший брат.— Догонять придётся. Ты за которым погонишься?

— Эй, лолыштам! — горöдіс сійö вöрса ловлы.— Шойччыштны кад, сёйыштны кад!

Кывзысис Менкв-Ойка. Сійö тшöтш сёйыштны кöсйö, сійö тшöтш шойччыны кöсйö.

Вищ-Отыр гортас эз мун. Му увті кодйöм ветланінöд ыджыд вок дорас муніс. Ниа керъясысь лöсалöм сьöкыд öдзöс восьтіс, джуджыд порог вомöн воськовтіс. Ыджыд вокыскöд киасис. Вокыс нинöм эз шу. Госа кöр юр пöртйö пуктіс, пöртсö би весьтö öшöдіс. Регыд и яй пусис, сёйыштісны, юыштісны. Чöв олöны.

Стен бокас ыджыд куд сулаліс. Ыджыд вокыс лэптіс вевтсö, кыскис вöркань куысь вурöм сепыс. Перйис сэтысь кöрт дöрöм. Ыргöн количаясысь, кöрт сутугаысь дорöма сійöс, югъялö, пöртмасьö эзысьöн да зарниöн. Кышаліс сійöс ыджыд вок. Сизь ныръясöн мичöдöм вöньöн вöняліс кос гögöрсö. Киас шыпурт босьтіс. Сömын сэки шыасис:

— Öні мунам!

Матыстчисны Вищ-Отырлöн кар мыльк дорö. Ёсьтöм стын бокас креж ыджда каля из куйліс. Ыджыд вок кыдзи тай зымнитіс кокнас каля из кузяыс. Каля изйыс грымакылömöн пасьмуні, уна тор вылö поті. Киссис изъя зэрöн Менкв-Ойкалöн вöйска вылö. Джын воинсö здукöн кок йывсьыс пöрöдіс.

А ыджыд вок кватитіс пуртöссьыс шыпурт, босьтчис шырны вöрöглысь вöйскасö. Вищ-Отыр оз кольччы сыысь. Ыджыд вокыс шуйгавыв керасьö, ичöтыс — веськыдвыв. Ыджыдыс — веськыдвыв, ичöтыс — шуйгавыв. Сійö менквъясыслысь, кодъяс изъя зэр улö эз веськавны, юрсö сötісны.

Лэдзисны шыпуртъяссö кык вок, видзöдлісны гögöрбок. Став менквыс кувсьömны, куйлöны рözь-пазь, сömын вöрса лов кулöм ни ловъя оз тыдав. И вокыс сылöн, Пирх-Камка-Сорт-Камка, некöн абу.

— С кем бился, за тем и погонюсь! — отвечает Вищ-Отыр.— Менкв-Ойку стану преследовать.

— Как сказал, так и будет,— согласился старший брат.— Одно помни: если сил у тебя не хватит, если слабеть начнёшь, молчи, ни слова не промолви. Только обо мне подумай.

Пошли братья, куда следы повели. Старший брат — налево, младший — направо.

Долго ли, коротко ли шёл-бежал Вищ-Отыр, наконец нашёл трёхсаженного лесного духа. Сидит он на стволе упавшего дерева, горько плачет. Вищ-Отыра увидел, вскочил.

— Ну,— говорит,— как биться будем? Лук и стрелы выберем или врукопашную схватимся?

— Луки наши уже опробованы, стрелы испытаны,— отвечает Вищ-Отыр.— Врукопашную мы ещё не бились, силы рук друг друга не знаем. Давай поборемся!

Схватились оба. Земля под ними гудит, деревья кругом, как сухой камыш, качаются. То лесной дух верх берёт, то Вищ-Отыр побеждает. А всё же у трёхсаженного Менкв-Ойки силы больше. Начал клониться книзу Вищ-Отыр, трещат его кости, руки, ноги слабеют.

Повалил лесной дух Вищ-Отыра на землю, выхватил нож, хочет богатырю горло перерезать.

«Милый брат,— думает Вищ-Отыр,— был бы ты здесь, не смотрела бы смерть в глаза!»

Только успел подумать, захлопали над ним крылья, закричал чей-то голос: «Ку-гу! Ку-гу!»

Взглянул вверх Менкв-Ойка, ослабил хватку. В тот же миг Вищ-Отыр из-под него выскользнул. Лесного духа на землю повалил, придавил, в чёрное его сердце нож воткнул.

— Повзисны миянысь, пышйисны! — шуис ыджыд вок.— Вӧтӧдны ковмас. Тэ код бӧрсяыс вӧтчан?

— Кодкӧд тышкаси, сы бӧрся и вӧтча! — вочавидзӧ Вищ-Отыр.— Менкв-Ойкаӧс понда туявны.

— Кыдзи шуин, мед сідзи и лоӧ,— сӧглас ыджыд вок.— Ӧтитор эн вунӧд: выныд кӧ оз тырмы, эбӧстӧ кӧ воштыны пондан, чӧв ов, кыв эн лэдз ортсӧ. Сӧмын менӧ казьтышт.

Мӧдісны вокъяс, кытчӧ кок туйяс нуӧдӧны. Ыджыд вокыс — шуйгавыв, ичӧтыс — веськыдвыв.

Дыр-ӧ, регыд-ӧ вӧтчис Вищ-Отыр, коркӧ вӧтӧдіс жӧ куим сывъя вӧрса ловтӧ. Пукалӧ сійӧ пӧрӧм пу вылын, курыд синваӧн бӧрдӧ. Вищ-Отырӧс казяліс, чепӧсйис.

— Но,— шуӧ,— кыдзи венласьны пондам? Ньӧвйӧн али киӧн бертчыны пондам?

— Ньӧввужтӧ миян видлӧма нин, ньӧвтӧ тӧдлӧма,— вочавидзӧ Вищ-Отыр.— Киӧн эг на бертчылӧй, ӧта-мӧдлысь ки выннымӧс ог на тӧдӧй. Вай бертчам!

Кутчысисны кыкнанныс. Муыс на улын зымакылӧ, пуясыс на гӧгӧрын кос эжӧр сіяс моз катласьӧны. То вӧрса лов венӧ, то Вищ-Отыр ӧдӧлитӧ. Век жӧ куим сывъя Менкв-Ойкалӧн выныс унджык. Пондіс увлань ляпкавны Вищ-Отыр, лыясыс ратшкакылӧны, ки и кок слабитӧ.

Личкис вӧрса лов Вищ-Отырӧс му бердӧ, пурт кыскис, кӧсйӧ багатырлысь голянсӧ вундыны.

«Муса вок,— думыштіс Вищ-Отыр,— вӧлін кӧ тані, эськӧ сьмертыс менам синмӧ эз видзӧд!»

Теперь сам вверх посмотрел. Видит — сидит на ветке филин, на него глядит. Спрыгнул с ветки, обернулся старшим братом, сказал:

— Менкв-Ойка тут лежит. Пирх-Камка-Сорт-Камка на том краю леса мёртвый валяется. Больше у нас врагов не осталось. Возвращайся к своей жене, к своему сыну.

Вернулись они, весёлый пир устроили. И семерых братьев, что живут в верховьях Онку-ях-реки, позвали. Жена Вищ-Отыра, сестра семерых братьев, ласково их приняла, обиду забыла. И братья тоже обиду забыли.

Долго после того Вищ-Отыр с женой в радости и счастье жил. Сын его богатырём рос, человеком сказки, человеком песни.

Вот нашему сказанию о богатыре Вищ-Отыре и конец пришёл!

Сӧмын вевъяліс тайӧс думыштны, на весьтын клопайтысь борд шы кыліс, кодлӧнкӧ гӧлӧс чукӧстчис: «Ку-гу! Ку-гу!»

Чатӧртчыліс вывлань Менкв-Ойка, кабырсӧ лӧньӧдліс. Ӧти здукӧн Вищ-Отыр сы улысь песовтчис. Вӧрса ловтӧ мулань личкис, пеж сьӧлӧмас пурт сатшкис.

Ӧні нин ачыс вывлань чатӧртчис. Аддзӧ — пукалӧ лап вылын сюзь, сы вылӧ дзоргӧ. Качӧдчыліс борд йылас, муӧ лэччис, ыджыд вокас пӧртчис да шуӧ:

— Менкв-Ойка тані куйлӧ, Пирх-Камка-Сорт-Камка вӧр мӧдар помас шойӧн туплясьӧ. Сэсся миян вӧрӧг эз коль. Кад мунны аслад гӧтыр дорӧ, аслад пи дорӧ.

Локтісны гортас, гажа пир лэптісны. И сизим воксӧ, кодъяс олӧны Онку-ях-ю йылын, чукӧстісны. Вищ-Отырлӧн гӧтыр, сизим воклӧн чой, меліа найӧс паныдаліс, ӧбидасӧ вунӧдіс. И вокъясыс эз казьтыштны, вунӧдісны.

Дыр та бӧрын Вищ-Отыр гозъя шудӧн да ладӧн олісны. Пиыс налӧн быдмис да багатырӧн лои, мойдвывса мортӧн, сьыланъясӧн ыджӧдлан мортӧн.

Со и пом багатыр Вищ-Отыр йылысь мойдлы.

УМНАЯ СОВА

Мансийская сказка

СИДЕЛ однажды Верхний дух Топал-Ойка с женой у окна своего дома. Жена сказала:

— Ты кто такой, Топал-Ойка?

— Как кто такой? Верхний дух.

— А если ты Верхний дух, почему же в таком плохом доме живёшь?

— Чем же наш дом плох? — удивился Топал-Ойка.— Мне наш дом нравится.

— У людей точь-в-точь такие дома. Это для Верхнего духа стыдно. Построй новый, просторный, высокий, чтобы все удивлялись, все его хвалили.

— А из чего же я такой дом построю? — спросил Верхний дух Топал-Ойка.

— Хорошо бы из костей,— посоветовала жена.

— Да где же столько костей взять?

— Очень просто,— отвечает жена.— Собери всех зверей, птиц, рыб и убей. Из костей новый дом построишь.

— Что ж, это можно,— говорит Топал-Ойка.— Так и сделаем.

Рыб собирать щуку послал. Зверей — юркого горностая. Птиц созывать велел длинноногому куличку.

Немного прошло времени, приплыли рыбы, прибежали звери, прилетели птицы.

ВЕЖӦРА СЮЗЬ

Манси мойд

ПУКАЛӦ ӧтчыд Вылысса Йен Топал-Ойка гӧтырыскӧд ӧшинь дорын. Гӧтырыс и шуӧ:

— Тэ коді лоан, Топал-Ойка?

— Кыдзи коді лоа? Вылысса Йен.

— Тэ кӧ Вылысса Йен, мыйла татшӧм гӧль керкаын олан?

— Мыйӧн нӧ миян керканым гӧль? — чуймис Топал-Ойка.— Меным аслам керка кажитчӧ.

— Мортлӧн дзик жӧ татшӧм керкаыс. Вылысса Йенлы колӧ яндзим тӧдны. Лэпты выльӧс, ыджыдӧс, джуджыдӧс, медым ставӧн чуймалісны, медым ставӧн ошкисны.

— А мыйысь нӧ сэтшӧм керкасӧ лэпта? — юаліс воча Вылысса Йен Топал-Ойка.

— Лыысь эськӧ бур лоӧ,— чуйдіс гӧтырыс.

— А кытысь нӧ сы мында лысӧ босьтан?

— Тӧдса, кытысь,— велӧдӧ гӧтырыс.— Чукӧрт став вӧрса пемӧссӧ, лэбачсӧ, черисӧ да ловсӧ налысь босьт. Со тэныд и лы керка.

— Мый нӧ, сідзкӧ... Тайӧтӧ позьӧ,— шуӧ Топал-Ойка.— Сідзи и вӧчам.

Черияcӧс чукӧртны сирӧс мӧдӧдіс. Вӧрса пемӧсъяссӧ — визув сьӧдбӧжӧс. Лэбачьясӧс котыртны тшӧктіс кузь кока истанлы.

Вышел Топал-Ойка, пересчитал всех и говорит:

— Звери все тут, рыбы все. А птицы не все — совы не хватает. Ты, куличок, сову видел?

— Нет, не видел,— куличок отвечает.

— Ну, беги, найди её,— говорит Топал-Ойка.— Убивать — так всех сразу.

Побежал длинноногий куличок сову искать. Долго искал, наконец нашёл. Она на высоком кедре сидела.

— Ты что, сова, сидишь? Разве не слышала, тебя звали!

— Кто звал?

— Топал-Ойка, Верхний дух. Он всех рыб, птиц, зверей собирает.

— А зачем?

— Всех убьёт. Из наших костей новый дом построит. Старый дом жене Топал-Ойки не нравится.

— Ах, вот оно что! — говорит сова.— Ну, тогда ты иди, я потом прилечу.

Куличок обратно побежал.

— Нашёл сову? — спрашивает Топал-Ойка.

— Нашёл,— отвечает куличок.

— Где же она?

— На кедре сидит. Говорит, потом приду.

Ждут, ждут сову — не летит. Топал-Ойка опять куличка посылает:

— Беги скорей. Что её так долго нет!

Побежал длинноногий куличок. Сова всё ещё на кедре сидит.

— Что ж ты не идёшь? — кричит куличок.— Все тебя ждут.

Мыйтакӧ кад коли, воисны черияс, матыстчисны вӧрса пемӧсъяс, сибӧдчисны лэбачьяс. Петіс Топал-Ойка, арталіс найӧс ставнысӧ да и шуӧ:

— Вӧрса пемӧсыс ставӧн танӧсь, чери рӧдыс ставӧн. А лэбачыс абу на ставӧн — сюзь оз тырмы. Тэ, истан, сюзьсӧ эн аддзыв?

— Эг, эг аддзыв,— истаныд вочавидзӧ.

— Но, котӧртлы, корсьлы,— шуӧ Топал-Ойка.— Лов кӧ босьтны, ставлысь ӧттшӧтш нин.

Котӧртіс кузь кока истан сюзьӧс корсьны. Дыр корсис, медбӧрын аддзис. Джуджыд сус пу йылын сійӧ пукалӧ.

— Тэ, сюзьӧ, мый тані пукалан? Эн мӧй кыв, кыдзи тэнӧ корисны?

— Коді корис?

— Топал-Ойка, Вылысса Йен. Сійӧ став черисӧ, лэбачсӧ и вӧрса пемӧссӧ чукӧртӧ.

— А мый могысь?

— Ставлысь лов босьтны кӧсйӧ. Миян лыясысь выль керка лэптас. Важ керкаыс Топал-Ойка гӧтырлы оз кажитчы.

— А, со мыйын помкаыс! — шуӧ сюзь.— Но, сідзкӧ, тэ мун, а ме бӧртиджык воа.

Истан бӧр котӧртіс.

— Аддзин сюзьсӧ? — юалӧ Топал-Ойка.

— Аддзи,— вочавидзӧ истан.

— А кӧні нӧ сійӧ?

— Сус пу вылын пукалӧ. Шуис, бӧртиджык пӧ воа.

Виччысисны, виччысисны сюзьӧс — эз во. Топал-Ойка нӧштаысь истанӧс мӧдӧдіс:

— Котӧртлы регыдджык. Мыйла сійӧ татшӧм дыр абу!

— В таком деле торопиться незачем,— отвечает сова,— ещё немного подумаю. И за себя, и за вас мне ведь думать приходится, раз вы сами за себя не умеете. Иди, я следом за тобой полечу.

Прибежал назад куличок, от усталости еле дышит. Отдышался, сказал:

— Сова следом за мной летит.

Опять все ждут сову. А её нет да нет. Рассердился Топал-Ойка на куличка:

— Беги за совой, да смотри, без неё не возвращайся!

В третий раз пустился куличок. А сова ещё лапами по ветке не переступила. Как сидела, так и сидит. Куличок ей говорит:

Котӧртіс кузь кока истан.

Сюзь пыр на сус пу йылын пукалӧ.

— Мый нӧ он лок? — горзӧ истан.— Ставӧн тэнӧ виччысям.

— Татшӧм делаын тэрмасьны нинӧмла,— вочавидзӧ сюзь,— неуна нӧшта думайтышта. И ас понда, и ті понда ӧд меным думайтны колӧ, асьныд ас понданыд кӧ он сяммӧй. Мун, ме тэ бӧрся регыд воа.

Бӧр воис истан, мудзӧм пондаыс ӧдва лолалӧ. Лов вежис, шуис:

— Сюзьыд ме бӧрся кӧсйис лэбны.

— Ноги меня уже не держат, не могу больше за тобой бегать. И Топал-Ойка гневается.

Сова взмахнула крыльями, сделав круг над куличком:

— Видишь, лечу. А ты уж в последний раз, ног не жалея, беги вперёд да скажи, пусть жена Топал-Ойки окно в доме растворит.

Прибежал куличок:

— Сова за мной летит. А вы окно в доме распахните — так она сказала.

Распахнули окно. Тут как раз и сова явилась. Села на окно, хвостом внутрь дома, клювом — наружу.

— Ты где пропадала? — спрашивает Топал-Ойка.

Сова молчит.

— Что ты молчишь? — сердится Верхний дух.

— Я думаю,— отвечает сова.

— О чём же? — спрашивает Топал-Ойка.

— А вот думаю: чего на земле больше — сухих деревьев или зелёных?

— Глупо ты думаешь,— говорит Топал-Ойка.— Зелёных деревьев на земле больше.

— Хэ! — говорит сова.— Так только кажется. А я считаю, если у дерева сердцевина высохла, оно всё равно скоро засохнет, хоть ещё и зелёное.

— Это ты правильно говоришь, это ты умно думаешь,— сказал Топал-Ойка.— Уж раз начало дерево сохнуть — высохнет, ничего не поделаешь!

— И ещё я думаю,— говорит сова.— Если взять всех птиц, рыб, зверей, кого среди них больше: живых или мёртвых?

Бара ставӧн сюзьӧс виччысьӧны. А сійӧ абу и абу. Дӧзмис Топал-Ойка истан вылӧ.

— Котӧртлы нӧштаысь. Да смотри, сытӧг бӧр эн лок!

Коймӧдысь петіс туйӧ истан. А сюзь сус пу йылад коксӧ на абу вежлӧма. Кыдзи пукаліс, сідзи и пукалӧ. Истаныд сылы шуӧ:

— Кок вын быри, ог сэсся вермы тэ понда котравны. И Топал-Ойка ёна дӧзмӧма.

Сюзь шеновтіс бордъяснас, кытш вӧчис истан весьтті.

— Аддзан, лэба нин. А тэ медбӧръяысь, кок вынтӧ жалиттӧг, котӧрт водзын да висьтав, мед Топал-Ойкалӧн гӧтырыс керка ӧшиньсӧ восьтӧ.

Воис котӧрӧн истан.

— Сюзь ме бӧрся локтӧ. А ті керка ӧшиньтӧ восьтӧй — тадзи тшӧктіс вӧчны сійӧ.

Гурйыв восьтісны ӧшинь. Тайӧ здукас и сюзь воис. Пуксис ӧшинь пӧдушка вылас, бӧжнас керка пытшкилань, ныр нас — ортсӧ.

— Тэ кӧні та дырасӧ вошласин? — юалӧ Топал-Ойка.

Сюзь чӧв олӧ.

— Мый чӧв олан? — скӧралӧ Вылысса Йен.

— Ме думайті,— вочавидзӧ сюзь.

— Мый йылысь? — юалӧ Топал-Ойка.

— Вот мӧвпалі: мый му вылас унджык — косьмӧм пуыс али вежыс?

— Йӧй дум тэ думайтӧмыд,— шуӧ Топал-Ойка.— Веж пуыс му вылас унджык лоӧ.

— Хэ! — шуӧ сюзь,— тайӧ сӧмын тадзи кажитчӧ. А ме чайта, пуыдлӧн кӧ сьӧвмӧсыс косьмӧма, сійӧ регыд и ачыс косьмас, кӧть вежӧн на петкӧдчӧ.

— Тайӧс тэ збыль висьталан, тайӧс тэ бура вежӧртӧмыд,— шуӧ Топал-Ойка.— Пондіс кӧ нин пуыд косьмыны — косьмас, нем он вӧч!

— Ясное дело — живых,— отвечает Топал-Ойка,— зачем и спрашивать.

— Вот и нет,— говорит сова.— Ты собрал нас тут, чтобы убить, себе новый дом построить. Мы уже всё равно что мёртвые. Скоро совсем живых не будет.

— Так и есть,— закричал Топал-Ойка.— Как же я раньше не догадался.

Сова опять молчит. И все молчат. Наконец Топал-Ойка не вытерпел:

— Неужели ты думать не кончила?

— Не кончила,— отвечает сова.— Как по-твоему: кого на свете больше — мужчин или женщин?

— Тут и думать не надо,— засмеялся Топал-Ойка.— Мужчин больше. Что, неправда, скажешь?

Сова покачала головой:

— Это как считать! Рассуди сам: если мужчина чужим умом живёт, можно его назвать мужчиной?

— Не мужчина такой человек,— сказал Верхний дух.

— А ведь это ты о себе говоришь, Топал-Ойка,— сказала сова.— Не мужчина ты!

— Как это не мужчина? — закричал Верхний дух.

— А вот так! Когда зверей, птиц, рыб создавал, никого не спрашивал. Тогда был мужчиной. Теперь глупую свою жену послушался. Ей на прихоть хочешь нас всех погубить. Меня-то не убьёшь, я нарочно так села — хвост назад, клюв вперёд. Взмахну крыльями и улечу. Всем, кого ни встречу, кричать буду: не мужчина Топал-Ойка, умом глупой женщины живёт, не своим!

— И нӧшта ме думайті,— шуӧ сюзьыд.— Босьтны кӧ став лэбачсӧ, черисӧ, вӧрса пемӧссӧ, кодыс на пӧвстын унджык: ловъяыс али кулӧмаыс?

— Гӧгӧрвоана — ловъяыс,— вочавидзӧ Топал-Ойка,— мый татшӧмтор юасян?

— Вот и абу,— шуӧ сюзь.— Тэ чукӧртін миянӧс татчӧ, мед ловнымӧс босьтны, аслыд выль керка лэптыны. Артмӧ, ми ставӧн нин ловтӧмӧсь. Регыд ловъяыс некоді оз коль.

— Сідзи и эм,— горӧдіс Топал-Ойка.— Кыдзи ме тайӧс водзджык эг вежӧрт.

Сюзь бара чӧв олӧ. И ставӧн чӧв олӧны. Бӧръявыв Топал-Ойка эз терпит:

— Эн мӧй думтӧ помав?

— Эг помав,— вочавидзӧ сюзь.— Кыдзи тэ ног: кодыс му вылас унджык — мужичӧйыс али ныбабаыс?

— Тані и думайтны нинӧм,— серӧктіс Топал-Ойка.— Мужичӧйыс унджык. Чайтан, абу сідз?

Сюзь катлӧдлыштіс юрнас.

— Тані кыдзи на артавны мӧдан! Ачыд мӧвпыштлы: мужичӧйыс кӧ йӧз вежӧрӧн олӧ, позьӧ-ӧ сійӧс мужичӧйяс дорӧ артавны?

— Сэтшӧмыд абу мужичӧй,— шуис Вылысса Йен.

— А ӧд тэ ӧні асьтӧ донъялін, Топал-Ойка,— шуис сюзь.— Абу мужичӧй тэ!

— Мыйла абу мужичӧй? — лӧкысь горӧдіс Вылысса Йен.

— А со мыйла! Кор вӧрса пемӧсъяссӧ, лэбачьяссӧ да чериясӧ вӧчин, некодлысь эн юась. Сэки тэ мужичӧй вӧлін. Ӧні аслад йӧй нисьӧ прӧсуж гӧтырлысь тшӧктӧмъяссӧ кывзан. Мед сы водзын чесьтӧ усьны, миянӧс ставнымӧс быродны кӧсьян. Менӧ тэ он ви, ме наросьнӧ тадзи пукси — бӧжӧн бӧрлань, ныръӧн водзлань. Шеновта бордъясӧн и лэба. Ставлы, кодӧс паныдала, горзыны мӧда: абу мужичӧй Топал-Ойка, йӧй ныбабалӧн вежӧрӧн олӧ, оз асласӧн!

Стыдно стало Топал-Ойке.

— Подожди, не улетай! — сказал он сове.— А вы, рыбы, птицы, звери, идите, откуда пришли. Не стану вас убивать. Мне и в старом доме хорошо. А жена как хочет.

Обрадовались все. Рыбы уплыли, птицы улетели, звери убежали. А сова сидит, жёлтыми глазами светит.

— Ну, что скажешь, сова? — спрашивает Топал-Ойка.— Теперь не будешь про меня говорить, что я не мужчина?

— Теперь, пожалуй, не буду,— сказала сова.

Верхний дух Топал-Ойка очень обрадовался.

Яндзим лои Топал-Ойкалы.

— Виччысьлы, энлы на лэб! — шуис сійӧ сюзьлы.— А ті, чериясс, лэбачьяс, вӧрса пемӧсъяс, муӧй ставӧн, кытысь локтінныд. Ог мӧд тіянлысь лов босьтны. Меным и важ керкаыс на бур. А гӧтыр кыдзи гаж.

Ставӧн радлӧны. Чериясс ваӧ уйисны, лэбачьяс енэжӧ кыпӧдчисны, вӧрса пемӧсъяс вӧрӧ пышйисны-разӧдчисны.

А сюзь пукалӧ, виж синнас югъёвтлӧ.

— Но, сюзь, мый водзӧ шуан? — юалӧ Топал-Ойка.— Ӧні он мӧд быдлаын висьтавлыны, мый ме абу мужичӧй?

— Ӧні, пӧжалуй, ог,— шуис сюзь.

Вылысса Йен Топал-Ойкалӧн сьӧлӧмыс вӧлисти личаліс.

ЛЕСНОЙ ЧЕЛОВЕК ЯГ-МОРТ

Коми сказка

БЫЛО у одного охотника три сына. Вот пошёл как-то отец с сыновьями на охоту — белок и рябчиков бить. Живут они в лесу месяц, живут другой, живут третий. Хорошая охота выдалась, много зверя промыслили. Одна беда — не стало у них огня.

А мороз крепкий, сварить мясо не на чём, спать холодно.

— Давайте жребий кидать,— говорит отец сыновьям.— Кому выпадет, тот и пойдёт домой за огнём.

Младший сын говорит:

— Погодите жребий кидать. Влезу я на самую большую ель, посмотрю: нет ли поблизости жилья. Если нигде нет, тогда надо домой идти.

Похвалил отец младшего.

— Ты толковый,— говорит,— хорошо придумал.

Полез младший сын на самую высокую ёлку, смотрит вправо-влево, смотрит вперёд-назад и видит: далеко в лесу, словно волчий глаз, светится огонёк.

Слез он с дерева и говорит братьям:

— Вон там-то и там-то огонь светится, верно, жильё есть.

Обрадовались братья, тоже на ель полезли. Правда, светится вдалеке огонёк.

ВӦРСА

Коми мойд

ВӦЛІ öти вöралысьлöн куим пи. Öтчыд мöдіс сійö пияныскöд вöравны — ур да сьöла кыйны. Олöны найö вöрын тöлысь, олöны мöд, коймöд тöлысь олöны. Бура мойвиис вöралöмыс, уна прöмыс чукöртісны. Öти лёк — биныс налöн быри.

Яй пуны весиг нинöм вылын, а ёна нин кынталö, узьны кöдзыд лои.

— Вайö пудъясямöй,— шуö пияныслы.— Кодлы пуд усьö, сійö и лэччас гортö била.

Медся ичöт пиыс шуö:

— Виччысьлöй пудъясьнытö. Ме кавшасьла медся джуджыд коз вылас, видзöдла: абу-ö кöнкö матын кутшöмкö оланін. Абу кö нинöм матігöгöрас, ковмас гортö лэччыны.

Ошкис батьыс медся ичöт писö.

— Ок и тöлка тэ,— шуö,— бура мöвпыштін.

Кавшасис медся ичöт пиыд медся джуджыд коз йылас, видзöдліс öтарö-мöдарö, водзвыв и бöрвыв видзöдліс и аддзö: кöнкö ылын ягас, кöин син моз, битор югнитлö.

Лэччис пу вывсьыд и шуö вокъясыслы:

— Кöнкö эстöн битор тыдалö, дерт нин, сэні оланін эм.

Нимкодь лои вокъяслы, тшöтш пу вылад кавшасисны. Збыль, эм ыліас кутшöмкö би. Лэччисны бöр да пондісны вензьыны, кодлы била ветлыны.

Спустились они на землю и стали спорить, кому первому за огнём идти. Отец говорит:

— Пусть старший идёт, он самый сильный, он скорее всех огонь принесёт.

Хорошо. Взял старший ружьё и пошёл.

Вдруг видит: лежит на дороге чугунный горшок.

— Ты куда идёшь? — спрашивает горшок.

— За огнём.

— Вернись лучше, не ходи,— говорит горшок.— Обожжёт тебя огонь.

— Не обожжёт,— говорит старший охотников сын.

И пошёл дальше.

Попадается ему на дороге берестяной шердын*.

— Ты куда идёшь? — спрашивает шердын.

— За огнём.

— Вернись, не ходи,— говорит шердын.— Обожжёт тебя огонь.

— А может, и не обожжёт,— говорит парень.

И дальше пошёл.

Лежит на дороге толчея.

— Ты куда идёшь? — спрашивает толчея.

— За огнём.

— Не ходи, вернись,— говорит толчея.— Обожжёт тебя огонь.

---

*Шердын – берестяной лоток.

Батьныс шуис:

— Медся ыджыдыс тiян пиысь медся вына, сiйӧ регыдджык ветлас да би ваяс.

Бур. Босьтiс медся ыджыд вок пищаль и муниc.

Другысь аддзӧ: туй вылас чугун гырнич.

— Тэ кытчӧ мунан? — юалӧ гырничыд.

— Била.

— Бурджык, бӧр кос, эн мун,— шуӧ гырнич.— Чишкалас тэнӧ биыд.

— Оз чишкав,— шуӧ вӧралысьлӧн медыджыд пи.

И водзӧ муниc.

Сылы воча лои сюмӧд шердын.

— Кытчӧ тэ мунан? — юалӧ шердыныд.

— Била.

— Эн мун, бӧр кос,— шуӧ шердын.— Чишкалас тэнӧ биыд.

— А гашкӧ и, оз,— вочавидзис зонмыд.

И водзӧ мунӧ.

Туй вылас тоин воча лои.

— Кытчӧ тэ мунан? — юалӧ тоин.

— Била.

— Эн мун, бӧр кос,— шуӧ тоин.— Чишкалас тэнӧ биыд.

— Оз чишкав, кыдзкӧ видзчыся,— шуӧ зонмыд.

И бара водзӧ мунӧ.

Туй вылас куран паныдасис.

— Не обожжёт, уберегусь,— говорит парень.

И опять пошёл дальше.

Лежат на дороге грабли.

— Ты куда идёшь? — спрашивают грабли.

— За огнём.

— Не ходи лучше, вернись,— говорят грабли.— Обожжёт тебя огонь.

— Не обожжёт, цел буду,— отвечает парень.

И опять пошёл дальше.

Шёл, шёл, видит — стоит избушка. Дверь открыта. В каменке огонь едва-едва теплится. А хозяина нет.

Начал старший охотников сын дрова подбрасывать, огонь раздувать. И вдруг над самым его ухом проговорил кто-то хриплым голосом:

— Ты что здесь делаешь?

Вскочил парень, смотрит: перед ним старик стоит — борода до полу, зубы словно колья торчат, руки точно крючья висят. Ну, прямо леший! А это он самый и был — лесной человек Яг-Морт.

— Тебе что здесь надо? — спрашивает лесной человек Яг-Морт.— Ты зачем мой огонь трогаешь?

— Хочу себе взять! — говорит парень.

— А тебе горшок на дороге попался? — спрашивает лесной человек Яг-Морт.

— Попался.

— А шердын попался?

— Тэ кытчӧ мунан? — юалӧ кураныд.

— Била.

— Эн мун, бӧр кос,— шуӧ куран.— Чишкалас тэнӧ биыд.

— Оз чишкав,— шуӧ зонмыд.

И бара водзӧ мунӧ.

Муніс, муніс, видзӧдӧ, керка сулалӧ. Ӧдзӧсыс восьса. Горъяс биыс ӧдва чусалӧ. А кӧзяин некӧн абу.

Босьтчис вӧралысьлӧн медся ыджыд пиыс гортӧ пескӧн лӧдсавны, би пӧлявны.

И другысь дзик пель дорас кодкӧ шыасис дзуртан гӧлӧсӧн:

— Тэ мый тані вӧчан?

Чепӧсйис зонмыд, видзӧдӧ: сы водзын старик сулалӧ — тошкыс джоджӧдз, пиньясыс ёсьтӧм тув кодьӧсь, киясыс крукъяс моз ӧшалӧны. Но, чистӧм лешӧй! А тайӧ Вӧрсаыд и вӧлӧма.

— Тэныд татысь мый колӧ? — бара юалӧ.— Мыйла тэ менсьым биӧс вӧрӧдан?

— Аслым босьтны кӧсъя! — шуӧ зонмыд.

— А гырничсӧ туй вывсьыд аддзылін? — юалӧ Вӧрса.

— Аддзылі.

— А шердынсӧ?

— Аддзылі жӧ.

— А тоинсӧ аддзылін эн?

— Аддзылі.

— А курансӧ?

— Попался.
— А толчея попалась?
— И толчея попалась.
— А грабли попались?
— И грабли попались.
— А что они тебе говорили?
— Говорили, чтобы я вернулся.
— А ты почему их не послушался? Знаешь, что это за горшок? — спрашивает Яг-Морт, а сам зубами скрипит.
— Горшок как горшок, чтобы мясо варить,— отвечает парень.
— Вот и врёшь,— говорит лесной человек Яг-Морт.— А что за шердын, знаешь?
— Простой шердын,— отвечает парень,— чтобы муку просеивать.
— Вот и врёшь,— говорит лесной человек Яг-Морт.— А что за толчея, знаешь?
— Как не знать! Толчея и есть толчея — зерно толочь,— отвечает парень.
— Вот и врёшь,— говорит лесной человек Яг-Морт.— А что за грабли, знаешь?
— Чего тут не знать! Эка невидаль — грабли!
— Ничего-то ты не знаешь,— говорит ему лесной человек Яг-Морт.— Ну, за это я тебя сейчас проучу хорошенько.

Схватил его за волосы, пригнул к полу, зажал между ногами и вырезал у него из спины ремень шириной в ладонь.

Едва вырвался от лешего старший охотников сын, а уж как вырвался — бросился бежать без оглядки. Про головню и думать забыл.

— И курансӧ аддзылі.
— А мый найӧ тэныд шуисны?
— Шуисны, мед бӧр коса.
— А тэ мыйла найӧс эн кывзы? Тӧдан-ӧ, мыйся сійӧ гырнич? — юалӧ Вӧрса, а ачыс пиньяснас герчкӧ.
— Гырнич гырнич и эм, медым яй пӧжны,— вочавидзӧ зон.
— А вот и ылӧдчан,— шуӧ Вӧрса.— А мыйся шердын, тӧдан?
— Прӧстӧй шердын,— вочавидзӧ зон,— медым пызь шерддьыны.
— Бара ылӧдчан,— шуӧ Вӧрса.— А мыйся тоин, тӧдан?
— Мый нӧ ог тӧд! Тоиныд сійӧ век нин тоин — ид тойны,— вочавидзӧ зон.
— Ы-ы-ылӧдчан,— шуӧ Вӧрса.— А мыйся куран, тӧдан?
— И тані нем тӧднысӧ. Ыджыд тай дивӧ — куран!
— Нинӧм тэ он тӧд,— шуӧ сылы Вӧрса.— Но, ме öні тэнӧ таысь неуна велӧдышта.

Кватитіс зонмӧс юрсиӧдыс, личкис джоджлань, топӧдіс кок костас да мышсьыс вундіс ки пыдӧс пасьта кучик тасма.

Мыйӧн мездысис вӧралысьлӧн ыджыд пиыс, уськӧдчис котӧртны син ни пель. Би йывсьыд и дум эз нин вӧв. Воис вӧр керкаас.
— Битӧ вайин? — юаліс батьыс.
— Кутшӧм нин сэні би! Ачым ӧдва ловйӧн коли. Муртса эз ви менӧ Вӧрса.

А мыш йывсьыд нинӧм оз висьтав, сӧмын йӧжгылясьӧ.

Скӧрмис батьыс, ыстіс шӧркост писӧ.

Коли лун, и сійӧ битӧг бергӧдчис, и сылӧн мышкысь кучик тасма Вӧрсаыд вундіс.

Пришёл к отцу и братьям едва живой.
— Огонь принёс? — спрашивает отец.
— Какой там огонь! Сам едва жив остался. Чуть не задушил меня леший.
А про спину молчит, только поёживается.
Рассердился отец, послал среднего сына за огнём.
Проходит день, и этот без огня возвращается, и у него из спины леший вырезал ремень.
Да про это молчит средний сын, только охает тихонько.
Смеётся младший брат над старшими.
— Ну что вы за охотники? — говорит.— Лесного человека испугались. Вы бы побили его, а потом и огонь бы унесли.
— Вот ты сам и сходи,— говорят братья.— И тебе достанется.
— Что ж, пойду,— говорит младший.
Взял ружьё, взял топор и отправился в путь. Шёл, шёл, видит — лежит на дороге горшок.
— Ты куда идёшь? — спрашивает горшок.
— За огнём.
— Вернись лучше, не ходи, беду наживёшь,— говорит горшок.
— Не пугай, не боюсь! — и дальше пошёл.
Попадается ему на дороге шердын.
— Ты куда идёшь? — спрашивает шердын.
— За огнём.
— Вернись, не ходи, обожжёт тебя огонь,— говорит шердын.
— Был бы только огонь, а уж я с ним управлюсь,— отвечает младший охотников сын.

Но та йылысь эз жӧ висьтась, сӧмын оксӧ гусьӧник.
Медічӧтыс сералӧ вокъяс вылас.
— Мыйся ті вӧралысьяс? — шуӧ.— Вӧрсаысь повзинныд. Колӧ вӧлі нӧйтыштны сійӧс, а та бӧрын и бисӧ позис нуны.
— Вот тэ ачыд и ветлы,— шуӧны вокъясыс.— И тэныд сюралас.
— Мый нӧ, ветла инӧсь,— шуӧ медічӧт вокыд.
Босьтіс пищаль, козъянас чер сюйис и туйӧ петіс.
Муніс, муніс да аддзӧ: туй вылас гырнич туплясьӧ.
— Тэ кытчӧ мӧдін? — юалӧ гырничыд.
— Била.
— Эн мун, бурджык, бӧр кос, сӧмын шог тӧдлан,— шуӧ гырнич.
— Эн повзьӧдчы, абу полысь рӧдысь! — И водзӧ муніс.
Туй вылас вочаасис шердын.
— Тэ кытчӧ мунан? — юалӧ шердын.
— Била.
— Эн мун, бӧр кос, чишкалас тэнӧ биыд,— шуӧ шердын.
— Мед сӧмын биыс лоӧ, а ме сыкӧд кыдзкӧ справитча нин,— вочавидзис вӧралысьлӧн медічӧт пиыс.
И водзӧ муніс.
Туй вылас воча лои тоин.
— Тэ кытчӧ мунан? — юалӧ тоин.
— Била.

И дальше пошёл.

Попадается ему на дороге толчея.

— Ты куда идёшь? — спрашивает толчея.

— За огнём.

— Не ходи, вернись, а то худо будет,— говорит толчея.

— Без огня ещё хуже,— говорит младший охотников сын.

И дальше пошёл.

Попадаются ему на дороге грабли.

— Ты куда идёшь? — спрашивают грабли.

— За огнём.

— Вернись, не ходи, жалеть будешь,— говорят грабли.

— Вот возьму огонь и вернусь,— отвечает младший охотников сын.

И опять дальше пошёл.

Дошёл до избушки, входит, а там сам лесной человек Яг-Морт лежит. Голова в одном углу, ноги в другом.

— Живёшь-поживаешь, добрый человек,— говорит младший охотников сын.— Не пустишь ли меня ночевать?

— Что ж, ночуй. Только не взять тебе того, за чем пришёл. Ты горшок на дороге видел?

— Видел,— говорит младший охотников сын.— И шердын видел, и толчею видел, и грабли видел — всё твоё добро.

— А что это за горшок, знаешь? — спрашивает лесной человек Яг-Морт.— Что за шердын, что за грабли, что за толчея, знаешь?

— Эн мун, бӧр кос, а то лёк лоӧ,— шуӧ тоиныд.

— Битӧгыс нӧшта лёк,— вочавидзӧ вӧралысьлӧн пиыс.

И водзӧ муніс.

Туй вылас воча лои куран.

— Тэ кытчӧ мунан? — юалӧ кураныд.

— Била.

— Эн мун, бӧр кос, бӧрнас каитчыны мӧдан,— шуӧ кураныд.

— Вот босьта бисӧ и бӧр коса,— вочавидзӧ зонмыд.

И бара водзӧ муніс.

Воис керкаӧдз, пырис, а сэні Вӧрсаыд куйлӧ. Юрыс ӧти пельӧсын, кокыс мӧдын.

— Олан-вылан, бур морт,— шуӧ вӧралысьлӧн медся ичӧт пиыс.— Узьны он-ӧ лэдз?

— Мый нӧ, узь колӧкӧ. Сӧмын ӧд он босьт сійӧс, мыйла локтін. Тэ гырничсӧ туй вывсьыс аддзылін?

— Аддзылі,— шуӧ вӧралысьлӧн пи.— И шердынтӧ аддзылі, и тоинтӧ, и курантӧ — став добратӧ тэнсьыд аддзылі.

— А мыйся сійӧ гырнич, тӧдан? — водзӧ юасьӧ Вӧрса.— Мыйся шердын, мыйся тоин, мыйся куран, тӧдан?

— Тӧда,— вочавидзӧ вӧралысьлӧн медся ичӧт пи.— Гырничыс — тэнад юрыд, шердыныс — тэнад тушаыд, кураныс — киясыд, а тоиныс — кокъясыд. Он кӧ лэдз менӧ войколавны, юртӧ тэнсьыд жугӧда, китӧ-коктӧ чегъяла, тушатӧ торпыригӧдз керала.

— Но, видзӧда да, тэ вывті вежӧра,— шуӧ Вӧрса.— Кай паччӧрас да мыйкӧ мойд меным. Да сэтшӧмтор, медым ставыс сэні небылича вӧлі, а вӧвлӧмтор кӧ висьталан — юрситӧ нетшка.

И дальше пошёл.

Попадается ему на дороге толчея.

— Ты куда идёшь? — спрашивает толчея.

— За огнём.

— Не ходи, вернись, а то худо будет,— говорит толчея.

— Без огня ещё хуже,— говорит младший охотников сын.

И дальше пошёл.

Попадаются ему на дороге грабли.

— Ты куда идёшь? — спрашивают грабли.

— За огнём.

— Вернись, не ходи, жалеть будешь,— говорят грабли.

— Вот возьму огонь и вернусь,— отвечает младший охотников сын.

И опять дальше пошёл.

Дошёл до избушки, входит, а там сам лесной человек Яг-Морт лежит. Голова в одном углу, ноги в другом.

— Живёшь-поживаешь, добрый человек,— говорит младший охотников сын.— Не пустишь ли меня ночевать?

— Что ж, ночуй. Только не взять тебе того, за чем пришёл. Ты горшок на дороге видел?

— Видел,— говорит младший охотников сын.— И шердын видел, и толчею видел, и грабли видел — всё твоё добро.

— А что это за горшок, знаешь? — спрашивает лесной человек Яг-Морт.— Что за шердын, что за грабли, что за толчея, знаешь?

— Эн мун, бӧр кос, а то лёк лоӧ,— шуӧ тоиныд.

— Битӧгыс нӧшта лёк,— вочавидзӧ вӧралысьлӧн пиыс.

И водзӧ муніс.

Туй вылас воча лои куран.

— Тэ кытчӧ мунан? — юалӧ кураныд.

— Била.

— Эн мун, бӧр кос, бӧрнас каитчыны мӧдан,— шуӧ кураныд.

— Вот босьта бисӧ и бӧр коса,— вочавидзӧ зонмыд.

И бара водзӧ муніс.

Воис керкаӧдз, пырис, а сэні Вӧрсаыд куйлӧ. Юрыс ӧти пельӧсын, кокыс мӧдын.

— Олан-вылан, бур морт,— шуӧ вӧралысьлӧн медся ичӧт пиыс.— Узьны он-ӧ лэдз?

— Мый нӧ, узь колӧкӧ. Сӧмын ӧд он босьт сійӧс, мыйла локтін. Тэ гырничсӧ туй вывсьыс аддзылін?

— Аддзылі,— шуӧ вӧралысьлӧн пи.— И шердынтӧ аддзылі, и тоинтӧ, и курантӧ — став добратӧ тэнсьыд аддзылі.

— А мыйся сійӧ гырнич, тӧдан? — водзӧ юасьӧ Вӧрса.— Мыйся шердын, мыйся тоин, мыйся куран, тӧдан?

— Тӧда,— вочавидзӧ вӧралысьлӧн медся ичӧт пи.— Гырничыс — тэнад юрыд, шердыныс — тэнад тушаыд, кураныс — киясыд, а тоиныс — кокъясыд. Он кӧ лэдз менӧ войколавны, юртӧ тэнсьыд жугӧда, китӧ-коктӧ чегъяла, тушатӧ торпыригӧдз керала.

— Но, видзӧда да, тэ вывті вежӧра,— шуӧ Вӧрса.— Кай паччӧрас да мыйкӧ мойд меным. Да сэтшӧмтор, медым ставыс сэні небылича вӧлі, а вӧвлӧмтор кӧ висьталан — юрситӧ нетшка.

— Знаю,— отвечает младший охотников сын.— Горшок — твоя голова, шердын — твоё тулово, грабли — твои руки, толчея — твои ноги. Если не пустишь меня ночевать, разобью я твою голову, изломаю руки-ноги, разрублю на куски тулово.

— Ну, вижу я, что ты больно умный,— говорит лесной человек.— Полезай на печку да рассказывай мне сказки. Да такие, чтобы было в них всё небывалое, а бывалое скажешь — волосы выдеру.

— Ладно, слушай,— говорит младший охотников сын.— Только если перебьёшь меня, тогда уж я у тебя волосы выдеру.

— И то ладно,— говорит лесной человек Яг-Морт.

Залез младший охотников сын на печку, стал рассказывать:

— Полетел я как-то на небо, три года летел, наконец долетел. А на небе все люди вверх ногами ходят. «Почему же это вы вверх ногами ходите?» — спрашиваю у них. А они мне говорят: «Потому вверх ногами ходим, что нечем сапоги шить, щетины у нас нет». А я им говорю: «Давайте я вам без щетины сапоги сошью. У леших волосы ещё лучше щетины». Вот потому я и пришёл к тебе — волосы у тебя повырывать.

Услышал это лесной человек Яг-Морт и обеими руками за голову схватился.

— Не дам волосы рвать! — кричит.

— Дашь не дашь, а раз слово сказал, вырву,— говорит младший охотников сын.— Такой уж у нас был уговор.

Запустил руку лешему в волосы, и сколько рука захватила, столько и вырвал.

Леший так и съёжился весь. А младший охотников сын опять рассказывает:

— Сшил я всем сапоги и пошёл гулять по небу. Вижу — мужик на гумне овёс лопа-

— Ладнӧ, кывзы,— шуӧ вӧралысьлӧн медся ичӧт пи.— Сӧмын торкан кӧ менӧ, сэки ачым тэнсьыд юрситӧ нетшка.

— Мед сідзи и лоӧ,— шуис Вӧрса.

Кайис зонмыд Вӧрса дорӧ паччӧрӧ, пондіс мойдны:

— Лэблі ме коркӧ ӧтчыд енэжӧ. Куим во чӧж лэби, бӧрти вои жӧ. А енэжад став йӧзыс увлань юрӧн ветлӧны. «Мыйла нӧ ті тані увлань юрӧн ветланныд?» — юала ме налысь. А найӧ вочавидзӧны: «Сы понда увлань юрӧн ветлам, мый сапӧг вурны нинӧмӧн, тшӧтьыс миянлӧн абу». А ме налы и шуа: «Вай ме тіянлы тшӧтьтӧгыс сапӧг вура. Вӧрсалӧн юрсиыс тшӧтьсьыд на бурджык». Вот та понда ме и локті тэ дорӧ — юрситӧ тэнсьыд нистыны.

Кыліс тайӧс Вӧрса да кыкнан кинас юрас кутчысис.

— Ог сет юрси нистыны! — горӧдіс.

— Сетан да он сет, а кыв кӧ сетін, ниста,— шуӧ вӧралысьлӧн медся ичӧт пи.— Кыдзи сёрнитчылім?!

Кватитчис Вӧрсалӧн юрӧ кыкнан кинас да мыйта вермис, сы мында и нетшыштіс.

Вӧрсаыд ставнас йӧжгыльтчыліс весиг. А вӧралысьлӧн пи водзӧ мойдӧ:

— Ставлы вури сапӧгъястӧ и муні енэж кузя гуляйтны. Видзӧда — гумла вылын мужик зырйӧн зӧр тӧлӧдӧ. А зӧр кыдйыс лэбӧ помтӧм-дортӧм. Куталі ме сійӧ кыдсӧ, гез кыи да гез отсӧгыс понді став йисасӧ кутавны. Куталі йисаястӧ, а васаяс асьныс на бӧрся локталісны. Видзӧдлы, со керка дорад нин сулалӧны!

Чепӧсйис Вӧрса — и ӧдзӧс дорӧ.

— Мыйла нӧ ылӧдчан? — шуӧ.— Тані некоді абу!

той веет. А из-под овса мякины летит видимо-невидимо. Наловил я этой мякины, свил верёвку и стал той верёвкой всех ледяных ловить. Выловил ледяных, а водяные за ними сами идут. Гляди, вот уже к дому подошли!

Вскочил леший — и к дверям.

— Зачем же обманываешь? — говорит.— Никого тут нет!

— А как же мне не обманывать, когда сам ты велел,— говорит младший охотников сын. И опять руку в волосы ему запустил да и выдернул целую копну волос.

Совсем притих лесной человек Яг-Морт, сидит, голову потирает. А младший охотников сын опять рассказывает:

— Пошёл я как-то на охоту. Дошёл до озера, стою и думаю: как бы мне на другой берег переправиться? Вдруг вижу: сидят на дереве мухи, много мух. Я их всех переловил, ниточкой связал и сам за конец ниточки ухватился. Мухи полетели и меня подняли. До середины озера донесли, а тут как раз нитка и оборвалась. Упал я в озеро, вот-вот утону. А на озере утки сидели. Поймал я одну за ногу, ну она меня к берегу и подтащила. Вот стою я на берегу и не знаю, что делать. Огня нет — ни высохнуть мне, ни согреться. Вдруг смотрю: идёт медведь. Поднял я ружьё, чтобы выстрелить, а медведь и говорит: «Ты в меня не стреляй, лучше скажи, что тебе нужно?» Опустил я ружьё и говорю: «Разводи огонь, замёрз я». А медведь отвечает мне: «Как же я огонь разведу? Мне нечем. Коли хочешь, садись ко мне на спину, я тебя отнесу туда, где огонь есть». Сел я на медведя, и понёс он меня по лесам, по болотам, через реки, через озёра и к тебе принёс. А ты огня не даёшь.

— Эй, Мишка! — крикнул тут в окно младший охотников сын.— Иди в избу, задуши этого лешего!

— А кыдзи нӧ меным ылӧдчытӧгыс, ачыд тшӧктін да,— шуӧ вӧралысьлӧн медся ичӧт пи. И бара Вӧрсалӧн юрлань ки нюжӧдіс да нетшыштіс кольта ыджда клӧк.

Дзикӧдз лӧнис Вӧрса, пукалӧ, юрсӧ малалӧ.

А зонмыд водзӧ мойдчӧ:

— Муні ме ӧтчыд вӧравны. Вои ты дорӧ, сулала и мӧвпала: кыдзи эськӧ меным мӧдарас веськавны? Друг аддза: пукалӧны пу вылын гутъяс, уна гут. Ме найӧс ставнысӧ куталі, шӧртӧн домавлі, ачым шӧрт помас кутчыси. Гутъясыд лэбзисны дай менӧ лэбӧдісны. Ты шӧрӧдзыс воисны, а сэні шӧртыд и ори. Уси ме тыад, вот-вот вӧя. А ты вылас чӧжъяс пукалӧны. Куті ӧтиӧс кокӧдыс, сійӧ менӧ берег дорӧдз и кыскис. Сулала тадзи берег дорас и ог тӧд, мый вӧчны. Би абу — ни косьтысьны сытӧг, ни шонтысьны. Друг аддза: ош локтӧ. Лэпті пищальӧс, медым лыйны, а ошкыд и шуӧ: «Тэ менӧ эн лый, бурджык, висьтав, мый тэныд колӧ?» Лэдзи пищальтӧ и шуа: «Песты би, ме кынми». А ошкыд вочавидзӧ: «Кыдзи нӧ ме бисӧ песта? Меным ӧд нинӧмӧн. Кӧсъян кӧ, пуксьы мыш вылӧ, а ме тэнӧ нуӧда сэтчӧ, кӧні биыс эм». Пукси ме ош вылад, и нуис сійӧ менӧ вӧръяс да нюръяс пыр, юяс да тыяс вомӧн, и тэ дорӧ вайӧдіс. А тэ би он сет.

— Эй, Микайлӧ! — горӧдіс вӧралысьлӧн медся ичӧт пи.— Лок, пыр, джагӧд Вӧрсасӧ!

Ставнас тіравны пондіс Вӧрса.

— Мый кӧсъян,— шуӧ,— босьт, сӧмын оштӧ бӧр нуӧд.

— Ог,— шуӧ вӧралысьлӧн медся ичӧт пи,— мед джагӧдас тэнӧ да мӧдысь мед он коль вӧралысь войтырӧс битӧг.— И бара горӧдіс:— Микайлӧ, лок татчӧ!

— Ой, эн лэдз керкаӧ оштӧ,— бӧрддзис Вӧрса,— ставсӧ сета, сӧмын тшӧкты мунны.

Так и задрожал со страху лесной человек Яг-Морт.

— Что хочешь,— говорит,— бери, только уведи медведя.

— Нет,— говорит младший охотников сын,— пусть задушит тебя, чтобы не оставлял ты людей без огня.

И опять в окно кричит:

— Мишка, иди сюда!

— Ой, не пускай медведя,— плачет леший,— всё тебе дам, только вели медведю уйти. На вот, бери огненный камень, бери железку. Ударишь железкой по камню, и будет у тебя огонь. Возьми сумку с дробью, из неё сколько ни вынимай зарядов, всегда полная будет. Возьми ружьё самострельное. Всё бери, только оставь живым.

— Нет,— говорит младший охотников сын,— мне этого мало. Отдавай ремни, что ты у братьев из спины вырезал.

— Бери,— говорит леший,— и это бери.

И повёл младшего охотникова сына в свою кладовку. А там все стены увешаны ремнями из человеческой кожи.

— Зачем же ты ремни из человеческой кожи хранишь? — спрашивает младший охотников сын.

— А это,— говорит лесной человек Яг-Морт,— я счёт веду вашим людям, тем, которых я напугал. А таких, что меня напугали, ещё не было, ты первый.

Спрятал младший охотников сын камень с железкой в карман, обменял своё простое ружьё на самострельное, надел через плечо сумку с дробью, спрятал за пазуху два кожаных ремня, а лесной человек Яг-Морт ещё целебной травы ему даёт.

На, бивасӧ и тывкӧртсӧ босьт. Кучкан тывкӧртнас изйӧ, и лоӧ тэныд би. И дрӧб сепысӧс сета: кӧть мыйта зарад сэтысь босьт, век тыр. И самострел пищальӧс босьт. Ставсӧ ну, сӧмын ловйӧн коль.

— Ог,— шуӧ вӧралысьлӧн медся ичӧт пи,— тайӧ этша на. Вай татчӧ вокъяслӧн мышкысь вундӧм тасмаяссӧ.

— Босьт,— шуӧ вӧрса,— и тайӧс босьт.

И нуӧдіс зонтӧ аслас кладовкаӧ. А сэні став стен пасьталаыс морт кучикысь вундалӧм тасма ӧшлӧма.

— Мый вылӧ тэ морт кучикысь вундӧм тасмаяссӧ видзан? — юалӧ вӧралысьлӧн медся ичӧт пи.

— А тайӧ ме,— шуӧ Вӧрса,— тшӧт нуӧда, кымын мортӧс повзьӧді. А сэтшӧмыс, коді менӧ повзьӧдны вермис, эз на паныдасьлы, тэ медводдза.

Дзебис вӧралысьлӧн медся ичӧт пи биватӧ да тывкӧрттӧ зептас, ассьыс важ пищальсӧ вежис самострел вылӧ, волысаліс дрӧб видзан сепыссӧ пельпом вомӧныс, питшӧгас кучик тасмаяс сюйис, а Вӧрса нӧшта и бурдӧдчан турун сетӧ.

— Босьт, босьт,— шуӧ,— згӧдитчас!

Прӧщайтчисны найӧ, и вӧралысьлӧн медся ичӧт пи бӧр туйӧ петіс.

Вочаалісны сійӧс вокъясыс да юалӧны:

— Кӧні нӧ биыд? Ми тай нӧ ог аддзӧй!

— А битӧ менам со татчӧ дзебӧма,— вочавидзӧ ичӧтджык вокныс да биа из кыскӧ.

Вартіс тывкӧртӧн, биыд пыр и чеччыштіс.

Синъяснысльі оз эскыны вокъяс!

— Бери, бери,— говорит,— пригодится!

Распрощались они, и отправился младший охотников сын в обратный путь.

Встречают его братья и спрашивают:

— Где же твой огонь? Что-то не видно его!

— А он вот здесь у меня спрятан,— отвечает младший брат и вытаскивает свой камень.

Ударил по камню железкой, огонь сразу и вырвался. Глазам своим не верят братья!

— А ну-ка дай и нам попробовать!

— Что ж, пробуйте,— говорит младший брат.— А мне подставляйте-ка ваши спины, я вам кожу залатаю!

И достаёт из-за пазухи два ремня.

Приложил один ремень к спине старшего брата, другой — к спине среднего брата, обвязал целебной травой, и сразу приросла кожа к их спинам.

— Смотрите ж, в другой раз умнее будьте! — говорит младший брат старшим.

Потом развели они большой огонь, нажарили мяса, наелись, напились, обогрелись, обсушились и с богатой добычей вернулись домой.

А лесной человек Яг-Морт с тех пор так и остался безо всего — ни огня у него нет, ни ружья с сумкой. Ничего он сделать людям не может, только зря пугает.

— Вайлы, вайлы, ми тшӧтш видлам!

— Мый нӧ, видлӧй колӧкӧ,— шуӧ ичӧтджык вокныс.— А меным ассьыныд мышъястӧ лӧсьӧдӧй, ме тіянӧс дзоньтала!

И судзӧдӧ питшӧгсьыс кык тасма.

Ладмӧдіс ӧти тасмасӧ ыджыдджык вокыслы мышкас, мӧдсӧ — шӧркост вокыслы, мавтіс бурдӧдчан туруннад, и кучикъясыс пыр жӧ бурдісны.

— Мӧдысь сюсьджыкӧн лоӧй! — шуӧ налы ичӧт вокыд.

Сэсся найӧ пестісны ыджыд би, яй пӧжалісны, пӧттӧдз сёйисны, пӧттӧдз юисны, шонтысисны, косьтысисны да озыр прӧмысӧн гортас бергӧдчисны.

А Вӧрса сійӧ кадсяньыс сідзи нинӧмтӧг и коли — ни би сылӧн абу, ни пищаль, ни сепыс. Нинӧм оз вермы вӧчны морткӧд, сӧмын повзьӧдчӧ.

ПЕРА-БОГАТЫРЬ

Коми сказка

ВОЗЛЕ Лупьинского лиственника, в Комму — Пермской стороне, жили-были в старину три брата: Антипа, Мизя и Пера.

Антипа ушёл на службу — воином стал, Мизя принялся землю пахать, а младший, Пера, молодой, неженатый, сделался охотником.

Наденет, бывало, лыжи длиной в три сажени, возьмёт острое копьё, лук да стрелы и уйдёт на лов...

Догонит он лося или оленя, поразит копьём и принесёт добычу домой.

Просторны были лесные угодья Перы, на сотни вёрст кругом он расставлял силки, но бегал так быстро, что все ловушки успевал осмотреть до обеда.

Бродит, бродит, бывало, день-деньской по дремучему лесу, а ночью наломает пихтовых веток, костёр разведёт и спит у огня. Вот каков он, Пера-богатырь!

Раз в деревне Лупье стал мужик избу ставить. Устроил он помочь и позвал соседей брёвна возить. Вместе со всеми поехал в лес и Пера-богатырь.

Мужики повалили деревья, очистили их от сучьев и коры, принялись брёвна возить. Пера отобрал себе самые крупные. А лошадёнка-то у него была никудышная. Тужится, тужится, никак с места воз не сдвинет. Начали соседи перешёптываться:

ПЕРА-БАГАТЫР

Коми мойд

ЛУПЬЯСА ЯГЫН, Коммуын, олісны-вылісны коркö куим вок: Антипа, Мизя да Пера.

Антипа муніс служба вылö, служивöйöн лои, Мизя босьтчис му вöдитны, а медічöт вокныс, Пера, сэки гöтыртöм на вöлі — сійö босьтчис вöравны.

Кöлысалас вöлі куим сывъя лямпасö, ёсь шы босьтас, ньöв да ньöввуж, и мунас вöрö прöмышляйтны...

Вöтöдас кöрöс либö лолаöс, шынас бытшкас и гортас кыйдöсöн бергöдчö.

Паськыдöсь вöліны Пералöн угоддьöясыс, сё верст öтарö да сё верст мöдарö лэчьяс окталöма, но ветліс сійö сэтшöм шурыда, мый став лэчсö вевъявліс öбед кадöдз гöгöртны.

Келалас, келалас вöлі лунтыръясöн пемыд вöрті, а вой кежлас чегъялас нив лыс, вольсалас би дорас да сы вылын и узяс.

Со кутшöм сійö вöлі, Пера-багатырыд!

Öтчыд Лупья гроздын öти мужик керка лэптыны шуис. Чукöртіс помеч да корис суседъяссö кер кыскавны. Ставкöд тшöтш вöрö кайис и Пера-багатыр.

Мужикъяс кертö пöрöдісны, увйисны да сувйисны, кырссисны да гогналісны, босьтчисны кыскавны. Пера аслыс бöрйис медся кызъяссö. А вöлыс сылöн, колö шуны, некытчö туйтöм вöлі. Зэлöдчис да зэлöдчис, а додьтö вöрзьöдны оз вермы. Пералöн суседъяс гусьöник шпыннялöны:

— Вот так Пера! Сам богатырь, а лошадь — кляча.

Обиделся Пера. Выпряг лошадь, ухватился за оглобли и вытащил на дорогу воз.

Удивились соседи богатырской силе молодого Перы.

А хозяйка, как услыхала, что он на себе брёвна приволок, испугалась: чем теперь кормить Перу? Пожалуй, такой богатырь сразу съест все припасы!

Угадал Пера хозяйкины думы и говорит:

— Принеси из леса побольше зелёного мха, свари его да посоли, вот мне и ужин готов!

Сели помочане* за стол. Всем хозяйка кашу подала, один Пера из большущего котла ест варёный мох. Ест да похваливает.

Засмеялся один из соседей, по имени Мелю-Мишка.

— У меня,— говорит,— в хлеву свинья и та к хлебу приучена. Принесёшь ей варёный мох — отворачивается.

А богатырь не любил, когда его вышучивали. Сам никого пальцем не трогал, а заденешь его — вспыхнет, как солома от огня.

Наутро вышел хозяин во двор, где вчера помочане брёвна свалили, а там нет ни одного бревна. И догадался он, что это Пера отомстил за обиду, полученную на пиру.

Знал хозяин, что у Мелю-Мишки был неподалёку поставлен сруб для новой избы. Пошёл туда. Глянул, а сруб полон брёвен. Стоят мужики, хозяин и Мелю-Мишка, затылки чешут, не знают, как тут быть. Подумали, подумали и отправились к Пере. А богатырь у

---

* *Помочане – люди, приглашённые на какую-либо работу.*

— Но и Пера! Ачыс багатыр, а вӧлыс — кляча.

Дӧзмис Пера. Лэдзаліс вӧвсӧ, ачыс кватитчис вожъясас дай петкӧдіс додьтӧ туй вылӧ.

Дивуйтчӧны суседъясыс Пералӧн багатыр вынӧн.

Кӧзяйка мыйӧн кыліс, мый сійӧ керъястӧ ас вылас кыскис, повзис весиг: мыйӧн пӧ понда вердны Ператӧ? Татшӧм багатырыд, пӧжалуй, став запаснымӧс быродас!

Гӧгӧрвоис Пера кӧзяйкалысь майшасьӧмсӧ дай шуӧ:

— Вай вӧрысь унджык веж нитш, пӧж да солав, со меным и ужын!

Пуксисны помечалысьяс пызан сайӧ. Кӧзяйка ставлы рок вайис, ӧтнас Пера ыджыд пӧртйысь пуӧм нитш панялӧ. Сёйӧ да ошкӧ на.

Ӧти сусед, Мелю-Мишка нима, сералӧ:

— Менам,— шуӧ,— гидйын порсь эм, дай сійӧ сӧмын нянь сёйны велалӧма. Сетан сылы пуӧм нитштӧ, да нырсӧ бергӧдӧ.

А багатырным миян эз радейт, кор сы вылын шмонитӧны. Ачыс некодӧс весиг чуньӧн эз вӧрзьӧдлы, но кодкӧ чуткас кӧ — пыр и ӧзйӧ, быттьӧ сюмӧдӧ би тшукӧдасны.

Мӧд асывнас кӧзяин петіс йӧрас, кытчӧ тӧрыт помечалысьяс кертӧ кыскалісны, а сэні ни ӧти кер абу. И гӧгӧрвоис, мый тайӧ Пераыд тӧрытъя ӧбидасӧ вештіс.

Тӧдіс кӧзяин, мый Мелю-Мишкалӧн неылын вӧлі керка сруб тшупӧма. Муніс сэтчӧ. Видзӧдліс, а Пера сылысь керъястӧ сруб пытшкас лӧдӧма. Сулалӧны мужикъяс, кӧзяин да Мелю-Мишка, балябӧжнысӧ гыжъялӧны, оз тӧдны, мый водзӧ вӧчны. Думайтісны, думайтісны и мунісны Пера дорӧ. А багатыр пызан сайын пукалӧ, пӧжӧм нитш панялӧ да ошкӧ. Улӧдз копыртчылісны мужикъяс, прӧща корисны.

Пера сэтшӧма серӧктіс, мый керка вевт вывсьыс лымйыс киссис. Но эз понды пык-

себя дома за столом сидит, варёный мох ест да похваливает. Поклонились мужики ему в пояс, попросили прощения.

Расхохотался Пера так, что снег с крыши посыпался. Но не стал ломаться, пошёл к срубу, вытащил брёвна, приволок их во двор и положил на прежнее место. Вот каков был Пера-богатырь!

Однажды случилась беда. На Русскую землю пошла войной орда степного хана. Не правдой — хитростью побеждала орда. У степного хана было большое-пребольшое железное колесо. В колесе сидел человек, вертелся, как белка, и гнал колесо. Оно катилось, давило людей, и никто не мог его остановить. А сверху ордынцы огнём горючим и стрелами осыпали всех, кто осмеливался преградить путь страшному колесу. Народ в ужасе бежал в леса.

Но вот дружинник Антипа пришёл к русскому князю и сказал:

— Есть у меня брат, Пера-богатырь, не позвать ли нам его на подмогу?

Обрадовался князь, закричал:

— Скачи на тройке за братом! Если он сломает железное колесо, я ему подарю половину своих владений.

Антипа с княжеским придворным поскакал на самой быстрой тройке к брату. Целую неделю ехал. Наконец добрался и рассказал Пере, какая беда приключилась. Богатырь в ответ:

— Что ж, надо добрым людям помочь!.. Скачи, братец, на тройке обратно в Комму, я тебя пеший догоню, за три дня туда на лыжах добегу!

— А если я на войну уйду, как без меня князь тебя узнает? — спрашивает Антипа.

сьыны, муніс сруб дорад, кыскаліс керъяссö, вайис кözяинлы йöрас да тэчис важ местаас. Со кутшöм вöлі сійö, Пера-багатырыд!

Öтчыд суис ыджыд шог. Кывсис, роч му вылö пö степнöй ханлöн орда уськöдчöма. Оз пö бурöн — сюсялömöн венö ордаыд. Ханлöн вöлі ыджыдсьыс-ыджыд кöрт кölеса. Кölесаас пукаліс морт, коді ур моз бергаліс да сідзи вötліс кölесасö. Кölесаыс быгыльтчис да лямödіс ас улас ставсö, мый шедö, и некоді эз вермы сувтödны сійöс. А сы вывсянь ордаса пöсь биöн да ёсь ньöвъясöн быродісны ставöс, коді лысьтліс потшны кölесалысь туй. Войтыр повзьöм вывсьыд ставöн вörö пышъялісны.

Но вот Антипа дружинник локтіс роч князь дорö дай шуö:

— Эм менам вок, Пера-багатыр, ог-ö корлöй сійöс отсög вылö?

Нимкодь лои князьыдлы, горödчис:

— Гöнеч ветлы вокыдла, тройка сета! Жугödас кö кöрт кölесатö, аслам вотчинаысь джын мусö сета.

Антипа да князьлöн придворнöй медся тэрыб тройканас гönитісны Пера дорö. Вежон чöж мунісны. Коркö воисны, Антипа висьталіс Пералы, мыйся шог суис. Багатыр воча:

— Мый нö, бур йöзлы отсавны колö!.. Гönит, вокö, тройканад бöр, а ме тэнö кокöн вötöда, лямпа вылын куим лунöн воа!

— А ме кö тышö пета, кыдзи метöг тödас тэнö князьыд? — юалö Антипа.

Пера шуö:

— Кытчö овмödча, лямпа серти тödасны. Лямпаöс ме керка дорас сувтöда, найö менам кузьöсь, помъяснас сигорас люкасясны. Ачымöс туша серти тödасны. Да нöшта кепысьяс серти: ме кödзыдсьыд ог пов, сы понда найöс пыр тасма костын новла.

Пера говорит:

— Где я стану жить, люди по лыжам узнают, лыжи возле дома поставлю, они у меня длинные, в стреху упрутся концами. А самого меня узнают по росту. Да ещё по рукавицам: не страшен мне мороз, мои рукавицы всегда за пояс заткнуты.

Уехал Антипа, а Пера ещё сутки дома прожил, потом побежал на лыжах в Комму.

В самую пору прибыл богатырь, уже к самому городу подкатывалось железное колесо. Вокруг искры сыплются. На оси колёса богатырского роста ордынец вертится. А колесо катится по полю, людей давит, огонь мечет... Падают убитые, разбегаются живые...

Пера-богатырь навстречу колесу, как стрела, полетел. Лицо звериной шкурой завязал, чтобы не обжечься. Ухватился он за спицы и прыгнул на ось, напротив ордынца. Первым делом Пера недруга наземь скинул, потом колесо остановил, опрокинул его и разорвал на части.

Увидели ордынцы, что богатырь разломал колесо, испугались и ускакали обратно в свою степную сторону...

А в Комму началось ликование. Русский князь устроил в честь Перы-богатыря пир на весь мир. Три дня гуляли гости, а на четвёртый князь говорит:

— Проси, удалой молодец Пера, у меня, что хочешь: золото бери, куниц бери! Полцарства бери!

А Пера в ответ:

— А на что мне твои меха, я сам куниц ловлю, красным девушкам дарю. И золото мне ни к чему. В лесу без него живут. И полцарства мне не нужно. В лесу я сам царь, меня медведь и тот боится.

Муніс Антипа, а Пера нӧшта сутти гортас оліс, вӧлисти туйӧ петіс, лямпаён Коммуӧ котӧртіс.

Ас кадӧ воис багатырным, дзик кар дорас воӧма кӧрт кӧлесаыд. Гӧгӧр сӧмын веж кинь лэбӧ. Кӧлеса чӧрс вылын ордаса багатыр бергалӧ. Кӧлесаыс поле вывті быгыльтчӧ, йӧзсӧ лямӧдӧ, би кольтаяс коялӧ... Кулӧмаяс усьӧны, ловъяыс бокӧ пышйӧ...

Пера-багатыр кӧлесаыдлы воча ньӧв моз лэбис. Чужӧмсӧ звер куӧн гаровтіс, мед оз чишкассьы. Кӧлеса тасъясас кватитчис, чӧрс вылас чеччыштіс, ордаса багатырлы воча чужӧмӧн. Медводз Пера вӧрӧгсӧ мулань швачкис, сэсся кӧлесатӧ сувтӧдіс, пӧрӧдіс да шӧри чашнитіс.

Аддзисны ордаса, кыдзи багатыр налысь кӧлесасӧ жугӧдіс, повзисны да бӧр асланыс степъясӧ гӧнитісны...

А Коммуын пансис гаж. Роч князь Ператӧ нимӧдӧм понда пир на весь мир лэптіс. Куим лун гажъялісны, а нёльӧд луннас князьыд и шуӧ:

— Удал молодеч, кор менсьым мый колӧ: зарни кӧть дона куяс! Сарство джынйӧс босьт!

Пераным воча:

— А мый вылӧ меным тэнад дона куясыд, ме и ачым кыя да нывъяслы козьнала. А зарниыд меным и ылӧ оз ков. Вӧрад сытӧг бура овсьӧ. И сарство джынйыд оз ков. Пармаын ме ачым сар, меысь ош и то полӧ.

Думайтыштіс князьыд да бара шуӧ:

— Вот тэ кутшӧм! Ме эг и чайтлы, мый татшӧмъясыс кӧнкӧ овлӧны. Кытысь рӧднад лоан? Воктӧ тэнсьыд аддзылі, а коді лоӧ мамыд, айыд, чойясыд?

Задумался князь и говорит:

— Ишь ты какой! Я и не знал, что такие бывают. Откуда ты родом? Брата твоего я видел, а вот кто твоя мать, кто отец, кто сёстры?

— Отец мой — лесной костёр, моя мать — берёзовое изголовье да пихтовая постель, а вольная воля — моя сестра, и без них я жить не могу,— молвил Пера-богатырь.

Подивился князь таким словам и подарил богатырю шёлковую сеть, чтобы куниц ловить. А ещё подарил грамоту, зырянскими буквами написанную. И было там сказано,

— Айӧ менам — вӧрса ноддя, мамӧ — кыдз чурка юрлӧс да ньыв пу вольпась, а вӧльнӧй вӧляыс — менам чой, и натӧг ме абу олысь,— вочавидзис Пера-багатыр.

Чуймалыштіс князь тайӧ кывъяс вылас да козьналіс багатырлы кунича кыйӧм вылӧ шӧвк кулӧм. А нӧшта сетіс зыряна ногӧн гижӧм грамота. И вӧлі сэтчӧ пасйӧма, мый Пера да сылӧн водзӧ мунысь рӧд нэм кежлӧ лоӧны Лупья яг вылын кӧзяеваӧн.

Прӧщайтчис Пера князькӧд — и гортас. Воис да пыр жӧ кайис ассьыс вотчинасӧ

что Пера и его потомки могут навечно Лупьинским лиственником владеть.

Попрощался Пера с князем — и домой. Там сразу пошёл в лиственник новое владение смотреть и расставить шёлковую сеть. Да не знал богатырь, что попал он, как нарочно, туда, где сам Вэрса-леший охотился.

Леший тут как тут! Шапка — будто большущая еловая шишка, зелёную бороду ветер треплет.

Нахмурил брови Вэрса и спросил богатыря, как он посмел в его владениях охотиться.

гӧгӧртны да шӧвк кулӧмсӧ сиавлыны. Да эз тӧд багатыр, мый веськаліс сэтчӧ, кӧні ачыс Вӧрса кыйсис.

А мӧдыс быттьӧ тані и вӧлӧма! Юр вылас ыджыдсьыс-ыджыд коз коль сяма шапка, турунвиж тошсӧ тӧв сыналӧ.

Синкымъяссӧ букыштіс Вӧрсаыд да юалӧ багатырлысь, кыдзи пӧ лысьтан менам вӧръясын прӧмышляйтны?

— Это не твои, а мои угодья. Вот читай княжескую грамоту,— сказал Пера.

Не умел читать Вэрса.

— Мне эта грамота не указ,— говорит.— Давай лучше состязаться, на палке тягаться. Кто победит, тот и станет владеть угодьями: то ли наша лесная нечисть, то ли ты, Пера, со своими земляками.

Нашёл богатырь палку, привязал её крепким ремнём к берёзе. Концы ремня обернул вокруг ствола и завязал.

С одного края уцепился за палку Пера, с другого — Вэрса. Вэрса рванул палку, да так, что берёза затрещала.

— Что это трещит? — спрашивает леший.

— Твой хребет! — отвечает богатырь.

Испугался Вэрса, не захотел больше состязаться.

— Ладно, владей лиственником. И давай жить дружно!

Пера поверил лешему. Но Вэрса решил его погубить.

Свалил богатырь высокую сосну, зажёг нодью — негаснущий костёр, и улеглись они у костра спать, Леший и Пера. Вэрса спрашивает Перу:

— А какой удар для тебя смертелен: удар меча или удар топора?

Зевнул Пера, отвечает, что не боится он ни меча, ни топора, боится только раскалённого копья с серебряным наконечником.

А копьё с серебряным наконечником как раз у лешего было. Он его под голову положил и захрапел.

— Тайӧ угоддьӧясыс абу тэнад, а менам. Со, видзӧдлы князьлысь грамотасӧ,— шуис Пера.

Эз куж лыддьысьны Вӧрсаыд.

— Мен тайӧ грамотаыд абу указ,— шуӧ.— Вай, бурджык, паличӧн кыскасям. Коді венас, сылы и лоӧ угоддьӧыс: либӧ миян вӧрса нечистьлӧн, либӧ тэнад аслад землякъяскӧд.

Корсис багатыр туяна палич, тасманас кӧрталіс кыдз пу бердӧ. Тасма помъяссӧ гаровтіс пу гӧгӧрыс да топыда гӧрддзаліс.

Палич ӧтарладорас Пера, мӧдарладорас — Вӧрса. Вӧрса нетшыштіс паличтӧ асланьыс, да сідзи, мый кыдз пуыд кратшмунліс.

— Мый нӧ тайӧ кратшнитіс? — юалӧ Вӧрса.

— Тэнад сюрсалыыд! — вочавидзӧ багатыр.

Повзис Вӧрса, эз лысьт водзӧ вермасьны.

— Ладнӧ, босьт аслыд став вӧрсӧ. Вай водзӧ ёртасьӧмӧн овны пондам!

Пера эскис Вӧрсалы. Но Вӧрса думыштіс вины сійӧс.

Пӧрӧдіс багатыр ыджыд пожӧм, ноддя пестіс, и лӧсьӧдчисны Пера да Вӧрса би дорын войколавны. Вӧрсаыд юалӧ Пералысь:

— А мыйӧн эськӧ тэнӧ вины верман: кипельӧн али черӧн?

Очсыштіс Пера дай вочавидзис, нинӧмысь пӧ ме ог пов, ни черысь, ни кипельысь, сӧмын эзысь йыла донӧдӧм шыысь пола.

А эзысь йыла шыыс Вӧрсалӧн стӧч да аскӧдыс вӧлі. Сюйыштіс сійӧс юр улас да регыд шкоргӧмӧн унмовсис.

Пера же потихоньку встал, вырвал из земли берёзу, притащил к костру, положил на своё место и плащом закрыл. А сам взял лук и стрелу, спрятался под ёлкой.

Среди ночи встал Вэрса, раскалил на костре своё копьё с серебряным наконечником да как ударит в накрытый плащом берёзовый ствол. Копьё насквозь пробило берёзу.

— Ну и крепок был Пера! — сказал леший и ещё раза два стукнул копьём по берёзе.

— Да ещё как крепок! — отвечал Пера и пустил в лешего острую стрелу.

Бросился леший бежать, а богатырь — следом, осыпает его стрелами.

До самого жилища преследовал лешего.

С той поры Пера, его земляки и потомки всегда охотились в Лупьинском лиственнике.

Вот каков был Пера-богатырь!

Женился он на сильной, высокой красавице. Жил сто двенадцать лет. Берёг грамоту и шёлковую сеть. А потомки Перы, Мизи и Антипы до сих пор живут на земле Коми. Все они славятся добрым сердцем и сильными руками.

Пера ньӧжйӧник чеччис, нетшыштіс вужнас кыдз пу, кыскис ноддя дорас, водтӧдіс ас пыддиыс, шебраліс. Ачыс босьтіс ньӧввужсӧ да коз пу улӧ сайӧдчис.

Вӧрса вой шӧрнас чеччис, би вылас донӧдіс эзысь йыла шысӧ да кыдзи тай тшукӧдіс кыдз пулы. Шыыс пучер пырыс сквӧзь муніс.

— Но и крепыд жӧ вӧлӧма Пераыд! — шуис Вӧрса да содтӧд кыкысь кучкис шынас.

— Нӧшта кутшӧм на крепыд! — вочавидзис Пера да лэдзис Вӧрсалы ёсь ньӧв.

Вӧрса уськӧдчис пышйыны, а багатыр сы бӧрся, сӧмын и шӧтӧ ньӧвъяснас. Вӧрсалӧн оланінӧдз вӧтчис.

Сійӧ кадсяньыс Пера, сылӧн землякъяс и налӧн челядь Лупья ягын пыр кыйсьӧны.

Со кутшӧм вӧлі сійӧ, Пера-багатырыд!

Гӧтрасис ён да ыджыд тушаа мича ныв вылӧ. Оліс сё кызь арӧсӧдз. И пыр видзис грамотасӧ да шӧвк кулӧмсӧ. Пералӧн, Мизялӧн да Антипалӧн челядь и внукъяс ӧнӧдз на олӧны Коммуын. Ставӧн найӧ шань сьӧлӧма да вына войтырӧн кывсьӧны.

ПЕРА И ЗАРАНЬ

Коми-пермяцкая сказка

ВЫСОКО-ВЫСОКО над землёй, на небе, жили бог Ен и его дочь Зарань. Тихо и спокойно текла их жизнь. Вокруг было одно небо — ровное, голубое, ни гор высоких на нём, ни оврагов глубоких, ни рек текучих, ни лесов дремучих — ничего нет.

Скучно стало Зарани на небе.

Смотрит она вниз на землю. А земля не то что небо: в одном месте зеленеет лесами, в другом — желтеет полями, и реки по ней бегут, и леса стоят, и горы возвышаются.

Смотрела, смотрела Зарань на землю и однажды сказала Ену:

— Отец, мне скучно здесь, пусти меня землю посмотреть.

— Что там смотреть,— недовольно проворчал Ен.— Плохо на земле: горы, да овраги, да дремучий лес — парма, а в нём бродят свирепые звери — медведи.

Не пустил Ен дочку на землю.

Прошёл день, другой, третий, а у Зарани из головы не выходят мысли о земле. Всё думает она, каковы горы и овраги, что такое дремучий лес — парма. Очень хочется ей увидеть всё это своими глазами. Даже медведи не пугают. «Авось,— думает,— не тронут они меня». Но как попасть на землю?

ПЕРА ДА ЗАРАНЬ

Перым-коми мойд

ВЫЛЫН-ВЫЛЫН, енэж дзибъяс, олісны Ен да сылӧн ныв, Зарань. Лӧня да шаня кыссис налӧн олӧмыс. На гӧгӧр вӧлі помтӧм-дортӧм енэж — шыльыд да югыдлӧз, ни джуджыд гӧра тэныд, ни кырӧм-бужӧд, ни бузгысь ю, ни пемыд вӧр — нинӧм татшӧмыс сэні эз вӧв.

Гажтӧм Зараньлы.

Видзӧдӧ сійӧ увлань, му вылӧ синсӧ чӧвталӧ. А му вылад абу небесаын кодь: ӧтилаын со пуяс вежӧдӧны, мӧдлаын — кӧдза зарниасьӧ, и юяс сэні чукльӧдлӧны-визувтӧны, и ягъяс шувгӧны, и гӧраяс тыдалӧны.

Видзӧдіс, видзӧдіс Зарань му вылад дай ӧтчыд шуӧ Енлы:

— Айӧ, меным гажтӧм тані, лэдз му вылысь олӧмсӧ видзӧдлыны.

— Мый сэтысь видзӧдан,— дӧзмӧмпырысь вочавидзис Ен.— Му вылад ставыс лёк: гӧраяс, бужӧдъяс, пемыд вӧр — парма, а сэні олӧны этш тӧдтӧм зверъяс — ошъяс.

Эз лэдз му вылӧ нывсӧ Ен.

Коли лун, мӧд, коймӧд, а му вылӧ ветлӧм йылысь думыс Зараньлӧн вежӧрысь некыдзи оз пет. Пыр мӧвпалӧ, кутшӧмӧсь сэні гӧраясыс да бужӧдъясыс, мый сійӧ пемыд вӧрыс — пармаыс. Зэв нин окота ставсӧ тайӧс аддзывны аслас синмӧн. Весиг ошъяс оз падмӧдны. «Гашкӧ,— думайтӧ,— оз вӧрзьӧдны найӧ менӧ». Но кыдзи веськавны му вылас?

Тут увидела Зарань радугу, которая через всё небо перекинулась, до земли достала и пьёт воду из лесной реки.

— Радуга, радуга, позволь мне по твоей спине с неба на землю сойти,— попросила Зарань.

— Иди,— ответила радуга,— только спеши: я как напьюсь, так сразу поднимусь в небо.

Побежала Зарань по спине радуги вниз, но не успела добежать до земли: радуга напилась и поднялась в небо. Досадно стало Зарани.

С тех пор Зарань, что бы ни делала, всё время поглядывала: как там радуга, не пьёт ли опять воду из земной реки?

И когда однажды радуга снова наклонилась к реке, Зарань со всех ног пустилась бежать по её полосатой спине.

На этот раз она успела пробежать весь путь и ступила на зелёную землю. Вдруг она слышит, кто-то её спрашивает:

— Кто ты такая?

Видит Зарань: перед ней стоит молодой парень в красивой одежде из пушистого меха.

— Я Зарань, дочь бога Ена. А ты кто?

— Я охотник, хозяин здешних мест, а зовут меня Пера. Зачем ты спустилась с неба сюда?

— Скучно мне на небе, хочу посмотреть на землю.

— Что ж, будь гостьей, покажу тебе всю земную красоту.

Тайӧ здукас Зарань водзӧ петіс ӧшкамӧшка, мегырӧн став енэжсӧ кытшаліс, муӧдз кусыньтчис да вӧрса ёльысь ва юӧ.

— Ӧшкамӧшка-чойӧ, позьӧ, ме тэнад мыш вывті муӧ лэччыла? — корис Зарань.

— Лэччыв,— вочавидзис ӧшкамӧшка,— сӧмын тэрмасьышт: ме мыйӧн пӧттӧдз юа васӧ, пыр жӧ енэжӧ кыпӧдча.

Котӧртіс Зарань ӧшкамӧшкалӧн мыш вывті, но муӧдз эзджык во: ӧшкамӧшка юис пӧттӧдз и кыпӧдчис енэжӧ.

Забеднӧ лои Зараньлы.

Сійӧ лунсяньыс Зарань кӧть мый оз вӧч, пыр кыйялӧ: кыдзи сэні ӧшкамӧшкаыс олӧ, оз-ӧ бара мувывса ёльсьыс васӧ ю?

И ӧтчыд, кор ӧшкамӧшка бара копыртчис юны, Зарань мый вермис котӧртіс увлань сылӧн уна рӧма мыш кузя.

Тайӧ пӧрйӧ вевъяліс котӧртны помӧдз, тадзи воӧдчис веж му вылӧ.

Друг кылӧ, кодкӧ юалӧ:

— Тэ коді сэтшӧмыс лоан?

Аддзӧ Зарань: сулалӧ сы водзын дона куысь вурӧм паськӧма том морт.

— Ме Зарань, Енлӧн ныв. А тэ коді?

— Ме вӧралысь, татчӧс кӧзяин, и шуӧны менӧ Пераӧн. А тэ кутшӧм могӧн лэччин енэж вывсьыд?

— Гажтӧм лои сэні, окота видзӧдлыны му выв олӧмсӧ.

— Бур. Сідзкӧ, ло гӧстяӧн, тэныд петкӧдла му выв мичсӧ.

Повёл охотник Пера девушку по своим владениям, показал ей леса и поляны, горы и долы, реки шумные и ручьи светлые. Очень понравилась Зарани парма, и Пера ей понравился.

— Хочу я подольше пожить в твоих владениях,— говорит она Пере.

— Оставайся насовсем,— отвечает ей Пера,— пусть моя земля будет и твоей.

И осталась дочь бога Ена жить на земле.

Тем временем хватился бог Ен дочери, а её нет. По всему небу он искал её — не нашёл. Глянул на землю и увидел свою дочь Зарань в доме земного человека на берегу реки.

Приказал Ен радуге наклониться к земле и говорит:

— Возвращайся, дочь, скорее домой.

А та отвечает:

— Не хочу на небо, я хочу жить на земле.

— На земле ты будешь жить в тёмном лесу, ходить узкими звериными тропами, есть грубую земную пищу.

— Всё равно я останусь на земле.

— Тебе придётся терпеть лишения и нужду, тяжёлый труд и болезни. Одумайся, пока не поздно.

Поглядела Зарань на Перу и ответила отцу:

— Нет, я больше никогда не вернусь на небо.

Рассердился Ен и напустил на землю великую жару. От этой жары поникла трава на лугах, листья на деревьях пожухли, высохли реки и речки, но на самом дне глубокого оврага остался один маленький родничок, он и поил всё живое.

Нуӧдіс Пера Ен нылӧс аслас угоддьӧясӧ, петкӧдліс парма вӧр, гӧраяс да логъяс, визув юяс да сӧстӧм ёльяс. Ёна кажитчис Зараньлы пармаыд, и Пера кажитчис.

— Окота дырджык олыштны тэнад угоддьӧясын,— шуӧ сійӧ.

— Кольччы кӧть пыр кежлӧ,— вочавидзӧ Пера,— мед менам муыс лоӧ и тэнадӧн.

Со и кольччис Енлӧн ныв му вылӧ овны.

Коркӧ кватитчис Ен, нывсӧ корсьӧ, а сійӧ некӧні абу. Став енэж пасьталаыс ветлӧдліскорсис — эз аддзы. Видзӧдліс увлань да аддзис Зарань нывсӧ юдорса керкаысь, мувыв морт ордын олӧ.

Тшӧктіс Ен ӧшкамӧшкалы мулань копыртчывны, лэччис сы кузя да шуӧ:

— Лок, нылӧ, гортӧ, да тэрмасьышт.

А сійӧ вочавидзӧ:

— Ог кай енэж вылӧ, ме кӧсъя тані овны.

— Му вылад тэныд ковмас овны тшем вӧр пӧвстын, ветлыны пемӧсъясӧн талялӧм ордымӧд, сёйны мортлысь чӧскыдтӧм вӧлӧга.

— Мед и сідз, ме кольчча.

— Тэ тӧдлан тужа и нужа, сьӧкыд удж, быдсяма висьӧмсӧ. Тӧлксяв, пока абу сёр.

Видзӧдліс Зарань Пера вылӧ, и вочавидзис айыслы:

— Ог, ме водзӧ некор ог бергӧдчы енэж вылад.

Скӧрмис Ен да ыстіс му вылӧ сотан жар. Видзьяс вылын туруныс нярмис, пуяс вылын корйыс ставнас вижӧдіс, юяс да ёльяс ляпкалісны-косьмисны, но ӧти бужӧдын, дзик пыдӧсас, коли ичӧтик дзольӧб, сійӧ и юкталіс став ловъя ловсӧ.

Перетерпели Пера и Зарань великую жару, а Ен шлёт новое испытание: обрушил на землю невиданные ливни. Затопила вода все низины, затопила низкие горы, затопила высокие. Но Пера и Зарань построили плот и спаслись.

Спала большая вода, пошла было жизнь по-прежнему. Но Ен придумал новое наказание: он увёл от земли солнце, и наступила на земле стужа, повалил снег, замела-завыла метель, земля погрузилась во мрак.

Но скрылись Пера и Зарань в чаще пармы. Парма укрыла их от ветра и холода, в парме охотник Пера добывал дневное пропитание.

Долго не пускал Ен солнце освещать и греть землю, а когда оно вернулось на прежний свой путь и снова осветило и согрело землю, посмотрел Ен вниз и глазам своим не поверил.

На берегу большой реки, радуясь солнцу, пели и плясали люди, целое племя. И была среди них женщина, которую они все называли матерью. Была она такая же ясноглазая, как его дочь Зарань, только волосы у этой женщины были не золотистые, а седые.

— Скажи мне, женщина, кто ты такая? — спросил Ен.

— Я твоя дочь Зарань,— ответила она.

— А кто эти люди, которые веселятся вокруг тебя?

— Это наши с Перой дети, а твои внуки.

Так на земле появилось племя Перы — предки коми-пермяков.

Вуджисны Пера да Зарань ыджыд неминучатӧ, а Ен выльӧс ыстӧ: тӧдлытӧм зэръяс. Ойдіс зэр ванас увтасінъяс, весиг неыджыд мылькъяс, сэсся и джуджыд гӧраяс. Но Пера да Зарань пур лӧсьӧдісны да сы вылын кывтісны.

Усис ыджыд ваыд, быттьӧ ладмыліс нин налӧн олӧмыс. Но Ен мӧвпыштіс нӧшта ӧти ускӧттьӧ: шондісӧ сайӧдіс, и суис му-васӧ тӧдлытӧм кӧдзыд, пондіс усьны лым, турӧбаліс, му вылӧ пуксис сьӧд вой.

Пера да Зарань дзебсисны сук пармаӧ. Парма сайӧдіс найӧс лэчыд тӧвъясысь да кӧдзыдысь, пармаын Пера вӧраліс, перйис пӧткӧдчымӧн вӧлӧга.

Дыр эз сет Енмыд шонділы вӧля мусӧ югзьӧдны да шонтыны. Видзӧдліс ӧтчыд увлань, и аслас синъяслы эз эскы.

Ыджыд юлӧн берег дорын йӧктӧны да сьылӧны йӧз, быдса котыр, радлӧны шонділы. И вӧлі на пӧвстын нывбаба, кодӧс найӧ нимтісны мамӧн. Тайӧ нывбабаыс вӧлі Зарань кодь жӧ ясыд синма, сӧмын юрсиыс сылӧн абу зарни рӧма, а дзорсьыс-дзор.

— Висьтав меным, аньӧй, коді тэ лоан? — юаліс Ен.

— Ме тэнад нылыд, Зарань,— вочавидзис мӧдыс.

— А кодъяс лоӧны тэ гӧгӧр гажӧдчысь йӧзыс?

— Тайӧ менам да Пералӧн челядь, тэнад внукъяс.

Тадзи му вылӧ овмӧдчис Пера рӧд — перым-комилӧн пӧльяс.

БОГАТЫРЬ КУДЫМ-ОШ

Коми-пермяцкая сказка

ДАВНЫМ-ДАВНО, когда Иньва-река ещё текла не тем путём, каким течёт теперь, жил на её берегах могучий народ — чудь.

Самыми сильными в чудском роде — увтыре — были три брата: Купра, Май и Ош, сыновья чудского вождя, пама, и мудрой женщины, по имени Пэвсин.

А среди трёх братьев самым ловким и удачливым был меньшой брат, Ош. Глаза у Оша зоркие, как у ястреба, чёрной ночью он видел лучше совы, ростом был в три аршина, а сила и разум были ему даны втрое против других людей. Зимой и летом ходил Ош с непокрытой головой, не боялся он ни дождя, ни снега, ни жаркого солнца, ни злых северных ветров. Потому и звали его Ош — что значит медведь.

Матери Оша, Пэвсин, мудрой и проворной женщине, покровительствовал сам Войпель. Весь увтыр её уважал, и все её слушались. Трудилась Пэвсин наравне с мужчинами, и когда несла воду с реки в тяжёлой корчаге, то не искала пологого подъёма, поднималась на берег по круче.

Отец Оша, пам чудского племени, пошёл войной на Курэгкар и Круточой; в этом походе он был убит.

Была у чудского рода ведунья Чыкыш, которая зналась с рогатым лесным царём

БАГАТЫР КУДЫМ-ОШ

Перым-коми мойд

КОРКӦ ЗЭВ важӧн, кор на весиг Иньва ю мӧдлаті визувтіс, эз ӧнія туйӧдыс, сылӧн берегъяс вылын ыджыд котырӧн олісны дивӧ кодь войтыр — чудь.

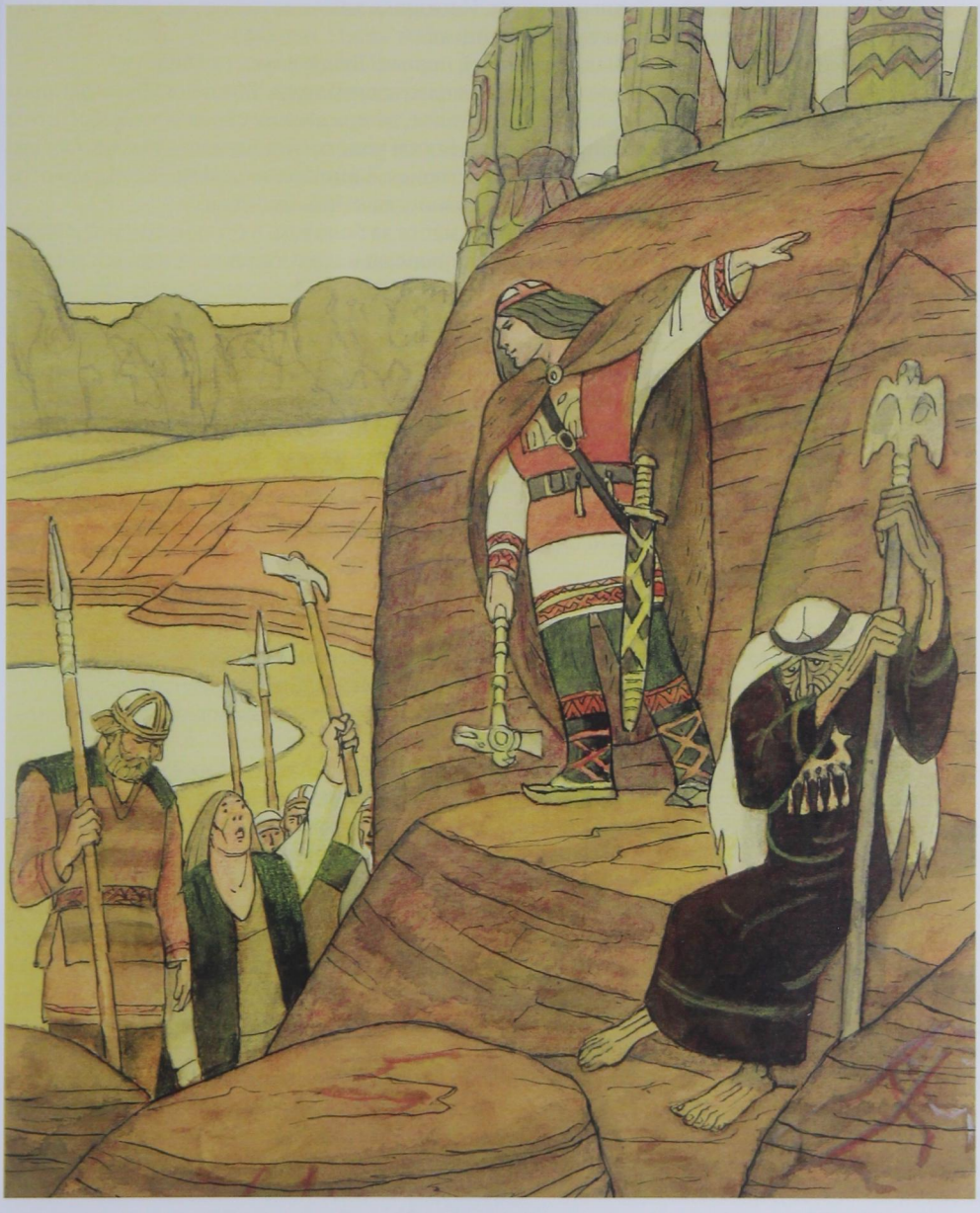
Медся вынанас чудь рӧдын — увтырын — вӧліны куим вок — Купра, Май да Ош, чудь войтыр пӧвстысь петӧм памалӧн да сылӧн гӧтырлӧн, Пӧвсин нима авъя аньлӧн пиян.

А куим вок пӧвстын медся пельк да медся удал вӧлі Ош, ичӧт вокныс. Синмыс варышлӧн кодь ёсь, пемыд войӧ сюзьысь бурджыка аддзӧ, тушанас куим сыв кузя, а вынсӧ да винёвлунсӧ сылы вӧлі сетӧма мукӧд серти куим пӧв унджык. Тӧв и гожӧм ветліс Ош тупкытӧм юрӧн, эз пов ни зэрысь, ни лымйысь, ни пӧжан шондіысь, ни войвывса лэчыд тӧвъясысь. Та понда и шуисны сійӧс Ошкӧн — ош кодь вына, сідзкӧ.

Ошлысь мамсӧ, авъя да визув Пӧвсинӧс, ачыс Войпель дорйис. Став увтырыс таысь пыдди пуктіс аньӧс, ставӧн сылысь кывзісны. Уджаліс-мырсис Пӧвсин мужичӧйяскӧд рад, и кор весиг ю дорысь ва кыскаліс сьӧкыд пельсаӧн, эз корсь кокньыдджык туй, крут берегӧд веськыда кайліс.

Ошлӧн айыс, чудь рӧдлӧн пам, муніс Курӧгкарлы да Крутӧчойлы паныд; тайӧ тышас сійӧс и виисны.

Вӧлі нӧшта Чыкыш, чудь рӧдлӧн кӧлдуння, коді ёртасис вӧрса сар Сюрапелькӧд. Чы-

Сюрапеле. Она умела оживлять мёртвых, из камня огонь добывать и людям глаза отводить. Но даже Чыкыш не смогла оживить пама: много времени прошло, как он умер.

Похоронили пама возле Кудвы-реки, на Изъюре — каменистой круче, где было чудское мольбище — жилище богов и самого Войпеля.

Похоронили старого пама, надо выбирать нового. Люди назвали Оша.

Обрядили Оша в памскую одежду, стали молиться, просить Войпеля уберечь нового пама от болезней, от порчи и колдовского сглаза, от вражеских стрел и ножей. Потом дали молодому паму наказ, чтобы правил он чудским родом — увтыром — так же, как его отец, старый пам: охранял чудинов, и старых и малых, защищал их очаги, всегда наготове держал острые копья и стрелы с наконечниками, смазанными ядом.

Чудское селение находилось на открытом месте за болотом, в стороне от мольбища. Хорошее это было место, весёлое, но часто нападали на него соседские племена, и трудно было защищать неукреплённое селение.

И сказал Ош своим братьям Купре и Маю, и своей матери Пэвсин, и ведунье Чыкыш, и всем людям:

— Давайте построим свои жилища на красной круче Изъюра, за пазухой у Войпеля, пусть он сторожит нас, как тетёрка своих птенцов, как мать своё дитя.

Молчали люди, как будто онемели их языки, сидели неподвижно, будто отнялись у них руки и ноги. Даже Иньва-река замерла, перестала играть галькой. Разве не знает удалой Ош, что Изъюр — жилище богов? Разве не знает он, что великий бог Ен покарает всякого, кто посмеет осквернить священное место?

Ведунья Чыкыш сказала:

кыш сяммис кулӧмаяслы лов пӧльыштны, изйысь би перйыны и йӧзлысь син пӧртмавны. Но весиг сійӧ эз сяммы ловзьӧдны памӧс: уна ва визувтіс сылӧн кувсьӧмсянь.

Гуалісны памӧс Кудва-ю дорӧ, Изъюр гӧра вылӧ, кӧні вӧлі чудь рӧдлӧн юрбитанін — енъяслӧн да Войпельлӧн оланіныс.

Гуалісны пӧрысь памӧс, колӧ выльӧс бӧрйыны. Йӧзыс индісны Ош вылӧ.

Пасьтӧдісны Ошӧс памӧ, пондісны юрбитны, корны Войпельлысь, мед видзас выль памӧс лёк висьӧмъясысь, керӧмысь да тшыкӧдӧмысь, вӧрӧглӧн ньӧвйысь да шыпуртысь. Сетісны выль памлы наказ, мед веськӧдлас чудь рӧдӧн — увтырӧн — сідзи жӧ, кыдзи айыс, пӧрысь пам, видзас найӧс, томӧс и пӧрысьӧс, доръяс налысь оланінъяс, пыр дасьвыйын кутас пагӧдан зелляӧн мавтӧм йыла шыяс да ньӧвъяс.

Чудь оланін сулаліс нюр сайын, восьсаинын, юрбитанінысь бокын. Зэв бур вӧлі тайӧ местаыс, гажа, но тшӧкыда на вылӧ уськӧдчылісны орччӧн олысь котыръяс, а сайӧдтӧм оланінтӧ дорйыны абу кокни.

И шуис Ош аслас вокъяслы, Купралы да Майлы, да аслас мамлы, Пӧвсинлы, да тӧдысь Чыкышлы, и став чудь войтырлы:

— Вайӧ кыпӧдамӧй Изъюр гӧра йылӧ выль оланін, вӧзйысям Войпельлӧн киняулӧ, медым видзис миянӧс, кыдзи энь тар ассьыс быдтасъяссӧ, кыдзи морт мам ассьыс дитясӧ.

Чӧв ланьтісны войтыр, быттьӧ кывнысӧ ньылыштісны, пукалӧны вӧрзьӧдчывтӧг, быттьӧ ки и кок кынмӧма. Весиг Иньва-ю сувтліс, дугдыліс ворсӧдчыны лыавыв изъяснас. Оз ӧмӧй тӧд удал Ош, мый Изъюр — енъяслӧн оланін? Вунӧдіс ӧмӧй, мый ыджыд Ен чергӧдас быдӧнӧс, коді лысьтас вежаинсӧ пежавны?

Кӧлдуння Чыкыш шуис:

— Пусть отсохнут руки и отнимутся ноги у того, кто потревожит жилище богов!

Старики согласно склонили седые головы. Но не согласился с ведуньей молодой пам.

— Люди! — сказал он.— Вы дали мне этот посох — знак вождя, вы обещали слушаться меня как дети свою мать. Пусть же те, кому не дороги их головы, остаются здесь, а кто хочет жить, идёмте со мной на Изъюр.

Молчали люди, только Иньва-река заволновалась, забурлила на перекатах.

Старая Чыкыш сказала в раздумье:

— Бог покарает всякого, кто пойдёт против его воли, и будет тот ползать на четвереньках всю жизнь и не увидит больше светлого солнца.

Молчали люди, только Иньва-река яростно ревела и билась волнами о берег, унося с собой камни.

Тогда Ош протянул свои могучие руки к солнцу и сказал:

— Ясное солнце, открой людям глаза, дай им разума, покажи, где надо жить!

И тут люди увидели, как засияло солнце и ярко осветило крутой обрыв Изъюра.

— Солнце указало, где нам жить! — воскликнул молодой пам.

Чудины вслед за Ошем пошли на Изъюр. Построили они там селение, сначала поставили шалаши, потом вырыли землянки, огородили их сосновым заплотом и назвали селенье Кудымкар, то есть город на реке Куд, а молодого пама стали называть Кудым-Ошем.

Настало время Кудым-Ошу жениться.

Сказала ему старая Чыкыш:

— На далёкой быстрой реке живут вогулы. Правит ими большой князь, и есть у кня-

— Мед косьмас сылӧн киыс и кокыс, коді лысьтас вӧрзьӧдны енъяслысь оланін!

Старикъяс ӧтсӧглас катлӧдлісны дзор юръяснас.

Но эз кывзы кӧлдунняӧс выль пам.

— Войтыр! — шуис сійӧ.— Ті сетінныд меным тайӧ вежа бедьсӧ — ӧксылысь пас, ті кӧсйысинныд кывзысьны менсьым, кыдзи мамыслысь кывзысьӧ дитя. Мед найӧ, кодлы абу дона юрыс, кольччасны татчӧ, а коді кӧсйӧ на овны, мунамӧй мекӧд Изъюр йылӧ.

Чӧв олісны войтыр, сӧмын Иньва-ю гызис, шыаліс коськъяс вылын.

Кӧлдуння Чыкыш мӧвпалігтыръя шуис:

— Ен мыждас быдӧнӧс, коді лысьтас вуджны сылысь кывсӧ, и мӧдас кыв вуджысь олӧм помӧдзыс кыскасьны пидзӧсъяс вылас, и оз аддзыв некор югыд шондісӧ.

Чӧв олісны войтыр, сӧмын Иньва-ю скӧрысь гыаліс да веж гыяссӧ шыблаліс берегӧ, ньылаліс лыа вылысь изъяссӧ.

Сэки Ош нюжӧдіс ассьыс сӧнӧд кияссӧ шонділань да шуис:

— Югыд шондіӧй, восьт менам войтырлы синъяссӧ, сет налы вежӧр, петкӧдлы, кӧні миянлы водзӧ овны шуӧма!

И тайӧ здукас войтыр аддзисны, кыдзи шондіыс пондіс дзирдавны да кыдзи югзьӧдіс Изъюр гӧралысь крут бокшасӧ.

— Ачыс шондіыс индіс, кӧні миянлы водзӧ овны! — горӧдчис выль пам.

И чудьяс Ош бӧрся мунісны Изъюр гӧра вылӧ. Кыпӧдісны сэтчӧ оланінъяс, медводз вӧчисны лыска чомъяс, сэсся кодйисны гуяс, гӧгӧр потшисны ёсьтӧм керйӧн, и нимтісны оланінсӧ Кудым карӧн, мӧд ногӧн кӧ — Куд ю вылын кар, а выль памӧс пондісны ыджӧдлыны Кудым-Ошкӧн.

зя дочь Костэ, прекрасная, как золотистый цветок горадзуль-купава. Кто возьмёт в жёны вогульскую княжну, тому родит она сына-богатыря.

Захотел Кудым-Ош жениться на вогульской княжне. Нагрузил он лодку собольими и горностаевыми шкурками в подарок вогульскому князю, выбрал себе помощников и отправился вниз по Иньве-реке.

Плывёт лодка легко и быстро, как гусь, а Кудым-Ошу всё кажется, что медленно; торопит он гребцов, были бы крылья — птицей полетел бы к вогульской княжне.

Доплыли до Анюшкара, где правил пам Анюш. Спросил Кудым-Ош дорогу к вогулам. Ответил Анюш:

— Плыви вверх по Каме целый день, вечером приплывёшь к крепости, где правит женщина-пам. Она укажет тебе дорогу дальше.

Приплыл Кудым-Ош к женщине-паму, стал спрашивать у неё дорогу к вогулам. А женщина-пам знала, что грозит Кудым-Ошу у вогулов гибель. Жалко ей стало молодого пама, отговаривает она его:

— Не ходи туда, Кудым-Ош. Ты там чужой, языка не знаешь, кто тебе поможет? Пропадёшь!

Но Кудым-Ош ответил:

— Я ничего не боюсь и с полпути возвращаться не привык.

Видит женщина-пам — не отговорить ей богатыря, покачала она головой и говорит:

— Тогда запомни, что я скажу. Согласится князь отдать за тебя дочь, женись на ней, не отступай, что бы ни случилось. Запомни: что бы ни случилось! А откажешься от неё — пропадёшь. Даю тебе в проводники моего человека Ваякси. Он дорогу знает и по-вогульски говорит.

Воис кад Кудым-Ошлы гӧтрасьны.

Шуис сылы пӧрысь Чыкыш:

— Ылын-ылын, визув ю вылын, олӧны вогулъяс. Веськӧдлӧ наӧн ыджыд ӧксы, а сылӧн эм мичасьыс-мича, зарни горадзуль-купава кодь ныв, и шуӧны сійӧс Костэӧн. Коді вермас босьтны верӧс сайӧ вогульскӧй ӧксы-нылӧс, сылы сійӧ чужтас багатыр пиӧс.

Окота лои Кудым-Ошлы гӧтрасьны вогульскӧй княжна вылӧ. Сӧвтіс пыжӧ низь да сьӧдбӧж куяс вогульскӧй ӧксылы козьналӧм вылӧ, бӧрйис аслыс отсӧг вылӧ туй ёртъясӧс, и мӧдісны Иньва-ю горув.

Шуньгӧ пыж кокньыда да тэрыба, быттьӧ юсь, а Кудым-Ошлы чайтсьӧ: ньӧжйӧ; тэрмӧдлӧ сынысьясӧс, вӧліны кӧ бордъяс, лэбач моз эськӧ тюрӧдіс вогульскӧй княжна дорӧ.

Кывтісны тадзи Анюшкарӧдз, кӧні ыджыдалысьнас вӧлі Анюш пам. Юаліс сылысь Кудым-Ош, кыдзи воӧдчыны вогулъясӧдз. Вочавидзис Анюш:

— Кат Кама ю паныд ӧти лун, рыт кежлас воан изкар дорӧ, и ыджыдалӧ сэні нывбаба-пам. Сійӧ индас тэныд водзӧ туйсӧ.

Катіс Кудым-Ош нывбаба-пам дорӧдз, юаліс вогулъяс дорӧ туй. А нывбаба-пам тӧдіс, мый Кудым-Ошӧс вогулъяс дорын виччысьӧ сьмерт. Жаль лои сылы томиник памыд, босьтчис быд ног ӧлӧдны:

— Эн сэтчӧ мун, Кудым-Ош. Тэ сэні ӧтдор, налысь кывсӧ он тӧд, коді тэныд отсалас? Юртӧ воштан!

Но Кудым-Ош пыксис:

— Ме нинӧмысь ог пов и туй шӧрын косны абу велалӧма.

Аддзӧ нывбаба-памыд — оз сяммы ӧлӧдны багатырӧс, катлӧдлыштіс юрнас дай шуис:

Поблагодарил Кудым-Ош женщину-пама и на другое утро отправился туда, где мерцал холодный полуночный свет.

Долго плыли чудины по Каме, Ваякси указывал им путь. Наконец приплыли к вогульскому городищу.

Послал Кудым-Ош Ваякси к вогульскому князю сказать, что прибыл чудской пам. Но гордый князь не захотел принять чудина, велел запереть ворота. Пришлось Кудым-Ошу со своими людьми ночевать под стеной, как бездомной собаке.

На другой день снова послал Кудым-Ош Ваякси к князю, снова не принял их князь, снова ночевали чудины под открытым небом, терпя жестокие муки от гнуса. Но когда в третий раз послал Кудым-Ош Ваякси к князю, понял гордый князь, что чудской пам не отступится, и велел привести его к себе.

— Что тебе нужно? — спросил он богатыря.

— Я хочу взять в жёны твою дочь, красавицу Костэ,— ответил Кудым-Ош.

Усмехнулся князь:

— У меня не осталось в изгороди пустого кола для твоей головы. Забудь свои слова и убирайся.

— Не уйду,— сказал Кудым-Ош.— Только тот найдёт своё счастье, кто не боится голову потерять.

— Много женихов сватались к Костэ, но ни один не захотел жениться, увидев её,— сказал князь.— Наша Костэ — страшное чудище, не человек, не тёлка.

Смутился Кудым-Ош, но вспомнил слова женщины-пама и сказал:

— Я приехал сюда за твоей дочерью и без неё не уеду.

— Сідзкӧ, эн вунӧд, мый ӧні висьтала. Сетас кӧ нывсӧ тэ сайӧ, гӧтрась, эн падъяв ни эн бӧрыньтчы, кӧть мый оз ло. Нӧштаысь шуа: кӧть мый оз ло! А бӧрыньтчан кӧ — юртӧ вошtан. Туй индалысьӧн тэ дорӧ сета ассьым мортӧс, Ваяксиӧс. Сійӧ туйсӧ тӧдӧ и вогул ног сёрнитӧ.

Аттьӧаліс Кудым-Ош нывбаба-памӧс и мӧд асывнас мӧдӧдчис сэтчань, кодарын пӧртмасис кӧдзыд вой кыа.

Дыр кывтісны чудьяс Кама ю вывті, Ваякси индаліс налы туй.

Коркӧ-некоркӧ воисны вогулъяслӧн кар мыльк дорӧ.

Ыстіс Кудым-Ош Ваяксиӧс ӧксы дорӧ висьтавны, мый воис чудь пам. Но асьсӧ пыдди пуктысь ӧксы эз окотит примитны чудинӧс, тшӧктіс игнавны воротасӧ. Ковмис Кудым-Ошлы аслас войтыркӧд горттӧм пон моз ывла вылын узьны.

Мӧд луннас бара ыстіс Кудым-Ош Ваяксиӧс ӧксы дорӧ, и бара эз примит найӧс ӧксы, бара узисны восьса енэж улын, терпитісны ном да ӧвад. Но кор коймӧдысь ыстіс Ваяксиӧс, гӧгӧрвоис вогул ӧксы, мый чудьяслӧн пам оз бӧрыньтчы, ыстіс ассьыс йӧзсӧ, медым вайӧдасны сы дорӧ.

— Мый тэныд колӧ? — юаліс сійӧ багатырлысь.

— Кӧсъя босьтны тэнсьыд ныв тӧ, мича Костэӧс, гӧтыр пыдди,— вочавидзис Кудым-Ош.

Шпынькерис ӧксы:

— Менам потшӧсын эз коль тэнад юр вылӧ майӧгыс. Вунӧд ассьыд кывъястӧ да мун бурӧн.

— Ог мун,— шуис Кудым-Ош.— Сӧмын сійӧ аддзас ассьыс шуд, коді оз пов юрсӧ воштыны.

— Уна верӧспу воліс Костэӧс коравны, но сійӧс аддзӧм мысти некоді эз окотит гӧтрасьны,— шуис ӧксы.— Миян Костэ — абу морт, абу кукань, мисьтӧм гундыр сійӧ.

Шӧйӧвошліс Кудым-Ош, но казьтыштіс нывбаба-памлысь кывъяссӧ да шуис:

— Ну, как знаешь,— сказал князь.— Проведите гостей в девичий чум.

Был тот чум покрыт не берестой, как другие, а оленьими шкурами, и внутри этого чума стоял другой чум.

Вошёл Кудым-Ош и остолбенел: лежит на мягких шкурах что-то чёрное, волосатое, только глаза у этой твари светлые и очень печальные.

Заговорила Костэ по-вогульски, Ваякси перевёл Кудым-Ошу:

— Не бойся меня, Кудым-Ош, я не такая, как ты видишь.

— Поедешь со мной в чудские земли, прекрасная Костэ? — спросил Кудым-Ош.

— Я всюду поеду с тобой.

Пошёл Кудым-Ош к князю и говорит:

— Я женюсь на твоей дочери.

Велел князь готовиться к свадьбе. Закололи много оленей, наловили в реке рыбы, настреляли в лесу птицы, наготовили угощения целую гору.

Жена князя тем временем дочь к свадьбе готовит, снимает с неё коровью шкуру, умывает и наряжает. Коровью шкуру она сама на дочь надела, чтобы не выдал князь Костэ за кого попало.

Два дня и две ночи готовились к свадьбе, на третий день собрались гости. Вывели няньки из чума невесту, идёт она, словно лебедь плывёт, а лицо закрыто покрывалом.

Князь приказал:

— Открой, дочка, лицо, покажись жениху.

Жена князя торжественно сказала:

— Пусть рассеется колдовство и Костэ станет красавицей!

— Ме татчӧ вои тэнад нывла и сытӧг бӧр ог мун.

— Но, кыдзи кӧсъян,— шуис ӧксы.— Нуӧдӧй гӧсьтъясӧс энь чумӧ.

Тайӧ чумсӧ вӧлі кышӧма абу мукӧд чум моз сюмӧдӧн, а кӧр куясӧн, и сулаліс чум пытшкас нӧшта ӧти чум.

Пырис Кудым-Ош да кынмис места вылас: куйлӧ небыд куяс вылын мыйкӧ сьӧд, кузь гӧна, сӧмын синъясыс тайӧ тварыслӧн сӧстӧмӧсь да зэв гажтӧмӧсь.

Пондіс Костэ вогул ног сёрнитны, Ваякси вежӧртӧдӧ Кудым-Ошлы:

— Эн пов меысь, Кудым-Ош, ме абу сэтшӧм, кутшӧмӧн аддзан.

— Мунан мекӧд чудьяслӧн муӧ, мича Костэ? — юаліс Кудым-Ош.

— Ме тэкӧд кӧть кытчӧ муна.

Муніс Кудым-Ош ӧксы дорӧ дай шуӧ:

— Ме гӧтрася тэнад ныв вылӧ.

Тшӧктіс ӧксы кӧлысь кежлӧ дасьтысьны. Начкисны уна кӧрӧс, юысь уна чери кыйисны, вӧрысь уна лэбач лыйисны, пуисны-пӧжалісны чукйӧн гӧститӧдчанторъяс.

Ӧксылӧн гӧтырыс тайӧ кадас нывсӧ верӧс сайӧ сетӧм кежлӧ дасьтӧ, кульӧ сы вылысь мӧс ку, мыссьӧдӧ да пасьтӧдӧ-мичӧдӧ. Мӧс кучиксӧ ачыс ныв вылас пасьтӧдліс, медым ӧксы эз сет Костэӧс кодсюрӧ сайӧ.

Кык лун да кык вой дасьтысисны кӧлысь кежлӧ, коймӧд луннас гӧсьтъяс воалісны. Петкӧдісны вердысьяс невестаӧс чумысь, мунӧ сійӧ, быттьӧ юсь кывтӧ, а чужӧмсӧ эжӧдӧн вевттьӧма.

Ӧксы тшӧктӧ:

— Восьт, нылӧ, чужӧмтӧ, петкӧдчы верӧспу водзад.

Она откинула покрывало с лица дочери.

— Ты ли это, Костэ! — воскликнул князь.

Костэ ответила:

— Чары рассеялись, отец, и я стала красивее сестёр моих.

Начался свадебный пир.

Потом дали Кудым-Ошу много подарков, дали лодки и людей и проводили молодых в дальнюю дорогу.

Дома Пэвсин со всем увтыром вышла на берег встречать сына и его красавицу-жену.

Когда на небе показался молодой месяц, сыграли свадьбу на Изъюре.

Задумал Кудым-Ош торговать с другими землями. Велел он построить лёгкие и широкие лодки, нагрузить их звериными шкурами и собрался плыть на юг, чтобы обменять там шкуры на оружие, ткани и украшения.

Но чужеземцы опередили Кудым-Оша, первые приплыли со своими товарами. Кликнули дозорные Кудым-Оша, вышел он на берег, спрашивает гостей, с чем прибыли. А они своего товара не показывают, говорят:

— Там, где восходит солнце, живёт наш добрый хан. Он послал нас к тебе, Кудым-Ош. Мы хотим выменять у тебя меха и шкуры, у нас есть на обмен богатое оружие для тебя и твоих воинов, дорогие ткани и украшения для женщин, сласти для детей.

Стали они показывать мечи и копья, кумач и парчу, серьги и кольца. Обрадовался Кудым-Ош гостям, но не хотел впускать их за ограду — в городе было в ту пору мало защитников, все лесовать да рыбачить ушли. Но народ стал просить впустить купцов.

Öксылöн гöтырыс кыпыда шуис:

— Мед вешъяс туналöмыс да лоö миян Костэ важ кодьыс мича!

И павкнитіс ныв юр вывсьыс эжöдсö.

— Тэ-ö тайö, Костэ! — горöдчис öксы.

Костэ вочавидзис:

— Син пöртöм воштіс вынсö, айö, ме лои чойясысь на мичаджык.

Панісны кöлыся пир.

Та бöрын Кудым-Ошлы мыччисны уна козин, сетісны пыжъяс да войтырöс и колльöдісны том гозъяöс ылі туйö.

Пöвсин аслас увтыркöд петіс берег дорö писö да сылысь мича гöтырöс вочаавны.

Кор енэжын мыччысис выль тöлысь, ворсісны и Изъюр вылын кöлысь.

Мövпыштіс Кудым-Ош муköд муяскöд тöргуйтны. Тшöктіс вöчны кокни да паськыд пыжъяс, тэчны наö звер куяс, медым кывтны лунвыв, вежлавны сэні куяссö öружие, дöра да мичмöдчанторъяс вылö.

Но йöз муысь войтыр панйисны Кудым-Ошöс, асланыс тöварöн водзджык воисны. Чукöстісны дозорнöйяс Кудым-Ошöс, петіс сійö берег дорö, юалö гöсьтъясыдлысь, кутшöм могöн воисны. А найö ассьыныс тöвар эз мыччöдлыны, шуöны:

— Сэні, кытöн шондіыс мыччысьö, олö миян шань сьöлöма хан. Сійö мöдöдіс миянöс тэ дінö, Кудым-Ош. Ми көсъям вежлавны тэнсьыд дона куястö, аскöдным та могысь вайим быдсяма öружиесö тэныд и тэнад воинъяслы, дона дöраяс да аньяслы мичмöдчанторъяс, а челядьлы чöскыдторъяс.

Пондісны мыччöдлыны шыпуртъяс да шыяс, кумач да парча, чусіяс да кольчаяс. Рад гöсьтъяслы Кудым-Ош, но ворота сайö лэдзны оз көсйы — карын сійö кад кежлö вöлі

Вошли они в город, но не бросили, по обычаю, в воротах ни одной монеты, не раскрыли своих коробов с товарами, а схватились за мечи и луки.

Первая стрела пронзила сердце Кудым-Оша. Брызнула кровь, упал богатырь на землю, прижался к ней могучей грудью, и от соприкосновения с матерью-землёю зажила рана, вернулась сила к Кудым-Ошу. Вскочил он на ноги. Не нашёл своего копья, схватил тяжёлую жердь, стал ею бить врагов.

Другая стрела ударила Кудым-Оша в грудь. Опять упал он на землю, и опять земля предков дала ему свою силу. А от третьей стрелы упал Кудым-Ош на спину, не может он прижаться сердцем к родной земле, не может залечить рану.

Стали враги требовать с чудин дани. Сказала старая Пэвсин:

— Дадим им, что они требуют, не будем ничего таить. Не отдадим добром, они возьмут силой, да ещё самих заберут, а детей в реку побросают. Несите своё добро, не жалейте, наше к нам вернётся.

Принесли чудины дорогие меха. Наполнили враги до краёв свои лёгкие лодки и оставили городище. Недалеко они отплыли, стали добычу делить: глянули — а в лодках один камыш. Разгневались, повернули обратно к городищу.

Тем временем ведунья Чыкыш оживила Кудым-Оша и других воинов.

Увидел Кудым-Ош, что возвращаются вражеские лодки, схватил камень в двенадцать пудов и бросил его в реку. Поднялась страшная буря, опрокинула лодки. Выбрались враги из воды, двинулись к городищу, а буря на их пути деревья валит, дорогу загораживает. Три дня бушевала буря, три дня не могли враги подступиться к городищу. На четвёртый день повёл Кудым-Ош своих воинов на врагов. Начался бой. В том бою Кудым-

вывті этша дорйысьны вермысьыс, ставӧн вӧравны да чери кыйны петісны. Но войтыр корисны, мед лэдзас купечьястӧ. Пырисны найӧ карӧ, но эз чӧвтны ворота водзын, кыдзи вӧлі шуӧма важысянь, ни ӧти сьӧм, эз восьтлыны тӧвар тыра кӧрӧбъяссӧ, пыр жӧ кватитісны шыпуртъяс да ньӧввужъяс.

Медводдза ньӧвйыс сатшис Кудым-Ошлӧн сьӧлӧм шӧрӧ. Резыштіс вир, уси багатыр муӧ, топӧдчис сы бердӧ паськыд морӧснас, му-матиыс бурдӧдіс ранасӧ, Кудым-Ошлы вынсӧ бӧр бергӧдіс. Чеччыштіс сійӧ кок йылас. Эз аддзы ассьыс шыпуртсӧ, кватитіс сьӧкыд потш, босьтчис сійӧн нӧйтны вӧрӧгӧс.

Мӧд ньӧв кучкис Кудым-Ошлы морӧсас. Бара уси му бердӧ, бара пӧльяслӧн муыс бергӧдіс вынсӧ. А коймӧд ньӧвйыс Кудым-Ошӧс мыш вылас уськӧдіс, оз вермы топӧдчыны сьӧлӧмнас чужан му бердӧ, оз вермы ранасӧ бурдӧдны.

Пондісны вӧрӧгъяс корны чудьлысь дань. Шуис пӧрысь Пӧвсин:

— Сетам налы мый корӧны, нинӧм ог сайӧдӧй. Бурӧн ог сетӧй, вынӧн босьтасны, нӧшта и асьнымӧс нуасны, а челядьнымӧс юӧ шыблаласны. Вайӧй татчӧ ассьыныд добратӧ, эн бӧрдӧй сы понда, мияныс миянлы бергӧдчас.

Вайисны чудь войтыр дона куяс. Сӧвтісны вӧрӧгъяс асланыс кокни пыжъясӧ чукйӧн, и эновтісны карсӧ. Вешйисны неылӧ, босьтчисны кыйдӧснысӧ юкны,— видзӧдлісны — а пыжаныс сӧмын юсьпӧлян* и эм. Дӧзмисны, бӧр косісны.

Сы коста тӧдысь Чыкыш бӧр ловзьӧдіс Кудым-Ошӧс да сылысь воинъяссӧ.

Аддзис Кудым-Ош, мый бӧр локтӧны вӧрӧглӧн пыжъяс, кватитіс дас кык пудъя из да шыбитіс сійӧс ваӧ. Кыптіс зэв ыджыд бушков, путкыльтіс пыжъястӧ. Петісны ваысь

---

* *Юсьпӧлян — камыш.*

Ош многих взял в плен и среди них самого атамана. Упал атаман в ноги Кудым-Ошу:

— Отпусти меня, пам, к моим жёнам и детям, я тебе заплачу богатый выкуп!

— Ничего мне не надо, кроме оружия.

Отобрал Кудым-Ош у пленных оружие, роздал своим воинам, а ружьё атамана взял себе. Потом поставил на бересте свой знак, отдал бересту пленным и отпустил их на все четыре стороны.

Прошло некоторое время, и Кудым-Ош вновь собрался в южные земли, в устье Камы и ещё дальше. Перед дорогой собрались чудины на мольбище. Чтобы путь был счастливым, принесла ведунья Чыкыш угощение мудрому Войпелю, лесному царю Сюрапеле и водяному Вакулю.

Потом Кудым-Ош пошёл на могилу своего отца, старого пама, натянул тугую тетиву и пустил стрелу в большую сосну, что стояла над могилой. Попала стрела прямо в середину меты: значит, дорога будет удачной.

Проводила старая Пэвсин своего сына, проводила прекрасная Костэ своего мужа, проводил отца малый сын, проводил своего пама весь чудской увтыр.

День плывут ладьи Кудым-Оша, другой плывут, вышли на Каму. Когда молодой месяц состарился и на ущерб пошёл, приплыли в большой город.

Привязали ладьи у берега, а сами пошли к здешнему князю, понесли ему свой товар.

Понравились чудские меха князю и его людям. Нанесли они в обмен кумач и парчу, золотые и серебряные украшения, узорные чаши и кувшины.

Велел князь угостить гостей. Усадили чудинов на мягкие ковры, налили им вина, положили хлеба. Кудым-Ош во многих краях побывал, а хлеба никогда не видел. Попробовал он — не мясо, не рыба, а вкусно. Стал спрашивать хозяев, как они добывают хлеб. Князь показал на поле:

вӧрӧгъяс, матыстчӧны кар дорӧ, а бушколыс на водзысь пуяс пӧрлалӧ, туйсӧ налы потшӧ. Куим лун бушколыс буаліс, куим лун вӧрӧг эз вермы матыстчыны кар дорӧ. Нёльӧд лун вылас Кудым-Ош петкӧдіс ассьыс воинъяссӧ вӧрӧглы паныд. Пансис тыш. Сійӧ тышас Кудым-Ош унаӧс босьтіс пленӧ, тшӧтш и атамансӧ. Уськӧдчис атаман Кудым-Ош водзӧ:

— Лэдз менӧ, пам, гӧтыръяс да челядь дорӧ, ме тэныд таысь бура вештыся!

— Ниномӧ меным оз ков, ӧружиеыд кындзи.

Мырддис Кудым-Ош пленӧ босьтӧмаяслысь ӧружиесӧ, разӧдіс аслас воинъяслы, а атаманлысь пищальсӧ аслыс босьтіс. Сэсся сераку вылӧ пуктіс кырымпас, мыччис атаманлы да лэдзис найӧс бӧр, кытысь воисны.

Коли мыйтакӧ кад, и Кудым-Ош бара шуис мунны лунвыв муясӧ, Кама ю вомлань и водзӧ. Туйӧ петтӧдз чукӧртчисны чудьяс юрбитанінӧ. Мед туйыс лои кокни да шуда, тӧдысь Чыкыш вайис мудер Войпельлы, вӧрса сар Сюрапельлы да васа Вакульлы чӧсмӧдланторъяс.

Та бӧрын Кудым-Ош муніс айыслӧн, пӧрысь памлӧн, гу вылӧ, зэлӧдіс ньӧввужсӧ да нэмӧвӧйся пожӧм черйӧ, коді сулалӧ гу весьтас, лэдзис ньӧв. Веськаліс ньӧвйыс стӧч да пас шӧрӧ: сідзкӧ, туйыс лоӧ бур.

Колльӧдіс пӧрысь Пӧвсин ассьыс писӧ, колльӧдіс мича Костэ ассьыс верӧссӧ, колльӧдіс айсӧ ичӧтик пиыс, колльӧдіс ассьыс памсӧ чудь увтыр.

Лун кывтӧны Кудым-ошлӧн ладьяяс, мӧд лун кывтӧны, петісны Кама ю вылӧ. Кор выль тӧлысьыс пӧрысьмис, сэсся и чинны мӧдіс, воисны ыджыд карӧ.

Домалісны пыжъяссӧ берег дорӧ, асьныс муніcны татчӧс ӧксы дорӧ, нуисны сылы ассьыныс вузӧс.

Кажитчисны чудьлӧн дона куяс ӧксылы и сылӧн войтырлы. Вайисны вежӧн кумач да парча, зарни и эзысь мичмӧдчанторъяс, серӧдӧм часьяс да гырничьяс.

— Вот хлеб растёт.

Кудым-Ош попросил немного зерна. Добрые хозяева дали ему зерна и научили, как сеять его, как жать, как молотить и как печь хлебы.

Вернулся Кудым-Ош домой, посеяли чудины рожь и ячмень, собрали первый урожай и весь его оставили на семена, на следующий год опять посеяли и собрали богатый урожай.

Созвал Кудым-Ош гостей из ближних и дальних земель, устроил пир, угостил всех хлебом.

Позавидовал Кудым-Ошу чудской князь Юкся с Косы-реки и решил идти на него войной, отнять хлеб.

Узнал об этом Кудым-Ош, велел навострить ножи и топоры, намазать стрелы густым ядом и повёл своих людей против князя Юкси.

О, старый Войпель и ты, великий бог Ен! Или не видят ваши глаза и не слышат ваши уши? Или отвернулись вы от чудского народа? Брат на брата точит нож, чудин на чудина идёт войной, а вы не остановите их! Или вам нужна кровь человеческая? Или вы хотите слышать рыдания женщин и видеть осиротевших детей?

Не помешали войне мудрый Войпель и великий бог Ен. Сошлись два войска на Косе-реке, как нож и камень сошлись. Оба войска насмерть стоят. День бьются, ночь бьются, земля у них под ногами дрожит, стонет парма, ручьями течёт кровь в Косу-реку, багрянит чистую воду.

Три дня, три ночи бились, все воины полегли, остались на поле только Кудым-Ош и Юкся. Оба они совсем обессилели, не могут от усталости поднять ни копья, ни меча.

Тшöктіс öксы вердны гöсьтъясöс. Пуксьöдісны чудьöс небыд ковёръяс вылö, кисьталісны налы вина, няньяс на водзö тэчисны. Кудым-Ош уналаын вöвлі, а нянь эз на тöдлы. Видліс — абу яй, абу чери, а чöскыд. Пондіс юасьны кöзяевалысь, кыдзи да кытысь найö татшöм вöлöгасö судзöдöны.

Öксы индіс ыб вылö:

— Со, сэні нянь быдмö.

Кудым-Ош кöйдыссö мыйтакö корыштіс. Шань кöзяева сетісны сылы кöйдыс и велöдісны, кыдзи колö кöдзны, кыдзи вундыны, кыдзи вартны да нянь пöжавны.

Бергöдчис Кудым-Ош гортас, чудь войтыр кöдзисны ид да зöр, босьтісны медводдза урожай и став чукöрмöм кöйдыссö мöд во вылö колисны, мöд вонас бара кöдзисны да босьтісны озыр урожай.

Чукöртіс Кудым-Ош матысса и ылысса муясысь гöсьтъясöс, лэптіс пир, ставöс няньöн гöститöдіс.

Завидь лоöма Коса-ю вылын олысь чудь öксы Юксялы, мöвпыштіс Кудым-Ошлы паныд мунны, нянь мырддьыны.

Тöдмаліс та йылысь Кудым-Ош, тшöктіс кеслыны пуртъяс да черъяс, мавтны ньöвъяс веж зелляöн и кыпöдіс ассьыс войтырсö Юкся öксылы паныд.

О, пöрысь Войпель, и тэ, ыджыд Ен! Али оз аддзыны тіян синъясыд, али оз кывны тіян пельясыд? Али öтдортчинныд ті миян чудь войтырысь? Вок вок вылö пурт кеслö, чудь чудьлы воча тышö петö, а ті он сувтöй на костö! Али тіянлы сэтшöма колö морт вирыс? Али тіянлы окота кывны аньяслысь бöрдömсö да аддзыны батьтöг кольöм челядьсö?

Собрал Юкся последние силы, взмахнул мечом, да не удержал его, уронил и сам упал. Падая, протянул он руки к Кудым-Ошу. Кудым-Ош подумал, что старый Юкся предлагает мир. Забыл он тут свои обиды, остудил гнев, успокоил сердце, пожал Юксе руку и сказал:

— Ты погубил много людей и заслуживаешь наказания, но видит Войпель, ты каешься в своих злодеяниях и первый протягиваешь руку. Так будем же жить с тобой в мире, и пусть вся чудь навеки живёт в мире и дружбе.

Так оно и стало. Кудым-Ош со всеми поделился хлебом, дал зерна Купре и Маю, Кэчу и Палю, Анюшу и Юксе. За это все соседи любили и благословляли Кудым-Оша.

Прожил Кудым-Ош сто лет и ещё полста. Наконец пришла за ним смерть.

Собрал Кудым-Ош весь свой увтыр и сказал:

— Когда я умру, положите тело в кедровый гроб, обейте его кованым железом и закройте крепко-накрепко, чтобы ни капли воды туда не просочилось. И буду я там спать, а настанет время, проснусь — и тогда придёт к вам счастливая жизнь. Но вы не ждите её сложа руки, а сами ищите счастья. И никогда не воюйте с соседями, дружите с ними.

Сказал так чудской пам Кудым-Ош и заснул крепким сном.

Эз дугӧдны тышсӧ мудер Войпель да ыджыд Ен. Воча сувтісны кык котыр Кось-ю вылын, пурт да из моз воча сувтісны. Кыкнанныс кувны дасьӧсь. Лун тышкасьӧны, вой вермасьӧны, муыс на кок улын тіралӧ, ымзӧ парма, шорӧн киссьӧ вирыс Кось-юӧ, сӧстӧм васӧ гырдӧдӧ.

Куим лун, куим вой тадзи тышкасисны, ставӧн усины, колины ловйӧн сӧмын Кудым-Ош да Юкся. Кыкнанныс эбӧстӧммӧмаӧсь, мудзӧм пондаыс шыпурт ни шы кыпӧдны оз вермыны. Чукӧртіс Юкся медбӧръя вынъяссӧ, ӧвтыштіс шыпуртнас, да эз вермы кутчысьны, шыпуртсӧ кисьыс уськӧдіс и ачыс уси. Усигас мыччис кисӧ Кудым-Ошлы. Кудым-Ош чайтіс, пӧрысь Юкся мир вӧзйӧ. Вунӧдіс став лёклунсӧ, бурасис, сьӧлӧмнас небзьӧдчис, топӧдліс Юксялысь кырымсӧ да шуис:

— Тэ бырӧдін уна войтырӧс, таысь колӧ ёрны, но Войпель аддзӧ, тэ каитчан аслад лёк вӧчӧмъясысь да медводз китӧ мыччан. Сідзкӧ, мӧдам овны мирӧн, и медым став чудь войтырыс олісны мирӧн да волысьӧмӧн.

Сідзи и лои водзӧ. Кудым-Ош юксис ставкӧд аслас няньӧн, сетіс кӧйдыстӧ Купралы и Майлы, Кэчлы и Пальлы, Анюшлы и Юксялы. Таысь став суседыс радейтісны и нимӧдісны Кудым-Ошӧс.

Оліс Кудым-Ош сё во, да нӧшта нэм джын. Коркӧ воис сыла кулан кад.

Чукӧртіс Кудым-Ош ассьыс увтырсӧ да шуис:

— Кор ме кула, водтӧдӧй сус пу гортйӧ, эжӧй сійӧс дорӧм кӧртӧн да тупкӧй крепыдсьыс-крепыда, мед весиг ва войт оз письт. И мӧда ме сэні узьны, а воас кад, садьма — и лоас сэки тіянлы шуда олӧм. Но ті эн виччысьӧй сійӧ кадсӧ кыккирудз, верманасӧ асьныд корсьӧй да судзӧдӧй. И некор эн сувтӧй суседлы паныд, ёртасьӧй сыкӧд.

Шуис тадзи Кудым-Ош и унмовсис крепыд унмӧн.

КАК ВЕСЁЛЫЙ МУЖИК РАДОСТЬ ИСКАЛ

Удмуртская сказка

В ОДНОМ небольшом селении жил весёлый Человек. Был он на все руки мастер. И шорник, и плотник, и жнец, и на дуде игрец. Легко ему ремёсла давались, как всем весёлым людям. А может, весёлым он был оттого, что любое дело у него спорилось.

Любил он бортничать, пчёл диких обирать и бражку медовую варить. А как заиграет на своей дудке, так гуси и те собирались его послушать.

Жил он не богато: добрый был потому что, не прижимистый. Но всё у него было. Кроме счастья. Весельем он его заменял. И пока в деревне родились, женились, панихиды справляли, был он незаменимый человек.

Так бы и жизнь скоротал. Да только счастье ему захотелось разыскать. И решил весёлый Человек по свету побродить, радости новой поискать. Взял он свою неразлучную дудку, сухарей в сумку положил, лапотки крепкие обул и пошёл куда глаза ведут.

Шёл он, шёл, и повстречался ему Волк.

— Далеко ли топать собрался, приятель?

— А вот пока радость новую не сыщу. Надоели мне крестины да панихиды.

КЫДЗИ ӧТИ МУЖИК РАДЛУН КОРСИС

Удмурт мойд

ӦТИ НЕЫДЖЫД сиктын оліс гажа Морт. И вӧлі сійӧ быдтор сяммӧ. И сапӧг вурны, и плӧтничайтны, и пӧлянӧн ворсны. Быд ремеслӧ сылы кокньыда сетчис, кыдзи став гажа войтырыслы. А гашкӧ, гажанас сійӧ сы вӧсна и вӧлі, мый сы киын быдтор пуис.

Радейтіс сійӧ ма чукӧртны, вӧрса мазіясӧс лыкӧдны*, да маа сур пуны. А сэсся тай кыдзи пондас ворсны аслас пӧлянӧн, юсьяс и то вӧлі матыстчылӧны ворсӧмсӧ кывзыны.

Оліс сійӧ эз вывті озыра: шань сьӧлӧма вӧлі сы понда, мый абу скуп. Но быдтор коланаыс тырмымӧн вӧлі. Шуд кындзиыс. Гажъялӧмнас и вежліс шуд абутӧмсӧ. И пока сиктын чужисны, гӧтрасисны да кодрасисны, быдлаын сійӧ вӧлі колана морт.

Тадзи эськӧ и оліс ассьыс пай. Да сӧмын окота лои мортыслы радлун корсьлыны. Босьтіс сьӧрсьыс пӧлян ёртсӧ, нопторйӧ кос нянь лӧдіс, крепыд лапти кокас кышаліс и мӧдӧдчис кытчӧ синъясыс видзӧдӧны.

Муніс тадзи, муніс, и вочаасис Кӧинкӧд.

— Ылӧдз-ӧ нин мӧдін, муса вок?

---

* *Лыкӧдны — ма чукӧртны.*

— У-у-у! — сказал Волк.— Что же тогда мне говорить? Как мне-то в лесу одиноко и бесприютно! Возьми меня с собой.

Пошли они вдвоём. Навстречу косматый Медведь ломится.

— Далече ли собрались, дружки?

— Радость идём искать,— отвечает Волк.

— Ну уж у тебя-то, серый, одна радость — овцу задрать.

— Как знать! — отвечает Волк.— Мы своей радости не ведаем. Потому и надо её искать. Пойдём с нами, втроём смелее.

— А мёд будет? Если будет, пойду.

— Будет,— говорит мужик,— я насчёт мёда ловок.

Дальше втроём побрели. Прошли немного и наткнулись на Койыка*. Здоровущий зверь, рога страшенные, как куст бересклета.

— На кого это вы охоту устроили? — покосился на них Койык и на всякий случай рога опустил: мол, кто пожелает, могу брюхо пропороть.

— Радость ищем,— говорит Человек.— Если тебе радости не хватает, пошли с нами.

— Конечно,— согласился и Волк.— Вчетвером смелее.

— Только, чур, мой мёд не трогать,— вставил Медведь.

— Так вы что же ищете — мёд или радость? Если мёд, то я мимо.

— У каждого своя радость,— со вздохом сказал Волк.

— Радость у всех одна — причины разные,— рассудил Медведь.

---

*Койык — лось.

— А муна, пока радлунсö ог паныдав. Дышöдіс помтöм пыртчöмъясыс да кодрасьöмъясыс.

— У-у-у! — шуö Кöин.— Мый нин, сідзтö кö, ме йылысь шуан? Вöрын ме нэмсö ötка, весиг юр сюянін абу. Босьт менö аскöдыд.

Мöдöдчисны кыкöн. Налы воча лёзь гöна Ош тапиктö.

— Ылöдз-ö мöдінныд, другъяс?

— Радлун корсьны мунам,— вочавидзö Кöин.

— Тэнад, руд гöналöн, радлуныс тöдса — баляöс начкыны.

— Кысь водзвыв тöднысö! — вочавидзö Кöин.— Ми ассьыным радлун ог вежöртöй. Та понда и колö корсьлыны. Мунам миянкöд, куимнад повтöмджык.

— А маыд лоö? Лоö кö, муна.

— Лоö,— шуö мужик,— ма судзöдöм сертиыд ме востер.

Водзö куимöн мöдісны. Муныштісны мыйтакö да Койыккöд* люкасисны. Ыджыдсьыс-ыджыд звер, сюръясыс паськыдöсь, быттьö сюра-пеля куст.

— Кодöс нин кыйны лöсьöдчинныд? — синсö налань кöсöйтліс Койык да водзвыв дасьтіс сюръяссö: кодлы пö окота, верма и тшутшкунытö резьöдны.

— Радлун корсям,— шуö Морт.— Тэныд кö оз тырмы радлуныс, лок миянкöд мунам.

— Дерт,— öти кывйö воис Кöин.— Нёльöннад повтöмджык.

— Сöмын чур, менсьым ма эн чуняв,— сюйсис Ош.

— Ті, онкö, мый корсянныд — ма али радлун? Ма кö, ме абу тіянкöд.

---

*Койык — йöра.

— Это точно,— согласился Койык и присоединился к друзьям.

Долго ещё они шли, а потом Человек и говорит:

— Нету нам резона всем вместе идти. Давайте разбредёмся по сторонам, а через день-другой встретимся и обсудим, куда лучше податься.

На том и порешили.

Волк на восток двинулся, Медведь на запад, Койык на север, а Человек на юг пошагал.

Собрались они через два дня.

— Наткнулся я на топь непроходимую. Мало в этом радости,— посетовал Волк.

— Брёл я, брёл,— пожаловался Медведь,— да мёдом нигде не пахнет.

— На севере-то летом хорошо,— говорит Койык,— а сейчас дело к осени. Скучные там места.

— А я местечко неплохое присмотрел,— говорит Человек.— Пчёлы дикие летают, луг зелёный кругом. Жить можно. Надо бы туда двинуться. Глядишь, и радость какая подвернётся.

— А овечек там не видать? — обеспокоился Волк.

— Нет, овечек не приметил, а зайцы бегают.

— И то ладно,— согласился Волк.

Двинулись они на большую поляну, смастерили себе дом, погреб вырыли, живут припеваючи. Бражку медовую гонят, на зайцев охотятся.

Сварили они однажды целую бочку медовухи, поставили в яму. Всё бы хорошо, да вот стали они подмечать, что повадился кто-то их брагу попивать да жареных зайцев воровать.

— Быдӧнлӧн аслас радлун,— ышловзьӧмӧн шуис Кӧин.

— Радлуныд быдӧнлӧн ӧти — могыс торъялӧ,— донъяліс Ош.

— Тайӧ збыль,— бурасис Койык да сюртчис ёртъяс дорӧ.

Дыр тадз мунісны, а сэсся Морт и шуӧ:

— Абу кивыв миянлы ӧтлаын мунны. Вайӧ разӧдчамӧй коді кытчӧ, а лун-мӧд мысти бара ӧтувтчам да сёрнитчам, кытчань бурджык мунны.

Тадзи и вӧчисны.

Кӧин асыввывлань вӧрзис, Ош рытыввывлань, Койык войвывлань, а Морт лунвывлань восьлаліс.

Чукӧртчисны найӧ кык лун мысти.

— Ме кадъя нюрӧ люкаси. Кутшӧм нин сэні радлун,— дӧжналіс Кӧин.

— Писькӧдчи ме, писькӧдчи,— норасис Ош,— а ма кӧрсӧ некытысь эг кывлы.

— Войвыладтӧ, да нӧшта и гожӧмнад, бур,— шуӧ Койык,— а ӧні кадыс арлань катовтчӧ. Гажтӧминъяс ӧні сэні.

— А ме лӧсьыдик места казялі,— шуӧ мужик.— Вӧрса мазіяс лэбалӧны, гӧгӧр веж лудъяс. Овны позьӧ. Колӧ эськӧ сэтчань сетчыны. Видзӧдан да, и кутшӧмкӧ радлун петкӧдчас.

— А баляссӧ сэтысь эн аддзыв? — пондіс майшасьны Кӧин.

— Эг, баляястӧ эг казявлы, а кӧчьяс котралӧны.

— Кӧть нин тайӧ,— бурасис Кӧин.

Петісны найӧ ыджыд луд шӧрӧ, лэптісны аслыныс керка, кӧбрег кодйисны, сьылӧны да олӧны. Маа сур вийӧдӧны, кӧч кыйӧны.

Пуисны ӧтчыд лагун тыр маа суртӧ, лэдзисны гуӧ. Ставыс эськӧ ладу, да регыд

Вздумали они подкараулить нечистого.

В первую ночь выпало Волку стеречь. Забрался он в погреб и поджидает. В полночь слышит, будто галоши скрипят и клюка постукивает. Вдруг явилась старуха горбатая, нечёсаная.

— Волк, Волк, давай бражки попьём,— прошамкала она.

— Я тебе дам бражки! Самим мало...

Как тут начала колдунья посохом Волка молотить. Выскочил серый из погреба — шерсть дыбом, от страха дрожит, зуб на зуб не попадает.

— Ты что это,— спрашивают приятели,— иль замёрз?

— З-з-з-замёрз!

Наутро видят: бражки чуть на донышке осталось.

Притащил Медведь мёду. Новой медовухи наварили и посылают на сей раз Койыка караулить нечистого.

Полез Койык в погреб, еле уместился там, здоровенный. В полночь чует, будто галошами новыми кто-то поскрипывает, посохом постукивает.

Явилась горбатая старуха и говорит:

— А, Койык! Давай с тобой бражку пить. Больно у вас бражка хороша.

— Рогами вот как наподдам — будешь знать, как чужое добро воровать!

Осерчала старуха и давай здоровяка посохом лупить. Койык-то чуть погреб не разворотил, когда оттуда выскакивал.

— Никак и ты замёрз! — удивились приятели.

— З-з-замёрзнешь! — отвечал Койык, потирая побитые бока об угол печки.

пондісны казявны, мый кодкö пöвадитчис налысь сурсö юыштавны да пражитöм кöч яйсö гусявлыны.

Сёрнитчисны найö кыйöдны да кутны омöльöс.

Медводдза войнас пуд уси Кöинлы кыйöдчыны. Пырис сійö кöбрегö да виччысьö. Вой шöрнас кылö: быттьö колошъяс дзуртöны да бедь тотшкö. Друг петкöдчис гöрба да лёзь юра старука.

— Кöин, Кöин, вай суртö юыштам,— пиньтöм вомöн шешкöдö сійö.

— Ме тэн час сета сур! Аслыным этша...

Кыдзи тай пондіс кöлдунныд Кöинöс бедьнас нöйтны. Чепöсйис руд гöна кöбрегысь — тшöтьыс сувтса, повзьöм пондаыс ставнас тіралö, пинь пинь воча оз веськав.

— Тэ нö мый,— юалöны ёртъясыс,— али кынмин тадзи?

— К-к-кы-ы-ы-ынм-м-ми!

Асывнас аддзöны: сурыд öдва лагун пыдöсас кольöма.

Ош вайис ма. Выль сур пуисны да тайö пöрйö Койыкöс ыстісны омöльтö кыйöдны.

Пырис Койык кöбрегö, öдва тöрис сэтчö ыджыд пондаыс. Вой шöрнас кылö: быттьö шнич выль колошöн кодкö дзурликтö, беддьöн тотшкöдö-локтö.

Мыччысис гöрба старука дай шуö:

— А, Койык! Вай ми тэкöд сур юам. Вывті нин бур сійö тіян.

— Сюръясöн кыдзи вот дзикала — пондан тöдны, кыдзи йöзлысь добра гусявлыны!

Скöрмис старукаыд да кыдзи тай пондіс бедьнас нöшавны. Койык öдва кöбрегсö эз путкыльт, ортсö петіс.

— Видзöдам да, и тэ кынмöмыд! — чуймисны ёртъясыс.

На третью ночь от злой старухи досталось Медведю. Да все помалкивают. Совестно им признаться, что их горбатая старуха избила.

На четвёртую ночь спустился в погреб весёлый мужик. Взял он с собой дудку, сидит наигрывает потихоньку, чтоб скучно не было. В полночь снова старуха заявилась.

— Хороша у тебя медовуха, мужичок! — говорит она.— Давай хлебнём помаленьку!

— Отчего не хлебнуть? — отвечает мужик.— Брага веселья прибавляет.

Выпили они по ковшу. Старуха за другим тянется.

— Пей, пей,— похваляет мужик,— ещё наварим.

Запьянела старуха и пустилась под дудку плясать. А мужик всё задорней да разудалистей наигрывает. Измучилась ведьма, стала упрашивать весёлого мужика:

— Погоди, погоди, дай передохнуть! Уморил совсем!

— Пляши, пляши, старая. Кто бражку пьёт да не пляшет, тот добро переводит.

— Не могу больше, пощади, мужичок. Любую волю исполню...

До того наплясалась, что на пол свалилась и лежит, ногами дрыгает. Связал её мужик пеньковой верёвкой и говорит:

— Отплясала ты своё, старая карга! Била ты моих приятелей, теперь я тебя им на съедение отдам. Койык тебя рогами пропорет. Медведь лапами разорвёт, Волк зубищами растерзает.

— Сжалься над старухой, мужичок, дам я тебе в жёны девушку нежную, послушную. Будешь самым счастливым человеком в округе. Радость узнаешь небывалую.

Насторожился мужик: может, это и есть та радость, которую он разыскивает.

— Обманешь ведь, беззубая!

— К-кы-ы-ы-ы-н-м-м-ман сэн! — пач пельӧсӧ доймысь боксӧ ниртӧмӧн вочавидзис Койык.

Коймӧд войнас и Ошлы шедаліс. Но ставӧн чӧв олӧны. Яндзим висьтасьны, мый найӧс гӧрба старука пӧвсаліс.

Нёльӧд войнас кӧбрегӧ лэччис гажа мужик. Босьтіс аскӧдыс пӧлянсӧ, пукалӧ, ворсӧ надзӧник, мед гажтӧм эз босьт. Вой шӧрнас бара старукаыд локтіс.

— Ак и бур тэнад маа сур, мужичок! — шуӧ сійӧ.— Вай ньылыштам неунаӧн!

— А мый и не ньылыштны? — вочавидзӧ мужик.— Сурыд сійӧ гажтӧ содтӧ.

Юисны кӧшӧн пайӧ. Старука мӧдысь нюжӧдчӧ.

— Ю, ю,— ошкӧ мужик,— нӧшта пуам.

Коддзис старукаыд да пӧлян гор улӧ йӧктыны петіс.

А мужик пыр кыпыдджыка да тэрыбджыка босьталӧ.

Укшальмис ведьма, пондіс корны гажа мужиклысь:

— Энлы, виччысьлы, сет лов вежны! Дзикӧдз кольмӧдін!

— Йӧкты, йӧкты, пӧрысь выжыв. Коді сур юӧ да оз йӧкты, добрасӧ весь бырӧдӧ.

— Ог сэсся вермы, лэдз бурӧн, мужичок. Мый шуан, вӧча таысь...

Кӧртавліс сійӧс нырагезйӧн мужик и шуӧ:

— Йӧктін тэ ассьыд пай, пӧрысь выжыв! Нӧйтін менсьым ёртъясӧс, ӧні ме тэнӧ налы вильӧдӧм вылӧ сета. Койык тэнӧ сюрнас кырас. Ош лапанас парсалас. Кӧин пиньяснас чашъяс.

— Жалитышт менӧ, старукасӧ, мужичок, сета тэныд гӧтыр вылӧ мелі да кывзысьысь нылӧс. Лоан сэки матігӧгӧрын медся шуда мортнас. Тӧдлытӧм радлун тӧдмалан.

— И-и нет, что ты! Посох тебе свой в залог дам. Я без него как без рук: ничего не могу. Потому и совладал ты со мной, что посох во время пляски выронила. Ударишь им о землю один раз — явится дева нежная, ударишь в другой — дом тебе будет полная чаша.

— Так и быть, поверю. А теперь убирайся и не колдуй больше.

Вышел наутро мужик из погреба, улыбается довольный. Приятели, увидев мужика, глазам своим не верят: неужто нечистую одолел! А мужичок ступил на землю и грохнул посохом сколь было силы.

Явилась тут дева нежная, кроткая. Волосы словно лён золотятся, глаза, как две голубые звезды, сияют, на щеках румянец алый играет, а сама улыбается ласково, приветливо.

Переглянулись приятели.

— Что же это получается? — почесал Медведь свой квадратный затылок.

Чошкӧдчис мужик: гашкӧ, тайӧ и эм радлуныс, кодӧс корсьны петіс.

— Пӧръялан кӧ, пиньтӧм вом?

— О-ой ог, мый тэ! Ассьым беддьӧс кӧть заклад пыдди сета. Ме сытӧг быттьӧ китӧм: дзик нинӧм ог вермы. Сы понда и ӧдӧлитін тэ менӧ, мый йӧктігӧн беддьӧс киысь лэдзи. Кучкан сійӧн муӧ ӧтчыд — мыччысяс мелі ныв, вартан мӧдысь — керка тэныд лоӧ тыр-бур овмӧса.

— Мед лоӧ сідз, эскыла. А ӧні усйысь син водзысь да сэсся эн кӧлдуйт некор.

Петіс асъявылыс кӧбрегсьыд мужик, дӧвӧльпырысь нюмъялӧ. Ёртъясыс аддзисны да синъясыслы оз эскыны: збыль мӧй ӧдӧлитіс омӧльсӧ! А мужичок петіс на водзӧ да кучкис бедьнад мый вынсьыс.

Мыччысис мелі да шань ныв. Юрсиыс быттьӧ шабді зарниасьӧ, синъясыс быттьӧ кык югыдлӧз кодзув лэччӧмаӧсь енэжсьыс да дзирдалӧны, бандзибыс алӧйгӧрд рӧмӧн ворсӧ, ачыс нюмдӧ шаня да сибыда.

— Всё у нас общее,— взвыл Волк.— А невеста одному!

— Дайте её мне,— повелительно сказал Койык и нацелил страшные рога.

— Тебе? — заревел Медведь.— Да я тебя сейчас...

— Стойте, стойте, друзья,— остановил их Человек.— Спор надо по-умному решать. Пусть принадлежит невеста тому, кто всех напугает.

— Дело говоришь! — согласились звери.

Стали они друг дружку на свой манер пугать. Волк воет жутко, как над покойником, зубами лязгает. Медведь шибче грома ревёт, надрывается, лапами дом раскачивает. Койык рогами в стену бьёт, в щепы дом разламывает. А весёлый мужик взял посох колдовский, надел галоши старухины: скрип, скрип; стук, стук. Как услышали звери, что колдунья приближается, бросились кто куда. Разбежались в разные стороны на сотни вёрст и дорогу к зелёной поляне забыли.

Стукнул мужик ещё раз посохом оземь. Возник дом крепкий, дубовый, и амбар с зерном, и хлев со скотом. Взял он нежную невесту на руки и внёс в свои новые хоромы. Клюку колдуньи они вместе в очаге сожгли. И зажили счастливо.

Оказалось: радость-то больше весёлых любит.

Видзӧдлісны ӧта-мӧд вылас ёртъяс.

— Мый нӧ тайӧ артмӧ? — гыжйыштіс Ош куд кодь пельӧса балябӧжсӧ.

— Ставыс миян ӧтувъя,— омлёвтіс Кӧин.— А невеста ӧтилы!

— Сетӧй сійӧс меным,— тшӧктана шуис Койык да лӧсьӧдіс сюръяссӧ.

— Тэныд? — равӧстіс Ош.— Да ме, час, тэнӧ...

— Энлӧй, энлӧй, ёртъяс,— торкис найӧс Морт.— Тайӧ спорсӧ колӧ мӧвпыштлӧмӧн бырӧдны. Мед невеста лоӧ сылӧн, коді сяммас ставӧс повзьӧдны.

— Бур делӧ шуан! — воисны ӧти кывйӧ зверъяс.

Пондісны найӧ ӧта-мӧдсӧ коді кыдзи сяммӧ повзьӧдлыны. Кӧин весьӧпӧртана омлялӧ, быттьӧ кодралӧны кодӧскӧ, пиньнас зяткакылӧ. Ош гым-чардысь на гораджыка равзӧ, вынсӧ оз жалит, лапаяснас керкасӧ пӧлньӧдлӧ. Койык сюръяснас стенӧ гымӧдӧ, керка керсӧ чагйӧ лэдзӧ. А гажа мужик босьтіс тшыкӧдчан бедьтӧ, кӧмаліс старукалысь колошсӧ: дзурк, дзурк, тук, тук. Мыйӧн кылісны зверъяс, чайтісны, кӧлдунныд матыстчӧ, уськӧдчисны син ни пель. Разӧдчисны коді кытчӧ сё верст ылнаӧ да веж луд вылӧ туйсӧ вунӧдісны.

Тувкнитіс бедьнас нӧшта ӧтчыд мужик. Петіс сы водзӧ крепыд, тупу керйысь тшупӧм керка, да кӧйдысӧн тыра йӧртӧдъяса амбар, да гортса пемӧсӧн тыр гид. Босьтіс мелі невестасӧ ки вылас и пыртӧдіс аслас выль короминаӧ. Старукалысь бедьсӧ найӧ пачын сотісны. И овмӧдчисны шудаа.

Вӧлӧмкӧ, радлуныд сійӧ гажа морттӧ и радейтӧ.

АННУШКА

Удмуртская сказка

БЫЛ У ОДНОЙ вдовы сын. Очень она им дорожила. Никуда от себя не отпускала. Целый день обучала его да наставляла, да советы давала. Она на базар, и он за ней должен тащиться; она в поле, и он плетётся.

Надоела Микалю такая жизнь, и стал он призадумываться. Вдова Египеча, как увидит его в задумчивости, из себя выходит. Понимает она, что всё больше парень от неё отдаляется, совсем чужой стал. Вот уж она беснуется, вот его уговаривает, а Микаль будто даже не слышит совсем.

Затосковал парень.

Выпустила тогда Египеча своих чёрных голубей и шуганула их в ясное небо: «Летите за леса и горы, за поля и долы, разыщите Микалю невесту-жену, робкую, послушную, чтоб ни в чём не перечила свекрови, чтоб была мне рабою верною, служанкою преданной...»

Взвились чёрные голуби под облака, покружились, покружились и полетели на запад. А когда вернулись, закурлыкали, зашептали старухе непонятные слова.

Насупилась Египеча, потемнела с лица. Дала она голубям горсть пшена и пуще прежнего шуганула их грязной тряпкой.

АННУШКА

Удмурт мойд

ВӦЛІ ӦТИ дӧвалӧн пи. Вывті дона дӧвалы пиыс. Некытчӧ ас дорсьыс оз лэдз. Лунлун туйдӧ-велӧдӧ да сӧветъяс сеталӧ. Мамыс базар вылӧ, и пиыслы колӧ сы бӧрся кыссьыны; дӧва кӧдза вылӧ, и пиыслы сэтчӧ.

Дышӧдіс Микальлы татшӧм олӧмыд, пондіс мӧвп песны. Египеча дӧва кыдзи аддзас сійӧс мӧвпӧ ылалӧмнад, ку письыс петӧ. Гӧгӧрвоӧ, мый зонмыс тадзтӧ пыр ёнджыка сыысь ылыстчӧ, дзикӧдз ӧтдортчыны мӧдіс. Со и йӧйталӧ, быд ногыс вӧйпӧдӧ, а Микаль сійӧ быттьӧ весиг оз и кыв нинӧм.

Ёна гажтӧмтчыны пондіс зонмыд.

Лэдзис сэки Египеча ассьыс сьӧд гулюяссӧ вӧля вылӧ, лыбӧдіс помтӧм енэжӧ: «Лэбӧй вӧръяс да гӧраяс сайӧ, ыбъяс да лудъяс вомӧн, корсьлӧй Микальлы вылӧ невестаготырӧс, мед вӧлі сійӧ рам, кывзысьысь, мед воча кыв эз шу инькалы, мед лои мен кывзысьысь рабыняӧн, горт гӧгӧр олысь служанкаӧн...»

Кыпӧдчисны сьӧд гулюяс кымӧр дорӧдз, бергалыштісны сэні, бергалыштісны дай лэбисны рытывлань ныръӧн. А кор бӧр бергӧдчисны, кургыштісны, шӧпкӧдісны старукалы гӧгӧрвотӧм кывъяс.

Кӧрліс синкымъяссӧ Египеча, сьӧдӧдіс чужӧм вылас. Сетіс гулюяслы шӧна содз тыр да нӧшта скӧрысь повзьӧдіс-кыпӧдіс найӧс гӧликӧн ӧвтчигтыр.

Улетели голуби прямохонько на запад, а ночью возвратились, принесли на своих крыльях сиротку Аннушку. Где они её отыскали, у кого украли, неизвестно. Только стала Аннушка с той поры Египечина сноха.

Много было у Аннушки забот, ещё больше хлопот. От зари и до зари гоняла её старуха по разным делам.

Ожил Микаль, разгладились на переносье морщины, посветлели глаза. Смотрит он на свою Аннушку не насмотрится.

А старуха стала отсылать его из дому по каждому поводу. Приревновала она его к безответной Аннушке. И чем безропотнее была сноха, тем озлобленней свекровь. Сядет она у печки, возьмёт в руку трубку с кулак величиной, набьёт её зловонным зельем и попыхивает, чёрным дымом покашливает. И всё смотрит, смотрит на красавицу-сноху. Мысли злобные надумывает.

Обманули её чёрные голуби. Обещали принести хилую да невзрачную. А эта хоть и бледна лицом, хоть и худа без меры, хоть и запугана до робости, а нет в ней покорности. Выполнит она всё как приказано, а будто по-своему поступит.

Вот и на Микаля почти не смотрит, а он уж жить без неё не может.

И ворожила старая, и колдовала, и хитрила. Наконец решила Египеча извести свою кроткую сноху.

— И всё-то ты, бабонька, без пользы мельтешишь,— говорит она Аннушке,— подика лучше в дальний лес. Овцы мои там пасутся. Настриги шерсти мешок, пряжи напряди, мужу тёплые носки свяжи, а свекрови дукес изготовь.

— Как же я, матушка, тех овец найду? — спрашивает сирота.

Лэбисны гулюяс веськыда рытыввывлань, а войнас бӧр воисны, вайисны бордъяс выланыс сирӧта Аннушкаӧс. Кытысь аддзисны сійӧс, кодлӧн ныр улысь нуисны, морт оз тӧд. Сӧмын лои Аннушка сійӧ лунсяньыс Египечалӧн моньӧн.

Уна вӧлі Аннушка вылын могыс, нӧшта унджык нокыс. Кыасянь кыаӧдз котрӧдліс сійӧс старука быдсяма удж вылас.

Ловзис Микаль, шылялісны ныртшуп весьтас чукыръясыс, синъясыс югзьыштісны. Видзӧдӧ аслас Аннушка вылӧ да видзӧдӧмнас пӧтны оз вермы.

А старука ыстӧ нылӧс гортсьыс быдсяма могнас. Вежӧгтыны мӧдіс писӧ чӧв олысь Аннушка дорӧ. И мыйӧн ёнджыка кывзысьӧ моньыс, сійӧн скӧрджык инька. Пуксяс пач водзас, босьтас кулак ыджда юра каллян, масьтас сэтчӧ котшӧс дука зелльӧ да шпуткӧпӧлясьӧ, сьӧд тшынӧн кызӧкталӧ. И пыр видзӧдӧ, видзӧдӧ мичаник монь вылас. Мисьтӧм думъяс юрас бергӧдлӧ.

Ылӧдлісны сійӧс сьӧд гулюясыс. Кӧсйысисны вайӧдны жебиникӧс да мисьтӧминикӧс. А тайӧ со кӧть и кельыд чужӧма, кӧть и идзас сі кодь кос, кӧть повзьӧдлӧм пондаыс вӧрса зверысь вӧй, а этшыс сетчытӧм. Вӧчас ставсӧ кыдзи тшӧктан, а ставыс сы ног артмӧ.

Со и Микаль вылӧ пӧшти оз видзӧдлы, а мӧдыс сытӧг овны оз вермы.

И тунавліс старука, и кӧлдуйтіс, и сюсявліс быд ног. Бӧръявыв думыштіс Египеча изьведитны рам моньсӧ.

— И мый тэ, бабонькаӧ, пӧльзатӧг син ёран,— шуӧ ӧтчыд Аннушкалы,— бурджык, ветлы вӧрӧ. Сэні менам баляяс йирсьӧны. Шыр найӧс, шӧрт печкы, верӧсыдлы шоныд чӧрӧс кы, а иньkаыдлы дукӧс.

— Кытысь нӧ ме, матушка, тэнсьыд баляястӧ аддза? — юалӧ сирӧтинушка.

— А есть там дуб древний с дуплом. Ты встань под него и об ствол ножницами постучи, они сами сбегутся.

Взяла Аннушка ножницы, мешок для шерсти и пошла в дальний лес овец искать.

Приметил её издали Микаль и бежит вдогонку:

— Куда это ты, жёнушка, снарядилась?

— Да вот матушка послала в дальний лес овец стричь.

— Какие же в лесу овцы, простая ты душа! Волки там да медведи. Разорвут они тебя, косточек не оставят. Не ходи ты в лес.

— Как же я могу ослушаться? Хуже волка она нас с тобой изведёт. Лучше уж я одна погибну.

— Не бывать этому! — крикнул Микаль, и в голосе его прозвучал гнев.— Я с тобой пойду!

Зашли они в дальний дремучий лес. До того он густой оказался, что света дневного не видно: темень стоит, как в сумерки. Стонет кто-то жалобно, ухает грозно, крадётся, под ногами ветки похрустывают, злые голоса улюлюкают.

Прижалась Аннушка покрепче к мужнину плечу, побледнела ещё заметней, а молчит. Микаль топорище в руке сжимает, зорко за кустами следит: не покажется ли где кровожадная пасть, не заблестят ли голодные глаза.

Так плечо к плечу дошли они до древнего дуба. Закинул Микаль верёвку на высокий сук, забрался по ней на дуб, а потом Аннушку поднял.

Постучала Аннушка ножницами по гулкому стволу, и тотчас сбежались медведи

— А эм сэні горсъя пӧрысь тупу. Тэ сувт сы улӧ дай ковкӧд шыраннад пучеръяс, найӧ асьныс юкыртчасны.

Босьтіс Аннушка шыран, вурун чукӧртӧм вылӧ сепыс и мӧдӧдчис ылыс вӧрӧ ыжъясӧс корсьны.

Казяліс сійӧс Микаль да котӧрӧн вӧтчыны.

— Кытчӧ нин мӧдін, гӧтырӧй?

— Матушка ыстіс ылі вӧрӧ баляяссӧ шырны.

— Кутшӧм баляяс вермасны лоны вӧрын, йӧюкӧй тэ менам? Сӧмын кӧин да ош. Косявласны тэнӧ, лы ни ку оз коль. Эн мун сэтчӧ.

— Кыдзи нӧ кывзысьтӧгыс? Кӧинысь на скӧрджык матушка, изьведитас миянӧс тэкӧд. Бурджык лоӧ, ӧтнам кӧ пӧпадита.

— Оз ло тадзи! — горӧдіс Микаль, и гӧлӧсыс скӧрмӧм пондаыс чорзис.— Ме тэкӧд муна!

Пырисны найӧ пемыд вӧрӧ. Сэтшӧм сійӧ сук вӧлӧма, мый лун югыдыс оз сибав: сьӧдпемыд, быттьӧ войын. Ымзӧ кодкӧ гажтӧма, увгӧ лӧкысь, гусьӧн матыстчӧ, кок улӧ гылалӧм росъяс кратшкӧны, скӧр гӧлӧсъяс дэльӧдчӧны.

Топӧдчис Аннушка верӧсыслӧн пельпом бердӧ, нӧшта ёнджыка кельдӧдіс, а чӧв олӧ. Микаль черсӧ киас топӧдіс, кустъяс вылысь син оз вештыв: оз-ӧ петкӧдчы кӧнкӧ вир юысьлӧн черлыыс, оз-ӧ югнит тшыг син.

Тадзи пельпом пельпом дінӧ сибӧдчӧмӧн и матыстчисны пӧрысь тупу дорӧ. Шыркнитіс Микаль кыз ув йылӧ гез, кавшасис пу вылас, сэсся и Аннушкаӧс катӧдіс.

Ковкӧдіс Аннушка шыраннас шыалысь пучерйӧ, сійӧ жӧ здукас чукӧртчисны лӧзь

косматые и волки поджарые. Окружили они дуб тесным кольцом. Медведи полезли человечину добывать. Подобрались к Аннушке. Едва один за подол зубами не ухватил. А Микаль его топором по оскаленной морде — хрясь! Медведи кубарем один на другого. И снова лезут. Снова их Микаль топором рубит, жену и себя защищает.

Бесились, бесились звери. Между собой сгоряча подрались. Все бока друг другу ободрали и разбежались.

Слезли Микаль с Аннушкой с дуба, набили полный мешок шерсти и вернулись домой невредимые. Увидела Египеча, что её сын жизни не жалел ради жены, и пуще прежнего возненавидела сноху.

Прошёл день-другой, посылает свекровь Аннушку за бёрдом:

— За Камой-рекой, за гнилым болотом, за широким полем, стоит в лесу сторожка лесника. Живёт в ней моя старшая сестра. Так вот, пойдёшь её навестить, бёрдо попросишь. Без провожатых пойдёшь: Микаля-то я на базар отправила.

Делать нечего. Взяла Аннушка свой пестерь, положила в него кусок мяса, масла коровьего в белую тряпочку завернула, калачей белых, крынку сметаны, табаку нюхательного для старухи. Надела Аннушка белый платок, взглянула на дорогу, по которой ушёл в город её муж, и пошла разыскивать лесную сторожку.

Подошла Аннушка к широкой Каме-реке, а другой берег еле виден в тумане. Как туда без лодки перебраться? Села она на берегу, пригорюнилась: назад воротиться — свекровь укорами изведёт, а реки ей с пестерем не переплыть. Смотрит: стая гусей к ней летит. Окружили её гуси, шипят, шеи вытягивают, вот-вот за ноги щипать начнут.

гöна ошъяс да жарав кöинъяс. Кытшовтісны тупутö топыд кытшöн. Ошъяс кавшасьöны морт яй судзöдны. Аннушка дінöдз нин воисны. Öти подол пöлаöдыс öдва эз кватит. А Микаль сійöс черöн жервидзысь ныр-вомас — сап! Ошъясыд тімбыльöн öти бöрся мöд. И бара кавшасьöны. Бара Микаль найöс черöн кералö, асьсö да гöтырсö тадзи дорйö.

Лёкалісны, лёкалісны зверъяс. Ас костаныс пöсь вывсьыд тышкö воисны. Став бекъяссö ёрта-ёртыслысь чашйисны да коді кытчö.

Лэччисны Микаль да Аннушка тупу вылысь, тэчисны налысь гöнсö сепыс тыр дай бöр гортаныс бергöдчисны дзоньвидзаöн. Аддзис Египеча, мый сылöн пиыс олöмсö абу жалитöма гöтыр пондаыс, воддзасьыс на ёнджыка вежöктыны пондіс.

Коли лун-мöд, инька Аннушкаöс бара ыстö.

— Кама-ю сайын, сісь нюр мöдарын, паськыд поле помын вöрас сулалö лесниклöн чом. Олö сэні менам ыджыдджык чой. Ветлы чойöс видлыны, да эн вунöд сылысь берд корны. Колльöдысьтöг ветлан: Микальтö ме базар вылö ысті.

Вöчны нинöм. Босьтіс Аннушка пестер, пуктіс сэтчö яй кусöк, мöс вый еджыд рузумö тубыртіс, еджыд калачьяс, нöк гырнич, нюшкан табак старукаыслы. Кörталіс юрас еджыд чышъян, видзöдліс мир туйлань, кыті верöсыс карö муніс, и петіс вöрса туй корсьны.

Матыстчис Аннушка паськыд ота Кама-ю дорö, а мöдар берегыс öдва тыдалö ру пырыс. Кыдзи сэтчö пыжтöгыд воöдчан? Пуксис берегдор лыа вылö, шогö уси: бöр бергöдчас — иньkаыс укöрайтöмнас изьведитас, а юсö пестер сорнад он уй. Видзöдö: юсь кельöб сылань матыстчö. Кытшалісны сійöс юсьяс, чушкöны, сьыліяссö нюжйöдлöны, вот-вот коктіыс нетшкыны пондасны.

— Гуси, гуси, я вам ситнички припасла,— сказала Аннушка и стала ситники крошить и гусей потчевать.

Наелись гуси и говорят:

— Хотели мы тебя до смерти защипать, да больно ты добрая. Все ситники нам скормила. Мы тебя отблагодарим. Садись к нам на спину, на тот берег перенесём.

Так они и сделали. Забралась Аннушка на спину самого большого гуся, и поплыли они на другой берег Камы. А пестерь другой гусак в клюве перенёс. Вышли они на берег, помахали Аннушке крыльями и улетели.

Подошла Аннушка к болоту, а дороги не знает, стала с кочки на кочку прыгать. Вдруг выскочили из густой осоки голодные псы, окружили они Аннушку, зубами щёлкают, к горлу подбираются.

— Собачки, собачки, пощадите меня, я вам мяса принесла,— сказала Аннушка. И бросила собакам телячью ногу. Накинулись голодные псы на телячью ногу, мигом разодрали её на клочки.

— А ты добрая! — сказали они и помахали хвостами.— Нам никто ещё такого вкусного мяса не давал. Пойдём, мы тебя через болото проводим.

Провели собаки Аннушку через гнилое болото, а в лес идти побоялись.

— Мы с волками не в ладах,— сказали они.

За болотом раскинулось широкое поле, на котором, словно часовой, стояла берёза. Поднялся тут сильный ветер. Зашумела берёза, замахала гибкими ветвями:

— Не пущу, не пущу тебя дальше, ветками исхлещу.

— Берёзка, берёзка, я тебе белую косынку в подарок принесла.

— Юсьясӧй, юсьясӧй, ме тіянлы шобді нянь лӧсьӧді,— шуис Аннушка и босьтчис нянь тупӧсь чирйыны да юсьясӧс гӧститӧдны.

Пӧттӧдз сёйисны юсьясыд дай шуӧны:

— Кӧсйылім ми тэнӧ кувтӧдз кокавны, да вывті нин шань тэ. Став няньтӧ миянлы вердін. Аттьӧалам тэнӧ. Пуксьы миянлы мыш выланым, мӧдар берегас вуджӧдам.

Сідзи и вӧчисны. Кавшасис Аннушка медся ыджыд юсьлӧн мыш вылӧ, и пондісны уйны Кама-ю мӧдлапӧлӧ. А пестерсӧ мӧд юсь ныр йылас кӧлалӧмӧн вуджӧдіс. Петісны косінӧ, ӧвтчыштісны Аннушкалы бордъяснас и лэбисны.

Матыстчис Аннушка нюр дорӧ, а туй оз тӧд, пондіс вутшкысь вутшкӧ чеччавны. Друг джуджыд эжӧр пӧвстысь чепӧсйисны тшыг понъяс, кытшовтісны найӧ Аннушкаӧс, пиньнас зяткакылӧны, голя бердас сибӧдчӧны.

— Понъясӧй, понъясӧй, жалитыштӧй менӧ, ме тіянлы яй лӧсьӧді,— шуис Аннушка. И шыбитіс понъяслы куканьлысь коксӧ. Вувзьысисны тшыг понъяс кукань кок вылад, здукӧн чашйисны.

— А тэ шань вӧлӧмыд! — шуисны найӧ да босьтчисны бӧжнас легӧдны.— Миянлы морт на эз мыччыв татшӧм чӧскыд яйсӧ. Мунам, ми тэныд нюр вомӧн туй петкӧдлам.

Колльӧдісны понъяс Аннушкаӧс сісь нюр помӧдз, а вӧрӧ пырны повзисны.

— Ми кӧинъяскӧд ог ладмӧй,— шуисны.

Нюр сайын шыльквидзис паськыд поле, сы шӧрын, быттьӧ часӧвӧй, сулаліс еджыд кыдз. Друг лыбис ён тӧв. Пондіс шыавны кыддзыд, вӧсньыдик росъяснас ӧласьны.

— Ог лэдз, ог лэдз тэнӧ водзӧ мунны, ньӧрйӧн швичӧда.

— Кыддзӧй, кыддзанӧй, ме тэныд козин пыдди еджыд чышъян вайи.

— Ишь ты! Косынку? — недоверчиво сказала берёза.— А я собралась тебя ветками исхлестать. Ну, проходи тогда, коли такая добрая. А косынка мне пригодится. Давно уж принарядиться хотелось.

Пересекла Аннушка широкое поле и вошла в дремучий лес.

Лесника-то давно и в живых не было, осталась от него лишь ветхая сторожка, в которой поселилась злая старуха. Вот лес и одичал. Стали в нём водиться волчьи стаи, медведи повадились разбойничать, совы гнёзда разорять. И пожары здесь случались, и дела тёмные, непонятные. Сумеречно, сыро было в запущенном лесу.

Замелькали вдруг зелёные огни между деревьев, заметался, аукнулся волчий вой, и Аннушка оказалась в зверином кольце.

— А-а-а! Тебя-то мы и поджидаем, голубушку,— сказал самый матёрый волчище.— Есть у нас строгий наказ доставить тебя к хозяйке. Пытать тебя будут.

— За что же меня пытать? — ужаснулась Аннушка.— Что я плохого людям сделала?

— Нам это не ведомо,— рыкнул волчий вожак.— Пошли!

Жадными глазами поглядывали на неё волки, но, видно, не смели ослушаться строгого приказания колдуньи. Кто же, как не колдунья, может распоряжаться зверями и сама творить зло! Первый раз за всё время поникла Аннушка головой. «Почему это так бывает в жизни, что одним достаются только радости, а другим одни печали?» — думала она.

Привели волки пленницу к чёрной, покосившейся избушке с одним оконцем.

— Дальше одна иди,— сказал вожак,— нам запрещено. Да не вздумай убегать! От хозяйки никто ещё не убежал. Беглецов нам позволено в клочья рвать без разбору.

— Иш тэ! Чышъян? — эскытӧг падъялыштіс кыддзыд.— А ме кӧсйи тэнӧ ньӧрйӧн швичӧдны. Но, сідзкӧ, мун водзӧ, сэтшӧм кӧ бур. А чышъяныд меным ковмылас. Важӧн нин окота вӧччывны.

Вуджис Аннушка паськыд ота поле и пемыд вӧрӧ пырис.

Лесникыд сійӧ важӧн нин кувсьӧма вӧлі, сӧмын киссьӧм чомӥыс и кольӧма, кытчӧ сэсся овмӧдчӧма скӧр старука. Со и вӧймӧма вӧрыс. Вельмисны сэтчӧ волыны кӧин котыръяс, ошкыд пондіс рӧзбойничайтны, сюзьяс мукӧд лэбачлысь поздырсӧ бырӧдӧны. И тшӧкыда ӧзйыліс вӧрыс, и нечистӧй ловъяс пакӧститчылісны, уна гӧгӧрвотӧмыс лолі. Шуштӧм ловлы урӧсмӧм вӧрын, улис ру гӧвкъялӧ.

Друг пуяс костын виж бияс пондісны пӧртмасьны, гулыда йӧлаасис кӧин омлялӧм, и Аннушка паляліс вӧрса зверъяслӧн кытшын.

— А-а-а! Ми тэнӧ и виччысим, гулюӧс,— шуис медся пӧрысь кӧиныс.— Сетӧма миянлы чорыд наказ, медым вайӧдім кӧзяйка дінӧ. Пытайтны тэнӧ мӧдам!

— Мыйысь нӧ менӧ пытайтныс колӧ? — весьӧпӧрис Аннушка.— Кодлы кутшӧм лёк вӧчи?

— Миянлы тайӧ абу тӧдса,— эрыштчис пӧрысь вожак.— Мунам!

Горш синмӧн видзӧдлісны сы вылӧ тшыг кӧинъяс, но, тыдалӧ, эз лысьтны кӧлдуннялысь тшӧктӧмсӧ вуджны. Коді нӧ сы кындзи сяммӧ зверъясӧн веськӧдлыны и ачыс лёк керны! Аннушка збыльысь повзис. «Мыйла тадзи шуӧма олӧмас, мыйла ӧтияслы сӧмын радлун, а мӧдъяслы ӧти шог?» — думайтіс сійӧ.

Вайӧдісны кӧинъяс пленничатӧ сьӧдӧдӧм, пӧлӧстчӧм, ӧтка ӧшиня чом дорӧ.

Заглянула Аннушка в оконце — никого, постучала — не отзываются. Толкнула она дверь легонько и шагнула через порог.

— Жжжживой отсюда не воротишься! — проскрипела дверь.

— Что это ты так скрипишь, дубовая? Давно, видно, тебя не смазывали! Маслице вот у меня тут есть, дай я тебя смажу.

— Добра-а-а,— ещё раз скрипнула дверь и затихла.

Оглядела Аннушка колдовское логово, и жутко ей сделалось: кругом скелеты, чучела, головы зверей и птиц, а посредине избы огромный котёл с кипящей смолой.

С печки на неё уставился облезлый чёрный кот:

— Мя-а-асо пришло, мя-а-асо!

— Что ты говоришь! Какое же я мясо? Я Аннушка.

— Водзӧ ӧтнад мун,— шуис вожак,— миянлы сэтчӧ туй абу. Да эн чайт пышйыны! Кӧзяйкаысь пышйыны некодлы на эз мойви. Пышйысьястӧ миянлы косявлыны шуӧма.

Видзӧдліс Аннушка ӧшинь рӧчас — лов абу, торкӧдчис — оз шыасьны. Йӧткыштіс ӧдзӧссӧ кокньыдика дай воськовтіс порог вомӧн.

— Жжжжывӧйӧн татысь он пееет! — дзуртыштіс ӧдзӧс.

— Мый нӧ татшӧма дзуртан, тупу ӧдзӧсӧй? Тыдалӧ, важӧн абу мавтлӧмаӧсь! Менам со мӧс выйтор эмышт. Энлы жӧ, энлы, мавта тэнӧ.

— Добр-р-ра-а! — нӧшта ӧтчыд дзуркнитіс ӧдзӧс и лӧнис.

Гӧгӧртіс синнас Аннушка ёмалысь позсӧ, и шуштӧм лои: гӧгӧр скелетъяс, чучелаяс, звер да лэбач юръяс, а керка шӧрас пуан сир тыра ыджыд пӧрт.

Паччӧр вывсянь сы вылӧ видзӧдіс сьӧд сера урӧс кань:

— Мя-а-асо! Хозяйка сделает из тебя мя-а-асо. Только мне она отдаёт одни кости. Она сварит из тебя колдовское зелье. Но сначала тебя будут пытать.

— За что же меня пытать?

— Как за что? Мя-а-конькая!

— Ну зачем? По-моему, ты одичал, котик, дай я тебя поглажу.

— Мя-а-асо!

— Покушай вот лучше свежей сметанки. Я всю её тебе и отдам, нечего её старухе беречь. Вот так.

— Мур-мур-мур,— сказал кот,— неслыханной вкусноты штука.

— Это не штука, а сметана. Понравилась?

— Мур-мур-мур, старая карга кормит меня объедками.

— М-мяй воис, м-мяй!

— Мыйла тадзи шуан? Ме абу яй, а Аннушка.

— М-мяй! Кӧзяйка тэнӧ м-мяй вылӧ начкас. Меным сӧмын вильӧдӧм лыясыд вичмасны. М-мяйсьыд сійӧ пуас кӧлдуйтан зелльӧ. Но медводз тэнӧ пытайтас.

— Мыйысь нӧ менӧ пытайтныс колӧ?

— Кыдзи мыйысь? Небыд м-мяйсьыд!

— Збыль, мыйысь? Тэ, кӧнкӧ, дзикӧдз вӧймин тані, вай ме тэнӧ шыльӧдышта.

— М-мя-ай!

— Со, чӧскыд нӧксӧ нюлышт. Колӧ кӧ, ме тэныд ставнас сета, нинӧмла сійӧс старукаыдлы видзны. Вот та-а-адз.

— Мур-мур-мур,— шуис кань,— тӧдлытӧм-м-м чӧскыд дивӧ.

— А-а-а! Пришла, моё солнышко! — услышала вдруг пленница, и из печки выскочила скрюченная старушонка.— Тебя-то мне и не доставало. Говори! — взвизгнула она.— Чем околдовала моих верных псов? Кто научил тебя ворожить? Сознавайся!

— Я не умею колдовать,— ответила Аннушка.— Меня прислала к тебе свекровь, твоя сестра. Как поживаешь, тётушка?

— Хе-хе-хе, «тётушка», говоришь? Отвечай! — снова взвизгнула она.— Чем очаровала злых гусаков, что не тронули тебя. А берёза? Что она, с ума спятила на старости лет! Завтра же прикажу её сжечь!

— Не надо, пожалуйста, она такая славная!

— Ах, ты ещё заступаться! В котёл её!

В это время за окном раздался протяжный совиный крик. Колдунья вихрем вылетела из трубы. Что-то нежданно-негаданно стряслось в её владениях.

— Что же ты стоишь? Беги! — крикнул кот.

Аннушка кинулась из страшного дома, и дверь бесшумно отворилась, пропуская её. Кажется, она даже вздохнула. Может, ей тоже захотелось убежать! А кот выпрыгнул в окно и побежал следом за беглянкой. И ему опостылели мрачная изба и скупые объедки.

Легко сказать: беги! А куда? Кругом чёрной стеной стоял хмурый лес. Ни дорожки, ни тропинки.

— Сюда! Сюда! — поманил кот.

— Тайӧ абу дивӧ, а нӧк. Кажитчис?

— Мур-мур-мур, пӧрысь карга менӧ сӧмын мыльӧсӧн вердӧ.

— А-а-а! Воин, менам шондіӧй,— друг кыліс пленница, и тайӧ здукас пач вомысь чепӧсйис кос вужля кодь старука.— Сӧмын тэ меным эн и тырмы. Висьтась! — чилӧстіс сійӧ.— Мыйӧн пӧртмалін сӧмын менсьым кывзысьысь понъяссӧ? Коді тэнӧ велӧдіс кӧлдуйтны? Висьтась, мися!

— Ме кӧлдуйтны ог куж,— вочавидзис Аннушка,— менӧ мӧдӧдіс инька, тэнад чойыд. Кыдзи нин овсьӧ-вывсьӧ, тьӧтуш?

— Хе-хе-хе, тьӧтуш, шуан? Ноко, висьтась! — бара чилӧстіс сійӧ.— Кыдзи смилитін менсьым скӧр юсьяссӧ, мый весиг эз вӧрзьӧдны тэнӧ? А кыдзсӧ? Сійӧ мый, выжывмис пӧрысьӧ-немӧ? Аски жӧ тшӧкта сотны!

— Оз ков, пожалуйста, сійӧ сэтшӧм мича!

— Ак, тэ нӧшта и доръян! Пӧртйӧ сійӧс!

Тайӧ здукӧ ывла вылын кыліс сюзьлӧн кузя букӧстӧм. Ёма тӧв нырӧн петіс пач трубаӧдыс. Мыйкӧ неладнӧ лоӧма сылӧн овмӧсын.

— Мый нӧ сулалан? Котӧрт! — горӧдіс Аннушкалы кань.

Аннушка уськӧдчис пышйыны повзьӧдчан керкасьыд, и ӧдзӧсыс ачыс шытӧг воссис да лэдзис петны. Весиг быттьӧ ышловзис. Гашкӧ, окота лои тшӧтш пышйыны татысь. А каньыд чеччыштіс ӧшинь пырыс да Аннушка бӧрся. И сылы дӧзмымӧн лоӧма гажтӧм чомйыд да чӧскыдтӧм сёяныд.

Кокни шуны: пышйы пӧ! А кытчӧ да кодарӧ? Гӧгӧр сьӧд вӧр. Ни туй, ни ордым.

— Татчӧ! Татчӧ! — чукӧстіс кань.

Аннушка бежала изо всех сил, но скоро она услышала волчий вой и звуки погони. Волки настигали её. Уже слышно было их хриплое дыхание...

«Табак! — подумала Аннушка.— Нужно высыпать нюхательный табак!»

Она выхватила из пестеря пачку и высыпала её через плечо. К счастью, ветер дул ей в лицо. Она слышала, как взвыли волки, которым табак попал в нос и в глаза. Погоня отстала.

Вот и кончился лес. Только волки снова хрипят за спиной. Ещё немного, и начинается болото, а там голодные собаки. Неужели и они кинутся на неё, раз нет больше мяса, чтоб утолить их голод?

Аннушка еле добежала до болота, когда оттуда выскочила стая псов и кинулась навстречу волчьей погоне. Они с визгом сцепились и начали грызться, как заклятые враги: одни за страшную колдунью, другие за добрую Аннушку. «Хорошие собачки,— с благодарностью подумала беглянка,— они ценят добро».

Наконец-то Кама-река! А где же гуси! Как перебраться через поток воды? И вдруг — шум и свист крыльев. Целая туча гусей. Они подхватили измученную беглянку и легко перенесли её на безопасный берег.

Выскочила колдунья из болота, мечется по берегу, не может сообразить, как через реку перебраться. Вдруг вспомнила: бросила на воду платок, села на него и поплыла. Но на середине реки на неё налетела стая диких гусей и опрокинула злобную старуху в воду. Тут и пришёл ей конец.

Аннушка котӧртіс мый вермис, но регыд мыш сайсьыс кыліс омлялӧм да кок шыяс. Кӧинъяс суӧдӧны. Кылӧ нин весиг ыпкысь лов шыныс...

«Табак! — вежӧртіс Аннушка.— Нюшкан табаксӧ колӧ койыштны!»

Кватитіс пестерсьыс табактӧ да пельпом вомӧныс кигуг койыштіс. Бур вылад, тӧлыс пӧльтіс налань. Кывліс, кыдзи кӧинъяс, кодъяслы табакыс веськалiс синмас и ныpас, никӧстісны да мӧдісны вынтӧг омлявны. Вӧтчысьяс быттьӧ бӧрӧ колисны.

Со и пемыд вӧрыд помассис. Сӧмын кӧинъяс бара суӧдӧны. Нӧшта неуна, и Аннушкалысь туйсӧ сісь нюр потшас, а сэні тшыг понъяс. Уськӧдчасны кӧ, яйыд сэсся абу!

Ӧдва вевъяліс воны нюр дорӧ, сэтысь чепӧсйис пон котыр да уськӧдчис кӧинъяслы паныд. Оллялӧмӧн пондісны пурсьыны, быттьӧ нэмӧвӧйся вӧрӧгъяс, ӧтиясыс лёк Ёма дор, мӧдъясыс коньӧр Аннушка дор. «Бур сьӧлӧма понъяс,— аттьӧалӧмӧн думыштіс пышйысь,— шаньлунтӧ абу вунӧдӧмны».

Со и Кама-ю воис! А кӧні нӧ юсьясыс! Кыдзи ва вомӧныс вуджан? И друг — бордъяслӧн шлопкӧм да шувгӧм. Кымӧр мында юсь. Лэптісны мудзӧм нывкаӧс да кокньыдпырысь и вуджӧдісны мӧдарас.

А ёма петіс нюрсьыд, котралӧ берег пӧлӧн, оз тӧд, кыдзи ва вуджны. Друг казьтыштіс, мый вӧчны: шыбитіс ваӧ чышъянсӧ, пуксис сы вылӧ да кылӧдчӧ. Но ю шӧрас юсьясыд уськӧдчисны да путкыльтісны скӧр старукаӧс. Тадзи сійӧ и вӧйи.

Воис Аннушка гортас, мудз да полӧм пондаыс ӧдва ловъя. Аддзис сійӧс Египеча, гӧгӧрвоис ставсӧ и уськӧдчис монь водзас пидзӧсъяс вылас:

— Прӧстит менӧ, Аннушка,— синва сорӧн шуалӧ,— дум вӧлі тэнӧ изьведитны тадзи. Но аддза, венін менсьым лёкалӧмӧс. Вежӧрӧй торксьыліс. Бурлун пондаыд асьтӧ ӧдва эн

Прибежала Аннушка домой чуть жива от усталости и страха. Увидела её Египеча, поняла всё и упала перед ней на колени.

— Прости меня, сношенька Аннушка,— взмолилась она,— думала я тебя извести-уморить. Но, вижу, победила ты мою злобу. Доброта твоя чуть было не сгубила тебя, она же тебя и спасла. Будешь теперь ты жить долго и счастливо. Я вам мешать не стану, уйду куда глаза ведут...

Тут и Микаль с базара воротился, увидел он жену целой и невредимой и едва не расплакался от радости. «Никогда больше не оставлю тебя одну»,— поклялся он. И говорят, сдержал своё слово.

пӧгубит, но сійӧ жӧ и дорйис тэнӧ. Мӧдан овны дыр да шудаа. Ме тіянлы водзӧ торкавны ог мӧд, муна кытчӧ синъяс нуӧдасны...

Тані и Микаль базар вылысь воис, аддзис гӧтырсӧ ловъяӧн да дзоньвидзаӧн, радлӧм пондаыс синвасӧ ӧдва кутӧ. «Некор сэсся тэнӧ ӧтнадӧн ог коль»,— клянитчис. И висьталӧны, кывсӧ пӧ кутӧма.

СКАЗАНИЕ О КОКШЕ-ПАТЫРЕ

Марийская сказка

— А РАССКАЖУ я вам, дети, почему эту речку нашу Кокшагой зовут... Было это в давние времена. На этой самой реке жил злой-презлой владыка Вараш, а послал его сюда сам царь:

— Иди, Вараш, на берега лесной реки и ставь крепость. Леса там неоглядные, зверем пушным богатые, а люди вокруг живут своевольные. Ты призови их ко смирению.

Поехал Вараш на берега лесной реки, срубил крепость, поставил на её башнях пушки и отдал приказ всем местным людям промышлять белку, лису, горностая и привозить ему драгоценную пушнину. А тех, кто воле его не подчинялся, слуги Вараша хватали, пороли розгами, а особенно строптивых бросали в колодец сорока саженей глубины.

Застонали лесные люди под пятой Вараша, но никто не мог воспротивиться жестокой силе.

Долго ли, коротко ли жили так, но вот в одном лесном илеме у бедных родителей появился на свет мальчик. Назвали его Кокша. Отец сплёл ему лыковую колыбельку и подвесил в правом углу избушки, поближе к очагу.

В первую же ночь около колыбельки появился богатырь Кугурак. Он склонился над ребёнком и сказал:

КОКША-ПАТЫР

Мари мойд

— А ВИСЬТАЛА ме тіянлы, челядь, мыйла миянсьыным юнымöс Кокшагаöн шуöны... Вöлöма тайö зэв-зэв важ кадъясö. Ю дорас овлöма лёксьыс-лёк злöдей, воевода Вараш, а мöдöдлöма сійöс татчö ачыс сар:

— Мун, Вараш, вöрса ю вылö да лэпты сэтчö крепосьт. Вöрыс сэні помтöм, дона куа зверъясöн озыр, а йöзыс зэв асныраöсь. Тэ найöс раммöдчыны тшöкты.

Муніс Вараш вöрса ю вылö, тшупис крепосьт, башняяс вылас пушкаяс тэчис да тшöктіс татчöс йöзлы вöравны, ур, руч да сьöдбöж кыйны да вайны сылы дона куяссö. А найöс, коді кывзысьны эз кöсйы, Варашлöн слугаяс куталісны да ньöръялісны, а медся кывзысьтöмъяссö нелямын сыв джуджда юкмöсö лэдзисны.

Ойзыны пондісны вöрса йöз Варашлöн коклябöр улын, и некоді эз лысьт лёк вынлы паныд мунны.

Дыр-ö, регыд-ö олісны тадзи, но öти вöрса илемын гöль бать-мамлöн чужис пи. Нимтісны сійöс Кокшаöн. Батьыс зонкалы вöчис кырсь потан, öшöдіс керка веськыдпöлас, пач дорö матöджык.

Медводдза жö войнас потан дорö воис Кугурак багатыр. Мышкыртчис сійö кага весьтад да шуис:

— Возьми, Кокша, мою силу, а смелости научит тебя отец.

На вторую ночь к люльке склонился богатырь Чоткар:

— Бери, Кокша, мою ловкость, а доброту ты получишь от своей матери.

На третью ночь к зыбке явился богатырь Акпатыр:

— Я отдаю тебе свою мудрость, Кокша, а любить нашу землю тебя научит народ.

С этой поры Кокша стал расти не по дням, а по часам. За двенадцать суток он превратился в высокого, широкоплечего парня — в настоящего богатыря. Отец дал ему лук и стрелы, велел идти на охоту. Кокша натянул тетиву и пустил стрелу вверх. Со звоном лопнула тетива, а стрела улетела выше облаков и не вернулась на землю.

Пошёл Кокша в кузницу и отковал наконечник для стрелы весом в полтора пуда. На обратном пути он вырвал молодой дубок и сделал из него лук. А из жил убитого им лося свил тетиву. Приладив наконечник к стреле, Кокша решил испытать лук. Он натянул тетиву и выстрелил в вековое дерево. Стрела прошила дерево насквозь, и оно раскололось.

Не прошло и недели, как слуги донесли Варашу о чудо-богатыре. Понял владыка, что Кокша не простит ему и поднимет народ.

— Надо отнять у него силу богатырей,— сказал он слугам и научил их, как это сделать.

Однажды Кокша ушёл на охоту далеко от илема. Подручные Вараша в том месте, где Кокша переходил лесную реку, сделали прорубь, а когда мороз затянул её тонким ледком, засыпали снегом. Возвращаясь с охоты, Кокша провалился в прорубь. Тяжёлые стрелы потянули его на дно...

Но вдруг он услышал голос:

— Босьт, Кокша, менсьым вынӧс, а повтӧмлунӧ тэнӧ батьыд велӧдас.

Мӧд войнас потан дорӧ локтіс Чоткар багатыр:

— Босьт, Кокша, менсьым пельклунӧс, а шаньлунтӧ мамыд сетас.

Коймӧд вой вылас потан дорӧ петіс Акпатыр багатыр:

— Ме тэныд сета ассьым вежӧрӧс, Кокша, а чужан мутӧ радейтны бур йӧзсянь велалан.

Тайӧ кадсяньыс Кокша пондіс быдмыны эз лунысь-лун, а часысь-час. Дас кык суттиӧн пӧрис ыджыд тушаа, паськыд пельпома верстьӧ зонмӧ — збыльнӧй багатырӧ. Батьыс сетіс сылы ньӧввуж да ньӧвъяс, тшӧктіс мунны вӧравны. Кокша зэлӧдіс тетивасӧ да лэдзис енэжӧ ньӧв. Тетиваыс брунакылӧмӧн поті, а ньӧвйыс лэбис кымӧръяс сайӧ да му вылас бӧр эз и волы.

Муніс Кокша кузнечаӧ да дорис пудйӧн-джынйӧна ньӧв йыв. Бӧр локтігмозыс туй бокысь нетшыштіс томиник тупу да вӧчис сыысь ньӧввуж. Йӧра сӧнысь кыис выль тетива. Ладмӧдіс ньӧв йывсӧ, шуис видлыны ньӧввужсӧ. Зэлӧдіс тетивасӧ да лыйис нэмӧвӧйся пучерйӧ. Ньӧвйыд пучер пырыс муніс-вурыштіс, пуыс чашмунлі-поті.

Вежон эз на коль, юӧртісны Варашлӧн слугаяс дивӧ-багатыр йылысь. Гӧгӧрвоис воевода, мый Кокша оз прӧстит, йӧзсӧ кыпӧдас.

— Колӧ сы ордысь багатыръяслысь вынсӧ мырддьыны,— шуис слугаясыслы да велӧдіс, кыдзи-мый вӧчны.

Ӧтчыд Кокша муніс вӧравны илемсьыс ёна ылӧ. Варашлӧн кесйылӧс сійӧ местаас, кыті Кокша вӧрса юсӧ вуджис, кералісны юкмӧс, а кор юкмӧсыс вӧсньыдика йизис, вылыссӧ лымйӧн кӧдзисны. Вӧраланінсьыс бӧр локтігӧн Кокша юкмӧсад и буждіс. Сьӧкыд ньӧвъясыс ва улӧ кыскисны...

— Вспомни о силе Кугурака. Встань на дно и оттолкнись.

И вдруг подручные воеводы в страхе увидели, как вспучился лёд, раскололся на несколько льдин и Кокша вышел на берег.

«Всё равно ему конец,— подумали подручные,— Кокше негде обсушиться, и сильный мороз доконает его».

Понял и Кокша, что конец приходит ему. Одежда сразу обледенела. Но тут он снова услышал голос:

— Вспомни о ловкости Чоткара. Вставай на лыжи и беги.

Кокша надел лыжи и во весь дух помчался к дому. На бегу он вспомнил предание о том, как Чоткар, пока жена кипятила воду для ухи, успевал на лыжах сбегать на озеро в сорока верстах от дому, наловить рыбы и вернуться обратно. Кокша бежал так быстро, что добыча сварилась и пригодилась на ужин.

Разгневался Кокша, когда узнал о коварном замысле Вараша. Он пришёл к крепости и крикнул:

— Если ты, Вараш, не трус, выходи биться со мной один на один!

— Если ты не трус, то заходи в крепость,— ответил Вараш.— Мы сразимся здесь.

Кокша зашёл в крепость. Он не знал, что силу Кугурака он израсходовал подо льдом, а ловкость Чоткара — в беге на лыжах.

Как только закрылись ворота крепости, на Кокшу накинулась стража. Схватка была долгой и яростной, но врагов было много, и Кокшу заковали в цепи, на ноги надели кандалы.

— Бросьте его в сорокасаженный колодец! — приказал Вараш...

Но друг сійö кыліс гöлöс:

— Казьтышт Кугураклысь вынсö. Сувт ва пыдöсас да йöткыштчы.

И воеводалöн кесйылöс пöвзьöмпырысь аддзисны, кыдзи йиыс ставнас лыбліс, кратшкöмöн потласис некымын йи палак вылö, а Кокша петіс берегö.

«Век жö пом сылы воас,— мöвпыштісны кесйылöс,— Кокшалы косьтысьны неköні, веж кöдзыдыс помъялас сійöс».

Тайöс гöгöрвоис и Кокша, öд паськöмыс сы вылын йизис нин. Но тайö здукас бара гöлöс кыліс:

— Казьтышт Чоткарлысь пельклунсö. Сувт лызьяс вылад да котöрт.

Кокша лызясис да мый вынысь котöртіс гортланьыс. Котöртігмозыс казьтыштіс сы йылысь, кыдзи Чоткар, пока гöтырыс юква вылö ва шонтöма, сы коста вевъялöма котöртлыны нелямын верст ылнаö ты дорö, кыйны сэтысь чери да бöр воны гортас. Кокша котöртіс сэтшöм öдöн, мый кыйдöсыс пусис да сійöс сёйны нин позис.

Ёна скöрмис Кокша, кор тöдмаліс Варашлöн пеж думъяс йылысь.

Локтіс крепосьт дорас да горöдіс:

— Тэ кö абу кöч сьöлöма, Вараш, пет мекöд воча тышкасьны!

— Тэ кö абу полысь, пыр крепосьтö,— вочавидзис Вараш.— Танi тышкасям.

Кокша пырис крепосьтад. Эз тöд сійö, мый Кугураклысь вынсö йи куд улас воштіс, а Чоткарлысь пельклунсö — лызьнас котöртігöн.

Сöмын пöдлассисны крепосьт воротаяс, Кокша вылö стража уськöдчис. Дыр да яра тышкасисны, но вöрöгыс вöлі вывті уна, Кокшаöс венісны да чептöн дорисны, а кокъяссö кандалаö йöртісны.

Долго ли, коротко ли просидел Кокша, но однажды на край сруба села Сорока-белобока. Обрадовался Кокша, просит Сороку:

— Сорока-белобока! Передай моим родным, что я у Вараша в колодце. Пусть они выручат меня.

— Глупых я не выручаю,— ответила легкомысленная Сорока.— Ты сам зашёл в логово зверя.

И улетела.

Много ли, мало ли прошло дней, сел на край сруба Коршун.

— Коршун! Коршун! Передай отцу-матери, что я в цепях и брошен в колодец.

— С какой стати? — ответил Коршун.— Я дружу с Варашом и кормлюсь теми, кто брошен в колодец. Скоро придёт и твой черёд.

И тоже улетел.

А время идёт и идёт. Всё больше и больше слабеет Кокша. И уж когда казалось, что нет надежды на спасение, сел на сруб белый Гусь.

— Друг, выручи меня,— простонал Кокша.— Передай...

— Знаю, чего ты хочешь, Кокша. Глупая тараторка Сорока всем болтает, что ты у Вараша в яме, но ты же знаешь, что ей никто и никогда не верил. Не поверили и твои родители. Разве ты не знаешь, что прошло больше пяти лет?

— Всё равно скажи, тебе поверят.

Гусь спустился в колодец, вырвал из своего крыла перо и подал Кокше. Тот смочил перо в кровавой ране от кандалов и написал на белоснежном крыле птицы своё имя.

— Лэдзӧй сійӧс нелямын сыв джуджда юкмӧсӧ! — тшӧктіс Вараш...

Дыр-ӧ, регыд-ӧ пукаліс сэні Кокша, ӧтчыд юкмӧс дорыш вылас пуксис Катша. Шызис Кокша, шыасис Катша дорӧ:

— Катша! Катша! Юӧрт менам рӧдительяслы, мый ме Варашлӧн юкмӧсын. Мед кыдзкӧ мездасны менӧ.

— Вежӧртӧмыдлы ме ог отсась,— вочавидзис дженьыд мывкыда Катша.— Тэ ачыд пырин звер гуас.

И лэбис.

Уна ли, этша ли кад коли, юкмӧс дорыш вылӧ пуксис Кырныш.

— Кырныш! Кырныш! Юӧрт бать-мамлы, мый менӧ чептӧн дорисны да юкмӧсӧ лэдзисны.

— Мый могысь? — вочавидзис Кырныш.— Ме Варашкӧд ёртася, пӧткӧдча налӧн яйӧн, кодӧс юкмӧсӧ лэдзӧны. Регыд и тэныд пом воас.

И тшӧтш лэбис.

А кадыс водзӧ мунӧ. Вынтӧммӧ и вынтӧммӧ Кокша. Кор нин чайтіс, мый некутшӧм надея эз коль, юкмӧс дорыш вылӧ пуксис еджыд Юсь.

— Дона ёрт, мезды менӧ,— ымӧстіс Кокша.— Юӧрт...

— Тӧда, мый тэ кӧсъян висьтавны, Кокша. Йӧй Катша-тотарчи быдлаын китшкӧвисьтасьӧ, мый тэ Варашлӧн юкмӧс пыдӧсын, но ӧд ачыд тӧдан, мый сылы некоді некор эз эскыв. И рӧдительясыд эз эскыны. Он ӧмӧй тӧд, мый вит воысь унджык коли?

— Век жӧ юӧрт, тэныд эскасны.

Юсь лэччис юкмӧс пыдӧсӧ, нетшыштіс аслас бордйысь ӧти перӧ да мыччис Кокша-

И тогда о страданиях богатыря узнали во всех лесных илемах. Самые старые и самые мудрые собрались на совет и стали думать, как помочь Кокше-патыру...

Однажды у Вараша был какой-то праздник. Вдруг перед воротами крепости появилось стадо быков.

— Прими наш праздничный дар, владыка,— сказали старейшины.— Мы хотим заколоть этих быков и угостить твоих храбрых воинов.

— Ладно,— сказал жадный Вараш,— половину быков заколите и сварите в котлах на дворе, а остальных загоните в мои хлева.

Старейшины разожгли костры, забили быков, сняли шкуры и положили около колодца. Подручные воеводы до отвала наелись варёного мяса и завалились спать. Ночью, когда все в крепости спали, старейшины разрезали бычьи шкуры, связали их в один длинный прочный ремень и спустили в колодец. Кокша обвязался концом сыромятного ремня, и его вытащили.

Под покровом ночи старейшины вывели Кокшу из крепости. Пока богатырь поправлялся и набирался сил, кузнецы сковали из цепей и кандалов мечи и наконечники для стрел. Собрались воины со всех илемов, а во главе ратного войска встал Кокша.

Вскоре злой Вараш и его приспешники были изгнаны и народ объявил Кокшу своим вождём...

С тех пор эта лесная речка и зовётся Кокшагой.

лы. Мӧдыс кӧтӧдіс перӧсӧ кандалаӧн зыртӧм вируля ранаас да гижис лэбачлӧн лымъеджыд борд вылӧ ассьыс нимсӧ.

И тайӧ пӧрйӧ багатырлӧн мучитчӧм йылысь тӧдмалісны вӧрса став илемыс. Медся пӧрысьяс да медся мудеръяс чукӧртчисны сӧвет вылӧ да мӧдісны думайтны, кыдзи отсавны Кокша-патырлы...

Ӧтчыд Варашлӧн вӧлі кутшӧмкӧ гаж. Друг крепосьт ворота водзӧ воис ӧш стада.

— Эн ӧтдорт миянсянь козинсӧ, владыка,— корисны старейшинаяс.— Ми кӧсъям начкыны тайӧ ӧшъяссӧ да гӧститӧдны тэнсьыд повтӧм воинъясӧс.

— Ладнӧ,— сетчис горш Вараш,— джын стадасӧ начкӧй да пуӧй ывла пӧртйын, а мукӧдсӧ йӧртӧй менам гидъясӧ.

Старейшинаяс пестісны бипур, кулисны ӧшъяссӧ, а куяссӧ тэчисны юкмӧс водзӧ. Воеводалӧн кесйылӧсъяс пӧттӧдз сёйисны пуӧм яйтӧ да водалісны узьны. Войнас, кор крепосьтын ставӧн узисны, старейшинаяс вундалісны куястӧ, йитлісны кузь, крепыд тасмаӧ да лэдзисны юкмӧсӧ. Кокша кӧрталіс помсӧ кос гӧгӧрыс, и багатырӧс лэптісны ортсӧ.

Вой пемыдас старейшинаяс петкӧдісны Кокшаӧс крепосьтсьыд. Пока багатыр бурдӧдчис да вын-эбӧс чӧжис, кузнечьяс чепсьыд да кандаласьыд дорисны сылы шыпурт да ньӧв йывъяс. Коркӧ сэсся чукӧртчисны быд илемысь воинъяс, а вӧйска юрас сувтіс Кокша.

Регыд злӧдей Варашӧс да сылысь кесйылӧссӧ вӧтлісны, а Кокшаӧс бӧрйисны юралысьӧн...

Сійӧ кадсяньыс тайӧ вӧрса юыс и шусьӧ Кокшагаӧн.

СЕРЕБРОЗУБАЯ ПАМПАЛЧЕ

Марийская сказка

КОГДА-ТО давным-давно жил в марийском лесном краю бедный старик-охотник.

Старуха его умерла, старшая дочь вышла замуж и уехала за дальние леса, на высокую гору, а при нём осталась одна младшая дочка, светлая, как звезда, и прекрасная, как луна, Сереброзубая Пампалче.

Очень любил старик свою меньшую дочь, души в ней не чаял.

Так и жили они: старик охотился, ловил рыбу, а Пампалче собирала в лесу грибы и ягоды.

Однажды утром старик пошёл на лесное озеро ловить рыбу, а Сереброзубая Пампалче отправилась в лес.

Набрела Пампалче на полянку, красную от спелой земляники, и принялась собирать ягоды в лукошко.

Рвёт она ягодку за ягодкой, складывает в лукошко и поёт:

Там, где ясное солнце восходит,
Разгорается алая зорька.
Разгорается зорька,
Солнце восходит,
Согревает зелёную землю.

Подняла Пампалче голову, посмотрела вокруг, увидела на дереве серую кукушку, улыбнулась ей и снова запела:

ЭЗЫСЬ ПИНЯ ПАМПАЛЧЕ

Мари мойд

КОРКӦ важӧн-важӧн мари вӧръясын оліс гӧль старик.

Старукаыс сылӧн кувсьыліс, ыджыдджык нылыс верӧс сайӧ петіс да муніс ылі вӧръяс сайӧ, джуджыд гӧра вылӧ, а сы дорын коли ӧтка ичӧт ныв, кодзув кодь югыд да тӧлысь кодь мича. Эзысь пиня Пампалче.

Вывті ёна радейтіс старик ассьыс ичӧт нывсӧ, лун и вой сӧмын сы йылысь и думайтіс.

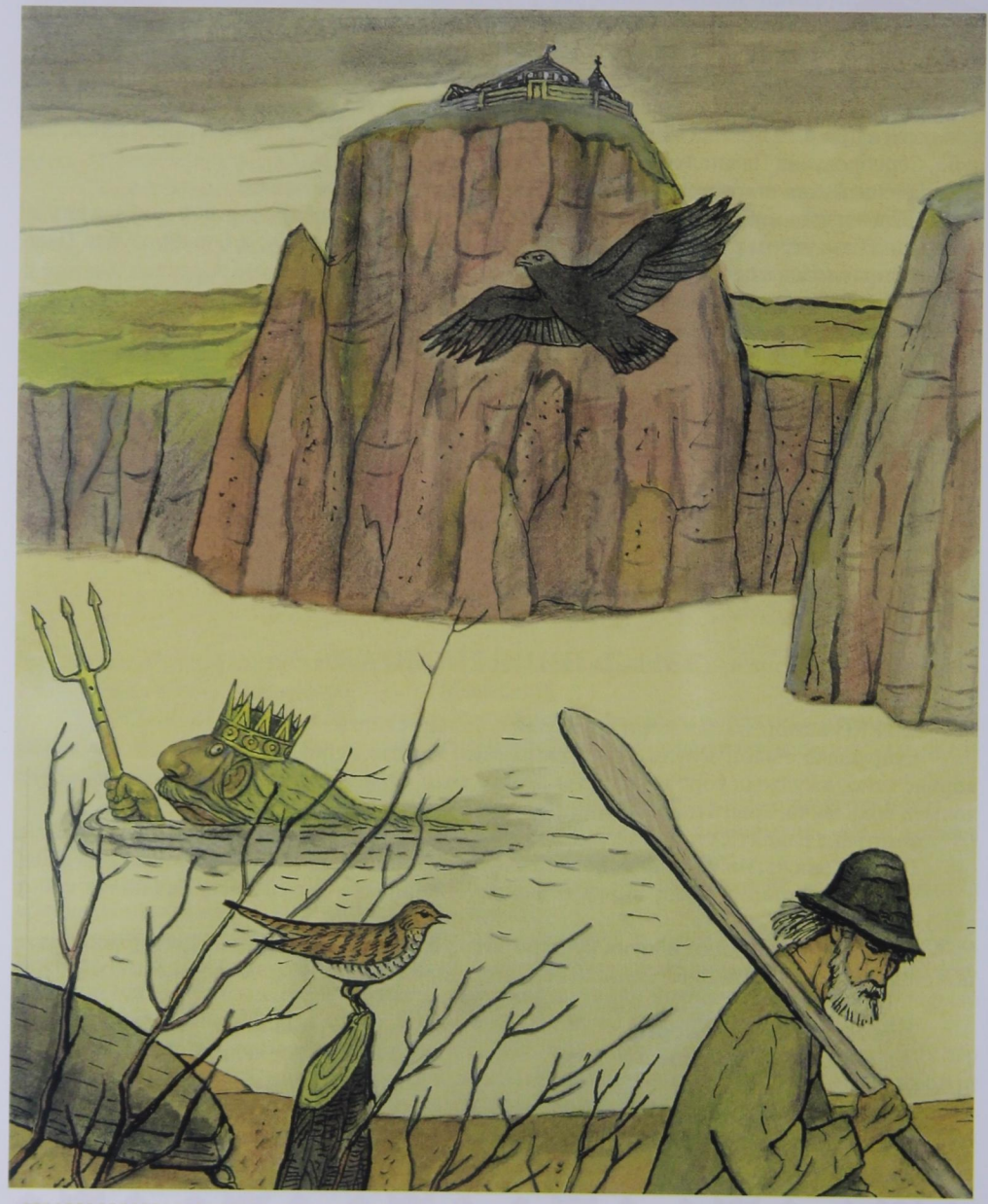
Сідзи и олісны найӧ: старик вӧраліс да чери кыйис, а Пампалче вотіс тшак да ягӧд.

Ӧти асылӧ старик муніс вӧрса тыысь чери кыйны, а Эзысь пиня Пампалче кайис вӧрӧ.

Воис Пампалче вӧрса ичӧтик кушинӧ, коді вӧлі кисьмӧм оз пондаыс ставнас гӧрд, и пондіс вотны ягӧдсӧ чуманӧ. Нетшкӧ сійӧ ягӧд дорӧ ягӧд, тэчӧ чуманас да сьылӧ:

Кӧні гӧрд бана шондіыс петӧ,
Алӧй кыа сэн енэжас ломзьӧ,
Алӧй кыа сэн ломзьӧ.
Кодыр шондіыс петӧ,
Аслас ловруӧн веж мусӧ шонтӧ.

Кыпӧдіс Пампалче юрсӧ, видзӧдліс матігӧгӧр, аддзис пу вылысь руд кӧкӧс, нюмдіс сылы да бара нюжӧдіс:

Ловит в озере рыбу отец,
А я на полянке
Среди белых цветов
Собираю землянику в лукошко,
Каждый день
Собираю в лесу землянику.

Наполнилось лукошко доверху ягодами, и пошла Пампалче домой.

Идёт по лесной дороге и видит: растёт у дороги тёмная ель, а на ели сидит чёрный коршун, машет чёрными крыльями, кивает девушке головой. Плохая примета — встретить коршуна, не к добру эта встреча.

Остановилась Пампалче, спросила тихим голосом:

— К чему повстречался ты мне, чёрный коршун? Что киваешь мне?

Ничего не ответил ей коршун.

Не знала Пампалче, не ведала, что в это самое время с её отцом случилась беда.

Захотелось старику пить, наклонился он над озером и коснулся воды губами. Вдруг пошли по озеру чёрные волны, забурлила вода и высунулась из тёмной глубины чёрная ручища, схватила старика за бороду и потянула в озеро.

Испугался старик, стал молить грозного Водяного владыку:

— О, великий, грозный Водяной владыка! Не губи ты меня, отпусти домой!

Отвечает старику Водяной владыка:

— Я отпущу тебя домой и позволю тебе ловить рыбу во всех моих озёрах, если отдашь за меня замуж свою дочь Сереброзубую Пампалче!

Заплакал старик и согласился отдать Пампалче замуж за Водяного владыку.

Чери вугралӧ ты вылын айӧ,
А ме тані,
Еджыд дзоридзьяс пӧвстын,
Кисьмӧм озсӧ тай чуманӧ вота,
Лунысь-лун
Вӧрса луд вылын озсӧ ме вота.

Чукйӧн тыр лои чуманыс, и Пампалче мӧдӧдчис гортас.

Мунӧ вӧрса ордым кузя и аддзӧ: туй бокас быдмӧ пемыдвиж коз, а коз йылас пукалӧ сьӧд варыш, ӧвтчӧ сьӧд бордъяснас, нывкалы юрнас довкйӧдлӧ. Лёк водзын тайӧ — варышкӧд воча лоны, абу бур водзын.

Сувтовкерис Пампалче, юаліс лӧня:

— Мый водзын тэ паныдасин меным, сьӧд варыш? Мый юрнад довкйӧдлан?

Нинӧм эз вочавидз варышыд.

Эз тӧд Пампалче, эз кыв, мый стӧч да тайӧ кадас айыскӧд беда лоис.

Окота лои стариклы горш веськӧдыштны, копыртчис ты весьтас да инмӧдчис вомдоръяснас ва веркӧсӧ. Тайӧ здукас ты вывті друг мӧдӧдчисны сьӧд гыяс, ваыс пуны мӧдіс, и пемыд йирысь петіс сьӧд чудище, кватитіс старикӧс тошкӧдыс дай кыскис ва улас.

Повзис старик, пондіс кевмыны скӧр владыка Васалысь:

— О, ыджыд владыка Васа, скӧр кӧзяин! Эн губит тэ менӧ, лэдз гортӧ!

Вочавидзӧ стариклы Васа владыкаыд:

— Лэдза тэнӧ гортад, и чери кыйны вӧля сета — став тысьыс, сетан кӧ ме сайӧ ассьыд Эзысь пиня Пампалче ныв тӧ!

Бӧрддзис старик и кӧсйысис сетны Пампалчеӧс Васа владыка сайӧ.

— Отдам, отдам! — говорит.— Привози двенадцать пайданов[1] браги, двенадцать пайданов пива, и отпразднуем свадьбу.

Отпустил Водяной владыка старикову бороду и сказал:

— Иди домой, да смотри не забудь своего обещания! Завтра жди меня в гости.

Поплёлся старик домой. Идёт, спотыкается и думает горькую думу. Тяжело ему рас-

[1]*Пайдан — деревянное ведро.*

— Сета, сета! — шуö.— Вай дас кык пайдан[1] кода ырöш, дас кык пайдан сур, и ворсам кöлысь.

Лэдзис Васа владыка стариклысь тошсö да шуис:

— Мун гортад, да смотри менам, эн вунöд ассьыд кывтö! Аски виччысь гöсти.

Мöдіс старик гортланьыс. Мунö, джöмдалö да сьöкыд дум думайтö. Сьöкыд лоö нылыскöд торйöдчыны, оз тöд, кыдзи висьтавны Пампалчелы, мый көсйысис сетны сійöс Васа владыка сайö верöс сайö.

[1]*Пайдан — пу ведра.*

ставаться с дочерью, не знает, как сказать Пампалче про то, что обещал отдать её в жёны Водяному владыке.

Спрашивает отца Пампалче:

— Отчего ты невесел, батюшка?

Старик вздохнул и отвечает:

— Обвалились ступеньки у нашего крыльца. Чем их чинить — не знаю...

— Не горюй, отец, завтра починим крыльцо, я уже и доски припасла.

А отец и головы не поднимает, ещё ниже клонится. Снова спрашивает его дочь:

Юалӧ айыслысь Пампалче:

— Мый нӧ сэтшӧм гажтӧм, батюшко?

Старик ыджыда ышловзис да вочавидзис:

— Миян кильчӧ пос содъясным киссьӧмаӧсь. Мыйӧн вежны пондам — ог тӧд...

— Эн шогав, айӧ, аски дзоньталам, ме и пӧвъяссӧ нин дасьті.

А айыс юр лэптыны оз вермы, нӧшта улӧ нёрӧ. Нылыс бара юалӧ:

— Мый нӧ, батюшко, нӧшта гажтӧм лоин?

— Да керка вевтным тай сісьмӧма...

— И таысь эн шогав! — вочавидзӧ Пампалче.— Сійӧс тшӧтш вевттям...

— Почему ты, батюшка, стал ещё грустнее?

— Да вот сгнила крыша...

— Это не беда! — отвечает Пампалче.— И крышу перекроем...

Тут старик заплакал и открылся ей:

— Обещал я, дорогая моя доченька, отдать тебя замуж за Водяного владыку. Завтра придёт он сюда и заберёт тебя в своё подводное царство.

Плачет старик, а дочь его утешает:

— Не горюй, отец! Уйду я от Водяного владыки к моей старшей сестре, что живёт за дальними лесами на высокой горе.

Чтобы никто не узнал её, надела Пампалче самый старый и рваный кафтан, залепила свои серебряные зубы еловой смолой.

— Дочь моя,— сказал ей на прощанье отец,— пусть беда обойдёт тебя стороной!

Поклонилась Пампалче отцу, обняла его и тронулась в далёкий путь — за дальние леса, к старшей сестре своей.

Идёт Пампалче по тёмному лесу, идёт по топкому болоту, днём просит солнышко указать ей прямую дорогу, тёмной ночью просит ясный месяц осветить ей путь.

Красное солнышко ей дорогу указывает, месяц ночью путь освещает. На другой день вдруг слышит Пампалче впереди на дороге конский топот, слышит — рога трубят.

Спряталась она в частых кустах, легла на мягкий мох. Видит Пампалче: по дороге едет Водяной владыка.

Едет он на чёрном жеребце, по обеим сторонам идут юноши в белых кафтанах и несут зелёные берёзовые ветви.

Старик сэсся бӧрддзис дай воссис нывка водзас:

— Кӧсйыси ӧд ме, дона нылӧ, сетны тэнӧ Васа сайӧ. Аски локтас да и нуӧдас тэнӧ аслас ваувса сарствоӧ.

Бӧрдӧ старик, а нылыс сійӧс бурӧдӧ:

— Эн шогсьы, айӧ! Пышъя ме Васасьыд, аслам ыджыдджык чой дорӧ муна, коді вӧръяс сайын да джуджыд гӧра вылын олӧ.

Медым некод эз тӧдмав, пасьталіс Пампалче медся важ да ризйыссьӧм дукӧссӧ, ассьыс эзысь пиньяссӧ коз сирӧн мавтіс.

— Нылӧ,— шуис торйӧдчигас айыс,— мед став шогыс тэнӧ ыліті гӧгӧртас!

Копыртчыліс айыслы Пампалче, кутліс сійӧс и петіс кузь туйӧ — ылі вӧръяс сайӧ, ыджыдджык чойыс дінӧ.

Мунӧ Пампалче пемыд вӧрті, мунӧ пыдӧстӧм нюрті, луннас шонділысь корӧ индавны веськыд туй, пемыд войнас корӧ тӧлысьлысь, медым кок увсӧ югзьӧдас.

Шондібан сылы колана туй индалӧ, тӧлысь войнас югзьӧдӧ.

Мӧд луннас друг кылӧ Пампалче — кӧнкӧ водзын вӧв кок шы кылӧ, и буксанӧн тутсӧны.

Дзебсис тшӧк кустъясӧ, небыд нитш вылӧ водіс.

Аддзӧ Пампалче: туй вывті мунӧ Васа владыкаыд.

Пукалӧ сійӧ сьӧд чань вылын, ӧтарас и мӧдарас еджыд дукӧса том зонъяс вӧтчӧны, кианыс веж коръя кыдз росъяс нуӧны.

— Ту-ту, ту-ту! — гораа тутсӧ Васа владыка зарни буксанӧн, сэтшӧм гораа, мый пуясыс дзӧрӧны, а лэбачьяс чӧв усьлӧны.

«Ту-у, ту-у!» — громко трубит Водяной владыка в золотой рог, так громко, что деревья дрожат и птицы замолкают.

Зарылась Пампалче в мох. Водяной владыка не заметил её, проехал мимо.

Поднялась Пампалче, побежала дальше.

Повстречались ей девушки в зелёных свадебных кафтанах, в обшитых блёстками свадебных платках.

— Куда идёте, сестрицы? — спрашивает их Пампалче.

А девушки отвечают ей песней:

Идём за невестой,
За красивой невестой с серебряными зубами,
Светлой, как звезда,
Красивой, как луна,
Идём за Сереброзубой Пампалче,
Чтобы увезти её к Водяному владыке.

— Идите, идите, она вас давно поджидает,— сказала им Пампалче и побежала дальше.

Повстречались ей мужчины в свадебных вышитых рубахах.

— Куда идёте, дядюшки? — спрашивает их Пампалче.

А мужчины отвечают ей песней:

Идём за невестой,
За Сереброзубой Пампалче,
Красивой, как луна,
Светлой, как звезда.
Несём с собой двенадцать пайданов браги,
Несём с собой двенадцать пайданов пива.

Дзебсис Пампалче, нитшнас вевттысис. Васа владыка эз казяв сійӧс, орччӧн муніс.

Петіс дзебассьыс Пампалче, водзӧ котӧртіс.

Воча лоины кӧлысь вылӧ пасьталӧм дукӧса нывъяс, дзирдалан чиръя чышъянаӧсь.

— Кытчӧ мӧдінныд, муса чоюкъяс? — юалӧ налысь Пампалче.

А нывъяс сылы вочавидзӧны сьылӧмӧн:

Мунам ми невестала,
Эзысь пиня невестала,
Кодзув кодь югыд невестала,
Тӧлысь кодь мича невестала,
Мунам эзысь пиня Пампалче дінӧ,
Медым нуны сійӧс Васа владыкалы.

— Мунӧй, мунӧй, сійӧ тіянӧс дыр нин виччысьӧ,— вочавидзис нывъяслы Пампалче да водзӧ котӧртіс.

Воча лоины кӧлысь вылӧ вышывайтӧм дӧрӧма мужичӧйяс.

— Кытчӧ мунанныд, дядюшъяс? — юалӧ налысь Пампалче.

А мужичӧйяс сылы вочавидзӧны сьылӧмӧн:

Мунам невестала,
Эзысь пиня Пампалчела,
Тӧлысь кодь мича невестала,
Кодзув кодь югыд невестала.
Нуам аскӧдным дас кык пайдан кода ырӧш,
Нуам аскӧдным дас кык пайдан сур.

— Мунӧй, мунӧй,— шуӧ налы Пампалче,— невеста тіянӧс виччысьны оз нин вермы.

Воча лоины аньяс — юр выланыс руч ку шапка, морӧс выланыс эзысь молля сикӧтш.

— Идите, идите,— говорит им Пампалче,— невеста вас ждёт не дождётся.

Повстречались ей женщины — на головах лисьи шапки, на груди серебряные ожерелья.

— Куда идёте, тётушки? — спросила их Пампалче.

А женщины отвечают ей песней:

Идём за невестой,
За Сереброзубой Пампалче,
Светлой, как луна,
Прекрасной, как солнце.
Есть у нас двенадцать пайданов мёду,
Есть у нас двенадцать пайданов масла.

— Идите, идите,— говорит им Пампалче,— она совсем заждалась.

Бежит Пампалче по лесу, а навстречу ей плетётся, ковыляет старуха, такая дряхлая, что от старости вся мохом обросла.

— Куда идёшь, бабушка? — спросила Пампалче старуху.

Старуха прошамкала глухим голосом:

Иду за невестой,
За красивой невестой с серебряными зубами,
Румяной, как спелая клубника,
Светлой, как солнце.
Иду на свадьбу гулять,
Буду петь и плясать.

Засмеялась Пампалче, отвалилась еловая смола, заблестели серебряные зубы.

— Я узнала тебя! Ты Сереброзубая Пампалче! — закричала старуха и вцепилась в

— Кытчӧ мӧдінныд, тьӧтушъяс? — юалӧ налысь Пампалче.

И найӧ вочавидзисны сьылӧмӧн:

Мунам невестала,
Эзысь пиня Пампалчела,
Тӧлысь кодь югыд невестала,
Шонді кодь мелі невестала,
Нуам дас кык пайдан ма,
Нуам дас кык пайдан сывдӧм вый.

— Мунӧй, мунӧй,— шуӧ налы Пампалче,— сійӧ ӧд виччысьнысӧ нин мудзис.

Котӧртӧ Пампалче вӧрті, а сылы воча чотӧ-локтӧ старука, сэтшӧм пӧрысь, мый ставнас нитшкӧссьӧма.

— Кытчӧ нин мӧдӧдчин, пӧчукӧ? — юаліс сылысь Пампалче.

Старука пӧдӧм гӧлӧсӧн шешкыльтіс:

Муна невестала,
Эзысь пиня мичаник невестала,
Кисьмӧм оз кодь банйӧм невестала,
Шондіыс кодь югыд невестала,
Муна кӧлысь вылын гажӧдчыны,
Мӧда сьывны да йӧктыны.

Серӧктіс Пампалче, коз сирыд торъяліс, эзысь пиньясыс югъёвтісны.

— Тӧді, тӧді! Тэ Эзысь пиня Пампалче! — горӧдіс старукаыд, шашаритчис кос кияснас.— Менам киысь он мынтӧдчы, ачым нуӧда Васа владыка дорӧ.

Нетшыштчис Пампалче да водзӧ котӧртіс.

Котӧртӧ Пампалче, лэбач борд вылын моз лэбӧ, а старука ӧти воськов сыысь оз кольччы. Тайӧ вӧлӧма абу прӧстӧй старука, а Вувер-кува, скӧр ёма.

Пампалче костлявыми пальцами.— Из моих рук не уйдёшь, я сама отведу тебя к Водяному владыке.

Вырвалась Пампалче и побежала.

Бежит Пампалче, летит, словно птица, а старуха не отстаёт от неё ни на шаг, потому что это была не просто старуха, а злая ведьма Вувер-кува.

Добежала Пампалче до дальнего леса, до высокой горы, нет у неё уже сил бежать дальше, а Вувер-кува вот-вот догонит и схватит её.

Влезла Пампалче на высокую сосну и запела:

Ой, сестрица, сестрица,
Спусти мне шёлковую лестницу!
Не то поймает меня Вувер-кува,
Отдаст в жёны Водяному владыке.

Подбежала Вувер-кува к сосне, отломила свой костлявый палец, выдернула свой кривой зуб, сделала топор и стала рубить под корень сосну, на которой сидела Пампалче.

— Ой, сестрица, сестрица! — поёт Пампалче.

А сестра отвечает ей с горы:

— Подожди, сестрица, я шёлковый клубок разматываю.

В это время вышел из лесу медведь. Жалко ему стало Пампалче, подошёл он к Вувер-куве и говорит ей:

— Дай порублю сосну, а ты отдохни.

Матыстчис Пампалче ылысса вӧр дорӧ, джуджыд гӧра дорӧ, выныс водзӧ котӧртны эз коль, а Вувер-кува вот-вот вӧтӧдас да кватитас.

Кавшасис Пампалче джуджыд пожӧм вылӧ, сьывны пондіс:

Ой, чоюкӧй дай чоюкӧй,
Лэдз меным шӧвк содъя пос,
Озкӧ кутас менӧ Вувер-кува,
Васа владыкалы гӧтыр вылӧ нуас.

Вувер-кува воис пожӧм дорас, код вылын Пампалче пукаліс, чегис ассьыс ӧти кос чунь, перйис вомсьыс пӧлӧс пинь, чер вӧчис да босьтчис пожӧмтӧ керавны.

— Ой, чоюкӧй дай чоюкӧй! — сьылӧ Пампалче.

А чойыс гӧра йывсяньыд вочавидзӧ:

— Виччысьлы здук, ме шӧвк тупыль разя.

Тайӧ здукас вӧрысь петіс ош. Жаль лои сылы Пампалче, матыстчис Вувер-кува дорӧ дай шуӧ:

— Вай ме керасьышта, а тэ шойччы.

Сетіс Вувер-кува черсӧ, ачыс куст улӧ водіс да унмовсис.

Ош чертӧ босьтіс да тыӧ шыбитіс.

Садьмис Вувер-кува — ошкыд ни черыд абу, сӧмын кытшъяс ва вылас гӧвкъялӧны.

Скӧрмис старука, ӧтчыд лолыштӧмӧн юис тыысь став васӧ, судзӧдіс черсӧ да бара босьтчис керасьны.

Вӧр пасьтала разалӧ котшкӧм да гымалӧм шы, ставнас тіралӧ джуджыд пожӧмыд. Пампалче нӧшта гораджыка сьывны босьтчис:

Отдала Вувер-кува топор медведю, а сама легла под куст и заснула. Медведь взял топор и забросил его в озеро.

Проснулась Вувер-кува — нет ни медведя, ни топора, только круги по озеру идут.

Рассердилась старуха, одним глотком выпила всю воду из озера, достала со дна топор и опять принялась рубить сосну.

Пошёл по лесу страшный шум и стук, задрожала высокая сосна, а Пампалче запела ещё громче:

Ой, сестрица, сестрица,
Спусти шёлковую лестницу!

Не то поймает меня Вувер-кува,
Отдаст в жёны Водяному владыке.

А сестрица снова отвечает ей с высокой горы:

— Подожди, сестрица, я шёлковую лестницу плету.

Услыхала песню Пампалче рыжая лиса, прибежала под сосну и говорит Вувер-куве:

— Ты устала, бабушка! Дай-ка мне топор, я помогу тебе, сосну порублю.

Дала Вувер-кува рыжей лисе топор. А той только этого и нужно было: схватила она топор, стукнула один раз по сосне, а в другой раз размахнулась и закинула топор в озеро.

Снова Вувер-кува выпила всю воду из озера, достала топор со дна и принялась сама рубить сосну.

И опять запела Пампалче:

Ой, сестрица, сестрица,
Спусти мне шёлковую лестницу!

Не то поймает меня Вувер-кува,
Отдаст в жёны Водяному владыке.

Ой, чоюкӧй дай чоюкӧй,
Лэдз нин шӧвк содъя постӧ,

Кутас менӧ Вувер-кува,
Васа владыкалы гӧтыр вылӧ нуас.

А чойыс джуджыд гӧра йывсяньыд бара вочавидзӧ:

— Виччысьлы, чоюкӧй, ме шӧвк содъя постӧ кыа.

Кыліс Пампалчелысь сьылӧмсӧ гӧрд руч, котӧрӧн локтіс пожӧм улӧ да шуӧ Вувер-кувалы:

— Тэ, кӧнкӧ, мудзин, пӧчӧ! Вайлы меным чертӧ, отсышта пусӧ пӧрӧдны.

Сетіс гӧрд ручлы чер Вувер-кува. А мӧдыслы тайӧ и колӧ: кватитіс черсӧ, ӧтчыд котшнитіс пожӧм черйӧ, а мӧдысьсӧ ӧвтыштчис да ошкыд моз жӧ тыас шыбитіс.

Бара Вувер-кува ватӧ ставнас юис, судзӧдіс черсӧ да водзӧ керасьӧ.

Нӧшта гажтӧма босьтчис сьывны Пампалче:

Ой, чоюкӧй дай чоюкӧй,
Лэдз жӧ шӧвк содъя постӧ!

Кутас менӧ Вувер-кува,
Васа владыкалы гӧтыр вылӧ нуас.

Нинӧм эз вочавидз чойыс. Ратшмунліс пожӧмыд, пӧрны нин пондіс, но тайӧ здукас вылісянь лэччис шӧвк пос. Кайис сы кузя Эзысь пиня Пампалче джуджыд гӧра йылӧ, ыджыдджык чойыс дорӧ.

Мыйӧн аддзисны вӧрса зверъяс, мый Эзысь пиня Пампалче мездысис, радлыны

Ничего не ответила ей сестра.

Затрещала сосна, стала валиться, но тут опустилась сверху шёлковая лестница. И поднялась по ней Сереброзубая Пампалче на высокую гору, к старшей сестре своей.

Как увидели звери лесные, что Сереброзубая Пампалче спаслась, обрадовались, пустились в пляс. Запели в зелёных ветвях голосистые птицы, а на высокой горе весело запела Пампалче:

По блестящей шёлковой лестнице
Поднялась я на высокую гору —
Не поймает меня Вувер-кува,
Не достанет Водяной владыка.

босьтчисны, ставӧн йӧктыны уськӧдчисны. Веж коръяс пӧвстын олысь быдсяма лэбачыс сьывны кутісны, ачыс Пампалче джуджыд гӧра йылын гажа сьылан нюжӧдіс:

Дзирдалан шӧвк содъя поскӧд
Кайи ме джуджыд гӧра йылӧ.
Оз кут менӧ Вувер-кува,
Оз нуӧд Васа владыка дорӧ.

ДУБОЛГО ПИЧАЙ

Мордовская сказка

У МУЖИКА с женой были два сына и дочь. Звали дочку Дуболго Пичай. Была она такая красавица, что другой такой не сыщешь. Когда умерли отец с матерью, осталась Дуболго Пичай с двумя братьями. Оба брата её очень любили. Собирается, бывало, старший брат на охоту, она выходит провожать его, и брат говорит ей:

— Если на твоё счастье попадутся мне звери и птицы, я тебе, сестрица Дуболго Пичай, куплю браслеты и кольца!

Выходит Дуболго Пичай провожать младшего брата, и он ей подарки сулит. На её счастье охота всегда у них бывала удачная.

Вскоре братья поженились. Жёны им попались нехорошие, сварливые: каждый день ругаются со своими мужьями и между собой живут как кошка с собакой. С самых первых дней невзлюбили они Дуболго Пичай: завидовали они тому, что была она первой красавицей в деревне, что всё, за что она ни бралась, ей удавалось, что братья души в ней не чаяли. Злые бабы готовы были сжить её со свету и постоянно наговаривали на неё своим мужьям. Особенно злились они на то, что братья, когда собирались на охоту, всегда сулили что-нибудь своей сестре. Вначале они и жёнам своим сулили, да только тогда им ничего не попадалось.

ДУБОЛГО ПИЧАЙ

Мордва мойд

ÖТИ МУЖИКЛÖН гöтырыскöд вöлі кык пи да ныв. Нывсö шуисны Дуболго Пичайöн. И вöлі сійö сэтшöм мича, мый мöдöс сэтшöмсö он корсь. Кор айыс да мамыс кувсисны, Дуболго Пичай пондіс вокъясыскöд овны. Кыкнан вокыс зэв ёна радейтісны сійöс. Ыджыдджык вокыс кö вöравны мöдöдчö, петас колльöдны, а мöдыс и шуö:

— Тэнад шуд вылö кö шедас уна звер да пöтка, ме тэныд, Дуболго Пичай чоюкö, сойпос да чунькытш ньöба.

Петас Дуболго Пичай мöд воксö колльöдны, и сійö козинъяс кöсйысьö. Сылöн шуд вылö кыкнан вокыслы вöралöмын пыр удача вöлі.

Коркö вокъяс гöтрасисны. Кыкнанныслы вичмисны сямтöм да пинясьысь гöтыръяс: быд лун верöсъясыскöд зыксьöны, и ас костаныс быттьö кань да пон олöны. Медводдза лунсяньыс найö эз радейтны Дуболго Пичайöс: завидьтісны, мый матігöгöрын сэтшöм мича нылыс абу, и ставыс, мыйö оз кутчысь, артмö, и вокъясыс сійöс вывті ёна радейтöны. Вежöртöм бабаяс дасьöсь вöтлыны сійöс кытчöкö ылöджык, и помтöг суклясисны, быд нем абусö висьталісны вокъяслы. Медся нин скöралісны сыысь, мый вöравны мунігöн вокъяс быд пöрйö чойныслы мыйкö кöсйысьöны. Коръяскö и гöтыръясыслы кöсйысьлісны, но налöн шуд вылö кыйдöс эз вичмыв.

Однажды братья уехали на охоту. Злые жёны их и задумали погубить Дуболго Пичай.

— Вот что,— говорят,— мы сделаем: изведём лучшего вороного жеребца. Приедут мужья домой, а мы им скажем: «Ваша любимая сестра Дуболго Пичай хорошее дело сделала: это она вашего доброго вороного жеребца извела».

Как задумали, так и сделали: убили вороного жеребца.

Братья Дуболго Пичай едут с охоты домой, везут с собой всяких зверей и птицу, а сестре своей везут много гостинцев. Жёны вышли им навстречу, плачут в голос, своим мужьям жалуются:

— Ах, что сделала ваша любимая сестра! Уморила она вашего любимого вороного жеребца... Она не любит ни нас, ни вас: вы ей покупаете всякие подарки, а она только и помышляет, чтобы зло какое-нибудь вам сделать.

Братья говорят:

— Невелика беда, что пропал наш вороной жеребец: мы найдём другого такого же доброго коня, но второй такой умной и доброй сестры нам нигде не найти.

Не рассердились братья на Дуболго Пичай: отдали ей все гостинцы. Жёны их ещё больше озлобились. Зубами скрипят, думают про себя: «Как-нибудь да погубим мы тебя, ненавистная Дуболго Пичай! Перестанут любить тебя братья, привяжут тебя к хвосту жеребца!»

Чего только они ни придумывали, как ни наговаривали на Дуболго Пичай, только ничего добиться не могли.

Как-то раз братья поехали на охоту. Дуболго Пичай вышла их провожать, а у самой слёзы так и катятся, как крупный горох. Старший брат говорит:

— Если на твоё счастье убью дорогого зверя или птицу, сестрица, куплю тебе хороший подарок!

Ӧтчыд вокъяс бара вӧравны мунісны. Лёк песысь гӧтыръясыс шуисны пӧгубитны Дуболго Пичайӧс.

— Со мый,— шуӧны,— ми вӧчам: медся бур воронӧй чаньтӧ изьведитам. Локтасны верӧсъяс, а ми налы и шуам: «Тіян любайӧ чойныд, Дубалго Пичай, бур дела вӧчис: воронӧй чаньтӧ изьведитіс».

Кыдзи шуисны, сідзи и вӧчисны: виисны воронӧй чаньсӧ.

Дуболго Пичайлӧн вокъяс локтӧны вӧраланінысь, вайӧны аскӧдныс быдсяма зверсӧ да пӧткасӧ, а чойыслы — чӧскыд гӧстинечьяс. Гӧтыръясыс петісны налы воча, кыз синваӧн бӧрдӧны, быдӧн аслас верӧслы норасьӧ:

— Ак, мый вӧчис тіян дона чойныд! Лешмӧдіс тіянсьыд медся бур вӧвтӧ, воронӧй чаньтӧ. Оз радейт сійӧ ни миянӧс, ни тіянӧс: ті сылы ньӧбаланныд быдсяма козинсӧ, а сійӧ сӧмын и думайтӧ, кыдзи кутшӧмкӧ лёк вӧчны.

Вокъяс шуӧны:

— Абу ыджыд шог, мый миян воронӧй чаньным эз ло: аддзам на мӧдӧс, дзик сэтшӧмӧс жӧ, но татшӧм вежӧра да шань мӧд чойсӧ миянлы некытысь не аддзыны.

Эз лёкӧдчыны вокъяс Дуболго Пичай вылӧ: сетісны сылы став дасьтылӧм козинсӧ. Гӧтыръяс нӧшта ёна скӧрмисны. Пиньяснас герчкӧны, ас пытшканыс пуӧны: «Кыдзкӧ да век жӧ пӧгубитам ми тэнӧ, син ёрысь Дуболго Пичай! Оз пондыны радейтны вокъясыд, кӧрталасны тэнӧ чань бӧж помӧ!»

Мыйсӧ сӧмын эз висьтавны, кыдзи эз суклявны Дуболго Пичайӧс, нинӧм налӧн эз артмы.

Ӧтчыд вокъяс бара вӧравны мӧдӧдчисны. Дуболго Пичай петіс найӧс колльӧдны, а аслас синва сідзи и тюрӧ, быттьӧ гырысь анькытш тусьяс. Ыджыдджык вокыс шуӧ:

И другой брат обещает ей гостинцев.

В этот раз братья ещё удачнее охотились: попадалось им много всякого зверя и всякой птицы. Остались они ночевать в лесу. Младший брат и говорит:

— Скажи-ка мне, старший братец, отчего это у меня сердце сегодня так ноет?

— У меня у самого, братец, сердце не на месте. Как бы чего дурного не случилось с нашей Дуболго Пичай! Сестра у нас добрая, кроткая, как голубь, жёны наши зря ненавидят её.

А пока братья на охоте были, жёны их задумали злое дело. Старшая говорит:

— Давай изведём Дуболго Пичай хитростью. Ты пойди поскорее баню истопи, в большом котле воск растопи. Когда истопится баня и воск станет жидким, как вода, ты мне скажи.

Жена младшего брата так и сделала.

Притворились они добрыми и ласковыми, говорят Дуболго Пичай:

— Пойдём с нами в баню, помоемся да попаримся.

Дуболго Пичай худа не ждала, пошла с ними в баню.

В бане невестки одна ласковее другой: моют Дуболго Пичай, голову ей окатывают.

— Голубушка Дуболго Пичай, стой хорошенько: мы сами уж тебя и вымоем-оботрём, и голову тебе промоем-окатим!

Младшая невестка говорит:

— Ну вот, ты вымылась, и волосы твои промылись, теперь в последний раз окатить тебя нужно. Давай, сестрица, окатим Дуболго Пичай тёплой водичкой!

Старшая невестка принесла большой котёл с растопленным воском и вылила его на

— Тэнад шуд вылӧ кыя кӧ дона куа зверӧс либӧ ыджыд пӧткаӧс, ньӧба бур козин!

И мӧд вокыс гӧстинеч кӧсйысис.

Тайӧ пӧрйӧ вокъяслы нӧшта ёна мойвиис: быдсяма зверсӧ и быдсяма пӧткасӧ кыйисны. Вӧрӧ войколавны кольччисны. Ичӧтджыкыс и шуӧ:

— Висьтав, ыджыд вокӧ, мыйысь талун менам сьӧлӧм сэтшӧма юкалӧ?

— Менам и аслам сьӧлӧм абу инын, вокӧ. Мед жӧ мыйкӧ лёк оз ло Дуболго Пичайкӧд! Чойным миян шань, гулю кодь рам, гӧтыръясным весьшӧрӧ сы вылӧ лӧгалӧны.

А сэк коста гӧтыръяс мӧвпыштісны мисьтӧмтор.

Ыджыдджыкыс шуӧ:

— Вай Дуболго Пичайӧс сюсялӧмӧн изьведитам. Тэ мун да регыдджык пывсян ломты, ыджыд пӧртйын сись сывды. Кор пывсяныс ваймас да сисьыс ва кодь лоӧ, меным юӧрт.

Ичӧтджык воклӧн гӧтырыс сідзи и вӧчис.

Бурасьӧм улӧ лэдзчысисны, мелиӧн да шаньӧн петкӧдчӧны, шуӧны Дуболго Пичайлы:

— Лэччылам миянкӧд пывсьыны, корӧсясьыштам да мыссьыштам.

Дуболго Пичай лёктӧ некодлы некор эз кӧсйыв, и ӧні эз дузъяв, лэччис наköд пывсянӧ.

Пывсянад невесткаяс ӧтиыс мӧдсьыс шаньджыкӧн петкӧдчӧ: корӧсялӧны Дуболго Пичайӧс, юрсӧ пожъялӧны.

— Гулюӧй тэ миян, Дуболго Пичай, сулав бура: ми асьным тэнӧ мыськам и чышкалам, и юртӧ пожъялам-сыналам!

Томджык невесткаыс шуӧ:

— Но вот, и юртӧ кунваалӧма лои, пожъявны коли. Вай, чойӧ, дэбыд васӧ!

Дуболго Пичай. Девушка тут же на лавку упала как подкошенная. Воск покрыл тоненьким, как листок, слоем всё тело Дуболго Пичай и залил ей и горло, и уши. Обрадовались злодейки-невестки, что избавились наконец от ненавистной Дуболго Пичай.

Принесли они её из бани домой, убрали, обрядили, положили на лавку в передний угол. Стали они мужей своих дожидаться.

С восходом солнца братья вернулись.

— Почему,— говорят,— не встречает нас сегодня наша любимая сестрица Дуболго Пичай?

Жёны выбежали им навстречу с громким плачем:

— Любимая ваша сестрица умерла! Мы вас весь вечер и всю ночь ждали и не могли дождаться. Уж мы её без вас вымыли и одели, чтобы в гроб положить. Пойдите на милую сестрицу взгляните да гроб ей приготовьте.

Говорят они это мужьям, а сами во весь голос ревут.

Вошли братья в избу. Смотрят — сестрица их Дуболго Пичай лежит на передней лавке под белым холстом. Открыли они её лицо. И кажется братьям, что она им говорит:

— Милые мои братцы, защитники мои! За что погубили меня злые невестки?

Градом покатились у братьев слёзы. Сделали они гроб из негниющего дерева. Положили в него любимую сестрицу свою Дуболго Пичай и отвезли в большой лес, на перекрёсток трёх дорог. Построили помост и поставили на него гроб. А на помост возле гроба поставили корзины с пшеницей.

Вернулись братья в печали домой, а жёнам своим не сказали, куда поставили гроб Дуболго Пичай, хоть те и допытывались.

Мöд невесткаыс вайис сывдöм сись тыра пöрт да кисьтiс Дуболго Пичай вылö. Ныльд сы ни садь уси лабичö. Сиськыс, быттьö кельыд кор, вöсни кышöдöн кышис Дуболго Пичайлысь тушасö, горшсö и пельсö. Радöсь невестка-злöдейкаяс, вермисны жö мездысьны мустöм Дуболго Пичайыс.

Катöдiсны сiйöс керкаас, пасьтöдiсны-вöччöдiсны, водтöдiсны водз пельöсö лабич вылö. Пуксисны да верöсъяссö виччысьöны.

Шонді петандор вокъяс воисны.

— Мыйла,— шуöны,— талун радейтана чойным, Дуболго Пичай, миянлы воча эз пет?

Гöтыръяс налы воча котöртöны, кыз синваöн бöрдöны:

— Тiян радейтана чойныд кувсис! Ми тiянöс рытывбыд и войбыд виччысим, виччысьны эг вермöй. Ми сiйöс тiянтöг мыськым и пасьтöдiм, коли сöмын гортйö водтöдны. Мунöй видзöдлöй чойнытö да горт вöчöй,— висьталöны тадзи, а асьныс кызсьыв бöрдöны.

Пырисны вокъяс керкаö. Аддзöны — чойыс налöн, Дуболго Пичай, и збыльысь куйлö водз пельöс лабичын, еджыд дöраöн вевттьöма. Восьтiсны чужömсö, и кажитчис вокъяслы, быттьö чойныс висьталö налы:

— Муса вокъясöй дай дорйысьясöй! Мыйысь пöгубитiсны менö лёк невесткаяс?

Быттьö йиöн зэрмис, бöрддзисны вокъяс. Вöчисны найö воймытöм пуысь мича горт. Водтöдiсны сэтчö радейтана чойнысö, Дуболго Пичайöс, и нуисны джуджыд ягö, куим туй крестассянiнö. Лэптiсны мöстилö да гортсö сы вылö кыпöдiсны. А гортйыскöд орччöн колисны шобді тусь тыра кöрзина.

Локтiсны вокъяс шогö усьömöн гортаныс, а гöтыръяслы эз висьтавны, кытчö гортсö нуисны, кöть и ёна юасисны найö.

А по ту сторону большого леса, за рекой, жила старуха-вдова. У неё был единственный сын, Виртяном его звали. Был Виртян большой, сильный, красивый парень, работать любил, да только за какое дело ни примется Виртян — счастья у него ни в чём нет! Только в одном ему везло: лучше его гусей не было ни у кого во всей деревне. Стал Виртян примечать, что гуси его возвращаются домой постоянно с одной и той же стороны. В какую сторону он ни проводит гусей — домой они возвращаются все с одной стороны. Думает-гадает Виртян:

— Куда это мои гуси ходят? Куда это они повадились? Дай-ка я за ними послежу!

На другой день выпустил он гусей, но никуда их не погнал.

Пошли гуси опять в ту же сторону, откуда возвращались каждый день. Идут гуси, а Виртян не отстаёт от них. Дошли гуси до большой реки, переплыли на другую сторону, и Виртян тоже плывёт за ними. Чуть не утонул: река-то очень быстрая была. Дошли гуси до леса невдалеке от реки и остановились на поляне. Смотрит Виртян — на той полянке три дороги сходятся, а на перекрёстке высокий помост, а на помосте стоит гроб. По обе стороны гроба поставлены корзины, а из них пшеница сыплется. Гуси под помост пришли, стали пшеницу подбирать. Недолго думая, поднял Виртян гроб на плечи и понёс домой. Дошёл опять до большой реки и говорит:

— Если переплыву реку — принесу гроб к матери, пусть она скажет, что с ним делать.

Вошёл Виртян в реку, а вода ему только по щиколотку. Дошёл Виртян до середины, взглянул вверх по реке — вода остановилась и стоит стеной, взглянул вниз по реке — вода уже высыхает. Только он успел выйти из реки, опять с рёвом понеслась бурная река.

Принёс Виртян гроб домой, показал его матери. Мать велела ему открыть гроб. Ког-

А джуджыд яг мӧдарас, ю сайын, оліс старука-дӧва. Сылӧн быдмис ӧтка пи, Виртян. Вӧлі сійӧ ыджыд, ён, мича зон, уджавны радейтіс, да кӧть мыйӧ оз босьтчы Виртян — шудыс нинӧмысь оз чукты! Сӧмын ӧтиторйын мойвиліс: медся бур юсьясыс матіг ӧгӧрын сӧмын сылӧн вӧліны. Пондіс Виртян казявны, мый юсьясыс быд лун ӧтиладорсянь локтӧны. Кодарӧ кӧть оз вӧтлы найӧс — гортас бергӧдчӧны пыр сэтысянь. Мӧвпӧ уси Виртян:

— Кодарӧ тайӧ менам юсьясӧй ветлӧны? Кытчӧ пӧвадитчисны? Вай жӧ ме на бӧрся кыйӧдчышта!

Мӧд луннас лэдзис юсьяссӧ, но некодарӧ эз понды вӧтлыны.

Юсьясыд кытысь тӧрыт волісны, сыладорӧ и мӧдӧдчисны. Мунӧны юсьяс, и Виртян наысь оз кольччы. Воисны юсьяс паськыд ю дорӧ, мӧдарас уйисны, и Виртян на бӧрся. Ӧдва эз пӧд: юыс вывті визув вӧлӧма. Воисны юсьяс неылын сулалысь яг дорӧ да петісны неыджыд кушин вылӧ. Видзӧдӧ Виртян — сійӧ кушин шӧрас куим туй крестассьӧ, крестассянінас джуджыд мӧстилӧ, а мӧстилӧ вылас горт. Горт кыкнанладорас кӧрзинаяс, а наысь зарни туся шобді вӧсньыд шорӧн визувтӧ. Юсьяс воисны мӧстилӧ дорӧ, босьтчисны шобді тусьсӧ кокавны. Дыр думайттӧг лэптіс Виртян гортсӧ пельпом вылас дай гортланьмӧдӧдчис. Воис бара паськыд ю дорад да шуӧ:

— Вуджа кӧ юсӧ — гортӧ воа да мамлысь юала, мед шуас, мый водзӧ вӧчны.

Пырис юӧ Виртян, а ваыс сӧмын кок шегйӧдзыс и лои. Воис Виртян шӧрӧдзыс, видзӧдліс ю катыдланьвайыс сувтӧма да стенӧн сулалӧ, кывтыдланьсинсӧ чӧвтліс — ваыс косьмӧ нин. Сӧмын вевъяліс петны берегӧ, гыалысь юыс бара увгӧмӧн мӧдӧдчис.

Горттӧ вайис, мамсӧ чукӧстіс. Мамыс тшӧктіс восьтны горт пӧвсӧ. Кор восьтісны — чӧскыд кӧра дзоридз дукӧн ӧвтыштіс. А гортъяс мыйкӧ вевттьӧма еджыд дӧраӧн.

да открыли гроб — оттуда запахло душистыми цветами. В гробу что-то было покрыто холстом. Откинули холст — смотрят: лежит красавица-девушка. Смотрит мать Виртяна на девушку и думает: «Эта красавица не похожа на мёртвую, она словно уснула».

Раскрыла старуха девушке рот, видит — горло чем-то залито по язычок, смотрит — уши залиты. Догадалась старушка, что это воск, и говорит:

— Поди-ка, сынок Виртян, истопи пожарче баню.

Баня истопилась. Мать сказала Виртяну:

— Отнеси девушку в баню, положи на полок и уйди. Я её попарю.

Виртян так и сделал. У девушки в тепле размякли руки и ноги. Старушка скинула с неё верхнюю вышитую рубашку, потом и нижнюю рубашку, положила её ничком и стала парить берёзовым веником. Смотрит — из ушей закапал жидкий воск. Девушка застонала, а потом начала дышать. Старушка сняла её с полка, положила на лавку, покрыла её белым холстом и позвала сына.

Виртян вошёл, глянул и обрадовался: девушка дышит, точно во сне. Сел он с матерью около неё. В полночь девушка стала дышать глубже, стала ворочаться. Потом она повернулась вверх лицом.

Как увидел Виртян лицо её — и сам не знает, бедный, что ему делать, что говорить: такой красавицы он никогда и нигде не видывал. А девушка открыла глаза, взглянула перед собой и промолвила:

— Милый братец!..

Она приняла было Виртяна за брата, да увидела, что это не брат. Стоит Виртян пе-

Павкнитісны дӧрасӧ — аддзӧны: куйлӧ сэні мича ныв. Видзӧдӧ Виртянлӧн мамыс и думайтӧ: «Тайӧ мича нылыс абу кулӧм морт кодь, тайӧ мича нылыс быттьӧ унмовсьӧма».

Восьтіс старука нывлысь вомсӧ, аддзӧ — голяас мыйкӧ кисьтӧмаӧсь кыв улӧдзыс, сэсся видзӧдӧ — и пельясас тшӧтш. Вежӧртіс старука, мый тайӧ сись, дай шуӧ:

— Мун жӧ, Виртян пиӧ, пывсянтӧ жарджыка ломты.

Пывсян бура ломтысис. Мамыс и бара шуӧ Виртянлы:

— Лэччӧд нывсӧ пывсянад, водтӧд вылыс джоджас да пет. Ме сійӧс корӧсяла.

Виртян сідзи и вӧчис, кыдзи мамыс тшӧктіс. Нывлӧн жар пывсянад ки и кок небзис. Старука пӧрччис сы вылысь вышивайтӧм вылыс дӧрӧмсӧ, сэсся и улыс дӧрӧмсӧ кулис, водтӧдіс нылӧс кымынь да водзӧ корӧсялӧ кыдз пу корӧсьӧн. Видзӧдӧ — пельсыс сылӧм сиськыд войтавны мӧдіс. Ныв ымӧстіс, сьӧкыда лолавны пондіс. Старука лэдзис сійӧс вылыс джоджысь, лабичӧ водтӧдіс, вевттис дӧраӧн да писӧ чукӧстіс.

Виртян пырис, видзӧдліс да рад лои: ныв лолалӧ, но быттьӧ вӧтын на. Пуксисны мама-пиа нывкӧд орччӧн. Вой шӧрнас ныв мӧдіс кокньыдджыка лолавны, пессьыны пондіс. Сэсся вывлань чужӧмӧн бергӧдчис.

Мыйӧн аддзис Виртян сылысь чужӧмсӧ — и ачыс оз гӧгӧрво, коньӧр, мый сылы вӧчны, мый шуны: татшӧм мичсӧ сійӧ некор и некытысь на эз аддзыв. А нылыд восьтіс синсӧ, видзӧдліс сы вылӧ да шуыштіс:

— Муса вокӧй!..

Сійӧ Виртянтӧ вокыс пыдди видзӧдӧма, но сэсся гӧгӧрвоис, мый абу вокыс.

Сулалӧ Виртян ныв водзын, видзӧдӧ, синсӧ вештыны оз вермы.

Пасьтӧдіс мамыс нывтӧ, вӧччӧдіс, керкаӧ корис. Босьтчисны найӧ пиыскӧд юасьны, но Дуболго Пичай ас йывсьыс эз висьтась.

ред девушкой, смотрит на неё, не может глаз отвести. Одела вдова девушку, нарядила, в избу пригласила. Стали они с сыном расспрашивать её, но Дуболго Пичай о себе им ничего не рассказала.

— Ничего я не помню,— говорит.

После того как Дуболго Пичай у них поселилась, за что Виртян ни возьмётся — всякое дело у него спорится. И назвал он девушку Уцяской, что значит «Счастье». А когда он женился на ней, ещё лучше стали они жить.

Однажды Дуболго Пичай сидит под окнами и видит — подходят к их избе два человека. Она их сразу узнала: это были её родные братья, только не такие, как прежде,— измученные, оборванные, на одежде заплатка на заплатке, дыра на дыре. Как увидела их Дуболго Пичай, слёзы у неё закапали, губы задёргались.

Подошли братья под окно, поклонились ей в землю и просят:

— Пожалей ты нас, хозяйка! Накорми, напои бедных людей.

— Войдите, войдите! Расскажите мне, где вы были, куда ходили, что видели,— говорит Дуболго Пичай.

Вошли братья, говорит один другому:

— Смотри, как хозяйка на сестру нашу Дуболго Пичай похожа! Если бы не знали мы, что сестрица наша умерла, подумали бы, что это она.

А Дуболго Пичай накормила, напоила их, истопила для них горячую баню. Пришли братья из бани, поблагодарили добрую хозяйку за привет, за ласку и собрались было уходить, а Дуболго Пичай не отпускает их:

— Ниноӧм ог помнит,— шуис.

Кыдзи овмӧдчис на ордӧ Дуболго Пичай, Виртян мыйӧ оз босьтчы — быдтор сылӧн киын пуны мӧдіс. И нимтіс нывтӧ Уцяскаӧн, мӧд ногӧн кӧ — «Чассьӧ». А кор гӧтрасис ныв вылад, олӧмыс нӧшта на бурджыка мӧдӧдчис.

Ӧтчыд Дуболго Пичай пукалӧ ӧшинь улас и аддзӧ — матыстчӧны налӧн керка дорӧ кык морт. Пыр и тӧдіс: тайӧ вӧліны сылӧн вокъясыс, сӧмын абу важ кодьысӧсь, ёна вежсьӧмаӧсь,— укшальмӧмаӧсь, ротйыссьӧмаӧсь, паськӧмныс — дӧмас вылын дӧмас, розь вылын розь. Мыйӧн аддзис найӧс татшӧмӧн Дуболго Пичай, синваыс киссьыны мӧдіс, вомдорыс тіралӧмӧн тіралӧ.

Матыстчисны вокъяс ӧшинь улӧ, копыртчылісны улӧдз да корисны:

— Жалитышт миянӧс, кӧзяюшка! Вердышт, юкталышт гӧль йӧзӧс.

— Пырӧй, пырӧй! Висьталӧй меным, кӧніяс вӧлінныд, кытчӧяс волінныд, мыйяс аддзылінныд? — корӧ Дуболго Пичай.

— Видзӧдлы, кутшӧм шань кӧзяюшкаыс. Миян чоюк Дуболго Пичай вылӧ ёна мунӧ! Эг кӧ тӧдӧй, мый кувсис чойным, эськӧ сыӧн и чайтім.

А Дуболго Пичай вердіс, юкталіс найӧс, жар пывсян ломтіс. Кайисны вокъяс пывсянысь, аттьӧалісны шань кӧзяюшкаӧс бура примитӧмысь, шаня сёрнитӧмысь дай мунны нин лӧсьӧдчӧны. А Дуболго Пичай оз на и тэрмась лэдзны найӧс:

— Кытчӧ нӧ вой улас мӧдінныд? Бурджык, миянын узьмӧдчӧй. И верӧсӧй регыд вӧраланінысь локтас. Сійӧ шуда лоӧ: радейтӧ ветлысь-мунысь войтырлысь висьтасьӧмтӧ кывзыны.

Вокъяс и кольччисны.

Регыд озыр кыйдӧсӧн воис Виртян да шуӧ Дуболго Пичайлы:

— Куда вы на ночь глядя пойдёте? Ночуйте лучше у нас. И муж мой скоро с охоты вернётся. Он вам обрадуется: он любит послушать рассказы прохожих людей.

Братья и остались у неё ночевать.

Скоро с большой добычей вернулся с охоты Виртян и говорит Дуболго Пичай:

— Смотри, сколько я дичи настрелял! Всё на твоё счастье попалось.

Поздоровался он с прохожими и стал с ними разговаривать. Старший брат вздохнул тяжело и начал рассказывать:

— И мы, почтенный хозяин, были так же счастливы и богаты, как ты. Хорошо мы жили, была у нас сестра — Дуболго Пичай её звали. Мы оба её любили больше всего на свете. Мы не видели девушек красивее её, а ум у сестры был ещё краше лица... Она, почтенный хозяин, похожа была лицом на твою жену. Погубили, погубили её наши злодейки-жёны! Как извели они нашу любимую сестрицу, мы до сих пор не знаем. После её смерти за что мы ни примемся, ни в чём у нас удачи нет. Так мы и обнищали, разорились совсем и ходим по миру...

Не окончил своего рассказа брат Дуболго Пичай — заплакал, и у другого брата слёзы рекой полились.

А Дуболго Пичай не выдержала, глядя на горе своих братьев, и тоже горько заплакала. Глядит на них Виртян — не знает, что делать, и тоже во весь голос зарыдал.

Поплакали они, потом успокоились немного, тут Дуболго Пичай и сказала им:

— Братцы мои милые, ведь я сестра ваша родная — Дуболго Пичай! Виртян меня спас, вернул снова к жизни. Оставайтесь жить с нами.

Обрадовались братья, что нашли свою любимую сестру, и стали они жить все вместе дружно и счастливо.

— Видзӧд, мыйта пӧтка ме лыйи! Ставыс тэнад шуд вылӧ вичмис.

Чолӧмасис сійӧ туйвыв войтыркӧд, наköд сёрниӧ пырис. Ыджыдджык вокыс сьӧкыда ышловзис да пондіс висьтасьны:

— И ми, пыдди пуктана кӧзяин, коркӧ татшӧм жӧ шудаӧсь да озырӧсь вӧлім, кыдзи тэ. Бура ми олім, и вӧлі миян чой — Дуболго Пичай. Вокъяс кыкнанным радейтім сійӧс, олӧмсьыс на ёнджыка. Эг тӧдлӧй сыысь мича да сӧстӧм нылӧс, а вежӧрыс сылӧн чужӧмсьыс сӧстӧмджык вӧлі... Сійӧ, пыдди пуктана кӧзяинӧй, тэнад гӧтыр вылӧ зэв ёна муніс. Пӧгубитісны ӧд, пӧгубитісны сійӧс миян злыдни-гӧтыръясным! Кыдзи да мыйӧн изьведитісны радейтана чойнымӧс, ӧнӧдз ог тӧдӧй. Сылӧн кувсьӧм бӧрын мыйӧ ог босьтчӧй, нинӧмын удача абу. Тадзи и гӧльмим, рӧзӧритчим дзикӧдз да со тай — корысявны петім...

Эз вермы помавны висьтсӧ Дуболго Пичайлӧн вокыс — бӧрддзис, и мӧд вокыслӧн синва шорӧн киссьыны пондіс.

Дуболго Пичай вокъясыслысь шогсӧ кылӧм бӧрын эз вермы водзӧ терпитны, тшӧтш бӧрддзис. Видзӧдӧ на вылӧ Виртян — оз тӧд, мый вӧчны, да нӧшта гораджыка бӧрддзис.

Бӧрдыштісны тадз, сэсся коркӧ лӧнисны, сэки и шуис вокъяслы Дуболго Пичай:

— Муса вокъясӧй, ме ӧд тіян рӧдимӧй чойныд — Дуболго Пичай! Виртян менӧ спаситіс, бӧр ловзьӧдіс. Кольччӧй миянӧ да олӧй.

Нимкодьмисны вокъяс, мый аддзисны ассьыныс муса чойсӧ, и пондісны найӧ ӧтвыв овны, шудаа да судзсянаа.

КУЙГОРОЖ

Мордовская сказка

В ОДНОМ мокшанском селе жил-был старик Пятань со старухой Акулей. Старик трубку курил, бабка Акуля табак нюхала. Детей у них не было. Жили бедно, хуже некуда. В хозяйстве лошадь старая, больше ничего нет. Уж так плохо жили, даже Юртава* покинула подворье: нечего ей у Пятаня делать — хозяин гол и в избе пусто.

Наступила весна. Люди пахать-сеять стали, а у Пятаня лошадь соху не тянет, совсем немощная стала. Ударит её старик хворостинкой, а она ни с места. Только хвостом махнёт вверх-вниз, вправо-влево, словно перекрестится.

Вернулся с поля Пятань и говорит старухе:

— Зимой пропадём мы с тобой, Акуля, с голоду.

— Не горюй, старик,— отвечает бабка Акуля.— Ты найди в лесу совиное гнездо и возьми из него яичко. Бери, которое ближе к краю лежит. Из этого яичка я Куйгорожа выведу, он нам поможет.

Запряг старик лошадь и поехал в лес. Когда к лесу подъезжал, перекрестился. Весь день ходил-бродил он по лесу, но совиного гнезда не нашёл. Вернулся домой, Акуля спрашивает:

*Юртава — хранительница дома, хозяйка; домовая.

КУЙГОРОЖ

Мордва мойд

МОКШАСА öти сиктын оліс-выліс старик Пятань аслас Акуля старукакöд. Старик каллян шпуткис-куритіс, Акуля бабыс табак нюшкис. Челядь налöн эз вöв. Олісны гöля, некытчö туйтöма. Овмöсас пöрысь вöв, со и ставыс. Сэтшöм гöля олісны, весиг Юртава* пышйис: нем лои сылы Пятань дорын вочны — кöзяинлöн прамöй пась ни кöм абу, и керкаас видзны-дöзьöритны нем.

Воис тулыс. Йöз гöрны-кöдзны петісны, а Пятаньлöн клячаыс гöрсö оз кыскы, сэтчöдз укшальмöма. Кучкас сылы старик, а мöдыс оз весиг вöрзьы. Сöмын öвтыштас бöжнас вылö-улö, веськыдвыв да шуйгавыв, быттьö пернапас чöвтас.

Локтіс му дорысь Пятань да шуö старукаыслы:

— Тöвнас ми тэкöд пröпадитам, Акуля, тшыглы кулам.

— Эн шогсьы, старик,— вочавидзö сылы Акуля баб.— Тэ корсьлы вöрысь сюзь поз да босьт сэтысь öти кольк. Босьт сійöс, коді дорасджык куйлö. Ме колькьыс Куйгорожöс пöжа, сійö миянлы отсалас.

Доддяліс старик вöвсö да вöрö кайис. Вöр дорö матыстчигöн пернапас чöвтіс. Лунтыр шöйтіс-келаліс, но сюзь поз эз аддзы. Бергöдчис гортас, Акуля юалö:

*Юртава — керка видзысь кöзяйка; олыся.

— Ты крестился по дороге?

— Крестился.

— Вот поэтому и не нашёл совиного гнезда. Куйгорож крестного знамения не любит.

На следующий день поехал Пятань в лес и руки кнутом связал, чтобы нечаянно не перекреститься. Лошадь бредёт-бредёт, остановится. Махнёт хвостом вверх-вниз, вправо-влево, дальше плетётся. И в этот день совиного гнезда Пятань не нашёл. Вернулся домой, Акуля спрашивает:

— Наверно, крестился по дороге?

— Нет.

— А лошадь хвостом крестилась?

— Чего-чего, а это она умеет,— отвечает Пятань.

— Поэтому ты и не нашёл совиного гнезда,— говорит старуха.

На третий день привязал старик хвост к ноге лошади, себе руки кнутом связал и поехал в лес. Видит: на опушке большой дуб, а в нём дупло. Заглянул Пятань — в дупле гнездо и посередине два яичка лежат, третье к самому краю скатилось, вот-вот вывалится. Едва успел старик руки развязать и ладонь подставить, как яичко само к нему в руку упало. И вроде бы голос такой слышится:

— Возьми меня! Отнеси бабке Акуле!

Положил Пятань яичко в шапку и привёз домой.

— Ну а теперь,— говорит бабка Акуля,— я три недели на печи буду сидеть, Куйгорожа высиживать.

— Тэ туй вылас пернапас чӧвтін?

— Чӧвті.

— Сы понда и эн аддзы сюзь позтӧ. Куйгорож пернапас чӧвталӧмтӧ оз радейт.

Мӧд луннас Пятань муніс вӧрад да кияссӧ орскӧн кӧрталіс, мед тӧдлытӧг оз пасъяссьы. Вӧлыс рӧдтыштас-гӧнитыштас, сувтлас недыр кежлӧ. Бӧжнас ӧвтыштас вывлань да увлань, веськыдвыв да шуйгавыв, водзӧ рӧдтӧ. И тайӧ лунсӧ сюзь позтӧ эз аддзы Пятань. Бергӧдчис гортас, Акуля юалӧ:

— Кӧнкӧ, пасъясин туй вылад?

— Эг.

— А вӧлыд бӧжнас пасъясис?

— Мый-мый, а тайӧыд сылӧн артмӧ,— вочавидзӧ старик.

— Сы понда и эн аддзы,— шуӧ старука.

Коймӧд луннас старик вӧвлысь бӧжсӧ кок бердас кӧрталіс, ассьыс кияссӧ орскӧн кӧрталіс, и мунісны найӧ вӧрӧ. Аддзӧ: вӧр пытшкас ӧти кушинын тупу сулалӧ, а сэні тыдалӧ горс. Видзӧдліс сы пытшкӧ Пятань — горсъяс поз, а поз шӧрас кык кольк, коймӧдыс дзик дорланьыс быгыльтчӧма, вот-вот усьӧ. Ӧдва вевъяліс старик кияссӧ разьны да содзсӧ лӧсьӧдны, колькйыд ачыс и войтыштіс. И быттьӧ гӧлӧс кытыськӧ кыліс:

— Босьт менӧ! Ну Акуля баблы!

Пуктіс Пятань кольктӧ аслас шапкаӧ и гортас нуис.

— А ӧні,— шуӧ Акуля баб,— ме куим вежон чӧж паччӧрын понда пукавны, Куйгорожӧс пӧжны.

Кайис Акуля паччӧрас, вӧрзьӧдчывтӧг пукалӧ сэні, а старик юан да сёян мыччалӧ.

Забралась Акуля на печь, сиднем сидит, а старик есть-пить подаёт. Минуло три недели. Однажды ночью старик слышит, кто-то в избе пищит:

— Кик-кик! Давайте мне работу. А не дадите, я избу по брёвнышкам разбросаю.

— Кто это? — спрашивает старик.

Бабка Акуля с печки отвечает:

— Это Куйгорож из яйца вылупился. Скорей придумай для него работу. Он не может без работы жить. Не дашь ему занятия, так он всё кругом разрушит и нас с тобой убьёт.

— Дел у нас невпроворот и в поле, и во дворе,— говорит Пятань.— Вот тебе задание, Куйгорож: поле вспаши, рожью засей, и пусть она к утру поспеет!

— Кик-кик!— пискнул Куйгорож.— Не боятся руки муки, а ноги дороги — будет сделано.

Утром пошёл старик на поле и удивился: не сеял, не пахал, а с урожаем! Обрадовался Пятань. Рысцой прибежал к старухе и говорит:

— Теперь, Акуля, мы не пропадём. Вот если бы ещё новую избу сделал нам Куйгорож, тогда и вовсе зажили бы на славу...

— А ты прикажи ему,— говорит старуха.

Ночью Куйгорож пищит:

— Кик-кик! Что делать? Давайте работу!

— Новую избу сделай к утру,— приказывает Пятань.— И чтоб лавки новые были и печка новая.

— Не боятся руки муки, а ноги дороги — будет сделано,— говорит Куйгорож.

Легли спать старик со старухой, утром просыпаются и глазам своим не верят: стены в избе новые — еловые, лавки новые — дубовые, столешница берёзовая, печка узорами

Коли куим вежоныд. Ӧтчыд войнас кылӧ старик, кодкӧ чипсӧ керкаас:

— Кик-кик! Вайӧй меным удж. А он кӧ сетӧй, ме керканытӧ керйӧн-керйӧн разя да шыблала.

— Коді нӧ тайӧ? — юалӧ старик.

Акуля баб паччӧр вывсянь вочавидзӧ:

— Тайӧ Куйгорожыд колькӧыс петіс. Сет регыдджык кутшӧмкӧ удж. Уджтӧг сійӧ оз вермы овны. Он кӧ могмӧд, ставсӧ гӧгӧр жуглас и миянӧс тэкӧд виас.

— Уджыд миян помтӧм и му вылын, и керка гӧгӧрын,— шуӧ Пятань.— Со тэныд мый медводз тшӧкта, Куйгорож: мусӧ гӧр, шобдіӧн кӧдз, да мед аски асылӧдз нянь воас!

— Кик-кик! — чипӧстіс Куйгорож.— Оз повны кияс мырсьӧмысь, а кокъяс сьӧкыд туйысь — вӧча ставсӧ.

Асывнас старик петіс да чуймис: эз гӧрлы, эз кӧдзлы, а нянь воӧма! Рад лои Пятань. Гӧнеч локтіс старука дорас да шуӧ:

— Ӧні, Акуля, ог пӧпадитӧй. Вот нӧшта кӧ выль керка лэптас миянлы Куйгорожыд, сэки олӧмным дзикӧдз бурмас...

— А тэ тшӧкты,— шуӧ старука.

Войнас Куйгорож бара чипсӧ:

— Кик-кик! Мый вӧчны? Удж колӧ!

— Аски асыв кежлӧ выль керка лэпты,— тшӧктӧ Пятань.— И мед выль лабичьяс вӧліны да выль пач.

— Оз повны кияс мырсьӧмысь, а кокъяс сьӧкыд туйысь — ставсӧ вӧча,— шуӧ Куйгорож.

расписана, а в сенях кадки липовые для мёда и масла. Весь день Пятань с Акулей любовались новой избой, насмотреться на неё не могли. Вечером старик говорит:

— Не хуже людей теперь мы с тобой живём, Акуля. Вот только хлев у нас старый, а в хлеву, кроме одра, никакой скотины нет. Прикажу-ка я нынешней ночью Куйгорожу сделать новый хлев и чтоб в нём было всякой скотины.

Наступила ночь. Как только запищал Куйгорож, старик ему дал новую работу. Утром хлев был готов, а в нём и лошади, и коровы, и свиньи, и овцы...

— Добра в избе не хватает,— говорит старуха.— Попроси у Куйгорожа шубу для меня и платьев разных, красивых. И себе попроси одежды и обуви крепкой.

Так Пятань и поступил. Ночью дал Куйгорожу задание — утром в избе было что душе угодно: и одежда, и обувь, и посуда. Старик со старухой примеривают обновы, рады-радёшеньки.

— Ну, что ещё у Куйгорожа попросим? — спрашивает Пятань.

— Всё у нас есть.

— Давай гостей созовём, пир устроим. А Куйгорожу велим, чтобы на столе были такие кушанья, какие бояре едят на Пасху. Чтоб жареного-пареного вдоволь да каждому штоф казённого вина.

— Ладно, Акуля,— говорит старик.— Так и сделаем.

Всю ночь работал Куйгорож — утром столы ломились от кушаний мордовских, русских, заморских. Созвал Пятань гостей. Пир пошёл такой, какого никогда в деревне не было. День пировали, ночь пировали. О Куйгороже старик забыл, и старуха забыла — работы ему не дали.

Водiсны узьны старик да старука, асывнас садьмисны да синъясыслы оз эскыны: керка стенъяс дзик выльöсь — козйысь, лабичьяс — тупуысь, пызан пöвйыс кыддзысь, пачсö мича серъясöн серöдöма, а посводзас вый да ма видзöм вылö нинпу лагунъяс сулалöны. Лунтыр Пятай да Акуля выль керканас любуйтчисны, пöтны оз вермыны. Рытнас старик шуö:

— Öнi ми йöзсьыс ог лёкджыка олöй, Акуля. Сöмын вот гидным важ, а гидъяным пöрысь мерин кындзи некутшöм скöт абу. Ог-ö тшöкты талун войнас, мед Куйгорож выль гид лэптас да мед сэнi быдсяма скöтыс лоö.

Вой суис. Мыйöн чипöстiс Куйгорож, старик сы водзö выль мог пуктiс. Мöд асывнас выль гид дась, а гидъяс мыйыс сöмын абу — и вöвъяс, и мöсъяс, и порсьяс, и баляяс...

— Керкааным добраыд этша,— шуö старука.— Кор меным выль пась, унджык да мичаджык платтьö быдпöлöссö. И аслыд кор бур паськöм да крепыд кöмкот.

Сiдзи и вöчис Пятань. Войнас Куйгорож водзö пуктiс выль мог — а асывнас лои ставыс, мый ловлы колö: и паськöм, и кöмкот, и тасьтi-пань.

— Но, мый нöшта корам? — юалö Пятань.

— Ставыс миян эм.

— Вай гöсьтъясöс чукöстам, пир вöчам. А Куйгорожлы тшöктам, мед пызан вылын лоö сэтшöм вöлöга, кутшöмöс весиг бояра сöмын Ыджыд лунö видлöны. Мед пражитöмпуömыс вöлi дöвöль и быдöнлы казеннöй вина штоп.

— Ладнö, Акуля,— шуö старик.— Тадзи и вöчам.

Войбыд ноксис Куйгорож — асывнас пызанъяс вöлi чегöны мордва, роч и саридзсайса сёянысь. Пятань гöсьтъясöс корис. Сэтшöма пируйтiсны, некор татшöм пирсö

Под утро гости притомились — кто домой ушёл, кто тут уснул, и Пятань с Акулей на печке заснули.

— Кик-кик,— пищит Куйгорож. — Давайте мне работу, а то я разрушу всё, что сделал.

Не слышит Пятань, не слышит старуха.

— Кик-кик! Не дадите работы—разрушу избу.

Спят старик со старухой, не просыпаются. И гости спят. Куйгорож разрушил новую избу, и стало всё как прежде: окошки косые, углы гнилые, крыша дырявая.

— Кик-кик! Не дадите работы — нового хлева со скотиной не будет.

Опять никто не ответил Куйгорожу, и вместо нового хлева старый оказался. Всё, что сделал, уничтожил Куйгорож. Пропищал в последний раз «кик-кик!» и улетел в лес.

А Пятань с Акулей живут, как жили, с хлеба на квас перебиваются.

налӧн сиктын эз тӧдлыны. Лун пируйтӧны, вой пируйтӧны. Куйгорож йывсьыд старик вунӧдіс, и старука вунӧдіс — удж сылы эз сетны.

— Кик-кик,— чипсӧ Куйгорож.— Вайӧй меным удж, а то кисьта ставсӧ, мый вӧчи.

Оз кыв Пятань, и старукаыс оз кыв.

— Кик-кик! Удж он сетӧй — керкатӧ кисьта.

Узьӧны старик да старука, оз садьмыны. И гӧсьтъяс узьӧны. Куйгорож кисьтіс выль керкатӧ, и ставыс важ мозыс лои: пӧлӧстчӧм ӧшиньяс, сісь пельӧсъяс, виялысь вевт.

— Кик-кик! Удж он сетӧй — выль скӧт картаыд став скӧтинанас оз ло.

Бара некоді эз вочавидз Куйгорожлы, и выль гид местаад важыс лои. Ставсӧ, мый вӧчліс, бӧр кисьтіс Куйгорож. Чипӧстіс медбӧръяысь «кик-кик!» дай вӧрӧ лэбис.

А Пятань да Акуля олӧны кыдзи овлісны: кор нянь абу, ырӧш вылӧ вуджӧны, а кор и ырӧшыс бырӧ, кача няньӧн пӧткӧдчӧны.

ЧЁРНАЯ УТОЧКА

Карельская сказка

ЖИЛИ когда-то на берегу моря старик и старуха. Были у них сын и дочь. Перед смертью старики дали детям наказ:

— Живите дружно, всегда друг другу помогайте, друг друга выручайте.

Остались брат и сестра вдвоём. Брат ходит в лес на охоту, сестра дома управляется. А были они такие красивые, что на всей нашей земле никто не смог бы с ними сравниться. Однажды на охоте брат встретил самого царевича. Царевич засмотрелся на парня, об охоте забыл, а потом говорит:

— Скажи мне, парень, нет ли у тебя сестры? Наверное, она такая же красивая, как ты?

— Нет,— отвечает брат,— она куда красивей меня.

— Тогда отдай её мне в жёны,— просит царевич.— Отдашь — я тебя по-царски награжу. А захочешь — поселишься вместе с нами в царском доме.

Брат пришёл домой, говорит сестре:

— Встретил я в лесу царевича. Он тебя сватает.

Сестра говорит:

— Не пойду замуж, пока не изотру ручной жёрнов, которым мололи зерно отец с матерью.

СЬӦД ЧӦЖ

Карел мойд

ОЛІСНЫ саридз дорын старик да старука. Вӧлі налӧн пи да ныв. Кувсьӧм водзас пӧрысь гозъя сетісны налы наказ:

— Олӧй бура, ӧта-мӧдныдлы отсасьӧй, ёрта-ёрттӧ быдторйын мездӧй.

Колины чоя-вока кыкӧн. Вокыс ветлӧ вӧравны, чойыс горт гӧгӧрын ноксьӧ. А вӧліны найӧ сэтшӧм мичаӧсь, мый став му вылас наköд ӧткодявны некодӧс он вермы. Ӧтчыд вӧралігӧн вокыд аддзысис саревичköд. Саревич зон вылысь синсӧ вештыны оз вермы, вӧралӧм йывсьыс вунӧдіс, а сэсся и шуӧ:

— Висьтав меным, бур морт: абу-ӧ тэнад чой? Сійӧ, кӧнкӧ, тэ кодь жӧ мича?

— Абу,— вочавидзӧ вокыд,— меысь на мичаджык.

— Сідзкӧ, сет сійӧс ме сайӧ верӧс сайӧ,— корӧ саревичыд.— Сетан кӧ, ме тэнӧ лышкыда козьнала. А окотитан кӧ — овмӧдчы миянköд дворечӧ.

Вокыд локтіс гортас, висьталӧ чойыслы:

— Талун вӧрад ме саревичköд воча лои. Сійӧ тэнӧ кораліс.

Чойыс шуӧ:

— Пока изкиыс, кодӧн миян бать-мам нянь излісны, оз быр, верӧс сайӧ ог мун.

На другой день брат опять встретил в лесу царевича.

— Что твоя сестра, пойдёт за меня? — спрашивает царевич.

— Говорит, не пойдёт замуж, пока не изотрёт ручной жёрнов, которым мололи зерно отец с матерью.

Царевич задумался. Вечером брат говорит сестре:

— Опять о тебе царевич спрашивал.

— Не пойду замуж, пока не истолку ступку, которую сделал отец для матери,— отвечает сестра.

На третий день брат опять встретил царевича, а вечером сестра сказала:

— Не пойду замуж, пока не сотру подолом юбки деревянный порог, который смастерил мой добрый отец.

Брат рассказал всё это царевичу. Тот говорит:

— Когда сестра уйдёт по воду, ты изруби на куски жёрнов, ступку и порог, а потом легонько склей.

Брат всё сделал, как сказал царевич. Сестра вернулась — ничего не заметила. Утром пошла зерно молоть, повернула жёрнов — он развалился. Пошла в сарай в ступке толочь — ступка раскололась. Пошла домой, на порог ступила — порог развалился.

— Видно, пора замуж идти,— сказала она.

Собрались они, взяли с собой собаку Пятнашку, сели в лодку и поплыли вдоль берега в город. Гребут они, гребут... Вдруг на берегу появилась лесная ведьма, старуха Сюэтар.

— Возьмите меня в лодку! — кричит старуха.— Я так устала, сил нет идти!

— Не надо брать,— говорит сестра,— ведь это Сюэтар. А где она — там беда. От зла не жди добра.

Мöд луннас вокыс муніс вöравны да бара саревичкöд аддзысис.

— Мый шуис чойыд, ме сайö мунны кöсйысис? — юалö саревич.

— Шуис, пока изки, кодöн бать-мам нянь излісны, оз быр, верöс сайö оз пет.

Саревич думö уси. Рытнас вок шуö чойыслы:

— Бара тэ йылысь саревичыд юасис.

— Пока гырйыс, кодöс батьным мамöлы вöчліс, оз письты, верöс сайö ог пет,— вочавидзö чойыс.

Коймöд луннас вок бара вочаасис саревичкöд, а рытнас чойыс шуис:

— Ог мун верöс сайö, пока платтьö бöждорöн ог зырт порогсö, кодöс вöчліс миян бать.

Вок ставсö тайöс висьталіс саревичлы. Мöдыс и шуö:

— Кор чойыд мунас вала, керав изкитö, тоинтö и порогтö, а сэсся бöр йитлы.

Вок сідзи и вöчис. Чойыс нинöм эз казяв. Асывнас муніс нянь изны, бергöдіс изкитö — сійö потіс. Муніс сайникö — тойиныс вальдіс. Пырö гортас, тувччис порог вылас — порогыд киссис.

— Тыдалö, верöс сайö мунны кад,— шуис сійö.

Чукöртчисны чоя-вока, босьтісны аскöдныс Чутік понсö, пуксисны пыжö да мöдісны карлань ныröн кывтны. Сынöны найö, сынöны... Друг берег дорас мыччысис вöрса ёма, Сюэтар старука.

— Босьтöй менö пыжаныд! — горзö сійö.— Ме сэтшöма мудзи, мунны ог вермы!

— Оз позь босьтны,— шуö чойыс,— тайö öд Сюэтар. Аköні сійö — сэні и шог. Лёксьыд буртö эн виччысь.

Водзö кывтöны. Старука Сюэтар котöртö берег пöлöн да горзö:

Они плывут дальше. Старуха Сюэтар бежит по берегу и кричит:

— Возьмите меня в лодку, добрые люди! Ноги мои совсем устали, ветками они исцарапаны, муравьями искусаны!

— Не надо брать,— говорит сестра.— Сюэтар погубит нас, только зло у неё на уме.

Дальше они плывут, и вот на повороте у мыса лодка подошла близко к берегу, старуха изловчилась и прыгнула в лодку. Села рядом с девушкой, слух у неё отняла.

Вот брат говорит:

— Царский город показался. Готовься, сестра, надень своё лучшее платье.

А сестра не слышит его слов:

— Что ты говоришь, мой милый братец?

— Он говорит: «Плюнь в воду, прыгни в море, стань чёрной уткой!» — кричит ей в ухо старуха Сюэтар.

Погрустнела девушка, задумалась. А брат вскоре говорит:

— Городская стена виднеется. Готовься, сестра, повяжи свой красивый платок.

Сестра не слышит:

— Что ты говоришь, мой милый братец?

— Он говорит: «Плюнь в воду, прыгни в море, стань чёрной уткой!» — кричит ей в ухо старуха Сюэтар.

«За что мой братец на меня так сердится?» — думает девушка. А брат вскоре говорит:

— Царский дворец сияет. Готовься, сестра, надень своё дорогое ожерелье.

Сестра не слышит:

— Что опять сказал мой милый братец?

— Босьтӧй менӧ пыжаныд, бур йӧз! Кокӧй дзикӧдз мудзис, росъяс найӧс гирслісны, кодзувкотъяс курччалісны!

— Ог босьтӧй,— шуӧ чойыс.— Сюэтар пӧгубитас миянӧс, сылӧн сӧмын лёк вӧчны дум .

Водзӧ кывтӧны. Ӧти чукыль мунігӧн пыжныс дзик дорӧсас сибавліс, старука смелмӧдчис да пелька чеччыштіс пыжад. Пуксис нывкӧд орччӧн, сылысь пельсӧ пӧртмаліс — мӧдыс нем оз кыв.

Вокыс шуӧ:

— Сарлӧн кар мыччысис. Дасьтысь, чойӧ, медся бур платтьӧтӧ кышав.

А чойыс оз кыв.

— Мый висьталан, муса вокӧ?

— Сійӧ шуӧ: «Сьӧлышт ваас, чеччышт саридз шӧрас, пӧртчы сьӧд чӧжӧ!» — веськыда пеляс горзӧ старука Сюэтар.

Гажтӧммис ныв, думӧ уси. А вокыс коркӧ бара шуӧ:

— Карса стеныс тыдалӧ нин. Дасьтысь, чойӧ, ассьыд мича чышъянтӧ кӧртав.

Чойыс оз кыв.

— Мый шуан, муса вокӧ?

— Сійӧ висьталӧ: «Сьӧлышт ваас, чеччышт саридз шӧрас, пӧртчы сьӧд чӧжӧ!» — веськыда пеляс горзӧ старука Сюэтар.

«Мыйысь менам вок татшӧма лёкалӧ ме вылӧ?» — думайтӧ ныв. А вокыс регыд бара шуӧ:

— Он сказал: «Плюнь в воду, прыгни в море, стань чёрной уткой!» — кричит ей в ухо старуха Сюэтар.

Что делать? Заплакала сестра. Но нельзя брата ослушаться. Ведь отец с матерью перед смертью наказ дали: брата всегда слушаться. Плюнула девушка в воду, закрыла глаза и прыгнула в море. Тут старуха Сюэтар и превратила её в чёрную утку. А сама надела её лучшее платье, повязала красивый платок, надела дорогое ожерелье. Сама невестой стала. Причалили к берегу, к царёву городу. А у царевича дома всё к свадьбе готово. Он с гостями встречает невесту, радуется. Но когда невесту вблизи увидел, всю радость его как водой смыло. Стоит бедный царевич, что делать — не знает. Что за ведьма из лодки вышла? А он-то хвастался: «Моя невеста — красавица!»

— Ах, парень, как ты меня обманул! — говорит царевич.

А гости свадьбы ждут. Значит, быть свадьбе. Женился царевич на ведьме Сюэтар. Бедного парня за обман приказал запереть в конюшне с девятью дикими жеребцами: «Пусть они его там затопчут, будет знать, как обманывать!»

Ночь настала. Все спят. Подплыла чёрная уточка к берегу, принесла с собой серебристую рубашку для царевича и запела:

Приди, собачка, мой дружок,
Приди ко мне на бережок.

Ах, как мне горько нынче петь!
Где братец милый мой, ответь?

Прибежала собака Пятнашка и говорит:

— Твоего милого братца заперли в конюшне с девятью дикими жеребцами, заперли на погибель.

— Сарлӧн дворечыс со дзирдалӧ нин. Дасьтысь, чойӧ, пысав дона сиköтштӧ.

Чойыс оз кыв.

— Мыйкӧ бара шуин, муса вокӧ?

— Сійӧ шуӧ: «Сьӧлышт ваас, чеччышт саридз шӧрас, пӧртчы сьӧд чӧжӧ!» — веськыда пеляс горзӧ старука Сюэтар.

Мый вӧчны? Бӧрддзис чойыс. Но вокӧс кывзысьны колӧ. Мамыс да батьыс ӧд кувсьӧм водзаныс наказ сетлісны: ӧта-мӧдсӧ кывзысьны. Сьӧлыштіс ваӧ, синсӧ кунис да чеччыштіс саридз шӧрӧ. Старука Сюэтар пӧртіс сійӧс сьӧд чӧжӧ. Ачыс кышаліс нывлысь медбур платтьӧсӧ, мича чышъянсӧ юрас кӧрталіс, дона сиköтшсӧ сьыліас пысаліс. Невеста кодь лои. Тшукӧдчисны берегӧ, кар весьтӧ. А саревичлӧн кӧлысь кежлӧ ставыс дась. Гӧсьтъяскӧд невесталы воча петіс, радлӧ. Но кор невестасӧ матысянь аддзис,— став радлуныс здукӧн воши, быттьӧ кунваӧн чужӧмас койыштісны. Сулалӧ коньӧр саревич, мый вӧчны — оз тӧд. Мыйся ёма пыжсьыс петіс? А ӧд ошйысис нин: «Менам невеста — мичасьыс-мича!»

— Ак, зонмӧ, кутшӧма тэ менӧ ылӧдлін! — шуӧ саревич.

А гӧсьтъяс гаж виччысьӧны. Кӧлысьтӧ быть вӧч. Кыв вуджны саревичлы оз позь. Гӧтрасис саревич Сюэтар старука вылӧ. А коньӧр зонмӧс ылӧдчӧмсьыд тшӧктіс ӧкмыс велӧдтӧм чанькӧд конюшняӧ йӧртны. Мед пӧ и таляласны сійӧс, мӧдас тӧдны, кыдзи ылӧдчыны!

Вой пуксис. Ставӧн узьӧны. Сьӧд чӧж матыстчис берег дорӧ, аскӧдыс вайис саревичлы дасьтӧм эзысь дӧрӧм да босьтчис сьывны:

Волы, понйӧй, дона ёртӧй,
Волы, котӧрт берег дорті.

Ак, менам олӧм сэтшӧм курыд!
Кӧні муса вокӧй, юӧрт?

Сестра запела:

Иди скорей, моя собачка,
Иди скорей, моя Пятнашка,
Иди к царевичу, собачка
И отнеси ему рубашку.

Пройди, чтоб петли не запели,
Чтоб двери вдруг не заскрипели,
Пройди, чтоб двери не стучали,
Чтоб слуги вдруг не закричали.

Отдала она собаке серебристую рубашку и подумала: «Пусть царевич поглядит на эту рубашку и смилуется над моим братом».

Собака Пятнашка тихо вошла в царский дом, так прошла, что петли не запели, двери не заскрипели. Никто в доме не проснулся. Положила собака рубашку в изголовье царевича и убежала. Утром царевич проснулся, увидел серебристую рубашку и спрашивает:

— Кто это сшил?

Жена его, старуха Сюэтар, говорит:

— Это я ночью сшила. Глаза у меня по ночам спят, а руки — работают.

Царевич удивился, задумался, не поверил и вспомнил о бедном парне, которого приказал запереть в конюшне с жеребцами.

— Эй, слуги,— сказал он,— если тот парень ещё жив, переведите его в хлев, заприте вместе с коровами.

А сам взял рубашку и пошёл к матери. Царица-мать говорит:

— Рубашка твоя серебристая будто из чешуи мелких рыбок сделана. Где ты её взял?

Царевич не знает, что ответить, ушёл, ещё больше задумался. Ночь настала. Все

Воис котӧрӧн Чутiк понйыс дай шуӧ:

— Тэнсьыд муса воктӧ конюшняӧ йӧртiсны, ӧкмыс велӧдтӧм чанькӧд, пӧгибель вылӧ эновтiсны.

Чойыс босьтчис сьывны:

Мун жӧ регылджыка, понйӧй,
Мун жӧ, Чутiк, эзысь вонйӧ,
Писькӧдчыв саревич дорӧ,
Ну жӧ сылы эзысь дӧрӧм.

Сiдзи мун, мед дзир оз шыась,
Ньӧти ӧдзӧс мед оз шыась,
Мед оз клопкакывны найӧ,
А то садьмасны слугаяс.

Сетiс понйыслы эзысь дӧрӧмтӧ да думайтӧ: «Мед саревич аддзас тайӧ дӧрӧмсӧ да сьӧлӧмыс вок дорӧ бурасяс».

Чутiк гусьӧн пырис сарлӧн дворечӧ, сiдзи прӧйдитiс, мый ни ӧти дзир эз дзуртышт, ни ӧти ӧдзӧс эз клопкы. Некоді эз садьмы керкаын. Колис дӧрӧмсӧ саревичлӧн юрлӧс улӧ и бӧр котӧртiс. Асывнас саревич садьмис, аддзис эзысь дӧрӧмтӧ да юалӧ:

— Коді татшӧм мичасӧ вурис?

Гӧтырыс, старука Сюэтар, шешъялӧ:

— Ме войнас вури. Менам синъяс войнад узьӧны, а кияс — уджалӧны.

Саревич чуймис, думӧ уси, эз эскы гӧтырыслы, но мыйлакӧ казьтыштiс коньӧр зон йывсьыд, кодӧс тшӧктiс конюшняӧ чаньяс дорӧ йӧртны:

— Эй, слугаяс,— чукӧстiс сiйӧ,— зонмыс ловъя кӧ на, вуджӧдӧй сiйӧс гидйӧ, мӧсъяс дорӧ йӧртӧй.

Ачыс босьтiс дӧрӧмтӧ да мамыс дорӧ муніс. Сарица-мамыс шуӧ:

спят. Снова подплыла чёрная уточка к берегу, принесла с собой серебристую скатерть для царевича и запела:

Приди, собачка, мой дружок,
Приди ко мне на бережок.

Как горько жить! Как горько петь!
Где нынче братец мой, ответь?

— Тайӧ дӧрӧмсӧ быттьӧ чери сьӧмысь кыӧма. Кытысь нӧ босьтін?

Саревич оз тӧд, мый вочавидзны, муніс, нӧшта ёна думӧ уси.

Бара вой суис. Ставӧн узьӧны. Сьӧд чӧж бара матыстчис берег дорӧ, вайис саревичлы дасьтӧм эзысь пызандӧра да босьтчис сьывны:

Волы, понйӧй, дона ёртӧй,
Волы, котӧрт берег дорті.

Сьӧкыд олӧм! Гажтӧм сьылан!
Кыдз нин вокыс олӧ-вылӧ?

Прибежала собака Пятнашка и говорит:
— Твой братец жив, его перевели к коровам. Там ему легче.
Сестра отдала собаке серебристую скатерть и сказала:
— Отнеси царевичу, пусть он посмотрит на неё и помилует моего брата.
Собака Пятнашка тихо вошла в царский дом, осторожно положила скатерть в из-

Воис котӧрӧн Чутік понйыс да висьталӧ:
— Вокыд тэнад ловъя, вуджӧдісны мӧсъяс дорӧ. Сэні сылы бурджык.
Чойыс сетіс понлы эзысь пызандӧратӧ да велӧдӧ:
— Ну саревичлы, мед аддзас да сьӧлӧмыс вок дорӧ бурасяс.
Чутік пон гусьӧн пырис сарлӧн дворечӧ, колис пызандӧрасӧ саревичлӧн юрлӧс улӧ. Некоді эз садьмы. Весиг ёма Сюэтар нем эз казяв. Асывнас саревич аддзис эзысь пызандӧратӧ да юалӧ:

головье царевича. Никто не проснулся. Даже ведьма Сюэтар ничего не почуяла. Утром царевич увидел серебристую скатерть и спрашивает:

— Что это? Откуда?

Жена отвечает:

— Я всю ночь работала, для тебя старалась. Глаза мои ночью спят, а руки без устали работают.

Царевич снова не поверил, задумался и опять вспомнил о бедном парне. Он приказал перевести его к овцам. А сам долго рассматривал скатерть. Казалось, она была сделана из чешуи серебристых рыбок. Царевич взял рубашку и скатерть и пошёл к древней старушке, которая жила в маленькой избушке на берегу моря и слыла самой мудрой в их земле.

— Не знаешь ли ты, бабушка, откуда у меня взялись эти вещи? — спрашивает царевич.

— Как не знать,— отвечает старушка.— Это работа твоей невесты, красавицы, сестры того парня, которого ты мучил ни за что. Обманула тебя ведьма Сюэтар, стала вместо красавицы твоей женой, а девушку превратила в чёрную уточку. Две ночи подряд уточка на берег выходила, подарки тебе выносила, через собаку Пятнашку тебе их передавала, чтобы ты её дорогого брата помиловал. Сегодня уточка выйдет на берег в последний раз — попрощаться с собакой. А завтра улетит на юг, в далёкие края.

— Ах, бабушка,— говорит царевич,— что же делать? Как расколдовать мою невесту, чёрную уточку?

Старушка говорит:

— Сейчас иди домой, освободи бедного парня да спрячь его подальше от глаз ведьмы Сюэтар. Вечером приходи на берег, встань за моей избушкой и жди, когда приплывёт

— Мый нӧ тайӧ? Кытысь?

Гӧтырыс вочавидзӧ:

— Войбыд нокси, тэныд зіли. Менам синъяс войнад узьӧны, а кияс мудз тӧдтӧг уджалӧны.

Саревич бара эз эскы, думӧ уси, бара коньӧр зонтӧ казьтыштіс. Тшӧктіс сійӧс ыжъяс дорӧ вуджӧдны. Ачыс дыр видзӧдаліс пызандӧратӧ. Быттьӧ эзысь чери сьӧмысь сійӧс кыӧма. Босьтіс саревич дӧрӧмсӧ да пызандӧрасӧ и муніс зэв пӧрысь старука ордӧ, коді оліс сарид дорын ичӧтик керкаын, и сёрнитісны, мый сійӧ му вылас медся ыджыд мывкыда.

— Он-ӧ тӧд, бабуш, кытысь веськалісны ме дорӧ тайӧ кӧлуйясыс? — юаліс саревич.

— Кыдз нӧ ог тӧд,— вочавидзӧ старука.— Тайӧ тэнад невесталӧн, мича нывлӧн уджыс, сійӧ нылыслӧн, кодлысь воксӧ тэ нинӧм абуысь мучитан. Пӧръяліс тэнӧ Сюэтар ёма, невеста пыддиыд тэнад гӧтырӧн керсис, а нывсӧ сьӧд чӧжӧ пӧртіс. Кык вой сійӧ чӧжыс берег дорӧ воліс, козинъяс ваяліс, Чутік понйыскӧд тэныд ысталіс, медым вокыслысь олӧмсӧ кокньӧдны. Талун сійӧ чӧжыс волас берег дорӧ медбӧръяысь — понйыскӧд прӧщайтчыны. Аски лэбас лунвылӧ, шоныд муясӧ.

— Ак, бабушӧ,— шуӧ саревич,— мый нӧ вӧчны? Кыдзи сьӧд чӧжсӧ бӧр менам невестаӧ пӧртны?

Старукаыд и шуӧ:

— Ӧні мун гортад, лэдз коньӧр зонсӧ да сайӧд кытчӧкӧ ылӧджык Сюэтар ёмалӧн синъяс водзысь. Рытнас пет берег дорӧ, дзебсьы менам керка сайӧ да виччысь, кор матыстчас сьӧд чӧжыс. Мыйӧн сьылас ассьыс сьылансӧ, тэ сійӧс и кут. Сэсся шыбит шуйга

чёрная уточка. Как только споёт она свою песню, тут её и лови. А потом бросай за спину через левое плечо. Расколдовать её нелегко, она будет превращаться в разных животных, но ты не бойся, всех смело бросай через левое плечо.

— Спасибо, бабушка,— сказал царевич и пошёл домой.

Дома он приказал слугам освободить парня и увести его в дальнюю комнату дворца. Вечером царевич пришёл на берег и спрятался за избушкой. Ночь настала. Приплыла чёрная уточка, выбралась на берег и запела:

Приди, Пятнашка, мой дружок,
В последний раз на бережок...
В последний раз так горько петь!
Где нынче братец мой, ответь?

Царевич выскочил из-за избушки, схватил чёрную уточку и перекинул через левое плечо. Оглянулся — там змея. Он схватил змею и перекинул через левое плечо. Оглянулся — там огромная ящерица. Он перекинул и ящерицу. Оглянулся — там жаба. Он перекинул жабу. Оглянулся, а там стоит красавица — ни в сказке сказать, ни пером описать.

— Вот моя невеста! — закричал царевич. А потом тихо сказал: — Выходи за меня замуж.

— Не пойду,— отвечает девушка.— Ведьма Сюэтар снова меня погубит.

Царевич говорит:

— Я оставлю тебя здесь, на берегу, в этой избушке, у этой доброй старушки. Вернусь за тобой, когда ведьмы Сюэтар в моём городе не будет.

Он вернулся домой, приказал слугам схватить ведьму, связать, отвести в тёмный лес и бросить. Старуха Сюэтар взмолилась:

пельпом вомӧныд. Бӧр пӧртны абу кокни, сійӧ быдсяма пемӧсас пӧртчылас, но тэ эн повзьы, ставнысӧ пельпом вомӧныд шыблав.

— Аттьӧ, бабуш,— шуис саревич да муніс гортас.

Локтіс да тшӧктіс слугаяслы зонтӧ пыр жӧ лэдзны и нуӧдны сійӧс дворечлӧн медся ылыс комнатӧ. Ачыс рытнас локтіс берег дорӧ да дзебсис старукалӧн керка сайӧ.

Вой пуксис. Матыстчис сьӧд чӧж, петіс берегӧ да пондіс сьывны:

Волы, котӧрт, дона ёртӧй,
Медбӧръяысь берег дорті...
Тэныд бӧръяысь ме сьыла!
Кыдз нин вокыс олӧ-вылӧ?

Саревич уськӧдчис керка сайысь, кватитіс сьӧд чӧжӧс да шыбитіс шуйга пельпом вомӧныс. Бергӧдчис — а сэні зьмея. Кватитіс зьмеятӧ да бара шуйга пельпом вомӧныс. Бӧрвыв видзӧдліс — а сэні ыджыдсьыс-ыджыд дзодзув. Шыбитіс и дзодзувтӧ. Видзӧдӧ — лягуша. И лягушатӧ шыбитіс. Бергӧдчис, а сы водзын сулалӧ мича ныв — мойдӧмӧн он мойд, ни перӧӧн он серпасав.

— Со менам невестаыс! — горӧдіс саревич. А сэсся лӧня корис: — Пет ме сайӧ верӧс сайӧ.

— Ог пет,— вочавидзӧ нылыд.— Сюэтар ёма бара менӧ тшыкӧдас.

Саревич та вылӧ вочавидзӧ:

— Ме тэнӧ коля татчӧ, берег дорас, тайӧ керкаас, тайӧ шань старука ордас. Бӧр локта, кор Сюэтар ёмаӧс карысь вӧтла.

Саревич бергӧдчис гортас, тшӧктіс слугаяслы кватитны ёмаӧс, кӧртавлыны, нуны пемыд вӧрӧ да шыбитны. Сюэтар старука кевмӧ:

— Пощади меня, царевич, я не буду больше зла творить, оставь мне жизнь, я никогда не выйду из лесу.

Царевич приказал развязать ведьму. Слуги отвели её в лес.

Царевич пошёл на берег, взял за руку красавицу-невесту и привёл её домой. Древнюю старушку он по-царски наградил. А назавтра устроил пир на весь мир. Такой свадьбы никто не видывал. Жил царевич с красавицей долго и счастливо.

— Прöстит менö, саревич, ог понды водзö лёк керны, весиг вöрысь сэсся ог петав, сöмын ловйöн коль.

Саревич тшöктіс разьны ёмаöс. Слугаяс нуöдісны старукатö пемыд вöрö.

Муніс саревич берег дорö, босьтіс мича невестасö киöдыс и гортас вайöдіс. А ыджыд мывкыда пöрысь старукатö сарскöя козиналіс.

Мöд луннас сэтшöм пир вочисны, став мирыс воліс. Татшöм кöлысьсö некоді на эз тöдлы. Овмöдчисны саревич да мича ныв, уна во зэв шудаа олісны.

БЕДНЯК И СУДЬЯ

Карельская сказка

ЖИЛИ-БЫЛИ старик и старуха. Однажды пришла такая пора, что ничего у них не осталось: ни хлеба, ни скотины. Все крохи доели, совсем худо стало. Старуха говорит:

— Добудь, старик, муки. Где хочешь, а добудь. Иначе помрём.

Что делать старику? Отправился в соседнее село. Идёт и думает: «Придётся на хитрость пойти, хитрого купца обмануть». Зашёл он в лавку и говорит:

— Купец, продай мешок муки.

Купец говорит:

— Покупай. Давай деньги.

Старик говорит:

— Денег у меня нет, зато есть огромный жирный бык. Могу расплатиться мясом.

— Говоришь, огромный жирный бык? Хорошо! Бери не один мешок, бери два! А как зарежешь быка, принеси мне заднюю ногу.

Старик нанял подводу, положил два мешка муки и поехал в другую лавку.

— Купец, продай мешок муки.

— Покупай,— отвечает купец.— Чем будешь платить?

— У меня есть огромный жирный бык, пора его резать.

ГӦЛЬ МОРТ ДА СУДДЯ

Карел мойд

ОЛІСНЫ-ВЫЛІСНЫ старик да старука. Коркӧ воис сэтшӧм кад, мый нинӧм налӧн эз коль: ни йӧртӧдын нянь, ни гидйын скӧт. Став курассӧ сёйисны, дзик пом воис. Старука и шуӧ ӧтчыд:

— Судзӧд кытыськӧ, старикӧ, пызьтор. Кытысь кӧсъян, корсь. Онкӧ, кулам.

Мый вӧчны стариклы? Мӧдӧдчис орчча сиктӧ. Мунӧ и мӧвпалӧ: «Ковмас кыдзкӧ сюсявны, наян купечӧс пӧръявны». Пырис купечлӧн лавкаӧ да шуӧ:

— Купеч, вузав пызь мешӧк.

Купечыд шуӧ:

— Ньӧб. Сьӧмтӧ петкӧдлы.

Старик шуӧ:

— Сьӧмыд менам абу, зато эм ыджыд-ыджыд, госа ӧш. Верма яйнас мынтысьны.

— Шуан, ыджыд-ыджыд, госа ӧш? Тайӧ бур! Сідзкӧ, эн ӧти мешӧк, а кыкӧс босьт! А мыйӧн начкан ӧштӧ, вай меным бӧр коксӧ.

Старик медаліс вӧлаӧс, тэчис доддяс кык мешӧк пызь да мӧд лавкаӧ муніс.

— Купеч, вузав меным мешӧк пызь.

— Ньӧб,— шуӧ купечыд.— Мыйӧн мынтысьны мӧдан?

— Эм менам ыджыд-ыджыд, госа ӧш, сійӧс начкыны кад воис.

— О, тогда возьми три мешка! А как зарежешь быка, принеси мне заднюю часть.

Старик взвалил на телегу три мешка и поехал в третью лавку. Третий купец дал ему пять мешков муки.

— Когда зарежешь своего огромного быка, половину мяса отдашь мне.

Старик привёз домой целый воз муки:

— Вот, старуха, пеки хлебы, пеки пироги.

Наелся старик пирогов и думает: «Как теперь быть? Ведь купцы придут долг требовать». И пошёл к судье. Пришёл и говорит:

— Взял я у купцов муки в долг, обещал расплатиться мясом, когда зарежу своего огромного жирного быка. А теперь передумал мясо отдавать. Лучше сами мясо съедим. Так что постарайся, судья, выгороди меня перед купцами, когда они с жалобой придут.

Судья думает: «Верно, лучше сами мясо съедим». И говорит:

— Трудно тебя выгородить, но можно... Ведь у тебя есть огромный жирный бык... Ты притворись-ка дураком, на все вопросы тверди одно: «Хэй, вэй, хотивэй!»

Вскоре приходит к судье первый купец, подаёт жалобу. Судья зовёт старика.

— Ты брал у купца муку в долг? — спрашивает судья.

— Хэй, вэй, хотивэй! — отвечает старик.

— Ты обещал ему отдать мясо за муку? — спрашивает суддя.

— Хэй, вэй, хотивэй! — отвечает старик.

— Да ведь он дурак! — говорит судья купцу.— Кто ж тебя заставлял давать в долг этому полоумному? Сам виноват. Иди домой.

Купец ни с чем ушёл домой. Приходит второй купец. Судья зовёт старика.

— Ты брал у этого купца в долг? — спрашивает судья.

— О, сідзкӧ, босьт куим мешӧк! А мыйӧн начкан ӧштӧ, вай меным сылысь бӧрсӧ.

Старик шыбитіс телегаӧ куим мешӧк пызь да коймӧд лавкаӧ муніс. Коймӧд купечыд сылы вит мешӧк уджджіс.

— Кор начкан ассьыд госа ӧштӧ, джын яйсӧ меным сетан.

Старик вайис гортас додь тыр пызь.

— Со тэныд, старука, пӧжав няньтӧ да пирӧгтӧ мыйта колӧ.

Пӧттӧдз сёйис старик чӧскыд няньтӧ, а ачыс думайтӧ: «Мый водзӧ вӧчны? Ӧд купечьясыд локтасны да уджйӧз перйыны пондасны». И муніс суддя дорӧ. Пырис да шуӧ:

— Босьті ме купечьяслысь уджйӧзӧн пызь, кӧсйыси яйӧн вештысьны, кор начка ассьым госа ӧшкӧс. А ӧні жаль лои яйтӧ сетны. Бурджык, асьным сёям. Мыйкӧ думышт, кыдзкӧ старайтчышт, дорйы менӧ купечьясысь, кор жалӧбаӧн локтасны.

Суддя думайтӧ: «Збыльысь бурджык лоӧ, асьным кӧ яйсӧ сёям». И шуӧ:

— Сьӧкыд лоӧ тэнӧ дорйыны, но и тайӧ позяна... Ӧд тэнад эм ыджыд-ыджыд, госа ӧш... Тэ лэдзчысь йӧй улӧ, став юалӧм вылас вочавидз ӧти ногӧн: «Хэй, вэй, хотивэй!»

Регыд суддя дорӧ воис медводдза купечыд, мыччӧ жалӧба. Суддя стариктӧ чукӧстіс:

— Тэ босьтлін тайӧ купечыслысь пызьсӧ? — юалӧ суддяыд.

— Хэй, вэй, хотивэй! — вочавидзӧ старик.

— Тэ кӧсйысин сылы яйӧн вештысьны? — водзӧ юалӧ суддяыд.

— Хэй, вэй, хотивэй! — вочавидзӧ старик.

— Да ӧд сійӧ дзик йӧй! — шуӧ купечлы суддя.— Коді тэныд невӧлитіс абу тыр сюсьыслы уджйӧзӧн сетны? Ачыд мыжа. Мун гортад.

Купеч куш киӧн и муніс. Локтіс мӧд купеч. Суддя бара чукӧстіс старикӧс.

— Тэ босьтлін тайӧ купечыслысь пызьсӧ? — юалӧ суддя.

— Хэй, вэй, хотивэй! — отвечает старик.

— Ты заплатил ему за муку?

— Хэй, вэй, хотивэй! — отвечает старик.

— О, да ведь он совсем дурак,— говорит судья купцу.— Зачем ты давал в долг этому полоумному? Сам виноват, иди домой, ничего от него не добьёшься.

И второй купец ушёл ни с чем. Приходит третий купец. Судья в третий раз зовёт старика.

— Ты знаешь этого купца? — спрашивает судья.

— Хэй, вэй, хотивэй! — отвечает старик.

— Ты брал у него муку в долг?

— Хэй, вэй, хотивэй! — отвечает старик.

— Ты зарезал своего быка?

— Хэй, вэй, хотивэй! — отвечает старик.

— Ты видишь, купец, с кем ты связался? Он — круглый дурак! — говорит судья.— Незачем было давать в долг полоумному.

— Я дал ему пять мешков муки! — кричит купец.— Взыщи с него долг, на то ты и судья!

— Хэй, вэй, хотивэй! — говорит старик.

— Ты же видишь,— говорит судья,— он не в своём уме. А таких не судят. Ничего с него не возьмёшь. Иди домой.

И третий купец ушёл ни с чем. Судья говорит:

— Вот как ловко я провёл всех купцов! Теперь иди, режь своего жирного быка и принеси мне заднюю часть.

— Хэй, вэй, хотивэй! — вочавидзӧ старик.

— Тэ мынтысин пызьсьыс?

— Хэй, вэй, хотивэй! — вочавидзӧ старик.

— О, да ӧд сійӧ вир йӧй,— шуӧ купечлы суддя.— Мыйла нӧ тэ татшӧм йӧйыслы уджйӧзнас сетін? Ачыд мыжа, мун гортад, нинӧм сылысь он босьт.

И мӧд купечыд куш киӧн муніс. Локтіс коймӧд купеч. Суддя коймӧдысь чукӧстіс старикӧс.

— Тэ тӧдан тайӧ купечсӧ? — юалӧ суддя.

— Хэй, вэй, хотивэй! — вочавидзӧ старик.

— Тэ босьтлін сылысь пызьсӧ?

— Хэй, вэй, хотивэй! — пыр ӧти ног вочавидзӧ старик.

— Тэ начкин ассьыд ӧштӧ?

— Хэй, вэй, хотивэй! — вочавидзӧ старик.

— Аддзан, купеч, кытчӧ тэ сирасин? Сійӧ — йӧйсьыс-йӧй! — шуӧ суддя.— Нинӧмла вӧлі уджйӧзавны татшӧмыслы.

— Ме сылы вит мешӧк пызь сеті! — горзӧ купеч.— Перйы уджйӧзсӧ, сы вылӧ тэ и суддя.

— Хэй, вэй, хотивэй! — бара шуӧ старик.

— Ачыд аддзан,— индӧ суддя,— сійӧ дзикӧдз выжывмӧма. А татшӧмъястӧ оз мыждыны. Нинӧм сылысь он босьт. Мун гортад.

И коймӧд купечыд куш киӧн муніс.

Суддя сэсся шуӧ:

— Со, аддзан, кутшӧм лӧсьыда ме купечьястӧ кӧмӧді! Ӧні мун, начкы госа ӧштӧ да вай меным бӧрсӧ.

— Хэй, вэй, хотивэй! — шуӧ старик.

— Хэй, вэй, хотивэй! — говорит старик.

— Хватит прикидываться дураком, купцов тут нет,— говорит судья.

— Хэй, вэй, хотивэй! — говорит старик.— Купцов тут нет, и дураков тут нет, и быка у меня никогда в жизни не было!

Вот какая сказка.

— Тырмас йӧй улӧ лэдзчысьны, купечьясыд мунісны нин,— шуӧ суддя.

— Хэй, вэй, хотивэй! — вочавидзӧ старик.— Купечьяс тані абуӧсь, и йӧйяс абуӧсь, а ӧшкыд менам гидын некор эз вӧдитчыв!

Со татшӧм мойд.

ЗЛАТОПРЯХИ

Эстонская сказка

ЖИЛА в тёмном дремучем лесу, в одинокой избушке, хромая старуха с тремя красавицами-дочерьми. Дочки подле старухи цвели, точно яркие цветочки вокруг сухого пня; особенно пригожей и милой была младшая сестра. Но в лесной глуши красотой девушек могли любоваться только солнце днём да месяц и звёзды ночью.

Словно юноша влюблённый,
Солнышко на них глядело,
То играло в пёстрых лентах,
То румянило узоры.

Старуха не давала дочерям лентяйничать и терять время попусту — они должны были работать с утра до вечера. Девушки весь день проводили за прялками — они пряли пряжу из золотого льна. Ни в будний день, ни в субботу вечером не было у бедняжек времени, чтобы запасти себе приданое. Если в сумерки или ночью, когда всходила луна, им не удавалось тайком взяться за спицы, то к приданому ничего и не прибавлялось. Спрядённую кудель старуха тотчас заменяла новой и к тому же требовала, чтобы нить, которую пряли девушки, была одинаково ровной, в меру кручёной и тонкой. Готовую пряжу она держала под замком, в тайнике, куда девушки не смели и ногой ступить.

ЗАРНИ ШӧРТ ПЕЧКЫСЬ НЫВЪЯС

Эст мойд

СЬӧД ПЕМЫД вӧрын, ӧтка ичӧтик керкаын, аслас мичаник нывъяскӧд оліс-выліс чотысь старука. Нывъясыс старука борд улын быдмисны-сӧвмисны, быттьӧ кос мыр гӧгӧр петӧм дзоридзьяс; медся нин лӧсьыдикӧн да мусаникӧн вӧлі медічӧтыс. Но пемыд вӧр пӧвстын налӧн мичӧн нимкодясьны вермис сӧмын лунъя шонді, а войнас тӧлысь да кодзувъяс.

Быттьӧ радейтысь том зонка,
Нывъяс вылӧ дзоргӧ шонді,
То шӧвк лентаяснас ворсӧ,
То узоръяс гӧрдӧн мавтӧ.

Старука эз сетлы нывъяслы дышавны да весь овны, кадсӧ прӧста лотны — уджӧдіс асывсянь рытӧдз. Нывъяс лун-лун коллялісны козёв сайын пукалӧмӧн — зарни шабді кудельысь печкисны шӧрт. Ни весьлунӧ, ни субӧта рытӧ эз вӧв коньӧръяслӧн здук, медым чукӧртны аслыныс кӧть ичӧтика приданнӧй. Не кӧ рӧмдандорыс либӧ тӧлыся войыс, кор позис гусьӧн босьтлыны кысян ем, приданнӧйныс эськӧ эз и содлы. Печкӧм кудельсӧ старука пыр жӧ выль вылӧ вежліс, да нӧшта и тшӧктіс, мед шӧртыс вӧлі ӧти кызта да зэлыда путшкӧма. Дась шӧртсӧ видзис томан сайын, гуся жырйын, кытчӧ нывъяслы весиг кок пӧлӧн пыравны эз позь.

Откуда появлялся в доме золотой лён и на какую ткань шла спрядённая нитка, пряхи не знали; старуха никогда им об этом не говорила. Каждое лето она два или три раза куда-то уходила и пропадала иногда больше недели, домой же всегда возвращалась ночью, и сёстры никогда не видели, что она приносила с собой. Перед уходом старуха оставляла дочерям пряжи на столько дней, сколько думала пробыть в отлучке.

Вот и сейчас снова стала собираться в путь. Разделив между дочерьми прядево на шесть дней, она по обыкновению начала поучать их:

— Дочки, работайте усердно, не зевайте по сторонам, чтоб нитка на веретене не оборвалась, не то золотая пряжа потускнеет, и тогда конец вашей счастливой жизни!

Но девушки только посмеялись над наставлением старухи, и не успела она отойти от дому и на десять шагов, как сёстры наперебой стали издеваться над ней.

— Ни к чему нам эти глупые поучения,— сказала младшая.— Золотую нитку рви сколько хочешь — она не порвётся, а уж когда прядёшь, тем более.

— Да и золото потускнеть не может,— добавила вторая сестра.

Так смеялись девушки по своему легкомыслию, пока смех их в конце не обернулся слезами.

На третий день после ухода старухи нежданно случилось событие, принёсшее сёстрам сперва испуг и слёзы, а впоследствии — счастье и благополучие.

Королевич из рода Калева, охотясь с друзьями на диких зверей, заблудился в густом лесу. Он заехал так далеко, что уже не слышал ни лая собак, ни звуков охотничьего рога, которые помогли бы ему выбраться из чащи. Выбившись из сил, юноша слез с коня и прилёг отдохнуть в тени кустов, а лошадь пустил пастись на траве.

Кытысь босьтчыліс зарни шабдіыс да кутшӧм дӧра кыисны печкӧм шӧртсьыс, нывъяс эз тӧдны; старука некор эз висьтавлы налы та йылысь. Быд гожӧм сійӧ кыкысь ли куимысь мунліс кытчӧкӧ да вошласьліс вежонысь дырджык, бӧр воліс войнас, и чойяс некор эз аддзывны, мый вайліс аскӧдыс. Мунтӧдзыс старука кольліс нывъяслы сы мында кудель, мыйта вермисны печкыны сылӧн локтӧдз.

Со и ӧні бара пондіс туйӧ чукӧртчыны. Юкис нывъяслы квайт лун вылӧ кудель моздорӧн пайӧ, и кыдзи век, пондіс велӧдны найӧс:

— Нывъясӧ, уджалӧй зіля, эн ылӧдчӧй кытчӧ оз ков, мед чӧрс поманыд шӧртыс эз ор, а то ӧд зарни рӧмыс чусаммас, сэки и шуда олӧмныдлы пом воас!

Но нывъяс сӧмын сералыштісны старукалӧн велӧдӧм вылӧ, эз на вевъяв дас воськов ылыстчыны керка дорсьыс, пондісны быд ногыс тешитчыны сы вылын.

— Нинӧм кывзыны сылысь велӧдӧмъяссӧ,— шуис медічӧтыс.— Зарни шӧрттӧ орйӧдлы мыйта кӧсъян — оз ор, а кор путшкан, сійӧ нӧшта на ён лоӧ.

— Да и зарниыд чусавны оз вермы,— содтіс мӧд чой.

Тадзи сералісны нывъяс асланыс кокнилун понда, пока серамныс синваӧ эз пӧр.

Старукалӧн муныӧм бӧрын коймӧд луннас лои сэтшӧмтор, мыйысь чойяслы ковмыліс весьӧпӧрны да бӧрдыштны, а та бӧрын налӧн керкаӧ пырис шуд да тыр-бур олӧм.

Калева рӧдысь королевич ёртъясыскӧд ӧтчыд вӧравны муніс, и тӧдлытӧг ылаліс пемыд вӧрад. Пырис сэтшӧм пыдӧ, мый эз кыв ни понъяслысь увтчӧм, ни буксан шы, коді эськӧ вермис петкӧдны сійӧс тайӧ вӧрсьыс. Дзикӧдз нин вошталіс вын-эбӧссӧ, лэччис вӧв вывсьыс да водіс шойччыны вуджӧра куст улӧ, а вӧвсӧ лэдзис йирсьыны.

Когда королевич проснулся, солнце уже клонилось к закату. Он стал искать дорогу и наконец набрёл на маленькую тропинку, которая вела к избушке хромой старухи.

Девушки очень испугались, увидев незнакомого юношу: им до сей поры не приходилось видеть чужих людей. Но уже вечером, закончив работу, положенную им на день, сёстры так подружились с пришельцем, что забыли и об отдыхе. Когда наконец старшие сёстры пошли спать, младшая осталась с юношей. Они сидели на пороге избушки, и ни тому, ни другому в эту ночь спать не хотелось.

Пока они при свете луны и звёзд нашёптывают друг другу сладкие речи, посмотрим, что делают охотники, потерявшие в лесу своего старшого. Они без устали искали юношу, ездили по лесу и вдоль и поперёк, пока совсем не стемнело. Отчаявшись, они отправили к королю двух гонцов с печальной вестью, а сами улеглись на ночь под ветвистой елью, решив на другое утро вновь начать поиски.

Король тотчас же приказал выслать отряд конных и пеших воинов на розыски пропавшего сына. Но лес был такой большой, что людям лишь на третий день к полудню удалось напасть на след, который вёл к избушке. Королевич не скучал в обществе сестёр и не вспоминал о доме. Уезжая, он тайно поклялся младшей сестре скоро вернуться и либо добром, либо силой увезти её с собой. И хотя старшие сёстры даже не подозревали об этом сговоре, тайна вскоре нежданно-негаданно открылась.

Не на шутку испугалась младшая из сестёр, когда, сев после отъезда королевича за прялку, заметила, что золотая нить на веретене порвана. Девушка проворно связала концы нити узелком и стала быстро вертеть колесо прялки, чтобы наверстать время, которое потеряла, милуясь со своим суженым. Но вдруг сердце у девушки сжалось: она заметила,

Кор королевич садьмис, шондіыс вӧлі пуксяндор нин. Пондіс корсьны кӧть кутшӧмкӧ туй и медбӧрын веськаліс векньыдик ордым вылӧ, коді нуӧдіс стӧч да чотысь старукаыдлӧн ӧтка керка дорӧ.

Нывъяс тӧдтӧм зонмӧс аддзӧм бӧрын ёна повзисны — найӧ некор на эз аддзывны ӧтдор йӧзтӧ. Сійӧ жӧ рытнас, кор помалісны лун кежлӧ панӧм уджсӧ, чойяс сэтшӧма ладмисны воӧм морткӧд, мыйи шойччӧг йывсьыд вунӧдісны. Кор ыджыдджык чойясыс мунісны узьны, медічӧтыс кольччис том зонкӧд. Найӧ пукалісны керка ӧдзӧс порог вылын, и ни ӧтиыслы, ни мӧдыслы тайӧ войнас эз вӧв окота узьны.

Пока том йӧз шӧпкӧдчӧны тӧлысьлӧн да кодзувъяслӧн югӧр улын, корсялӧны лӧсьыд кывъяс, видзӧдлам, мыйи вӧчӧны найӧ, кодъяс воштісны пемыд вӧрӧ ассьыныс юрнуӧдысьсӧ. Найӧ мудзлытӧг корсисны том зонмӧс, келалісны вӧрті кузяла и пасьтала, пока дзикӧдз эз пемды. Шогӧ усьӧмӧн ыстісны король дорӧ кык мортӧс гажтӧм юӧрӧн, асьныс узьмӧдчисны паськыд лапъя коз улӧ, мед аски асывсянь водзӧ корсьны вошӧм королевичӧс.

Король пыр жӧ тшӧктіс ыстыны вӧла да пода воинъяслысь отряд, медым корсьны вошӧм писӧ. Но вӧрыс вӧлі сэтшӧм паськыд, мыйи корсьысьяслы сӧмын коймӧд лун вылас удайтчис туявны ордым, коді нуӧдіс ӧтка керка дорад.

Королевич эз и гажтӧмтчы чойяскӧд, горт пондаыс весиг эз шогав. Бӧр мунігас сійӧ гусьӧн кӧсйысис медічӧт чойлы, мыйи регыд бӧр локтас, и сэки бурӧн либӧ лёкӧн, но нуӧдас нылӧс аскӧдыс. Ыджыдджык чойяс вӧтӧн ни вемӧсӧн эз тӧдны налӧн сёрнитчӧм йылысь, но гусяторйыс регыд и воссис.

Збыльысь весьӧпӧрліс медся ичӧт чойыс, кор королевичлӧн мунӧм бӧрын пуксис козёв сайӧ да казяліс, мыйи сылӧн чӧрс йылын зарни шӧртыс орӧма. Ныв пелька гӧрддзаліс-йитіс

что золотая пряжа утратила свой блеск. Не помогали ни вздохи, ни слёзы — дело не шло на лад.

Ночью старуха вернулась домой. Войдя в горницу, она мигом почуяла — что-то здесь неладно. Гнев закипел в её сердце. Она подозвала к себе дочерей и потребовала от них ответа. Как девушки ни таились, как ни оправдывались — ничто не помогло: ложь на глиняных ногах ходит. Хитрая старуха сразу же поняла, какие песни напевал её младшей дочери залётный петушок. Она разразилась страшными проклятиями, осыпая ими небо и землю. В конце концов пригрозила свернуть юноше голову и бросить его на съедение диким зверям, если он вздумает вернуться.

Младшая дочь, красная как варёный рак, весь день не находила себе покоя и ночью не сомкнула глаз. Особенно мучила её мысль о том, что королевичу, если он вернётся, не миновать смерти. Рано утром, когда старуха и сёстры ещё крепко спали, девушка потихоньку вышла из избы во двор, надеясь, что утренняя прохлада развеет её тяжкие думы.

К счастью, она ещё в детстве научилась у старухи понимать язык птиц, и теперь это ей пригодилось. На верхушке ели сидел ворон и приглаживал клювом перья. Увидев его, девушка воскликнула:

— Милый ворон, мудрейшая из птиц! Можешь ли ты помочь мне?

— Какая помощь тебе нужна? — спросил ворон.

— Полети над лесами и равнинами, лети до тех пор, пока не увидишь прекрасный город, где живёт король,— ответила девушка.— Разыщи там королевича и поведай ему про мою беду.

И она рассказала ворону о том, как порвалась у неё золотая нить и какие страш-

шӧртсӧ да босьтчис мый вынсьыс дзавйыны, медым воштӧм кадсӧ бергӧдны, ачыс чӧсмасис муса зонсӧ казьтылӧмӧн. Но друг нывлӧн сьӧлӧмыс топаліс: сійӧ казяліс, мый зарни шӧртыс збыльысь чусаммис. Эз отсавны ни ышлолалӧмъяс, ни синва — став ладыс торксис.

Войнас старука воис гортас. Горничаас пырӧмӧн тшӧтш гӧгӧрвоис — мыйкӧ абу сідз. Скӧрысла сьӧлӧмыс пузис. Чукӧстіс ас дорас нывъясӧс да тшӧктіс ставсӧ веськыда висьтавны. Кыдзи нывъяс эз пыксьыны, кыдзи эз ылӧдлыны — нинӧм эз отсав: налӧн пӧръясьӧмыс сёй кок йылын ветлӧ. Сюсь старука пыр жӧ вежӧртіс, мыйся сьылан сьылӧма сылӧн медся ичӧт нывлы бокысь волӧм петушок. Быдсяма лёк кывнас ёрис, енэжсӧ и мувасӧ вӧрзьӧдіс. Бӧръявыв кӧсйысис пегыртны том мортлысь сьылісӧ да шыбитны сійӧс зверъяс дорӧ, мед косявласны, мӧвпыштас кӧ локны бӧр.

Медся ичӧт нылыс пуӧм рак моз гӧрдӧдіс, лунтыр эз тӧд кытчӧ воштысьны и войнас син эз куныльі. Медся ёна поліс, мый збыль кӧ локтас королевич, ловйӧн бӧр оз мун. Асывнас водза-водз, кор чойясыс да старука узисны на, шы ни тӧв петіс керка йӧрас, чайтіс, оз-ӧ асъя ыркыдыс пальӧдышт сьӧкыд думъяссӧ.

Шуд вылӧ, старукасянь ичӧтнас на сійӧ велаліс гӧгӧрвоны лэбачьяслысь сёрни, и öні тайӧ сылы згӧдитчис. Со коз пу йылын пукалӧ кырныш да нырнас лӧсьӧдалӧ бордъяссӧ. Аддзис сійӧс ныв, чукӧстчис:

— Муса кырнышӧй, лэбачьяс пиысь медся вежӧра лэбачӧй! Верман-ӧ меным отсавны?

— Мыйся отсӧг тэныд ковмис? — юалӧ кырныш.

— Лэблы вӧръяс да видзьяс сайӧ, оз-ӧ мыччысьлы сійӧ мича карыс, кӧні олӧ король,— шуӧ ныв.— Аддзӧдлы королевичӧс да юӧрт сылы менам шог йылысь.

И висьталіс кырнышлы, кыдзи ори сылӧн зарни шӧртыс да кутшӧм лёк кывъясӧн

ные угрозы сыпались из уст старухи. Девушка попросила передать королевичу, чтобы он больше не возвращался. Ворон пообещал выполнить её просьбу, если найдётся в городе кто-нибудь, кто знает язык птиц, и тотчас же отправился в путь.

Под вечер с верхушки ели послышалось карканье ворона: «Кра, кра!» И измученная девушка выбежала во двор послушать, какие вести принесла ей птица. Ворону посчастливилось встретить в королевском саду сына некоего мудреца, повелевавшего ветрами. Юноша этот хорошо знал язык птиц. Ворон передал ему слова девушки и попросил всё рассказать королевичу.

Узнав о случившемся, королевский сын сильно опечалился и стал втайне советоваться со своими друзьями, как спасти девушку.

— Скажи ворону,— наказывал королевич сыну мудреца,— чтоб он поскорее летел к девушке и передал ей вот что: «На девятую ночь будь наготове — придёт избавитель и вырвет голубку из когтей ястреба».

Ворону, чтобы вознаградить его за хлопоты и подкрепить его силы, дали кусок мяса и отправили посланца в обратный путь.

Девушка поблагодарила мудрую птицу за добрые вести и всё услышанное сохранила в тайне, так что ни сёстры, ни старуха ни о чём не догадались. Но чем ближе подходил девятый день, тем тяжелее становилось на сердце у девушки: она боялась, как бы нежданная беда не испортила всё дело.

На девятую ночь, когда старуха и сёстры пошли спать, девушка на цыпочках вышла из избы и села под деревом на траву поджидать суженого. Страх и надежда переполняли её сердце. Уже и вторые петухи пропели, а в лесу не слышно было ни голосов, ни ша-

шуасис сы вылӧ старука. Ныв тшӧктіс юӧртны королевичлы, мед сійӧ оз и думайт локны татчӧ. Кырныш кӧсйысис вӧчны ставсӧ сідзи, кыдзи корис ныв, аддзысяс кӧ сійӧ карас морт, коді гӧгӧрвоӧ лэбач сёрни, и пыр жӧ петіс туйӧ.

Рытъявылыс коз пу йылын кыліс кырнышлӧн курксӧм: «Курк, курк!» И весьӧпӧрӧм ныв котӧрӧн петіс керка йӧрас, медым тӧдмавны, мыйся юӧр вайис тӧдса лэбач. Кырнышлы мойвиӧма аддзысьлыны корольлӧн сад йӧрын кутшӧмкӧ мудречлӧн пикӧд, коді веськӧдлӧ тӧв ныръясӧн. Тайӧ том мортыс бура вежӧртӧ лэбач сёрни. Кырныш висьталӧма сылы ставсӧ, мый корис ныв, да тшӧктӧма юӧртны королевичлы.

Лоӧмторъяссӧ тӧдмалӧм бӧрын корольлӧн пиыс ёна жугыльмис да пондіс гусьӧн сӧветуйтчыны аслас ёртъяскӧд, кыдзи мездыны радейтана нывсӧ.

— Висьтав сійӧ кутшыслы,— велӧдіс мудречлӧн пи,— медым регылджык лэбас сэтчӧ да висьталас со мый: «Ӧкмысӧд вой вылӧ ло дась — воас мездысь да нетшыштас гулюӧс варышлӧн гыжйысь».

Кырнышлы, мед аттьӧавны ноксьӧмысь да содтыны сылысь вын, мыччисны яй кусӧк, и мӧдӧдісны бӧр.

Ныв тшӧтш аттьӧаліс мудер лэбачӧс бур юӧрысь и ставсӧ, мый ӧні кыліс сысянь, видзис гусьӧн, ни чойясыс, ни старука нем эз гӧгӧрвоны. Но мыйӧн матынджык ӧкмысӧд войыс, сійӧн сьӧкылджык нывлӧн сьӧлӧм вылын: полӧ, мед кутшӧмкӧ видзчысьтӧмтор оз падмӧд ставсӧ.

Ӧкмысӧд вой вылас, кор старука да чойясыс водісны узьны, кок чуньяс йылас петіс керкаысь да пуксис пу улӧ, шуис тані виччысьны суженӧйсӧ. Полӧм и эскӧм ойдӧдісны коньӧр сьӧлӧмсӧ. Петукъяс мӧд пӧрйӧ нин чуксасисны, и коймӧд пӧрйӧ чуксасьӧм воис сылӧн пельӧдз, а вӧрын оз кыв ни гӧлӧс, ни кок шы. Мӧдӧд да коймӧд чуксасьӧм костас

гов. Между вторым и третьим пением петухов до неё донёсся отдалённый топот конских копыт. Чтобы топот и голоса приближающихся людей не разбудили сестёр и старуху, девушка побежала в ту сторону, откуда слышался шум, и вскоре увидела отряд воинов. Впереди ехал королевич. Увидев девушку, юноша соскочил с коня, помог ей сесть в седло, потом сел сам, и они помчались. Месяц, выглядывая из-за деревьев, освещал им путь.

Едва занялась заря, как лес наполнился птичьими голосами. Если бы девушка прислушалась к ним и последовала советам птиц, это избавило бы её и королевича от многих бед. Но юноша нашёптывал ей на ухо сладкие речи, и девушка не слышала и не видела никого, кроме своего суженого, а тот просил её отбросить всякий страх и смело положиться на защиту воинов. Когда отряд достиг равнины, солнце стояло уже высоко.

Старуха, встав поутру, не сразу хватилась дочери. Лишь немного погодя, увидев, что за мотовилом никого нет, она спросила у дочек, где их младшая сестра. Но те не знали. По некоторым приметам старуха поняла, что дочь убежала, и задумала наказать беглянку, послав за ней погоню. Старуха принесла с чердака горсть девяти волшебных трав, высушенных и перемешанных, прибавила к ним колдовской соли, завязала всё в тряпочку, обмотала шерстяной ниткой и, бормоча заклинания, послала волшебный клубок с попутным ветром вдогонку дочери, приговаривая:

Мать ветров, махни полою,
Пусть расправят крылья вихри!
Пусть клубочек мой помчится,
Словно ветер, словно птица,
Пусть несётся, смертоносный,
И заставит пасть беглянку!

эськӧ быттьӧ кывліс жӧ кӧнкӧ зэв ылын рӧдтана вӧв кок шы. Мед тайӧ шыыс да матыстчысь войтырлӧн гӧлӧсъяс эз садьмӧдны старукаӧс да чойяссӧ, ныв котӧртіс сылань, кодарсянь кывліс шыяссӧ, и регыд аддзис воинъяслысь котыр. На водзын муніс королевич. Кор сійӧ казяліс муса нывсӧ, чеччыштіс вӧв вывсьыс, отсаліс нывлы пуксьыны ӧныр вылӧ, сэсся ачыс пуксис, и гӧнеч мӧдісны бӧр. Пуяс сайысь мыччасьысь тӧлысьыс индаліс налы вӧрса туйсӧ.

Коркӧ мыччысис асъя кыа, и тайӧ здукас став вӧрыс тыри лэбач гӧлӧсъясӧн. Эз кӧ ылавны том йӧз да кывзіс кӧ нывка налысь майшасьӧмъяссӧ, эськӧ уна шогысь мездысисны королевичкӧд. Но том морт шӧпкӧдіс нывлы пеляс юр кольмӧдана кывъяс, и ныв сэсся нинӧм эз кыв и некодӧс эз аддзы, сӧмын ассьыс суженӧйсӧ, а мӧдыс корис вунӧдны став полӧмсӧ да эскӧдіс, мый королевичлӧн воинъяс доръясны найӧс быд неминучасьыс. Кор налӧн котыр петіс восьсаинӧ, шонді ставнас дзирдаліс.

Старука асывнас садьмис да эз пыр казяв нывлысь вошӧмсӧ. Сӧмын бӧртиджык, кор аддзис, мый «ректан» сайын морт оз пукав, юаліс нывъясыслысь, кӧні медся ичӧт чойныс. Но найӧ эз тӧдны. Кутшӧмкӧ пасъяс серти старука гӧгӧрвоис, мый сійӧ век жӧ пышйӧма, и шуис ыстыны вӧтӧдысьясӧс, кутны да водзӧс перйыны. Старука кайліс лӧскӧ, лэччӧдіс сэтысь косьтӧм да сорлалӧм волшебнӧй ӧкмыс турун китыр, содтіс кӧлдуйтӧм сов, тубыртіс сорассӧ дӧраторйӧ да гӧрддзаліс, гартіс вурун шӧртӧн и вордкывъяс шуалӧмӧн ыстіс волшебнӧй тупыльсӧ тӧв ныркӧд пӧпуттьӧ, медым регыдджык вӧтӧдас, ачыс шуалӧ:

Тӧвъяс чужтысь мамӧ, садьмы,
Медым бордъяссьылас шувгей!
Медым гӧгыльтчылас тупыль,
Быттьӧ тӧв ныр, быттьӧ лэбач,
Медым кувсян русӧ нуас,
Пышйысь нылӧс менсьым суас!

К полудню королевич со своим отрядом достиг берега широкой реки. Через неё был переброшен мостик, такой узенький, что проехать по нему можно было только поодиночке. Когда королевич достиг середины моста, посланец ветра — волшебный клубочек — на лету слегка коснулся коня. Испуганный конь с храпом взвился на дыбы, и не успели люди броситься на помощь, как девушка соскользнула с луки седла в реку. Королевич хотел было прыгнуть вслед за ней, но воины удержали его: река была такой глубокой, что ни один смертный не мог бы помочь беде.

От ужаса и горя королевич чуть не лишился рассудка. Воины силой отвезли его в замок, где он провёл много недель в уединённой комнате, оплакивая свою невесту. В первые дни юноша не принимал ни пищи, ни питья. Опечаленный король велел созвать всех мудрецов своей страны, но никто не мог сказать, чем болен королевич, и никто не знал, как его вылечить. Тогда сын волшебника, служивший у короля садовником, дал ему такой совет:

— Пошлите гонцов в страну финнов, к старому мудрецу, он знает дело лучше, чем здешние мудрецы.

Король поспешил послать гонцов к финскому мудрецу, и спустя неделю старик прилетел в королевство на крыльях ветра.

— Добрый король! — сказал мудрец.— Этот недуг на королевича наслал ветер. Злой волшебный клубок поразил юношу в сердце, поэтому он и грустит. Тут не помогут ни уговоры, ни лекарства — только время залечит рану. Пусть чаще бывает на ветру, чтобы ветер развеял его тоску.

И правда — королевич стал поправляться, начал есть и спать. В конце концов он рассказал родителям о своём горе.

Лун шӧр кадӧ королевич аслас котыркӧд воис паськыд юлӧн берег дорӧ. Сы вомӧн вӧлі нюжӧдӧма пос — сэтшӧм топыд, мый вуджны сы вывті позис сӧмын ӧтикӧн-ӧтикӧн. Кор воӧдчисны пос шӧрӧдзыс, тӧв ныр ӧн вӧтлӧм волшебнӧй тупыльыд муртса инмӧдчыліс королевичлӧн вӧв бердӧ. Повзьӧм вӧв лӧкысь корскӧмӧн сувтіс бӧр кок вылас, и весиг воинъяс эз вевъявны уськӧдчыны отсӧг вылӧ, ныв исковтіс ӧныр дорышсьыс да уси юас. Королевич кӧсйис чеччыштны сы бӧрся, но воинъяс мырд кутісны: юыс тані вӧлі сэтшӧм джуджыд, мый ни ӧти смертнӧй эськӧ эз вермы нинӧмӧн отсавны.

Страксьыс да шогсьыс королевич муртса вежӧр садьсӧ эз вошты. Воинъяс нуӧдісны сійӧс замокӧ, кӧні коньӧр морт уна вежон чӧж пукаліс пыді жырйын да шогаліс невестаыс понда. Медводдза лунъяссӧ весиг эз сёй ни эз ю. Шогӧ усьӧм король тшӧктіс чукӧстны аслас муысь став мудречсӧ, но на пиысь некоді эз куж висьтавны, мыйӧн нёрпалӧ королевич, и некоді эз тӧд, кыдзи позьӧ бурдӧдны сійӧс. Сэки корольлӧн садйын уджалысь волшебниклӧн пиыс вӧзйис корольлы татшӧмтор:

— Ыстӧй финнъяслӧн муӧ, пӧрысь мудреч дорӧ, гӧнечьясӧс, сійӧ миян мудречьяс серти унджык тӧдӧ да вежӧртӧ.

Король нюжмасьтӧг мӧдӧдіс гӧнечьясӧс финн мудреч дорӧ, и вежон мысти старик воис тӧв борд вылын.

— Шань сьӧлӧма король! — шуис мудреч.— Тайӧ нёрпалӧмсӧ королевичлы вайӧма тӧв ныр. Лёк кывйӧн вордӧм волшебнӧй тупыль вурыштӧма том мортлысь сьӧлӧмсӧ, та понда и шогалӧ. Тані оз отсав ни ӧлӧдӧм, ни зелля — сӧмын кад бурдӧдас дойсӧ. Мед тшӧкыдджыка петалӧ тӧв йылӧ, сійӧ и разӧдас дзугыль русӧ.

И збыль — королевич коркӧ быттьӧ мӧдіс ловзьыны, пондіс сёйны и юны, бура узис.

Старый король желал бы, чтобы сын нашёл себе новую невесту и поскорее привёл в дом молодую жену, но королевич и слышать об этом не хотел.

Так в скорби и печали прошёл почти год. И вот однажды юноша случайно оказался у реки, где погибла его любимая. Вспомнив об этом, он горько заплакал. Вдруг ему послышался нежный, красивый голос, хотя никого поблизости не было. Голосок пел:

По заклятью злой старухи
Взяли волны слабенькую,
Скрыли волны бедненькую,
Обнял Ахти миленькую.*

Соскочив с коня, королевич осмотрелся вокруг, заглянул под мост, не спрятался ли там кто-нибудь. Но насколько хватал глаз, нигде таинственной певуньи не было видно. На поверхности воды, меж широких листьев, тихо покачивался цветок кувшинки. Это было единственное, что бросилось в глаза юноше. Но цветок не мог петь, тут, конечно, крылось какое-то волшебство. Королевич привязал коня к пню у берега, уселся на мосту и стал ждать, не послышится ли голос снова. Долго всё кругом было тихо, потом голосок снова запел:

По заклятью злой старухи
Взяли волны слабенькую,
Скрыли волны бедненькую,
Обнял Ахти миленькую.

Иной раз хорошая мысль осеняет человека совсем случайно. Так было и на этот раз. «Если я сейчас поеду в лесную избушку,— подумал королевич,— кто знает, может быть, златопряхи помогут мне разгадать эту тайну». С этой мыслью юноша вскочил на коня и поехал по направлению к лесу. Он надеялся найти дорогу по знакам, которые оставил

*Ахти — водяной.

Бӧръявыв восьтіс сьӧлӧмсӧ, висьтасис бать-мам водзас, мыйся шог суӧма сійӧс.

Пӧрысь король кӧсйис эськӧ, медым пиыс аддзис аслыс мӧд невестаӧс да регыдджык вайӧдіс замокӧ, но королевич и кывзыны эз мӧд.

Тадзи шогсьӧмӧн да дзуглясьӧмӧн коли пӧшти во. И со ӧтчыд том морт веськаліс сійӧ ю дорас, кытчӧ вӧйи радейтана нылыс. Казьтыштіс сійӧс да курыда-курыда бӧрддзис. Друг сылӧн вежӧрӧдз воис вӧсньыдик, мича гӧлӧс, кӧть матігӧгӧрас некоді эз тыдав. Гӧлӧсыс сьыліс:

Скӧр старука вордӧм понда
Гыяс ньылыштісны менӧ,
Нэриникӧс, коньӧр нылӧс
Кутӧ Ахти мустӧм сывъяс.*

Королевич чеччыштіс вӧв вывсьыс, видзӧдліс гӧгӧр, кыйкнитліс и пос улӧ, кодкӧ оз-ӧ дзебсясь сэні. Но кытчӧдз судзис син, некӧні эз тыдав некутшӧм певуння. Сӧмын ва веркӧсас, паськыд коръяс костӧ дзебсьӧмӧн, катласис запанки дзоридз юр. Тайӧ сӧмын и вӧлі, мый уси том мортлӧн син улӧ. Но дзоридз оз сьывлы, тані, дерт, сайӧдӧма кутшӧмкӧ гусятор. Королевич домаліс вӧвсӧ берег дорын сулалысь мыр бердӧ, пуксис пос дорышӧ да мӧдіс виччысьны, оз-ӧ нӧштаысь кыв чуйдана гӧлӧссӧ. Дыркодь гӧгӧр вӧлі чӧв-лӧнь, сэсся коркӧ гӧлӧсыд бара шыасис:

Скӧр старука вордӧм понда
Гыяс ньылыштісны менӧ,
Нэриникӧс, коньӧр нылӧс
Кутӧ Ахти мустӧм сывъяс.

*Ахти — васа.

на стволах деревьев, но лес разросся, и королевич проплутал больше суток, прежде чем отыскал тропинку. Он остановился в лесу поодаль от избушки и стал подстерегать, не покажется ли кто из девушек.

Рано утром старшая дочь вышла к ручью умыться. Подойдя к ней, юноша рассказал о своём несчастье и о таинственной песне, которую он услышал у моста. Старухи, к счастью, не было дома, и девушка позвала юношу в горницу. Из рассказа королевича сёстры сразу поняли, что виной несчастья был старухин волшебный клубок и что сестра их не умерла, а только опутана нитями колдовства.

— Не заметили ли вы в речных волнах чего-нибудь такого, что могло бы петь? — спросила старшая сестра.

— Нет, — ответил королевич.— Насколько хватал глаз, на воде не было ничего, кроме жёлтого цветка кувшинки с широкими листьями. Но ведь ни цветок, ни листья не могли петь.

Девушки сразу же решили, что кувшинка и была их сестра, утонувшая в реке и превращённая силой волшебства в цветок. Они знали, что заколдованный клубок, который старуха послала вдогонку их сестре, мог превратить её во что угодно, но отнять у неё жизнь он не мог. Однако королевичу сёстры не сказали; они не хотели внушать ему напрасные надежды, пока не придумают, как спасти сестру. Старуха должна была вернуться только через несколько дней, поэтому у них было время подумать и посоветоваться.

Вечером старшая сестра принесла с чердака горсть волшебных трав, мелко растёрла их, смешала с мукой, замесила тесто, испекла лепёшку и угостила ею юношу перед сном. Ночью королевич увидел странный сон, будто живёт он в лесу среди птиц и понимает их язык.

Муköддырйиыс бур мövпыд морт вежöрö волö дзик тöдлытöг. Тадзи лои и öні. «Ме кö пыр жö муна сійö вöр керкаас,— мövпыштіс королевич,— код тöдас, гашкö, зарни шöрт печкысь нывъяс отсаласны разьны гусяторсö». Тайöс думыштömön том морт сöліс вöв вылас и мöдöдчис тöдса вöрлань. Сійö чайтіс аддзыны вöрса туйсö кольлöм пасъяс серти, но вöрыс сідзи вежсьöма, мый келаліс туйтöг суттиысь дырджык, вöлисти петіс колана ордым вылö. Сувтіс вöр керкаö вотöдз, сайöдчис да пондіс виччысьны, оз-ö мыччысьлы кодкö нывъяс пиысь.

Водз асывнас медся ыджыдыс петіс шор дорö мыссьыны. Том морт кыссис сы дорö да висьталіс аслас шог йылысь и дивö кодь сьыланкыв йывсьыд, кодöс кывліс пос дорас. Шуд вылö, старука эз вöв гортын, и ныв корис том мортöс горничаö. Королевичлön висьтасьöм бöрын чойяс пыр жö гöгöрвоисны, мый ставсьыс мыжа старукалön волшебнöй тупыльыс и налön чой эз кувсьы, сömын дзугсис шöртъяс, сійöс лои пöртмалöма вордан вынön.

— Эн-ö ті казялöй юлön гыяс костысь мыйкö сэтшömтор, мый эськö вермис сьывны? — юаліс медыджыдыс.

— Эг,— вочавидзис королевич.— Кытчöдз судзис син, ва вылын нем эз мыччась, сömын паськыд коръяс костö дзебсьöм, виж юра запанки дзоридз. Но öд ни дзоридз, ни коръяс оз вермыны сьывны.

Нывъяс пыр жö гöгöрвоисны, мый запанкиыд и эм налön медічöт чойыс, вöйи кö нин сійö юö, сідзкö, дзоридзö и пöртчис. Тöдісны найö, мый вордöм тупыльыс, кодöс старука ыстіс вöтöдны налысь коньöр чойсö, вермис пöртны сійöс быдторйö, но олöм босьтны сійö эз вермы. Век жö королевичлы та йылысь эз на висьтавны: эз кöсйыны, мед нöшта ёна дзугыльтчас, кор тöдмалас, мый бур вылö став лачаыс дзик весьшöрö, пока оз

Когда он утром рассказал девушкам свой сон, старшая сестра молвила:

— В добрый час пришли вы к нам, в добрый час приснился вам такой сон. Когда вы поедете домой, он сбудется. В лепёшку, которую я вчера испекла для вас, были подмешаны волшебные травы мудрости. Они помогут вам понять всё, о чём говорят между собой птицы. Этим маленьким крылатым существам известна мудрость, неведомая людям; поэтому внимательно прислушивайтесь к щебетанью пернатых.

Королевич поблагодарил девушек за добрые советы и поклялся вызволить их из рабства, хоть ценой выкупа, хоть силой, затем попрощался и пустился в путь.

Когда он ехал по лесу, ему казалось, будто он окружён множеством людей: пение птиц, их крик и щебет отдавались у него в ушах как внятная и разумная речь. Юноша дивился тому, сколько мудрости остаётся неведомой человеку из-за того, что он не знает языка пернатых. Правда, вначале путник не понимал многого из щебетания птиц, хотя они и говорили о людях. Но эти люди и их тайные дела были королевичу неизвестны. Вдруг на верхушке высокой сосны он увидел сороку и пёстрого дрозда. Они вели между собой беседу, которая, как показалось королевичу, касалась его.

— Люди ужасно глупы! — сказал дрозд.— В самом пустячном деле и то не умеют правильно поступить. Там, в реке около моста, уже целый год томится дочка хромой старухи, превращённая в кувшинку. Она поёт, жалуясь прохожим на своё горе, но никто и не подумает её спасти. Вот только несколько дней тому назад проезжал через мост её бывший женишок, слышал жалобы девушки, но и он оказался не умнее других.

— А ведь бедняжка по его вине несёт на себе проклятие старухи,— ответила сорока.— Если он не наберётся иной мудрости, кроме человеческой, то девушка так и останется цветком на веки вечные.

мӧвпыштны, кыдзи мездыны ассьыныс чоюксӧ. Старука вотӧдз вӧлі на некымын лун, сідзкӧ и, вӧлі мӧвпалӧм да сӧветуйтчӧм вылӧ тырмымӧн кад.

Рытнас медыджыд чойыс кайліс лӧскас да лэччӧдіс сэтысь волшебнӧй турун китыр, посньӧдліс, сораліс пызькӧд, нянь шом гудыртіс, пӧжаліс сӧчӧн да узьны водтӧдз гӧститӧдіс сійӧн том мортӧс. Войнас королевич аддзис тешкодь вӧт, быттьӧ олӧ сійӧ сьӧд вӧр шӧрын лэбачьяс пӧвстын и гӧгӧрвоӧ налысь сёрнисӧ.

Кор асывнас висьталіс та йылысь нывъяслы, медся ыджыд чойыс кайтіс:

— Колана кадӧ воинныд ті миян дінӧ, колана кадӧ уси тіянлы тайӧ бур вӧтыс. Кор воанныд гортад, ставыс збыльмас. Сійӧ сӧчӧнас, кодӧс пӧжалі тӧрыт, вӧлі соралӧма мывкыд содтысь волшебнӧй турунъяс. Тайӧ отсалас тіянлы вежӧртны, мый йылысь сёрнитӧны лэбачьяс. Бордъя ловъяслы сетӧма ыджыд мывкыдлун, кодӧс оз судз морт вежӧр; сюся кывзӧй налысь тёльгӧмсӧ.

Королевич аттьӧаліс нывъясӧс и сетіс кыв коркӧ мездыны найӧс дзескыдінысь — кӧть ыджыд сьӧмысь, кӧть вын отсӧгӧн, прӧщайтчис и петіс туйӧ.

Кор муніс вӧр кузя, чайтсис, быттьӧ кытшалӧны сійӧс лыдтӧм-тшӧттӧм йӧз: лэбачьяслӧн сьылӧм, кравзӧм и тёльгӧм юралісны пеляс сідзи, быттьӧ гӧгӧрвоана да вежӧртана сёрни. Том морт чуймаліс, мыйта мывкыдлун мунӧ морт вежӧр бокитi сӧмын сы понда, мый оз сяммы гӧгӧрвоны бордъя ловлысь сёрнисӧ. Дерт, кутшӧмкӧ кад туй морт эз ставсӧ вежӧрт, мый найӧ юӧрталісны ёрта-ёртыслы, кӧть и вӧлі гӧгӧрвоана, мый сёрниыс мунӧ йӧз йылысь. Но сійӧ йӧзыс да налӧн гуся могъясыс королевичлы эз вӧвны тӧдсаӧсь. Друг джуджыд пожӧм туган йылысь сійӧ казяліс катшаӧс да мича сера пелыськайӧс. Найӧ сёрнитісны, кыдзи чайтсис королевичлы, сы йылысь.

— Спасти её было бы нетрудно,— сказал дрозд,— если бы рассказать всё старому финскому мудрецу. Он легко освободил бы пленницу из водной темницы.

Этот разговор заставил юношу задуматься. Едучи дальше, он размышлял о том, кого бы послать гонцом в страну финнов.

Вдруг он услышал, как одна ласточка прощебетала другой:

— Давай полетим в страну финнов, там есть получше места для гнёзд, чем здесь.

— Постойте, друзья! — закричал королевич на языке птиц.— Передайте от меня привет старому финскому мудрецу и спросите у него совета — как вернуть человеческий облик девушке, превращённой в кувшинку!

Ласточки пообещали выполнить его просьбу и полетели своей дорогой.

Добравшись до берега реки, юноша пустил коня пастись, а сам остался на мосту, прислушиваясь, не зазвучит ли снова песня. Но ничего не было слышно, только волны шумели да ветер свистел над рекой. Опечаленный, сел королевич на коня и поехал домой. О том, что случилось с ним во время поездки, он никому не сказал ни слова.

Прошло несколько дней. Однажды королевич сидел в саду и размышлял о том, что ласточки, улетевшие в страну финнов, наверное, забыли о просьбе. Вдруг увидел большого орла, кружившего высоко в воздухе над его головой. Орёл опускался всё ниже и ниже и наконец уселся на ветку липы, поблизости от королевича.

— Старый финский мудрец шлёт тебе привет,— сказал орёл,— и просит не сердиться, что он задержался с ответом: трудно было найти кого-либо, кто направлялся бы в вашу страну. Чтобы вызволить девушку из плена и вернуть ей облик человека, ты должен сделать вот что: пойди к реке, сбрось с себя одежду и вымажь всё тело грязью, чтобы

— Войтыр дзик вежӧртӧмӧсь! — шуис пелыськай.— Медся пröстӧйтор вылас и то оз тырмы сямныс. Сійӧ ю вылас, пос бокас, во чӧж нин шогалӧ чотысь старукалӧн нылыс, кодӧс пӧртӧмаӧсь запанкиӧ. Сійӧ лун-лун сьылӧмӧн норасьӧ, висьталӧ ветлысь-мунысьлы аслас курыд олӧм йылысь, но некоді весиг оз мӧвпыштлы, мый колӧ мездыны сійӧс. Вот сӧмын некымын лун сайын поссӧ вуджис нывлӧн вӧвлӧм жӧникыс, кыліс нывлысь норасьӧмсӧ, но и сійӧ, вӧлӧм, мукӧдсьыс абу сюсьджык.

— А ӧд коньӧр ныв дзик сы понда и нуӧ татшӧм пудсӧ, старукалысь вомидзсӧ,— вочавидзис катша.— Оз кӧ восьт сійӧ морт мывкыдысь кындзи некутшӧм тӧдӧмлун, нылыс нэм кежлӧ вавыв дзоридзӧн кольӧ.

— Мездыны сійӧс эськӧ абу и сьӧкыд,— шуис пелыськай,— сӧмын коліс ставсӧ бура висьтавны финн мудречлы. Сійӧ нин эськӧ мездіс пленничаӧс.

Тайӧ сёрнисӧ кылӧм бӧрын том морт думӧ уси. Мунӧ водзӧ и вежӧртӧ, кодӧс эськӧ ыстыны гӧнечӧн финн муӧ.

Друг сійӧ кыліс, кыдзи ӧти джыдж чивк-шуис мӧдлы:

— Вай жӧ ми лэблам финн муӧ, сэні пӧ эмӧсь поздысьӧм вылӧ тані серти шаньджык инъяс.

— Энлӧй, муса ёртъяс! — горӧдіс королевич налӧн кыв вылын.— Висьталӧй менам нимсянь пӧрысь да мудер финнлы чолӧм да юалӧй сылысь — кыдзи бергӧдны запанкиӧ пӧртӧм нывлы морт мыгӧр?

Джыджъяс кӧсйысисны пӧртны олӧмӧ сылысь корӧмсӧ и лэбисны асланыс могъясӧн.

Ю берег дорӧ воӧм бӧрын том морт лэдзис вӧвсӧ йирсьыштны, ачыс кольччис пос

нигде не осталось ни единого белого пятнышка. Потом зажми нос двумя пальцами и крикни: «Пусть на месте юноши чёрный рак появится!» И в тот же миг ты превратишься в рака. Смело ныряй на дно реки, не бойся утонуть. Заберись под корни кувшинки, высвободи их из песка и ила, потом зацепись клешнёй за кончик корня, и вода сама поднимет тебя вместе с цветком на поверхность. Плывите вниз по течению, пока на левом берегу не покажется раскидистая рябина. Поодаль от неё будет стоять камень вышиной с маленькую избушку. Поравнявшись с ним, ты должен сказать: «Кувшинка, стань девушкой, рак, превратись в юношу!» И твоё желание тотчас же сбудется.

Сказав это, орёл поднялся в воздух и полетел своей дорогой. Юноша долго смотрел ему вслед, не зная, что и думать.

Больше недели размышлял королевич: у него не хватало решимости поступить так, как велел мудрец. Но однажды юноша услышал голос ворона, говорившего ему:

— Что же ты медлишь? Финский мудрец никогда не давал неправильных советов, да и язык птицы никогда ещё никого не обманывал. Поспеши к реке, спаси девушку и осуши её слёзы.

Слова ворона придали юноше смелости. «Пусть я погибну,— подумал он,— но лучше смерть, чем вечная печаль».

Сев на коня, он поскакал знакомой дорогой к берегу реки. Подъехав к мосту, королевич снова услышал песню:

По заклятью злой старухи
В полусне я здесь качаюсь.
У речной волны в объятьях
Цвет весенний увядает,
В глубине холодной, тёмной
Скрыта милая твоя.

вылӧ да пельсӧ чошкӧдӧмӧн пондіс кывзыны, оз-ӧ бара кыв сьылансӧ. Но гӧгӧр вӧлі чӧвлӧнь, сӧмын гыяс швучкасисны да тӧв шутляліс ва шӧрас. Дзугыльтчис королевич, пуксис вӧв вылас да мӧдіс гортас. Сы йылысь, мый вӧчсис сыкӧд ветліг-мунігас, некодлы весиг кыв эз висьтав.

Тадз коли некымын лун. Ӧтчыд королевич пукаліс сад йӧрас да мӧвпаліс сы йылысь, мый джыджъясыд, кодъяс лэбисны финн муӧ, кӧнкӧ, вунӧдісны корӧмсӧ. Друг сійӧ аддзис ыджыд варышӧс, коді бергаліс вылын-вылын енэжас, сылӧн юр весьтын. Варыш пондіс лэччыны пыр улӧджык и улӧджык, бӧръявыв пуксис нинпу вож вылӧ, королевичсянь неылӧ:

— Ыджыд мывкыда пӧрысь финн ыстӧ тэныд чолӧм,— шуис варыш,— и корӧ пыдди пуктыны, мый сёрмыштіс вочакывнас: сьӧкыд корсьны сэтшӧмсӧ, коді эськӧ мӧдӧдчис тіян муӧ... Медым мездыны нылӧс да бӧр бергӧдны сылы морт мыгӧр, тэныд колӧ вӧчны со кыдзи: мун сійӧ ю дорас, пӧрччы паськӧмтӧ да мавтчы нюйтнас сідзи, медым весиг ӧти чут еджыд яй оз коль. Сэсся топӧд ныртӧ кык чунь костӧ да горӧд: «Медым том морт местаӧ мыччысяс сьӧд рак!» И сійӧ жӧ здукас пӧртчан ракӧ. Повтӧг сунсьы ю пыдӧсас, эн пов вӧйӧмысь. Кодйысь запанки вуж улас, перйы сійӧс лыа да нюйт пӧвстсьыс, сэсся кутчысь вуж помас, и ачыс ваыс дзоридзыскӧд тшӧтш кыпӧдас тэнӧ веркӧсӧ. Кылӧдчӧй ва бӧр, кытчӧдз он аддзӧй шуйга берег дорсьыс пашкыр пелысь куст. Сысянь водзынджык пондас сулавны неыджыд керка вылӧ мунысь из. Сы весьтӧ воӧмӧн тэныд колӧ горӧдны: «Запанки, пӧртчы мича нылӧ, рак, пӧртчы том мортӧ!» И кывъясыд пыр жӧ збыльмасны.

Шуис тайӧс варыш, кыпӧдчис енэжӧ и водзӧ лэбис аслас могъясӧн. Том морт дыр видзӧдіс сы бӧрся, эз тӧд, мый и думайтны.

Вежонысь дырджык мӧвпаліс королевич: эз тырмы смеллуныс вӧчны сідз, кыдзи

Королевич стреножил коня, чтоб тот не мог далеко уйти, потом сбросил с себя одежду, вымазал тело грязью, не оставив нигде ни одного белого пятнышка, зажал себе нос и, воскликнув: «Пусть на месте юноши чёрный рак появится!» — бросился в реку. Вода с шумом взметнулась кверху, и снова всё стихло.

Юноша, превратившийся в рака, стал освобождать от песка и ила корни цветка, глубоко ушедшие в речное дно. Эта работа отняла у него много времени. Корни крепко вросли в землю, и раку пришлось трудиться целых семь дней, пока он, наконец, не справился с делом. Распутав корни, он зацепился клешнями за один из них, и вода подняла его вместе с цветком на поверхность. Волны несли их всё дальше и дальше, и хотя по берегам росло много кустов и деревьев, однако рябины и большого камня всё ещё не было видно.

Наконец на левом берегу они увидели ветвистую рябину, покрытую гроздьями красных ягод, а чуть поодаль стоял камень величиной с избушку. Поравнявшись с ним, пловец воскликнул: «Кувшинка, стань девушкой, рак, превратись в юношу!» — и тотчас же на поверхности воды показались две головы — юноши и девушки. Волна прибила пловцов к берегу, но выйти они не могли, так как оба были нагие.

— Милый юноша, у меня нет никакой одежды, поэтому я не решаюсь выйти из воды,— смущённо сказала девушка.

— Я закрою глаза, а ты выйди на берег и спрячься в тени рябины,— ответил юноша.— Я побегу к мосту, где оставил коня и одежду перед тем, как броситься в реку.

Когда девушка укрылась под рябиной, королевич поспешил к тому месту, где оставил коня и одежду, но не нашёл ни того, ни другого. Юноша не знал, что пробыл в облике рака семь дней, ему казалось, что он провёл на дне реки каких-нибудь несколько часов.

тшöктöма мудреч. Но ötчыд бара кыліс кырнышлысь гöлöс. Сійö шуаліс:

— Мый нö тэ нюжмасян? Ыджыд мывкыда финн некор и некодöс эз на ылöдлыв. Тэрмась ю дорö, мезды нывсö, тырмас сылы курыд синва кисьтыны.

Кырнышлöн кывъяс бöрын том морт смелмöдчис. «Мед вошта юрöс,— мöвпыштіс сійö,— но бурджык нин кувсьыны, тадзи дзуглясьöм дорысь».

Пуксис вöв вылас, гöнитіс тöдса нин туйöд ю берег дорö. Пос дорас сійö бара кыліс сьылöмсö:

Скöр старука вордöм понда
Гыяс ньылыштісны менö,
Нэриникöс, коньöр нылöс
Кутö Ахти мустöм сывъяс.

Королевич чотöдіс вöвсö, мед ылö эз пышйы, сэсся пöрччис став паськömсö, мавтчис нюйтöн, медым весиг чут еджыд яй эз коль, топöдіс нырсö кык чунь костö, горöдіс: «Медым том морт местаö мыччысяс сьöд рак!» — и чеччыштіс ваö. Ваыс гыалöмöн шызьыліс да кайліс вывлань, сэсся бöр ставыс лöнис.

Ракö пöртчöм том морт босьтчис гудйыны запанки вужсö, мездыны лыаысь да нюйтысь, а вужйыс пыдö пырöма. Уна кад ковмис мырсьыны. Вужъясыс крепыда кутчысьömаöсь ва пыдöсас, ковмис ноксьыны сизим лун чöж, пока эз справитчы аслас уджöн. Разис вужъяссö, кутчысис ötиö, и кыпöдчис ва веркöсö дзоридзыскöд тшötш. Гыяс нуисны найöс пыр ылöджык и ылöджык, но кöть и быдмис берег пöлöныс быдсяма пуыс да кустыс, эз на паныдасьлы пелысь ни из.

Коркö сэсся аддзис жö пашкыр пелысьтö, сійö вöлі ставнас тырöма гöрд розъясöн, а неуна ылынджык тыдаліс и керка вылö мунысь изйыд. Сы весьтö воömöн тшötш кыв-

Вдруг к берегу подъехала великолепная карета, запряжённая шестёркой лошадей. В карете королевич нашёл одежду для себя и спасённой им девушки. Вместе с каретой прибыли также слуга и служанка. Оставив слугу подле себя, юноша послал карету со служанкой и с одеждой туда, где пряталась под рябиной его любимая.

Через час с лишним девушка, наряжённая в красивое свадебное платье, приехала к королевичу, поджидавшему её у реки. Юноша, тоже одетый в богатый свадебный наряд, сел в карету рядом с невестой, и они поехали в город, прямо к церкви.

В это время король и королева в траурных одеждах сидели в церкви: оплакивая своего любимого сына. Все считали, что он утонул, так как его конь и платье были найдены на берегу реки. Велика же была радость родителей, когда сын предстал перед ними живой и невредимый, а с ним рядом — милая девушка, оба в ослепительных одеждах. Король сам повёл жениха и невесту к алтарю, где их и обвенчали. Затем начались пышные и шумные свадебные празднества, длившиеся шесть недель.

Время движется, не зная ни остановок, ни отдыха, и всё же дни радости летят как будто быстрее, чем часы скорби. Вскоре после свадьбы наступила осень, потом пришла зима с морозами и снегом, и у наших молодых не было охоты даже за порог ступить.

Но когда снова пришла весна во всей своей красе, королевич с молодой женой вышли погулять в сад. Тут сорока, сидевшая на верхушке дерева, закричала ему:

— Ох ты, неблагодарное создание! Как только для тебя наступили счастливые времена, ты и забыл о тех, кто помогал тебе в беде! По-твоему, несчастные девушки до конца дней своих должны прясть золотую пряжу?

Хромая старуха не мать им, а колдунья! Она украла их в дальней стороне, когда они были ещё малыми детьми.

тысь горӧдіс: «Запанки, пӧртчы мича нылӧ, рак, пӧртчы том мортӧ!» — и сійӧ жӧ здукас ва веркӧсын мыччысис кык юр — том мортлӧн да мича нывлӧн. Гыяс матыстісны найӧс берег дорӧ, но ваысь петны том йӧз яндысисны, сы вӧсны мый кыкнанныс вӧліны вир пасьтӧмӧсь.

— Муса том морт, ме вылын абу некутшӧм дӧрӧмстан, та понда ме ог лысьт петны васьыс,— шуис ныв.

— Ме куня синмӧс, а тэ пет да дзебсьы пелысь вуджӧрас,— вочавидзис том морт.— Ме котӧртла сэтчӧ, кытчӧ коли вӧлӧс да паськӧмӧс.

Кор мича ныв сайӧдчис пелысь улӧ, королевич тэрыба мӧдӧдчис сэтчань, кытчӧ кольліс вӧвсӧ да паськӧмсӧ, но эз аддзы ни ӧтисӧ, ни мӧдсӧ. Том морт эз тӧд, мый оліс рак мыгӧрӧн сизим лун чӧж, сылы чайтсис — но, мед нин кымынкӧ час.

Друг берег дорӧ воис зэв мичаа вӧччӧдӧм, квайт вӧлӧн доддялӧм карета. Каретасьыс королевич аддзис аслыс и мездӧм нывлы туяна паськӧм. Сідзжӧ каретаыскӧд воӧмаӧсь слуга да служанка. Слугасӧ том морт кольӧдіс ас дінас, а служанкаӧс да каретасӧ мӧдӧдіс пашкыр пелысь дорӧ, кӧні дзебсясис сылӧн муса нылыс.

Час мысти, кӧлысь вылӧ мича платтьӧӧ пасьтӧдӧм нин, ныв воис королевич дорӧ. Том морт тшӧтш вӧлі пасьтасьӧма зэв озыр, кӧлысялан паськӧмӧ. Пуксис сійӧ каретаад невестаыскӧд орччӧн, и мунісны карӧ, веськыда вичкоӧ.

Тайӧ здукас король да королева кодрасян платтьӧясӧн пукалісны сійӧ вичкоас: сьылӧдісны-бӧрдӧдісны радейтана пиукнысӧ. Ставӧн чайтісны, мый и сійӧ вӧйи, сы понда мый вӧвсӧ да паськӧмсӧ аддзисны ю берег дорысь. Кутшӧм ыджыд радлун шымыртіс рӧдительяссӧ, кор том морт петіс на водзӧ ловъя и дзоньвидза, а сыкӧд орччӧн — мусаник ныв: кыкнанныс син ёрана мича паськӧмаӧсь. Король ачыс петкӧдіс жӧникӧс да

Тут королевич вспомнил, как поклялся девушкам вызволить их из неволи. Жена, обливаясь слезами, стала умолять мужа поспешить на помощь её сёстрам. На другое утро, проснувшись, она сказала королевичу:

— Мне снился вещий сон, будто старуха ушла из дому и сёстры остались одни. Сейчас самое время отправиться к ним на помощь.

Не медля ни минуты, королевич велел снарядить большой отряд воинов и вместе с ними двинулся в путь. На другой день они достигли лесной избушки. Девушки, как и предвещал сон, оказались одни и радостным криком бросились навстречу своему избавителю. Королевич тотчас же приказал одному из воинов набрать ядовитых корней и приготовить старухе такое блюдо, чтоб ей, когда она вернётся домой и поест, уже никогда больше есть не захотелось.

Когда королевич спустя неделю послал своего военачальника посмотреть, что делается в лесной избушке, тот нашёл старуху мёртвой. В тайнике же оказалось пятьдесят возов золотой пряжи. После того как добро было увезено, королевский военачальник велел пустить под крышу избушки красного петуха. Пламя уже вырывалось из слухового окна, как вдруг по стене скользнула на землю большая кошка с горящими глазами. Воины поймали её.

— Смилуйтесь надо мной, люди! — сказала кошка.— Я такой же человек, как и вы, хотя силой волшебства превращена в кошку. Я жила в дальней стране, в замке короля, владевшего несметными богатствами, и вела там хозяйство, а колдунья была первой служанкой у королевы. Нас одолели алчность, мы постепенно вынесли из замка всю драгоценную утварь, которую старуха превращала в золотой лён, а затем унесли и трёх его

невестаöс вöлтар водзö, пыр жö и венчайтісны. Та бöрын пансис озыр да кыпыд гаж, коді кыссис квайт вежон чöж.

Кад мунö, оз төд ни мытшöд, ни шойччöг, и век жö гажа лунъяс шог лунъясысь тэрыбджыка кольöны. Кölысь бöрас регыд пуксис ар, сэсся воис кöдзыд да уна лымъя төв, и миян том гозъялöн эз вöв некутшöм окоталун весиг керка порог сайö тувччыны.

Бара воис гажа тулыс. Королевич да сылöн том гöтыр öтчыд петісны сад йöрö. Сійö здукас пу йылын пукалысь катша горöдіс:

— Ак тэ, кыв вуджысь морт! Мыйöн воисны тэнад шуда лунъяс, пыр и вунöдін найöс, кодъяс отсасисны шогалан лунъясö! Кöнкö, чайтан, коньöр нывъяс мед нэм помöдзныс зарни шöрт печкасны? Чотысь старукаыс налы абу мам, сійö ёма! Гусяліс нывъяссö ылі муысь, кор на вöліны ичöтик кагаясöн.

Тайö здукас королевич казьтыштіс, кыдзи кöсйысис нывъяс водзын, мый быть коркö мездас найöс. Том гöтырыс кыз синва лэдзигтыр корис регырджык петны туйö. Мöд асывнас сійö садьмис да шуис королевичлы:

— Ме аддзылі вöт, быттьö старука мунöма кытчökö, и чойяс кольöмаöсь ас кежсьыныс. Öні самöй кад мунны найöс мездыны.

Нюжмасьтöг королевич тшöктіс чукöртны ыджыд отряд и петіс туйö. Мöд луннас найö воисны вöр керкаö. Вöтыд збыльмис: нывъяс вöліны öтнасöн. Найö шудаа горзöмöн уськöдчисны мездысьлы воча. Королевич пыр жö тшöктіс öти воинлы чукöртны пагöдысь вужъяс да дасьтыны старукалы сэтшöм вöлöга, медым сійö, кор воас гортас да видлас дасьтöм сёянсö, некор нин оз вермы юны ни сёйны.

Вежон мысти королевич ыстыліс ассьыс военачальниксö видзöдлыны, мый вöчсьö вöр керкаас, и старукатö сійö суöма кувсьöмаöн. Дзебасъяссьыс аддзöма ветымын додь тыр

дочерей. Старшей из них было три года, а младшей — пять месяцев. Старуха боялась, как бы я, раскаявшись, не выдала её, и превратила меня в кошку.

Когда кошка кончила свой рассказ, королевский военачальник молвил:

— Отправляйся и ты вслед за колдуньей, лучшей смерти ты не заслужила! — и велел бросить её в огонь.

А королевские дочери, как и их младшая сестра, вышли впоследствии замуж за королевичей. Золотая пряжа, найденная в лесной избушке, составила им богатое приданое.

зарни шӧрт. Добрасӧ нуӧм бӧрын корольлӧн военачальник тшӧктӧма вӧр керка вевт улас тшукӧдны би. Кор би кывъяс пондӧмаӧсь мыччасьны ичӧтик ӧшиньясӧд, сьӧд стен кузяыс визнитӧма да му вылӧ чеччыштӧма югъялысь синма ыджыд кань. Воинъяс кутӧмаӧсь сійӧс.

— Жалитыштӧй менӧ, войтыр! — шуас каньыд.— Ме ті кодь жӧ морт, но вордчан вын отсӧгӧн каньӧ пӧртӧм. Олі ме ылі муясын, сэтчӧс корольлӧн замокын, кӧні вӧлі помтӧм-дортӧм озырлун — став колана уджсӧ сэні нуӧді и озырлунсӧ видзи, а тайӧ ёмаыс вӧлі королевалӧн медыджыд служанкаӧн. Вежӧръяснымӧс пӧртмаліс корольлӧн озырлуныс, гусьӧн петкӧдім дона эмбурсӧ, а старука пӧртіс зарни шабдіӧ. Сэсся нӧшта и куим нывкаӧс гусялім. Медыджыдыслы вӧлі сэки куим арӧс, а медічӧтыслы — вит тӧлысь. Старука поліс, мед ме ог каитчы да ог висьтась некодлы, сы понда менӧ каньӧ пӧртіс.

Кор каньыд помалас висьтсӧ, корольлӧн военачальник шуас:

— Мун жӧ и тэ аслад ёма бӧрся, бурджык помсӧ эн заслужит!

И шыбитас сійӧс биӧ.

Нывъяс, кыдзи и налӧн ичӧт чойыс, коркӧ петісны верӧс сайӧ королевичьяс сайӧ.

А вӧр керкаысь аддзӧм зарни шӧрт чукӧрыс лои налы озыр приданнӧйӧн.

КАК СОВЫ УЧИЛИСЬ ПЕТЬ

Эстонская сказка

БЫЛО время, когда все птицы пели одинаково. От этого получалась большая путаница. Бывало, услышит голубь красивую песенку, подумает, что голубка его поёт-разливается. Полетит на голос да прямо в когти коршуну попадается. Станет красногрудый снегирь сзывать своих птенцов, а на зов его слетаются серые воробьишки... Наконец, надоела такая жизнь птицам, и решили они так: сложим все песни в большой сундук и будем тянуть по очереди, кто какую песню вытащит, ту и станет петь весь его род.

Назначили птицы день, час и место и слетелись со всех концов леса делить песни.

Одни совы опоздали. Были они большими лентяйками и очень любили поспать. Птицы, пролетая к назначенному месту, позвали двух сов, дремавших на ветке, но те только приоткрыли свои круглые глаза и сказали друг другу:

— К чему спешить? Самые хорошие песни — подлиннее да потяжелее, они, верно, завалились на дно сундука. Вот и достанутся нам.

Только к вечеру собрались совы получить свою долю. Заглянули в сундук, а там пусто. Все песни разобрали другие птицы. Так совам ничего и не досталось.

А разве можно прожить без песен? Друг другу и то не знаешь, как голос подать. Горевали, горевали совы и наконец сказали:

КЫДЗИ СЮЗЬЯС СЬЫВНЫ ВЕЛӦДЧИСНЫ

Эст мойд

ВӦЛІ сэтшӧм кад, кор став лэбачыс ӧти ног сьылісны. Та понда артмыліс быдсяма тешкодьторйыс. Весиг овлӧ вӧлі сідзи, мый, шуам, гулю кылас мыла сьыланкыв, чайтас, сылӧн муса пӧлыс тадзи чуксасьӧ, лэбас гӧлӧс вылас да кырнышлы гыжъяс и веськалас. Либӧ пондас гӧрд морӧса жонь ассьыс пиянсӧ чуксавны, а на пыдди пыста чукӧр сюв-сяв локтасны... Бӧръявыв дышӧдіс бордъя котырлы татшӧм олӧмыс, и сёрнитчисны тадзи: тэчны став сьылансӧ ӧти ыджыд кудйӧ и пудъясьны: кодлы кутшӧм веськалас, сійӧс и мӧдасны сьывны налӧн рӧдыс.

Индісны лэбачьяс лун, час да ин, и чукӧртчисны став вӧр пасьталасьыс сьыланкывъяс юкны.

Сӧмын сюзьяс сёрмӧдчисны. Найӧ вӧліны вывті нюжмасьысьӧсь дай узьнытӧ ёна радейтісны. Юксянінӧ тэрмасьысь лэбачьяс чукӧстлісны пу вож вылын вуралысь кык сюзьӧс, но найӧ сӧмын восьтыштлісны гӧгрӧс синъяссӧ да шуисны ӧта-мӧдыслы:

— Кытчӧ тэрмасьныс? Медся бур сьыланъясыс кузьджыкӧсь, а сідзкӧ, и сьӧкыджыкӧсь мукӧд сертиыс, найӧ, дерт, сундук пыдӧсас туплясьӧны. Сёрӧнджык воам да найӧ миянлы и вичмасны.

Сӧмын рытъядорыс мӧдӧдчисны асланыс пайла. Кыйкнитлісны сундукӧ, а сійӧ тыртӧм. Став сьылансӧ мукӧд лэбач босьтӧмаӧсь нин. Сідзи налы нинӧм эз и вичмы.

— Давайте сами придумаем для себя какую-нибудь песенку.

А это было не так-то легко. То затянут такое, что у самих уши заболят, то зальются трелью и уже обрадуются — вот-то хорошо! — да вдруг услышат: то же коленце, но гораздо складнее выводит какой-нибудь жалкий зяблик.

Совсем приуныли совы. А птицы кругом так и щебечут с утра до вечера им на зависть.

Однажды вечерком встретились две подруги-совы в рощице за деревней. Поболтали о том о сём, заговорили и о своей печальной судьбе. И тут одна из них сказала:

— Не поучиться ли нам у людей?

— Вот это дело,— ответила вторая.— Я как раз слыхала, что сегодня на хуторе справляют свадьбу. А на свадьбах, уж это я верно знаю, поют самые лучшие песни.

Сказано — сделано.

Полетели совы в деревню, прямо на тот двор, где играли свадьбу.

Пристроились на яблоне, что росла поближе к избе, и навострили уши. Да, на их беду, никто из гостей не затягивал песню.

Надоело совам сидеть на ветке.

— Видно, и от людей не дождаться нам помощи! — сказали они друг другу и уже собрались было лететь восвояси.

Но тут скрипнула дверь, распахнулась с шумом, выбежал какой-то весельчак на улицу и крикнул во весь голос:

— Уу-ух-уу!

— Чур, моя песня! Чур моя! — воскликнула первая сова.

А позьӧ мӧй сьылантӧг овны? Весиг ёрта-ёрт дінад шыасьны некыдзи. Шогалісны, шогалісны сюзьяс, а сэсся шуӧны:

— Вайӧ ми асьным аслыным кутшӧмкӧ сьылан думыштам.

А тайӧстӧ вӧчны, вӧлӧмкӧ, абу на и кокни. То сэтшӧм шы нюжӧдасны, мый весиг асланыс пельяс сьӧдӧдласны, то сэтшӧма тюргыны босьтчыласны, мый радлӧны — со пӧ тай, кутшӧм лӧсьыд! — да друг кыласны: сійӧ жӧ юкӧнсӧ, но наысь на лӧсьыдджыка, босьталӧ кутшӧмкӧ урӧсіник пинькай.

Дзикӧдз уси сюзьяслӧн лолыс. А мукӧд лэбачыс на гӧгӧр сідзи и дзользьӧны, асывсянь рытӧдз сюзь завидь пестӧны.

Ӧти рытӧ паныдасисны кык пӧдруга-сюзь сикт сай раскын. Больгыштісны мыйкӧ ӧттор-мӧдтор, сэсся асланыс гажтӧм пуд йылысь сёрниӧ воисны. И сэки ӧтиыс кайтіс:

— Ог-ӧ ми войтырлысь велӧдчыштӧй?

— Вот тайӧ бур мӧвп,— вочавидзис мӧдыс,— кывлі, талун сиктын кӧлысь ворсны лӧсьӧдчӧны. А кӧлысьяс вылад, тайӧс ме стӧча тӧда, медся кыпыд да гажа сьылансӧ ливкйӧдлывлӧны.

Шуӧма — вӧчӧма.

Лэбисны сюзьяс сиктӧ, веськыда сійӧ йӧрас, кӧні кӧлысьтӧ ворсісны. Ладмӧдчисны яблоня пу вылӧ, керка дорсянь матӧджык, и чошкӧдісны пельяссӧ. Но сьывны мыйлакӧ некоді эз тэрмась.

Дышӧдіс сюзьяслы яблоня вож вылын пукавны да виччысьны нинӧм абусӧ.

— Тыдалӧ, и войтырсянь отсӧг он босьт! — шуисны найӧ ёрта-ёртыслы да кӧсйӧны нин вӧлі лэбны кытчӧ синныс видзӧдӧ.

Но тайӧ здукас дзуркнитіс ӧдзӧс, воссис ыджыд шыӧн, петіс кутшӧмкӧ гажа морт да горӧдчис став улич пасьтаыс:

— Ладно,— ответила её подруга.— Ну и повезло ж тебе!

В это время в конюшне проснулась лошадь. Проснулась и громко зафыркала:

— Фррр...

— А вот это моя, моя песня! — тотчас закричала вторая сова.

И обе улетели весёлые, чтобы поскорее добраться до леса и похвастаться своими чудесными песнями перед другими птицами.

Кому случалось в ночную пору забрести в сосняк или березняк, или в ельник, тот, верно, слыхал перекличку двух птиц.

Одна кричит:

— Уу-ух-уу!

Другая отвечает:

— Фррр... фррр... Фрр-рр-рр!

Это и есть те самые совы, которые в старину летали на свадьбу учиться песням.

— Уу-ух-уу!

— Чур, менам сьыланыс; чур, менам! — радліс ӧтиыс.

— Ладнӧ,— воча шуӧ пӧдругаыс.— Но и мойвиис жӧ тэныд!

Тайӧ здукас конюшняын вӧв садьмис. Паляліс да кыдзи тай корснитіс:

— Фррр...

— А со и менам сьыланӧй! — пыр жӧ горӧдчис мӧд сюзьыд.

И кокнялӧм сьӧлӧмӧн лэбисны, мед регыдджык воӧдчыны вӧр дорӧ да ошйысьны мукӧдлы асланыс дивӧ кодь мича сьыланъясӧн.

Кодлы мойвиліс веськавны вой улӧ пожӧма ягӧ либӧ кыддза раскӧ, да кӧть и козъя тілльӧ, сійӧ, дерт, миян сюзьяслысь сёрнисӧ кывлытӧг эз ов.

Ӧтиыс чукӧстчас:

— Уу-ух-уу!

Мӧдыс вочавидзӧ:

— Фррр... фрр... фрр-рр-рр!

Тайӧ сійӧ сюзьясыд и эм.

ОКНО

Финская сказка

ФИНСКИЙ крестьянин ничего сгоряча делать не любит. Прежде чем поле от камней расчистить, он каждый камень три раза обойдёт да прикинет, да обмерит. Потом сядет и подумает, потом уж за работу примется. И так дело сделает, что больше переделывать не придётся.

И в деревне Хэльмэле — есть такая деревня в Финляндии — тоже, не подумав, за дело не возьмутся. Думают так крепко, будто жернова ворочают. Год думают, в час сделают. А сделают — и сами только руками разведут. О жителях Хэльмэле рассказывают в Финляндии много смешных историй. Вот одна из них.

Собрался как-то крестьянин из Хэльмэле строить дом. Пришли соседи ему помогать. Строить так строить! Брёвна выбрали — великан к великану, толщиной в обхват, длиной в пятнадцать шагов. Венец на венец — растут стены с каждым часом. Вот уже и дверь прорубили, вот потолочные балки укладывают, вот уже стропила возвели.

Остановились отдохнуть, глянули на свою работу и залюбовались.

Триста лет такой дом простоит! Уж никак не меньше!

Вошёл хозяин в дом, а там темно, словно в серёдке гранитного валуна.

ӦШИНЬ

Финн мойд

ФИНН крестянин сійӧ бура мӧвпыштлытӧг нинӧм оз понды вӧчны. Ыб весавтӧдз быд из гӧгӧр куимысь гӧгӧртас, донъялас да арталас. Та бӧрын пуксяс да мӧвпалас, вӧлись уджӧ кутчысяс. И сідзи став коланасӧ вӧчас, мый мӧдпӧвставны некыт нинӧм оз ков.

И Хэльмэле сиктын — эм Финн муын сэтшӧм сикт — сідз жӧ, мӧвпыштлытӧг некутшӧм уджӧ оз кутчысьны. Мӧвпалӧны сэтшӧм крепыда, быттьӧ изки бергӧдлӧны. Во мӧвпаласны, да часӧн вӧчасны. А вӧчасны да — асьныс чуймӧмӧн киясьӧ паськӧдлӧны. Хэльмэлеын олысь войтыр йылысь Финн муын уна тешкодьтор висьталӧны. Со на пиысь ӧти.

Шуис коркӧ ӧтчыд Хэльмэлеса крестянин керка лэптыны. Суседъясыс помечӧн чукӧртчисны. Стрӧитны кӧ, стрӧитны нин! Керка керъяссӧ бӧрйисны — багатыр дорӧ багатыр, ставыс сыв кызта, а кузьтанас дас вит воськолысь не этшаджык. Венеч дорӧ венеч — керка быд часӧн содӧ и содӧ. Со и ӧдзӧс писькӧдісны, пӧтӧлӧк улӧ матич ладмӧдісны, стрӧпилӧяссӧ нин лыйисны.

Сувтісны шойччыштны, видзӧдлісны асланыс удж вылӧ да сэтшӧм любӧ лои налы.

Куимсё во татшӧм керкаыд сулалас! Не этшаджык!

Пырис выль керкаас кӧзяин, а пытшкас пемыд, быттьӧ ыджыд из горсйын.

Вышел хозяин из дому и говорит:

— Всем дом хорош, только солнечного света в нём нет.

Тут соседи задумались. Думали день, думали два, думали три. На четвёртый день сам хозяин придумал: а что, если солнечный свет в мешке в дом принести?

— Зачем в мешке? Можно в трёх мешках,— обрадовались соседи.

Взяли самые большие мешки, растянули горловину так, чтобы солнечные лучи до самого дна достали. Потом осторожно завязали и понесли мешки в дом. Внесли мешки, развязали — темно. Ещё подождали — темно. Что тут делать?

Попробовали солнечный свет в сундук собрать. Опять не получается.

Сели они перед самым домом, снова думают. И неизвестно, что бы они приду-

Петіс кӧзяин керкасьыс да шуӧ:

— Ставнас эськӧ зэв лӧсьыд керкаӧй, сӧмын шонді югӧрыс сы пытшкӧ оз веськав.

Тайӧ здукас суседъясыс думӧ усины. Думайтісны лун, думайтісны мӧд, думайтісны коймӧд. Нёльӧд луннас ачыс кӧзяин вӧзйис: а оз-ӧ бур ло, шонді югӧрсӧ кӧ мешӧкӧн вайны?

— Мыйла мешӧкӧн? Позьӧ куимӧн,— радпырысь ӧти кывйӧ воисны суседъяс.

Босьтісны медся ыджыд мешӧкъяссӧ, вомладорсӧ паськӧдісны сідзи, медым шонді югӧръяс пыдӧсӧдзыс воисны. Та бӧрын ӧдйӧ шыркнитісны да пыртісны мешӧкъястӧ керкаӧ. Пыртісны, разисны — пемыд. Нӧшта мыйкӧдыра виччысисны — нинӧм эз вежсьы. Мый татчӧ шуан?

Видлісны шонді югӧрсӧ сундукӧ чукӧртны. Бара нинӧм эз артмы.

мали, если бы не Матти. Матти был не из Хэльмэле, а из соседней деревни. И такой этот Матти хитрый, что в Хэльмэле только удивлялись, сколько в нём хитрости помещается.

Как раз в то время, когда жители Хэльмэле размышляли, как бы изловить солнечный свет, Матти проходил мимо. Пока они собирались спросить у Матти совета, Матти сам всё уже смекнул и сказал:

— Дадите сто марок, будет светло в доме.

Покряхтел хозяин, однако вытащил сто марок и заплатил Матти.

Тут хитрый Матти взял топор и принялся за работу. Только щепки кругом летят. Прорубил окно, и — смотри-ка! — в доме сразу стало светло. Сделав дело, Матти попрощался и пошёл своей дорогой.

«Вот оно, оказывается, что! — подумали жители Хэльмэле.— От такой маленькой дыры сразу в доме стало светло! Ну а если вместо всех четырёх стен дыру сделать? Верно, и ночью в таком доме светло будет».

Схватили они топоры и давай махать. Мигом вырубили все стены. Светло в доме, как на дворе! Только вот беда — самого-то дома нет!

Пуксисны сэсся дзик керка дорас, водзӧ мӧвпалӧны. И код на тӧдас, мый эськӧ вермисны нӧшта думайтны, эз кӧ во Матти. Маттиыд сійӧ абу Хэльмэлеса, орчча сиктысь. И сэтшӧм нин сійӧ мудер, мый Хэльмэлеын сӧмын и дивуйтчӧны, мыйта мудерлун сы пытшкӧ тӧрӧ.

Стӧч сійӧ кадас, кор Хэльмэлеса олысьяс мӧвпалісны, кыдзи тывйыштны шонді югӧр, Матти лои на дінті мунысь. Сӧмын на лӧсьӧдчисны юавны Маттилысь сӧвет, ачыс ставсӧ вежӧртӧма, вӧзйис:

— Вайӧй сё марка, и лоӧ тіянлы югыд керка.

Ружтыштіс кӧзяин, но нем он вӧч, сё маркатӧ кыскис зепсьыс да Маттилы мыччис.

Сюсь Матти та бӧрын корис чер и босьтчис уджӧ. Гӧгӧр сӧмын чаг лэбӧ. Писькӧдіс ӧшинь, и — видзӧд-тӧ! — керка пытшкыс пыр жӧ югзис. Вӧчис уджсӧ Матти, прӧщайтчис да водзӧ аслас туйӧд мӧдӧдчис.

«Со тай, вӧлӧмкӧ, кыдзи сійӧ! — вом паськӧдісны Хэльмэлеса олысьяс.— Татшӧм ичӧтик розь понда керка югзис! А нёльнан стенсӧ кӧ писькӧдны? Тадзтӧ, дерт, и войнас керкаад югыд лоӧ».

Кватитісны черъяс и давай ӧвтны. Здукӧн кералісны.

Югыд лои, ывлаын кодь! Сӧмын ӧти лёк — тадзтӧ керкаыд абу нин керка!

ЗИМНЯЯ СКАЗКА

Финская сказка

В БОЛЬШОМ дремучем лесу, далеко на севере Финляндии, росли рядом две огромные сосны.

Они были такие старые, такие старые, что никто, даже седой мох, не мог припомнить, были ли они когда-нибудь молодыми, тонкими сосенками. Отовсюду были видны их тёмные вершины, высоко поднимавшиеся над чащей леса. Весной в густых ветвях старых сосен пел весёлые песенки дрозд, а маленькие розовые цветы вереска поднимали свои головки и смотрели снизу вверх так робко, будто хотели сказать: «Ах, неужели и мы будем такими же большими и такими же старыми?»

Зимой, когда метель закутывала всю землю белым одеялом и цветы вереска спали под пушистыми снежными сугробами, две сосны, словно два великана, сторожили лес.

Зимняя буря с шумом проносилась по чаще, сметала с веток снег, обламывала вершины деревьев, валила наземь крепкие стволы. И только сосны-великаны всегда стояли твёрдо и прямо, и никакой ураган не мог заставить их склонить головы.

А ведь если ты такой сильный и стойкий — это что-нибудь да значит!

ТӦВСЯ МОЙД

Финн мойд

СЬӦД ПЕМЫД вӧрын, Финн мулӧн ылі войвылын, быдмисны орччӧн кык пожӧм.

Вӧліны найӧ сэтшӧм пӧрысьӧсь, сэтшӧм пӧрысьӧсь, мый некоді, весиг дзор нитш, эз вермы казьтыштны, вӧліны-ӧ коркӧ найӧ томиник да вӧсньыдик пожӧмъясӧн. Быдладорсянь тыдалісны налӧн пемыд туганъяс, вӧр-пу весьтӧ кыпӧдчӧмӧн шувгисны. Тулыснас налӧн сук вожъяс костын ассьыс гажа сьылансӧ сьывліс пелыськай, а тусяпулӧн алӧй дзоридзьяс юрнысӧ вывлань чатӧртӧмӧн видзӧдлісны пожӧмъяс вылӧ сэтшӧм полӧмпырысь, быттьӧ кӧсйисны шуны: «Ак, збыль ӧмӧй и ми коркӧ татшӧм жӧ ыджыдӧсь да ташӧм жӧ пӧрысьӧсь лоам?»

Тӧвнас, кор туröб став матіgögörсӧ шебравліс еджыд эшкынӧн и тусяпулӧн дзоридзьяс узисны еджыд пушыд лым тола улын, тайӧ кык пожӧмыс, быттьӧ кык багатыр, стӧрӧжитісны вӧрсӧ.

Кӧдзыд тӧв ныр шумӧн ветліс тілля вӧр весьтӧд, гылӧдіс пу вожъяс вылысь лым, чегъяліс налысь йывъяссӧ, весиг мукӧдлысь кыз пучерсӧ ратшйӧдліс. И сӧмын багатыр-пожӧмъяс сулалісны веськыда, некутшӧм шувгей эз вермы на вылын ыджыдавны, медым копыртісны юрнысӧ.

А ӧд тэ кӧ татшӧм ён да сетчытӧм — сідзкӧ, мыйкӧ дон тайӧ сулалӧ!

У опушки леса, где росли старые сосны, на небольшом пригорке ютилась хижина, крытая дёрном, и двумя маленькими оконцами глядела в лес. В этой хижине жил бедный крестьянин со своей женой. У них был клочок земли, на котором они сеяли хлеб, и небольшой огород. Вот и всё их богатство. А зимой крестьянин работал в лесу — рубил деревья и возил брёвна на лесопильню, чтобы скопить несколько монет на молоко и масло.

У крестьянина и его жены было двое детей — мальчик и девочка. Мальчика звали Сильвестр, а девочку — Сильвия.

И где только нашли для них такие имена! Наверно, в лесу. Ведь слово «сильва» на древнем латинском языке значит «лес».

Однажды — это было зимой — брат и сестра, Сильвестр и Сильвия, пошли в лес, чтобы посмотреть, не попался ли в силки, которые они расставили, какой-нибудь лесной зверёк или птица.

И верно, в один силок попался белый заяц, а в другой — белая куропатка. И заяц, и куропатка были живы, они только запутались лапками в силках и жалобно пищали.

— Отпусти меня! — пролопотал заяц, когда Сильвестр подошёл к нему.

— Отпусти меня! — пропищала куропатка, когда Сильвия наклонилась над ней.

Сильвестр и Сильвия очень удивились. Никогда ещё они не слышали, чтобы лесные звери и птицы говорили по-человечьи.

— Давай-ка и вправду отпустим их! — сказала Сильвия.

И вместе с братом она принялась осторожно распутывать силки. Едва только заяц почуял свободу, как со всех ног поскакал в глубь леса. А куропатка полетела прочь так быстро, как могли нести её крылья.

Пожӧмъяссянь неылын, вӧр пӧвстас артмӧм кушинын, неыджыд мыльк вылын сулаліс ичӧтик керка, вевт пыддиыс вӧлі тэчӧма кульӧм эжа, и кык ичӧтик ӧшинь видзӧдісны вӧрланьӧ банӧн. Тайӧ ичӧтик керкаас аслас гӧтыркӧд оліс гӧль крестянин. Налӧн вӧлі неыджыд мутор, кытчӧ кӧдзлісны нянь, да нӧшта градъяс. Со и став озырлуныс. Тӧвнас сійӧ крестяниныс уджаліс вӧрын — пӧрӧдіс кер да кыскаліс лесопильня вылӧ, медым нажӧвитны йӧв да вый вылӧ кӧть неуна сьӧм.

Крестянинлӧн гӧтырыскӧд вӧлі кык челядь — зон да ныв. Зонсӧ шуисны Сильвестрӧн, а нывсӧ — Сильвияӧн.

Кытысь бара и аддзӧмны татшӧм нимъяссӧ?! Кӧнкӧ, вӧрсьыс. Ӧд «сильваыс», важ латынь вылын кӧ, «вӧр» и лоӧ.

Ӧтчыд — а тайӧ вӧлі тӧвся кадӧ — чоя-вока, Сильвия да Сильвестр, мунісны вӧрӧ, медым видзӧдлыны, эз-ӧ веськав наӧн октӧм лэчьясӧ кутшӧмкӧ вӧрса пемӧс либӧ пӧтка.

И збыль, ӧти лэчкӧ вӧлі пыӧма еджыд кӧч, а мӧд лэчкӧ — еджыд байдӧг. И кӧч и байдӧг ловъяӧсь на вӧліны, сӧмын дзугсьӧмаӧсь, сы понда зэв нориника низгисны.

— Лэдз менӧ! — лапӧдіс кӧч, кор Сильвестр матыстчис сы дорӧ.

— Лэдз менӧ! — чивӧстіс байдӧг, кор сы весьтӧ копыртчис Сильвия.

Сильвестр да Сильвия ёна чуймисны. Ӧд некор на эз кывлыны, медым вӧрса пемӧс либӧ пӧтка морт моз сёрнитіс.

— Вай и збыль лэдзам! — шуис Сильвия.

И видзчысьӧмӧн мӧдісны лыньӧдавны лэчьяссӧ.

Сӧмын кӧчыд кыліс, мый мездысис, кыккокйыв мӧдіс котӧртны вӧр пытшкӧ. А байдӧг лэбис, да сэтшӧм ӧдйӧ, кыдзи сӧмын вермисны нуны сылӧн бордъяс.

— Подопринебо!.. Подопринебо всё сделает, о чём вы ни попросите! — крикнул заяц на скаку.

— Просите Зацепитучу!.. Просите Зацепитучу!.. И всё у вас будет, чего только не захотите! — прокричала куропатка на лету.

И снова в лесу стало совсем тихо.

— Что это они говорили? — сказал наконец Сильвестр.— Про каких это Подопринебо и Зацепитучу?

— И я никогда не слыхала таких странных имён,— сказала Сильвия.— Кто бы это мог быть?

В это время сильный порыв ветра пронёсся по лесу. Вершины старых сосен зашумели, и в их шуме Сильвестр и Сильвия ясно расслышали слова.

— Ну что, дружище, стоишь всё? — спросила одна сосна у другой.— Ещё держишь небо? Недаром ведь лесные звери прозвали тебя — Подопринебо!

— Стою! Держу! — загудела другая сосна.— А ты как, старина? Всё воюешь с тучами? Ведь и про тебя не зря говорят — Зацепитучу!

— Что-то слабею я,— прошелестело в ответ.— Нынче вот ветер обломил у меня верхнюю ветку. Видно, и вправду старость приходит!

— Грешно тебе жаловаться! Тебе ведь всего только триста пятьдесят лет. Ты ещё дитя! Совсем дитя! А вот мне уже триста восемьдесят восемь стукнуло!

И старая сосна тяжело вздохнула.

— Смотри, вон возвращается ветер,— прошептала сосна — та, что была помоложе.—

— Енэжсöпык!.. Енэжсöпык ставсö вöчас, мый ті коранныд! — котöртігмозыс горöдіс кöч.

— Кымöрсökутлысь корöй!.. И ставыс тіян лоö, мый окотитанныд! — лэбигмозыс висьталіс байдöг.

И вöрын бара лои чöв-лöнь.

— Мый йылысь найö висьталісны? — недыр чöв олöм мысти шуис Сильвестр.— Кутшöм сэтшöм Енэжсöпык да Кымöрсökут?

— И ме некор эг кывлы татшöм тешкодь нимъяссö,— шуис Сильвия.— Коді тайö вермас лоны?

Тайö здукас ён бушков муніс вöр весьтті. Пöрысь пожöмъяслöн туганъяс пондісны шыавны, и налöн шумысь Сильвестр да Сильвия ясыда кылісны:

— Но мый, вокö, пыр на сулалан? — юаліс öти пожöмыслысь мöдыс.— Пыр на енэжсö пыкан? Эз весьшöрö вöрсаыс тэнö нимтыны — Енэжсöпык!

— Сулала! Пыка! — босьтчис увгыны мöд пожöмыс.— А тэ кыдзи, пöрысь лов? Пыр на кымöръяскöд венласян? Öд и тэ йылысь оз весьшöрö шуны — Кымöрсökут!

— Мыйкö вынтöммыны понді ме,— вочавидзис öтиыс.— Тöндзи со тöв ныр ме вылысь прамöй вож лямöдіс. Тыдалö, и збыльысь пöрысьми!

— Грек тэныд элясьны! Тэныд сöмын на куимсё ветымын ар. Дитя на тэ! Ичöт дитя! А меным куимсё кökъямысдас кökъямыс чуткис!

И пöрысьджык пожöмыс кузя ышловзис.

— Со, видзöд, тöв ныры бöр татчö локтö,— шöпкöдіс томджык пожöмыс.— Сылöн шутлялöм улö сэтшöм лöсьыд сьывны! Вай ми тэкöд сьылыштам том кад йывсьыным. Öд миянлы эм мый йылысь казьтыштны!

Под его свист так хорошо петь песни! Давай-ка споём с тобой про далёкую старину, про нашу молодость. Ведь нам с тобой есть о чём вспомнить!

И под шум лесной бури сосны, качаясь, запели свою песню:

Мы скованы стужей, мы в снежном плену!
Бушует и буйствует вьюга.
Под шум её клонит нас, древних, ко сну,
И давнюю видим во сне старину —
То время, когда мы, два друга,
Две юных сосны, поднялись в вышину
Над зыбкою зеленью луга.

Фиалки у наших подножий цвели,
Белили нам хвою метели,
И тучи летели из мглистой дали,
И бурею рушило ели.
Мы к небу тянулись из мёрзлой земли,
Нас даже столетья согнуть не могли
И вихри сломить не посмели...

— Да, нам с тобой есть о чём вспомнить, есть о чём порассказать,— сказала сосна — та, что была постарше,— и тихонько заскрипела.— Давай-ка поговорим с этими детьми.

И одна её ветка качнулась, как будто показывая на Сильвестра и Сильвию.

— О чём это они хотят с нами поговорить? — сказал Сильвестр.

— Лучше пойдём домой,— шепнула Сильвия брату.— Я боюсь этих деревьев.

— Подожди,— сказал Сильвестр.— Чего их бояться! Да вон и отец идёт!

И верно, по лесной тропинке пробирался их отец с топором на плече.

— Вот это деревья так деревья! Как раз то, что мне нужно! — сказал крестьянин, останавливаясь около старых сосен.

И вӧрса шувгей улӧ катласьӧмӧн пожӧмъяс нюжӧдісны:

Ми кӧдзыдӧн дорӧм, лым пиас — он мун!
Пыр увгӧ да лӧкалӧ турӧб.
Сы шы улӧ миянӧс топӧдӧ ун,
И вӧталам важсясӧ, ылысса лун,
Кор кыкӧн ми, вежӧдысь юра
Кык томиник пожӧм, кык мойдвывса тун,
Веж пармалӧн потанӧ сюрим.

Фиалкаыс кок улын мыччавліс ныр,
А турӧбыс едждӧдліс юръяс.
И кымӧръяс лэбисны ыліас — тыр,
Том козъяссӧ тӧв нырӧн пурис.
Ми енэжӧ кыпӧдчим, нюжӧдчим пыр,
Тадз колины нэмъяс, а эбӧс эз быр,
Эз лысьт микӧд лӧк тӧлыс дурны...

— Да, миянлы эм мый казьтывны, эм мый йылысь мойдны,— шуис пожӧм — сійӧ, коді вӧлі пӧрысьджык,— и лӧня дзуртыштіс.— Вай варовитыштам тайӧ челядьысьӧд.— И сылӧн ӧти вож катовтчыліс, быттьӧ индіс Сильвестрлань да Сильвиялань.

— Мый йылысь найӧ кӧсйӧны сёрнитны миянӧд? — чуймис Сильвестр.

— Бурджык, мунам гортӧ,— шӧпкӧдіс вокыслы Сильвия.— Ме пола тайӧ пуяссьыс.

— Энлы,— шуис Сильвестр.— Мый наысь повнысӧ! Со и батьным миян локтӧ!

И збыль, вӧрса ордым кузя, пельпом вылас черӧн, восьлаліс налӧн батьыс.

— Вот тайӧ пуяс дак пуяс! Стӧч сійӧ, мый меным колӧ! — пӧрысь пожӧмъяс водзӧ сувтӧмӧн шуис крестянин.

Сійӧ лэптіс нин черсӧ, медым сӧтыштны пожӧмлы пучерйӧ — сылы, коді вӧлі пӧрысьджык,— но Сильвестр да Сильвия бӧрдӧмсорӧн уськӧдчисны бать дорас.

— Батюшка,— босьтчис корны Сильвестр,— эн керав тайӧ пусӧ! Тайӧ Енэжсӧпык!..

Он уже поднял топор, чтобы подрубить сосну — ту, что была постарше,— но Сильвестр и Сильвия вдруг с плачем бросились к отцу.

— Батюшка,— стал просить Сильвестр,— не тронь эту сосну! Это Подопринебо!..

— Батюшка, и эту не тронь! — просила Сильвия.— Её зовут Зацепитучу. Они обе такие старые! А сейчас они пели нам песенку...

— Батюшка, и этайӧс эн дойд! — корис Сильвия.— Сійӧс шуӧны Кымӧрсӧкут. Найӧ кыкнанныс сэтшӧм пӧрысьӧсь. Ӧні здук сайын на сьылісны миянлы...

— Мый сӧмын оз думыштны вежӧртӧм челядьыд! — серӧктіс крестянин.— Некодсянь некор эг кывлы, медым пуяс сьылісны! Но ладнӧ, мед сулаласны, сэтшӧма кӧ нин коранныд на вӧсна. Ме нӧшта аддза.

— Чего только ребята не выдумают! — засмеялся крестьянин.— Где же это слыхано, чтобы деревья пели! Ну да ладно, пусть себе стоят, раз уж вы за них так просите. Я найду себе и другие.

И он пошёл дальше, в глубь леса, а Сильвестр и Сильвия остались возле старых сосен, чтобы услышать, что скажут им эти лесные великаны.

Ждать им пришлось недолго. В вершинах деревьев снова зашумел ветер. Он только что был на мельнице и так яростно крутил мельничные крылья, что искры от жерновов дождём сыпались во все стороны. А теперь ветер налетел на сосны и принялся бушевать в их ветвях.

Старые ветви загудели, зашумели, заговорили.

— Вы спасли нам жизнь! — говорили сосны Сильвестру и Сильвии.— Просите же теперь у нас всё, что хотите.

Но, оказывается, не всегда легко сказать, чего ты больше всего хочешь. Сколько ни думали Сильвестр и Сильвия, а ничего не придумали, словно им и желать было нечего.

Наконец Сильвестр сказал:

— Я бы хотел, чтобы хоть ненадолго выглянуло солнце, а то в лесу совсем не видно тропинок.

— Да-да, и я бы хотела, чтобы поскорее пришла весна и растаял снег! — сказала Сильвия.— Тогда и птицы снова запоют в лесу...

— Ах, что за безрассудные дети! — зашелестели сосны.— Ведь вы могли пожелать столько прекрасных вещей! И богатство, и почести, и славы — всё было бы у вас!.. А вы просите то, что случится и без вашей просьбы. Но ничего не поделаешь, надо выполнить

И мӧдӧдчис водзӧ, вӧр пыдiас, а Сильвестр да Сильвия кольччисны пожӧмъяс дорӧ, медым кывны, мый пондасны висьтавны тайӧ вӧрса багатыръясыс.

Дыр виччысьны эз и ковмы. Налӧн туганъяс весьтӧ бара воис тӧв ныр. Сiйӧ здук сайын на вӧлi мельнича дорын да сэтшӧм яра бергӧдлiс изӧдчан лоптъяссӧ, изки помсьыс лэбысь киньясыс зэр моз сявкйисны ӧтарӧ-мӧдарӧ. А ӧнi тӧв ныр вувзьысис пожӧмъяс вылӧ да босьтчис буавны налӧн вожъяс костын.

Пӧрысь вожъяс пондiсны брунакывны, ратшкыны, и бӧръявыв шыасисны.

— Тi мездiнныд миянӧс! — шуалiсны багатыр кодь пожӧмъяс.— Корӧй, мый медся ёна кӧсьянныд.

Но, вӧлӧмкӧ, абу на и кокни шуны, мый тэ медся ёна кӧсъян. Мый эз казьтывны Сильвестр да Сильвия, нинӧм эз думыштны, быттьӧ налӧн и кӧсъянаыс да коланаыс абу вӧлӧма.

Бӧръявыв Сильвестр шуис:

— Ме эськӧ кӧсйи, медым кӧть недыр кежлӧ мыччысьлiс шонді, а то тані вӧрас ордымъяс весиг оз тӧдчыны.

— Да-да, и ме кӧсъя, медым регыдджык воис тулыс да лымсӧ сывдiс! — тэрыба шуалiс Сильвия.— Сэки вӧрса лэбачьяс бара пондасны сьывны...

— Ак, мыйся нӧ тайӧ дзик вежӧртӧм челядь! — пондiсны шыавны пожӧмъяс.— Та местаӧ эськӧ верминныд корны сы мында бурсӧ, олӧмад ёна коланаджыкторсӧ! И озырлун, и пыдди пуктӧм, и нималӧм — ставыс тайӧ эськӧ вичмис тiянлы! А коранныд сiйӧс, мый и тiянлӧн кортӧг ас кадӧ лоӧ. Но нинӧм он вӧч, ковмас пӧртны олӧмӧ тiянлысь корӧмъястӧ. Сӧмын ми тайӧс вӧчам ас ногни... Кывзы жӧ, Сильвестр: кӧть кодарӧ тэ

ваши желания. Только мы сделаем это по-своему... Слушай же, Сильвестр: куда бы ни пошёл ты, на что бы ни взглянул, повсюду тебе будет светить солнце. И твоё желание, Сильвия, исполнится: куда бы ты ни пошла, о чём бы ни заговорила, всегда вокруг тебя будет цвести весна и таять холодный снег.

— Ах, это больше, чем мы хотели! — воскликнули Сильвестр и Сильвия.— Спасибо

он мун, мый вылӧ он чӧвт видзӧдластӧ, быдладорын пондас дзирдавны шонді. И тэнад корӧмыд, Сильвия, збыльмас: кӧть кодарӧ он мӧдӧдчы, мый йылысь сёрни он пан, быдлаын и пыр — тэ гӧгӧр пондас сывны лым да ыджыдавны тулыс.

— Ак, тайӧ весиг сы серти ёна унджык, мый ми корим! — горӧдчисны Сильвестр да Сильвия.— Аттьӧ тіянлы, муса пожӧмъяс, дивӧ кодь козинъяссьыд. А ӧні прощайтлӧй!

вам, милые сосны, за ваши чудесные подарки. А теперь прощайте! — и они весело побежали домой.

— Прощайте! Прощайте! — зашумели вслед им старые сосны.

По дороге Сильвестр то и дело оглядывался, высматривая куропаток, и — странное дело! — в какую бы сторону он ни поворачивался, всюду мелькал перед ним луч солнца, сверкая на ветках, словно золото.

— Смотри! Смотри! Солнце выглянуло! — крикнула Сильвия брату.

Но едва успела она открыть рот, как снег кругом начал таять, по обе стороны тропинки зазеленела трава, деревья покрылись свежей листвой, а высоко в синеве неба послышалась первая песня жаворонка.

— Ах, как весело! — воскликнули в один голос Сильвестр и Сильвия.

И чем дальше они бежали, тем теплее светило солнце, тем ярче зеленели трава и деревья.

— Мне светит солнце! — закричал Сильвестр, вбегая в дом.

— Солнце всем светит,— сказала мать.

— А я могу растопить снег! — закричала Сильвия.

— Ну, это каждый может,— сказала мать и засмеялась.

Но прошло немного времени, и она увидела, что в доме что-то неладно. На дворе уже совсем стемнело, наступил вечер, а в избушке у них всё блестело от яркого солнца. И так было до тех пор, пока Сильвестру не захотелось спать и глаза у него не закрылись. Но это ещё не всё! Зиме конца не было видно, а в маленькой хижине вдруг повеяло весной. Даже старый, засохший веник в углу и тот начал зеленеть, а петух на своём насесте при-

И чоя-вока радлігтыр котӧртісны гортланьӧ.

— Прӧщайтлӧй! Прӧщайтлӧй! — шыалісны на бӧрся видзӧдӧмӧн пӧрысь пожӧмъяс.

Мунігмозыс Сильвестр дугдывтӧг дзӧръяліс ӧтарӧ-мӧдарӧ, думсьыс кӧсйис аддзыны байдӧгъясӧс, и — вот дивӧыд! — кодарӧ кӧть эз видзӧдлы, быдладорын сылы дзирдыштліс шонді югӧр, зарниӧн ворсіс пу вожъяс вылын.

— Видзӧдлы! Видзӧдлы! Шонді мыччысис! — горӧдіс вокыслы Сильвия.

Но сӧмын восьтіс вомсӧ, лымйыс сы гӧгӧр пыр жӧ пондіс сывны, здук мысти ордым ӧтар-мӧдар пӧлӧныс босьтчис вежӧдны турун, сэсся матысса пуяс вылын мыччысисны ичӧтик коръяс, а кӧнкӧ вылын-вылын, енэж дзибъяс, шыасис медводдза ыбкай.

— Ак, кутшӧм гажа! — ӧттшӧтшмоз горӧдчисны Сильвестр да Сильвия.

И мый водзӧ котӧртісны, сійӧн шаньджыка пӧжис шондіыс, сійӧн ярджыка вежӧдісны турун да пуяс.

— Меным югъялӧ шонді! — гортас пырӧмӧн тшӧтш горӧдчис Сильвестр.

— Шондіыд ставлы ӧтмоза югъялӧ,— шуис мамыс.

— А ме сямма лым сывдыны! — горӧдіс Сильвия.

— Но, тайӧстӧ вӧчны быдӧн вермӧ,— шуис мамыс да серӧктіс.

Но коли мыйтакӧ кад, и сійӧ казяліс, мый налӧн керкаын мыйкӧ абу сідз. Ывла вылас дзикӧдз нин пемдіс, рыт пуксис, а налӧн керка ставнас югъяліс, быттьӧ шонді сэтчӧ пырӧма. И тадзи вӧлі сэтчӧдз, пока Сильвестрлы эз ло окота узьны, пока эз кунь синъяссӧ. Но и тайӧ на абу ставыс! Тӧвлӧн помыс эз на тыдав, а налӧн ичӧтик керкаын ыджыдаліс тулыс кӧр. Весиг пельӧсын сулалысь важиник, косьмӧм гӧлик и то босьтчис вежӧдны, а вылыс тас йылын пукалысь петукныс босьтчис чуксасьны став голяннас. И сьыліс сэтчӧдз, пока Сильвия эз мудз аслас больгӧмысь да пока эз унмовсь крепыд унмӧн.

нялся петь во всё горло. И он пел до тех пор, пока Сильвии не надоело болтать и она не заснула крепким сном.

Поздно вечером вернулся домой крестьянин.

— Послушай, отец,— сказала жена,— боюсь я, не околдовал ли кто наших детей. Что-то чудное делается у нас в доме!

— Вот ещё что придумала! — сказал крестьянин.— Ты лучше послушай, мать, какую новость я принёс. Ни за что тебе не догадаться! Завтра в наш город прибудут собственными персонами король и королева. Они ездят по всей стране и осматривают свои владения. Как ты думаешь, не отправиться ли нам с детьми посмотреть на королевскую чету?

— Что ж, я не прочь,— сказала жена.— Ведь не каждый день в наши места приезжают такие важные гости.

На другой день чуть свет крестьянин с женой и детьми собрались в путь. По дороге только и было разговоров, что про короля и королеву, и никто не заметил, что всю дорогу солнечный луч бежал перед санями (хотя всё небо было обложено низкими тучами), а берёзки кругом покрывались почками и зеленели (хотя мороз был такой, что птицы замерзали на лету).

Когда они въехали на городскую площадь, народу там было уже видимо-невидимо. Все с опаской посматривали на дорогу и тихонько перешёптывались. Говорили, что король и королева остались недовольны своей страной: куда ни приедешь — повсюду снег, холод, пустынные и дикие места.

Король, как ему и полагается, был очень строг. Он сразу решил, что во всём виноват его народ, и собирался как следует всех наказать. Про королеву рассказывали, что она очень замёрзла и, чтобы согреться, всё время топает ногами.

Сёр рытнас нин крестянин воис гортас.

— Кывзы менӧ,— шуис сылы гӧтырыс,— пола, эз-ӧ кодкӧ кӧлдуйт миянсьыным челядьтӧ. Мыйкӧ зэв чуймӧданаторъяс вӧчсьӧны миян керкаын!

— Нӧшта мый думыштін! — вочавидзис крестянин.— Тэ, матушка, бурджык, кывзы, кутшӧм выльтор ме кывлі. Нинӧмысь он тӧдмав! Аски миян карӧ воасны асьныс король да королева. Найӧ петӧмаӧсь туйӧ, медым гӧгӧртны королевствосӧ да видзӧдлыны ассьыныс муяссӧ. Кыдзи тэ чайтан, ог-ӧ ми тшӧтш ветлӧй челядьнымкӧд, медым аддзывны король гозъяӧс?

— Мый нӧ, ме абу паныд,— шуис гӧтырыс.— Оз тай быд лун волыны миян карӧ татшӧм ыджыд гӧсьтъяс.

Мӧд луннас водза-водз крестянин гозъя челядьыскӧд петісны туйӧ. Мунігчӧжыс сӧмын и вӧлі король да королева йылысь сёрни, та дырйи весиг некоді эз казяв, мый туй быдыс налӧн вӧла додь водзті котӧртіс шонді югӧр (кӧть енэжсӧ ставнас вӧлі эжӧма мисьтӧм кымӧръясӧн), а туйбок кыдзьяс вылын сідзи и польдчисны гаръяс, и здук мысти пуясыс вежӧдісны нин (кӧть кӧдзыдыс вӧлі сэтшӧм веж, весиг пыстаяс лэбигмозныс кынмалісны да усялісны).

Кор найӧ воисны кар шӧринӧ, йӧзыс вӧлі чукӧрмӧма нин лыдтӧм-тшӧттӧм. Ставӧн майшасьӧмпырысь дзоргисны мир туйлань да гусьӧник шӧпкӧдчисны. Кодъяскӧ шуалісны, мый корольлӧн да королевалӧн ассьныс королевствосӧ видзӧдалігӧн абу бурмӧма сьӧлӧмныс: кытчӧ оз локны — гӧгӧр лымъя, кӧдзыд, тыртӧм да гажтӧм му.

Король, кутшӧмӧн и колӧ лоны корольлы, вӧлӧмкӧ, вывті стрӧг морт. Сійӧ пыр жӧ

И вот наконец вдалеке показались королевские сани. Народ замер.

На площади король приказал кучеру остановиться, чтобы переменить лошадей. Король сидел, сердито нахмурив брови, а королева горько плакала.

И вдруг король поднял голову, посмотрел по сторонам — туда-сюда — и весело рассмеялся, совсем так, как смеются все люди.

— Взгляните-ка, Ваше Величество,— обратился он к королеве,— как приветливо светит солнце! Право, здесь не так уж плохо... Мне почему-то даже стало весело.

— Это, наверно, потому, что вы изволили хорошо позавтракать,— сказала королева.— Впрочем, мне тоже стало как будто веселее.

— Это, вероятно, потому, что Ваше Величество хорошо выспались,— сказал король.— Но, однако, эта пустынная страна очень красива! Положительно, это прелестное место! Я прикажу построить здесь дворец.

— Да-да, непременно надо построить здесь дворец,— согласилась королева и даже на минуту перестала топать ногами.— Вообще здесь вовсе не плохо. Повсюду снег, а деревья и кусты покрываются зелёными листьями, как в мае. Это прямо невероятно!

Но ничего невероятного в этом не было. Просто Сильвестр и Сильвия взобрались на изгородь, чтобы лучше разглядеть короля и королеву. Сильвестр вертелся во все стороны — поэтому солнце так и сверкало вокруг, а Сильвия болтала, ни на минуту не закрывая рта,— поэтому даже сухие жерди старой изгороди покрылись свежей листвой.

— Что это за милые дети? — спросила королева, взглянув на Сильвестра и Сильвию. — Пусть они подойдут ко мне.

кывкӧрталӧма, мый ставсьыс мыжаӧсь сылӧн войтыр, и кӧсйысьӧма колана ног накажитны найӧс.

Королева йылысь шӧпкӧдчисны, мый сійӧ ёна кынмалӧма, и медым кыдзкӧ неуна кӧть шонавны, коставлытӧг пӧ зымӧдӧ кокъяснас.

Медбӧрын мыччысисны королевскӧй свиталӧн додьяс. Войтыр лӧнисны.

Площадь вылӧ воӧм бӧрын король тшӧктіс кучерлы сувтлыны, медым вежны мудзӧм вӧвъяссӧ. Сійӧ пукаліс синкымъяссӧ лэдзӧмӧн, а королева курыда бӧрдіс.

И друг король лэптіс юрсӧ, видзӧдліс ӧтарӧ-мӧдарӧ — сэтчӧ-татчӧ — и гажаа серӧктіс, дзик сідзи, кыдзи став йӧзыс серавлӧны.

— Видзӧдлӧй жӧ, тіян величество,— шыасис сійӧ королева дінӧ,— кутшӧм меліа шондіыс югъялӧ! Збыльысь, тані абу нин и вывті лёк... Меным со весиг мыйлакӧ гажа лои.

— Дерт, сы понда, мый тіянлы мойвиис бура завтракайтны,— шуис королева.— Збыль кӧ шуны, и меным быттьӧ гажаджык лои.

— Дерт, сы понда, мый тіян величествоӧлы мойвиис пӧткӧдны унтӧ,— шуис король.— И век жӧ тайӧ этша йӧза ылі пельӧсыс тырмымӧн мича! Збыль-збыль, тайӧ зэв шань места! Ме тшӧкта татчӧ двореч кыпӧдны.

— Да-да, татчӧ быть колӧ кыпӧдны двореч,— ӧти кывйӧ сетчис королева да здук кежлӧ дугӧдчыліс зымӧдны кокнас.— Видзӧда да, тані и збыльысь зэв шань. Гӧгӧр лым, а пуяс да кустъяс босьтчӧны вежӧдны, быттьӧ май тӧлысьын. Тайӧ дзик вӧвлытӧмтор!

Но некутшӧм дивӧ таын эз вӧв. Прӧстӧ Сильвестр да Сильвия кавшасисны джуджыд потшӧс йылӧ, медым сэтысянь бурджыка видзӧдлыны король да королева вылӧ. Силь-

Сильвестр и Сильвия никогда раньше не имели дела с коронованными особами, поэтому они смело подошли к королю и королеве.

— Послушайте,— сказала королева,— вы мне очень нравитесь. Когда я смотрю на вас, мне становится веселее и даже как будто теплее. Хотите жить у меня во дворце? Я прикажу нарядить вас в бархат и золото, вы будете есть на хрустальных тарелках и пить из серебряных стаканов. Ну что, согласны?

— Благодарим вас, Ваше Величество,— сказала Сильвия,— но мы лучше останемся дома.

— Кроме того, во дворце мы будем скучать без наших друзей,— сказал Сильвестр.

— А нельзя ли их тоже взять во дворец? — спросила королева. Она была в отличном расположении духа и нисколько не сердилась, что ей возражают.

— Нет, это невозможно,— ответили Сильвестр и Сильвия.— Они растут в лесу. Их зовут Подопринебо и Зацепитучу...

— Что только не придёт в голову детям! — воскликнули в один голос король и королева и при этом так дружно рассмеялись, что даже королевские сани запрыгали на месте.

Король приказал распрягать лошадей, а каменщики и плотники принялись тотчас строить новый дворец.

Как ни странно, на этот раз король и королева были ко всем добры и милостивы. Они никого не наказали и даже распорядились, чтобы их казначей дал всем по золотой монете. А Сильвестр и Сильвия получили вдобавок крендель, который испёк сам королевский булочник! Крендель был такой большой, что четвёрка королевских коней везла его на отдельных санях.

Сильвестр и Сильвия угостили кренделем всех детей, которые были на площади, и

вестр гоньйӧдліс юрнас ӧтарӧ-мӧдарӧ — та понда и шондіыс дзирдаліс став матігӧгӧрас, а Сильвия дугдывтӧг тёльгис, здук кежлӧ вомсӧ эз тупкыв,— та понда весиг потшӧс майӧгъяс пондісны кор лэдзны да вежӧдны.

— Тайӧ нӧ мыйся мусаник челядь? — Сильвестр да Сильвия вылӧ видзӧдӧмӧн юаліс королева.— Мед найӧ матыстчыласны ме дінӧ.

Сильвестр да Сильвия таӧдз некор на эз панысьлыны корона новлысь особаяскӧд, та понда ньӧти яндысьтӧг и матыстчисны.

— Кыланныд-ӧ,— шуис налы королева,— ті меным зэв ёна кажитчинныд. Со видзӧда тіян вылӧ, и меным гажаджык, весиг быттьӧ шоныдджык. Кӧсьянныд овны менам дворечын? Ме тшӧкта вӧччӧдны тіянӧс бархатӧ да зарниӧ, ті понданныд сёйны хрусталь тасьтіясысь да юны эзысь стӧканъясысь. Но мый, абу панысдӧсь?

— Ыджыда аттьӧалам, тіян величество,— шуис Сильвия,— но ми, бурджык, кольччам овны асланым гортӧ.

— Тіян дворечын ми пондам гажтӧмтчыны асланым ёртъястӧг,— содтіс Сильвестр.

— А оз-ӧ позь и найӧс босьтны менам дворечӧ? — вӧзйис королева. Сійӧ ӧні вӧлі зэв кыпыд лола и ньӧти эз дӧзмы, мый челядь тадзи сёрнитӧны сыкӧд.

— Оз, некыдзи оз артмы,— вочавидзисны Сильвестр да Сильвия.— Найӧ быдмӧны вӧрын. И шуӧны найӧс Енэжсӧпык да Кымӧрсӧкут...

— Мый сӧмын оз волы челядь вежӧрад! — ӧти гӧлӧсӧн горӧдчисны король да королева, и сэтшӧм гылыда серӧктісны, мый весиг доддьыс на улын пондыліс чеччавны.

Король тшӧктіс лэдзавны вӧвъяссӧ, а плӧтникъяс да каменщикъяс пыр жӧ босьтчисны кыпӧдны двореч.

всё-таки остался ещё такой большой кусок, что он едва поместился на санях. На обратном пути жена крестьянина шепнула мужу:

— А ты знаешь, почему король и королева были сегодня так милостивы? Потому что Сильвестр и Сильвия смотрели на них и разговаривали с ними. Вспомни-ка, что я тебе вчера говорила!

— Это про колдовство-то? — сказал крестьянин.— Пустое!

— Да посуди сам,— не унималась жена,— где это видано, чтобы зимой распускались деревья и чтобы король и королева никого не наказали? Уж поверь мне, тут не обошлось без колдовства!

— Всё это бабьи выдумки! — сказал крестьянин.— Просто дети у нас хорошие — вот все и радуются, на них глядя!

И верно, куда бы Сильвестр и Сильвия ни пришли, с кем бы ни заговорили, у всех на душе сразу делалось теплее и светлее. А так как Сильвестр и Сильвия всегда были веселы и приветливы, то никто и не удивлялся, что они доставляют всем радость. Все вокруг них цвело и зеленело, пело и смеялось.

Пустынные земли возле избушки, где жили Сильвестр и Сильвия, превратились в богатые пашни и луга, и в лесу даже зимой пели птицы.

Вскоре Сильвестр был назначен королевским лесничим, а Сильвия — королевской садовницей.

Ни у одного короля ни в одном королевстве не было никогда такого чудесного сада. Да и не мудрено! Ведь ни один король не мог заставить солнце слушаться его приказаний. А Сильвестру и Сильвии солнце светило всегда, когда они хотели. Поэтому в саду у них всё цвело так, что любо было смотреть!

Тайӧ вермис кажитчыны дивӧ кодьӧн, но король да королева талун вӧліны быдӧн дорӧ шаньӧсь и ньӧти эз скӧравны. Некодӧс эз дзескӧдны и весиг тшӧктісны, медым налӧн казначей разӧдіс быдӧнлы ӧти зарни шайтӧн. А Сильвестрлы да Сильвиялы содтӧд вичмис крендель, кодӧс дасьтіс корольлӧн пӧжасьысь. Крендельыс лои сэтшӧм ыджыд, сэтшӧм ыджыд, мый корольлӧн свитаысь нёль вӧла доддьӧ ӧдва тӧрис.

Сильвестр да Сильвия гӧститӧдісны площадь вылӧ локтӧм став челядьсӧ, но аслыныс коли на сы ыджда тор, мый доддяныс ӧдва тӧрис.

Бӧр мунігӧн крестянинлӧн гӧтыр шӧпкӧдіс верӧсыслы:

— А тэ тӧдан, мый понда талун корольным да королеваным вӧліны татшӧм бур руаӧсь? Сы понда, мый Сильвестр да Сильвия видзӧдісны на вылӧ, и весиг сёрнитісны наköд. Казьтышт, мый тӧрыт шулі?

— Тэ ӧні кӧлдуйтӧм йывсьыд висьталан? — шуыштіс крестянин.— Эн сӧр нем абусӧ!

— Да ачыд думыштлы,— эз сетчы гӧтырыс,— нӧшта кытыськӧ кывлін ли аддзылін, медым тӧлын пуяс коръяссисны и медым король да королева некодӧс эз дзескӧдны? Эскы меным, тайӧ дзик кӧлдуйттӧг эз вермы лоны!

— Ставыс бабйӧ сӧрӧм! — шуис крестянин.— Прӧстӧ челядьным миян шаньӧсь — со и радлӧны ставӧн на вылӧ видзӧдігӧн!

И збыльысь, кытчӧ кӧть вӧлі оз локны Сильвия да Сильвестр, кодкӧд кӧть вӧлі оз воны сёрниӧ, быдӧнлӧн ловныс кокнялӧ и шоналӧ. А Сильвестр да Сильвия пыр вӧліны гажаӧсь да шыасьысьӧсь, та понда некоді эз и чуймав, мый чоя-вока ставлысь олан русӧ кыпӧдӧны. И став матігӧгӧрыс вежӧдӧ да дзордзалӧ, сералӧ да сьылӧ.

Прошло несколько лет.

Однажды глухой зимней порой Сильвестр и Сильвия пошли в лес, чтобы навестить своих друзей.

В лесу бушевала буря, в тёмных вершинах сосен гудел ветер, и под его шум сосны пели свою песню:

Стоим, как бывало, крепки и стройны.
То выпадет снег, то растает...
И смотрим два друга, две старых сосны,
Как снова сменяется зелень весны
Снегами белей горностая,
Как тучи проходят, дождями полны,
И птичьи проносятся стаи.
Сосновая хвоя свежа и густа —
Завидуйте, вязы и клёны!
Зима не оставит на вас ни листа —
Развеет наряд ваш зелёный!
Но вечная соснам дана красота,
В подземные недра ушла их пята,
А в небо — высокая крона.
Пускай непогода бушует кругом —
Сосну не повалит ни буря, ни...

Но не успели они допеть свою песню, как внутри стволов что-то затрещало, заскрипело, и обе сосны повалились на землю. Как раз в этот день младшей исполнилось триста пятьдесят пять лет, а старшей — триста девяносто три года. Что же тут удивительного, что ветры наконец их осилили!

Сильвестр и Сильвия ласково потрепали седые, поросшие мхом стволы мёртвых сосен и такими добрыми словами помянули своих друзей, что снег кругом начал таять и розовые цветы вереска выглянули из-под земли. И так много их было, что скоро они закрыли старые сосны от самых корней до самых вершин.

Налӧн керка дорын коркӧ тыртӧм муяс ӧні пӧртчисны кӧдза муясӧ да вежӧдысь лудъясӧ, а вӧрса лэбачьяс весиг тӧвся кадӧ сьылісны.

Регыд Сильвестрӧс индісны корольлӧн лесничӧйӧ, а Сильвия лои корольлӧн садйын садовничаӧн.

Ни ӧти корольлӧн, некутшӧм королевствоын некор на эз вӧв татшӧм дивӧ кодь садйыс. Абу и дивӧ! Весиг король оз вермы шонділы тшӧктыны. А Сильвестрлы да Сильвиялы шондіыс пыр дзирдалӧ, сӧмын кӧсъясны. Та понда садйыс налӧн дзордзаліс сідзи, мый видзӧднытӧ любӧ!

Коли некымын во.

Ӧтчыд Сильвестр да Сильвия мунісны вӧрӧ, медым аддзӧдлыны ассьыныс ёртъяссӧ.

Вӧрын буаліс туröб, пуяслӧн пемыд туганъяс весьтын лёкаліс ён тӧв ныр, и сылӧн шыалӧм улӧ пожӧмъяс нюжйӧдлісны ассьыныс сьылансӧ:

Тадз сулалам, крепыдӧсь, вожъясным тшем.
Лым усьлӧ и бара нин сылӧ...
И видзӧдам нёль синмӧн сы мында нэм,
Кыдз ловзьылӧм бӧрас му вежлалӧ рӧм,
Кыдз едждӧдӧ бара му вылыс,
Кыдз зэр тыра кымӧръяс енэжас сэн
Да лэбачьяс кывтӧны ылӧ.
Быд пожӧмлӧн лыс быттьӧ юр видзан воль,
Ті вежалӧй, пипуяс-кыдзьяс!
Ар воас да, кор тіян весиг оз коль,
И тшапитчан платтьӧныд киссяс!
А миянлы сетӧма кадыслысь моль,
И вужъясным — му пытшкӧ писькӧдчысь ёль,
А туганным — енэжӧ кыссьӧ.
Ми гӧгӧр став ывлаыс лёкалӧ мед —
Но миянӧс пӧрӧдны тӧлыс оз...

Давно уже я ничего не слышал о Сильвестре и Сильвии. Наверно, теперь они сами состарились и поседели, а короля и королевы, которых все так боялись, и вовсе нет на свете.

Но каждый раз, когда я вижу детей, мне кажется, что это Сильвестр и Сильвия.

А может быть, старые сосны одарили своими чудесными дарами всех детей, что живут на свете? Может быть, и так.

Недавно, в пасмурный, ненастный день, мне встретились мальчик и девочка. И сразу в сером, тусклом небе словно замелькал луч солнца, всё кругом посветлело, на хмурых лицах прохожих появилась улыбка...

Вот тогда среди зимы и наступает весна. Тогда и лёд начинает таять — на окнах и в сердцах людей. Тогда даже старый веник в углах покрывается свежими листьями, на сухой изгороди расцветают розы, а под высоким сводом неба поют весёлые жаворонки.

Но эз вевъявны помӧдз сьывны, кӧнкӧ пытшканыс мыйкӧ кратшнитіс, дзуркнитіс, и кык багатыр пӧрины муӧ. Стӧч тайӧ лунас томджыкыслы тыри куимсё ветымын арӧс, а пӧрысьджыкыслы — куимсё ӧкмысдас куим. Абу и дивӧ, мый тӧв ныр ӧдӧлитіс найӧс!

Сильвестр да Сильвия сэтшӧм меліа малыштісны налысь дзормӧм, нитшкассьӧм пучеръяссӧ да сэтшӧм бур кывъясӧн казьтыштісны шань ёртъяссӧ, мый лымйыс на гӧгӧр пондіс сывны, а тусяпулӧн мыччысисны дзоридзьяс. Регыд найӧ вевттисны пӧрысь пожӧмъясӧс дінсянь йылӧдз.

Важӧн нинӧм эг кывлы Сильвестр да Сильвия йылысь. Дерт, кӧнкӧ, и асьныс нин пӧрысьмисны да дзормисны, а король да королева, кодъясысь ставӧн повлісны, и свет вылас абуӧсь нин. Но быд пӧрйӧ, кор аддза ичӧт челядьӧс, меным чайтсьӧ, быттьӧ тайӧ Сильвестр да Сильвия. А гашкӧ, пӧрысь пожӧмъяс мувывса став челядьсӧ вичмӧдісны асланыс дивӧ кодь козинъясӧн. Гашкӧ, и збыль.

Неважӧн, руа да зэра лунӧ, меным воча лоины нывка да зонка. И руд, куалӧм енэжас пыр жӧ пондісны ворсны шонді югӧръяс, гӧгӧр ставыс ловзис да югзис, а ветлысь-мунысь войтырлӧн чужӧмъяс вылын вуджӧртіс нюмпас...

Татшӧм здукӧ и овлӧ: тӧвся лунӧ воӧ тулыс. Сэки йи пондӧ сывны — ӧшиньясын и йӧзлӧн сьӧлӧмын. Сэки весиг пельӧсын сулалысь важ, косьмӧм гӧлик босьтчӧ вежӧдны, потшӧс майӧг вылын мыччысьӧны дзоридз розъяс, а кельыдлӧз енэжын, кӧнкӧ дзибъяс, шыасьӧ ыбкай.

НЕДОПАРУШЕК

Саамская сказка

ДЕВУШКА жила на одном конце озера, а парень на другом его конце. Девушку звали Уточкой, а парня Пейвальке — Солнца Сын.

Он был рыболов, часто ездил по озеру, ставил сети тут и там, а удил очень далеко, где «дома рыб» бывают. Однажды он заехал за три далёких острова и вдруг увидел: на угорышке мыса вежа стоит. Привернул он лодку к берегу, поднялся на гору и увидел девушку Уточку.

Он сразу полюбил её.

Сказал ей:

— Ты одна живёшь здесь, а я один живу там — давай жить вместе.

Уточка ответила, что согласна жить вместе, но в лодку к нему она не сядет, пока он не даст ей обещание:

— Когда мы будем ехать по озеру, что бы ты ни увидел — не удивляйся, не смотри, не замечай, даже виду не показывай, что ты что-нибудь видишь!

Парень, конечно, согласился. Тогда она сказала:

— Вот тебе три яичка. Береги их, храни пуще глаза, держи их у сердца своего. Пусть будут тёплые, не застуди!

НЕДОПАРУШЕК

Саам мойд

НЫВ оліс ты ӧтар помас, а зон сылӧн мӧдар помын. Нывсӧ шуисны Уточкаӧн, а зонсӧ Пейвальке — Шонді Пи.

Зон вӧлі чери кыйысь, тшӧкыда петавліс ты вылӧ, вӧйталіс кулӧмъяс сэтчӧ и татчӧ, а кыйсис сійӧ гортсяньыс ылын, кӧні черилӧн оланінъяс вӧліны. Ӧтчыд вуджис куим ді сайӧ и другысь аддзӧ: ӧти ӧзынлӧн кыр йылын чом сулалӧ. Веськӧдіс пыж нырсӧ сэтчань, сувтіс берег дорӧ, кайис кыр йылас и аддзысис Уточка нывкӧд.

Нылыд зонлы пыр жӧ мусмис.

И шуис сылы:

— Тэ тані ӧткӧн олан, и ме эстӧні ӧткӧн ола — вай ӧтлаын пондам овны.

Уточка вочавидзис, мый сӧглас ӧтлаын овны, но сылӧн пыжӧ оз пуксьы, пока оз кӧсйысь ӧтитор:

— Кор ми пондам вуджны, мый кӧть он аддзы — эн чуймав, эн кыйяв, эн зіль казявны, весиг некыдзи нинӧмӧн эн петкӧдлы, быттьӧ мыйкӧ аддзылін!

Зонмыд, дерт, кыв сетіс.

Сэки нылыд шуис:

— Со тэныд куим кольк. Видз найӧс, синсьыд ёнджыка видз, сьӧлӧм бердад кут. Да мед пыр шоныдӧсь вӧліны, эн сет налы кӧдзавны!

Пейвальке яички припрятал. Он положил их за пазуху — холодновато тут, но больше девать их было некуда.

— Согревай яички те,— сказала девушка.— А если случится беда, бросай их в меня. Не бойся, смело в меня бросай!

Сказала так и села в лодку. И вот поехали они в дом Пейвальке. Едут по озеру, смо-

Пейвельке колькъястӧ сайӧдіс. Тэчис питшӧгас,— кӧдзыдкодь сэні, но мукӧдлаӧ некытчӧ вӧлі сайӧдны ни пуктыны.

— Шонты колькъяссӧ,— нӧшта ӧтчыд шуис нылыд.— А беда кӧ суас, меӧ найӧс шыблав. Эн падъяв, повтӧг меӧ шыблав!

Шуис тадзи, и пуксялісны быдӧн аслас пыжӧ. Мӧдӧдчисны Пейвелькелӧн оланінлань. Кывтӧны ты вывті, видзӧдалӧны матігӧгӧрсӧ, берегъясӧн любуйтчӧны, налы паныдӧн діяс кывтӧны, быттьӧ ва веркӧсӧдыс шуньгӧны, гӧгӧр чери ворсӧ да гыбалӧ, кытшъясыс

трят, берегами любуются, острова мимо них проплывают, словно они над водой летят, вокруг рыбы играют и плещутся, круги так и ходят по воде — это рыбы играют, тут «дома рыб» находятся. Хорошо. Однако Пейвальке ни на что не глядит, он Уточкой любуется, на Уточку смотрит, Уточку только и видит.

Вдруг с неба на остров тень упала. Свет брызнул. Засияло всё, свет от воды отражается, а откуда всё исходит, неведомо. Пейвальке внимания не обращает, едет себе и едет, веслом весело поигрывает да Уточкой любуется. Остров обогнули, и тут-то воссиял из воды камень. Камень не простой, тот камень был медный камень. И лицо девицы Уточки, и берег дальний, и остров ближний — всё осветилось светом этого медного камня.

Тут и закричал Пейвальке Уточке:

— Смотри, смотри, краса какая перед нами открылась — медный камень явился, как огонь горит! Привернём, посмотрим, что за камень такой?

Отвечает ему Уточка:

— Ты мне обещал: что бы ни случилось, мы не видим, не слышим, не смотрим, мимо плывём.

Пейвальке смолчал, дальше поехали. Ехали, ехали, долго ехали, и опять тень мелькнула и за островом спряталась. И опять сияла земля: остров ближе — сильнее свет. Обогнули они и этот остров, а за ним камень лежит — серебром так и блистает, лучи летят в небо, небо серебром переливается, и берег и острова серебряными лучами играют, а и лес-то на острове серебряный, небывалый, так и хочется между тех серебряных елей и берёзок прогуливаться и веточки ломать, серебряные листья собирать. Опять Пейвальке просит Уточку:

сідзи и пӧртмасьӧны ва вылас — чери ворсӧ, сідзкӧ, тані сылӧн оланін. Лӧсьыд. Сӧмын Пейвельке нинӧм вылӧ оз видзӧд, сійӧ Уточка бӧрся кыйӧдӧ, Уточкаӧн нимкодясьӧ, сӧмын сійӧс и аддзӧ.

Друг енэжсяньыс ӧти ді вылӧ вуджӧр уси. Сэсся югӧр пасьмунлі. Ставыс югъявны пондіс, югӧрыс васяньыс синтӧ чегӧ, а кытысь ставыс тайӧ, гӧгӧрвотӧм. Пейвельке зільӧ не казявны, мунӧ водзӧ и мунӧ, пелыснас ворсігмоз сынӧ да Уточкаӧн нимкодясьӧ. Дісӧ орддьӧдісны, сы сайын ва увсянь дзирдыштіс из. И Уточка нывлӧн чужӧмыс, и ылысса берегыс, и матысса діыс — ставыс ойдіс ыргӧн рӧма югӧрӧн.

Горӧдіс Пейвельке:

— Видзӧд, видзӧд, кутшӧм мич миян син водзӧ воссис — ыргӧн из петкӧдчис, би моз ымралӧ! Кежалам, видзӧдлам, мыйся тайӧ дивӧ?

Вочавидзис сылы Уточка:

— Тэ меным кӧсйысин: мый кӧть оз ло, ми нинӧм ог аддзӧй, нинӧм ог кылӧй, нинӧм вылӧ ог видзӧдӧй, водзӧ кывтам.

Пейвельке нинӧм эз вочавидз, водзӧ мӧдісны. Кывтісны, кывтісны, дыр тадзи мунісны, и бара вуджӧр катовтчис да ді сайӧ саяліс. И бара матігӧгӧрыс дзирдыштіс: мыйӧн матынджык діыс — сійӧн дзирыдджык югӧрыс. Орддьӧдісны и тайӧ дісӧ, а сы сайын бара из мыччасьӧ — эзысь югӧр сідзи и койӧ. Югӧръясыс енэжӧ кайӧны, енэжыс эзысьӧн пӧртмасьӧ, а тані и берегыс, и діясыс эзысь югӧрӧн ставнас ворсӧны, и вӧрыс ді вылас эзысясьӧ вӧвлытӧма, сідзи и кыскӧ эзысь козъяс да кыдзьяс костӧдыс гуляйтыштны да росъяссӧ чегъялыштны, эзысь коръяссӧ киад босьтавны.

Бара Пейвельке Уточкалы шуӧ:

— Смотри, как хорошо, тут бы нам и жить! Давай привернём!

Девица молчит, только смотрит с укором.

— Что тут делается? Что творится? Ехал я себе, ничего такого не видел, а еду с тобой — погляди, дивные камни из земли поднимаются, светятся, нам дорогу освещают.

Девушка ему говорит:

— Что бы ни случилось — мы не видим, не слышим, не смотрим, незачем нам ехать к этим камням!

И на этот раз послушался Пейвальке. И этот камень они миновали, остались позади камень медный и камень серебряный. Дальше поехали.

Ехали, ехали, опять тень на остров упала. Долго плыли они, уже виден стал дом Пейвальке. Уже миновали его лучший «рыбный дом», как опять увидели: впереди свет лучами вверх летит, в небо стремится. И опять из воды камень растёт, словно солнце сверкает этот камень. А камень-то не простой — чисто золотой, и свет от него идёт золотистый. Всё светится золотом — и берег дальний, и ближний остров, и лесок над ним, и даже вода золотится от этого света. А рыбы-то! Рыбы в озере плавают и тоже золотистые.

— Ну, уж этого камня я не миную! — воскликнул Пейвальке.— Около самого дома моего такое диво дивное живёт, камень чистого золота лежит, а я буду мимо ехать и даже глазом не моргну. Не бывать тому!

А сам уж не на Уточку смотрит, а на камень глядит золотой, как на свой.

И он направил лодку к этому камню. Очень не хотелось Уточке приворачивать, но Пейвальке круто свернул лодку в сторону от прямого пути. Встрепенулась Уточка. Встала. Руки подняла, словно собираясь взлететь.

Только причалила лодка к золотому камню, как стало ясно, что не камень это, а

— Видзӧдтӧ, кутшӧм лӧсьыд, тані кӧ эськӧ миянлы овны! Вай кежалам!

Нылыд чӧв олӧ да сӧмын видзӧдӧ дивитӧмпырысь.

— Мый тані керсьӧ? Мый вӧчсьӧ? Муні таті ӧтнам, нинӧм сэтшӧмсӧ эг аддзыв, а тэкӧд муна — дивӧ кодь изъяс ва увсьыс мыччасьӧны, дзирдалӧны, миянлы туй югзьӧдӧны.

Нылыд шуӧ:

— Мый кӧть оз ло — ми нинӧм ог аддзӧй, нинӧм ог кылӧй, нинӧм вылӧ ог видзӧдӧй, нинӧмла миянлы тайӧ изъяс дорас мунны!

И тайӧ пӧрйӧ кывзысис Пейвельке. И тайӧ изсӧ орддьӧдісны, бӧрӧ колисны ыргӧн изтӧ и эзысь изтӧ.

Водзӧ мӧдӧдчисны.

Мунісны, мунісны, бара ӧти ді вылӧ вуджӧр уси. Дыр нин кывтӧны, со Пейвелькелӧн керкаыс нин тыдовтчис. Медся чериаинсӧ пӧйдитісны нин, и бара аддзӧны: на водзын би югӧр вывлань пестысис, енэжас кыпӧдчӧ. И бара ва увсьыс из мыччысьӧ. А изйыс абу пӧстӧй — веж зарни, и югӧръясыс зарни койӧны. Став матігӧгӧрыс зарниӧн ворсӧ — и ылысса берегыс, и матысса діыс, и сы вылын вӧр-пуыс, и весиг ваыс зарниасьӧ. А чериыс! Чериыс тыас сы мында, и сійӧ зарни.

— Но, тайӧ из дорас кежавтӧг ме сэсся ог нин мун! — горӧдчис Пейвельке.— Дзик менам керка дорын татшӧм дивӧ олӧ, сӧстӧм зарниысь из, а ме понда боки мунны и весиг син ог лапнитлы. Оз ло сідзи!

Ачыс оз нин и Уточка вылӧ видзӧд, зарни из вывсьыд син оз вештыв, быттьӧ сылӧн нин. И кежӧдіс пыжсӧ.

сама Выгахке злая, сама подземная хозяйка перед ними. Это она прикинулась сначала медным, потом серебряным, а теперь золотым камнем, это она распустила по ветру свои волосы так, что страшно на небо смотреть. А Пейвальке-то видел их золотыми лучами.

Выгахке выскочила из воды, выхватила из лодки Уточку и в озеро швырнула, на её же место свою дочку — Выгахкенийду — ткнула.

Но Уточка была не проста, она ещё и воды не коснулась, как превратилась в птицу летучую — в настоящую птицу. Не растерялся и Пейвальке — метнул он яички, одно за другим, прямо в Уточку. Уточка склюнула одно яйцо и проглотила его. И другое глотнула, а третье-то не смогла, подхватила его на лету, удержала в клюве, а заглотнуть не смогла. Так и полетела с яйцом в клюве, домой.

Остался Пейвальке один. И поехал он домой не с Уточкой милой, а дочерью страшной Выгахке. Это она, Выгахке злая, заставила его жить вместо Уточки с дочкой своей — Выгахкенийдой.

Ну и стали жить.

Уточка прилетела домой. Превратилась она в простую девушку человечью и зажила по-старому — одна. Два яичка она носила в себе, а третье-то так и не могла проглотить, осталось оно снаружи, она его держала за щекой. Двум яичкам было тепло — они хорошо согрелись в животе-то у матери, а третьему за щекой было холодно. Пришло время, и Уточка поняла: скоро у неё будут детки. И правда, родила она трёх сыновей — двое родились обликом человечьим, а третий-то не согрелся, не допарился за щекой у матери, так и остался яичком. Старшего сына она назвала Левушкой, второго Правушкой, а третьему имя положила — Недопарушек.

Сэтшӧм неокота вӧлі Уточкалы кежны, но Пейвельке бергӧдіс нин пыжсӧ веськыд туй вылысь. Пыркмунліс Уточка. Падмис места вылас. Лэптіс вывлань киясӧ, быттьӧ лэбзьыны дум...

Сӧмын сибӧдчис пыжыс зарни из дорӧ, лои гӧгӧрвоана, мый тайӧ абу и из, а пеж Выгахке, ачыс улыс мулӧн кӧзяйка. Сійӧ, сійӧ пӧртчылӧма перво ыргӧн, сэсся эзысь, а ӧні зарни изйӧ, сійӧ лэдзалӧма тӧв бӧр ассьыс юрсиясӧ сідзи, мый весиг енэж вылас видзӧдлыны полан. А Пейвелькелы найӧ зарни югӧръясӧн чайтсисны.

Выгахке чепӧсйис васьыд, кватитіс Уточкаӧс пыжсьыс да шыбитіс, сы местаӧ ассьыс нывсӧ пуксьӧдіс — Выгахкенийдаӧс.

Но Уточка абу на сэтшӧм прӧст вӧлӧма, ва веркӧсӧ инмӧдчывтӧг пӧртчис бордъя идӧгӧ — збыльысь лэбачӧн лои. Эз падъяв и Пейвельке — шыбитіс колькъястӧ, ӧти бӧрся мӧдӧс, веськыда Уточкалы метитіс. Уточка кокыштіс ӧти кольк да ньылыштіс. И мӧдсӧ тадз жӧ ньылыштіс, а коймӧдсӧ эз сяммы, кватитіс эськӧ лэбигмозыс, кутӧ вомас, а ньылыштны оз вермы. Сідзи и лэбис гортас.

Коли Пейвельке ӧтнасӧн. И ковмис муса Уточкатӧг гортас мунны, сы пыдди вичмис пеж Выгахкелӧн ныв. Сійӧ, сійӧ вӧчис сідз, мый ковмас ӧні Пейвелькелы мунны сылӧн нывкӧд — Выгахкенийдакӧд.

Тадзи и пондісны овны.

Уточка воис гортас. Бӧр пӧртчис морт мыгӧра нылӧ и овмӧдчис воддза мозыс — ӧтнас. Кык кольк новліс ас пытшкас, а коймӧдсӧ сідзи эз и вермы ньылыштны, сійӧ колькйыс вомкӧтшас, тшӧка улас коли. Кык колькйыслы вӧлі шоныд — найӧ тырмымӧн пӧжсисны мамлӧн тшутшкуас, а коймӧдыслы кӧдзыд. Воис кад, и Уточка гӧгӧрвоис: регыд сылӧн

Уточка очень любила Недопарушка. Она берегла его и всё боялась, что упадёт и разобьётся, пропадёт её болезный сынок. Дети жили дружно, росли хорошо — крепкие выдались ребятки. И Недопарушек вырос — из маленького пёстрого яичка он превратился в простое яйцо, только лицо у него стало в крапинку. Возмужали ребята и начали сами, без матери, ездить на озеро и ловить рыбу — ставили сети тут и там. С каждым годом они заезжали на лодке в глубину озера, забирались в такие места, где никогда ещё не бывали. Заезжали даже за три острова, что издали видны были, словно летят они по-над гладью воды. Мимо «рыбного дома» не раз они плавали, где рыбы играют и плещутся. Так-то вот они ездили-ездили, а однажды заехали в далёкий залив. Пристали к берегу, хотели рыбу поудить да ухи сварить, а тут-то на другом берегу домик увидели. Дом не простой, а, вернее сказать, настоящие хоромы — и сени большие, и горницы по сторонам просторные.

В хоромах жил человек с женою, с той самой дочкой Выгахкиной. Сыновья не догадались, к кому они попали, не поняли, что в этом доме отец их живёт. А отец не знал, что его дети к нему в гости пожаловали. Догадалась обо всём одна только Выгахкенийда.

— Ага! Это сынки моего мужа из яиц повылупились! — сказала она и губами причмокнула от удовольствия, она задумала их съесть.

Выгахкенийда зазвала братьев в дом, напоила и накормила их. В горнице с печкой она сама им постелила постели. Спать их уложила и мехами сверху укрыла: «Спите, детки!»

А Недопарушку жарко стало. Он из мехов на волю выбрался. Братья его положили

челядь чужасны. И збыль, чужтіс сійӧ куим пиукӧс — кыкыс вӧліны морт мыгӧраӧсь, а коймӧдыс эз шонав колана ног, эз сӧвмы мам тшӧка улад, сідзи колькйӧн и чужис. Ыджыдджык писӧ Уточка нимтіс Лёвушкаӧн, мӧдсӧ Правушкаӧн, а коймӧдыслы вичмис Недопарушек ним.

Уточка медся ёна Недопарушексӧ и радейтіс. Дӧзьӧритіс быд ног, поліс, мый коркӧ вермас усьны да жугавны, сэки оз ло сылӧн висьлӧс пиукыс. Челядь олісны шаня, быдмисны чожа,— крепыд вир-яя зонъясӧн лоины. И Недопарушек быдмис — ичӧтик, сера колькйысь коркӧ артмис шӧркодь кольк, сӧмын чужӧмыс чутӧсь коли. Верстяммисны зонъяс и пондісны асьныс, мамыстӧг, петавлыны ты вылӧ чери кыйны — вӧйталісны кулӧмъяс сэтчӧ и татчӧ. Воысь-во найӧ ылыстчисны ты мӧдар помлань, сэтчань, кодарын эз на вӧвлыны. Весиг куим ді сайӧ вуджалісны, кодъяс пӧртмасьлісны сідзи, быттьӧ ва веркӧсӧдыс шуньгӧнылэбӧны. Чери оланін дорті, кӧні чери ворсӧ да гыбалӧ, эз ӧтчыд кывтлыны и. Тадзи найӧ ветлісны-ветлісны, сэсся ӧтчыд пырисны ылысса кӧбӧтӧ. Сибӧдчисны берег дорӧ, кӧсйисны чери вугралыштны да юква пуны, а видзӧдӧны да — кӧбӧт мӧдарпӧлӧнас керка сулалӧ. Керкаыс абу прӧстӧй, коромина — ыджыд посводза, ӧтарас и мӧдарас югыд горничаяс.

Тайӧ кориминаас оліс морт аслас гӧтыркӧд, Выгахкелӧн нывкӧд. Зонъяс эз тӧдны, код дінӧ найӧ веськалісны, эз вежӧртны, мый тайӧ керкаас олӧ налӧн айыс. А сійӧ эз тӧд, мый пияныс гӧсти воисны. Вежӧртіс сӧмын Выгахкенийда.

— Ага! Тайӧ менам верӧслӧн пияныс колькъяссьыд чужӧмаӧсь! — шуис сійӧ да аслас любӧысь вомдоръяссӧ нюлыштіс, мӧвпыштіс сёйны найӧс.

Выгахкенийда корис вокъястӧ керкаӧ пырны, вердіс и юкталіс. Пача горничаӧ лӧсьӧдіс вольпасьяс. Водтӧдіс узьны да вылысаныс небыд куяс вольсаліс: «Узьӧй, челядь!»

на печку, на шесток у печки, на ветерок, а сами смотрели — не свалился бы он, не разбился бы: они его берегли, они любили братца своего — Недопарушку.

Уложили Недопарушка на шесток, а сами крепко уснули. Один Недопарушек не спит: он братьев своих стережёт. Заприметил он, что дочка Выгахки недоброе затеяла.

Учуяла Выгахкенийда, что ребята уснули,— она к двери легонечко подкралась и тихонько стукнула, а сама-то спрашивает:

— Спят ли гости? Отдыхают ли гости?

Недопарушек — он не спит, не дремлет, всё видит, всё слышит — отвечает ей:

— Не спят гости, не отдыхают гости, готовят тебе калену стрелу, тебя убить собираются.

Выгахкенийда от двери ушла — не спят гости, так и делать тут нечего.

Два раза так-то вот приходила Выгахкенийда и оба раза спрашивала через двери:

— Спят ли гости, отдыхают ли гости?

Недопарушек так же ей отвечал:

— Не спят гости, не отдыхают гости, готовят калёну стрелу, тебя, Выгахке злую, убить хотят.

Утром встали братцы рано, Выгахкенийда их в дорогу снарядила. Уехали они домой к матери и рассказали Уточке, что нашли они дом неведомый какой, а в горнице там меха и таково-то сладко спится. Недопарушек о том промолчал. Мать сразу догадалась, что это за дом такой, где тепло и сладко спится, и какой там старик с женою живёт. Она им объяснила, какой это дом и что за хозяйка в том доме поселилась. Уточка сказала, что жена отца — женщина не простая, она дочь подземной хозяйки Выгахки злой, она,

А Недопарушеклы жар лои. Шоныд куяс увсьыд ортсӧ петіс. Вокъясыс лэптісны сійӧс паччӧр дорӧ, сёр вылӧ, тӧв йылӧ водтӧдісны, асьныс видзӧдӧны — мед кӧть оз жӧ усь, мед кӧть оз жӧ жугав: быд ног видзисны сійӧс, ёна радейтісны ассьыныс воксӧ, Недопарушекӧс.

Водтӧдісны сёр вылад, асьныс коркӧ крепыд унмӧн унмовсисны. Ӧтнас Недопарушек оз узь: вокъяссӧ видзӧ. Казяліс ӧд: Выгахкелӧн нылыс мыйкӧ лёктор мӧвпыштӧма.

Кыліс Выгахкенийда, мый зонъяс унмовсисны,— ӧдзӧс дорад гусьӧник матыстчис да кокньыдика таркнитіс кикарнас, ачыс и юалӧ:

— Узьӧны-ӧ менам гӧсьтъяс? Шойччӧны-ӧ менам гӧсьтъяс?

Недопарушек оз узь, оз вуграв, ставсӧ аддзӧ, ставсӧ кылӧ — вочавидзис:

— Оз на узьны гӧсьтъясыд, оз на шойччыны, дасьтӧны калитӧм кӧртысь дорӧм ньӧв, тэнӧ вины кӧсйӧны.

Выгахкенийда вешйис ӧдзӧс дорсьыс,— оз кӧ узьны гӧсьтъяс, и сылы тані вӧчны нем.

Кык пӧрйӧ тадзи воліс и кыкнанысьсӧ юасис ӧдзӧс сайсяньыс:

— Узьӧны-ӧ менам гӧсьтъяс, шойччӧны-ӧ менам гӧсьтъяс?

Недопарушек пыр ӧти ног вочавидзӧ:

— Оз на узьны гӧсьтъясыд, оз на шойччыны, дасьтӧны калитӧм кӧртысь дорӧм ньӧв, тэнӧ, лёк Выгахкелысь нылӧс, вины кӧсйӧны.

Мӧд асывнас вокъяс водз садьмисны. Выгахкенийда найӧс бӧр туйӧ колльӧдіс. Воисны гортас да висьталісны мамыслы, аддзылім пӧ сэтшӧмтӧ керка, горнича тырыс сэні небыд куяс и сэтшӧм чӧскыда узьсьӧ вольпасяс. Недопарушек ассяньыс нинӧм эз висьтав. Мамныс пыр жӧ гӧгӧрвоис, кутшӧм сэтшӧм керка, кӧні шоныд и чӧскыда узьсьӧ, и

Выгахкенийда, может их со свету сжить и загубить — не след им ездить в дом отца, к Выгахке злой. Захочет отец — он сам вернётся к своим детям.

Настала осень, ночи пришли тёмные, холодные, дожди начались. А ребята рыбную ловлю не бросали, ездили на озеро, не ленились, рыбачили. Однажды пала непогода сильная, да ещё мороз ударил трескучий. Довелось братьям привернуть к дому отца — отдохнуть в нём, обогреться, свежей ухи отведать, ночь скоротать.

И опять Выгахкенийда встретила их как добрая хозяйка, она и печку истопила в горнице, чтобы спать им было сладко.

И повалились братья в постели пуховые, мехом укрытые, а Недопарушка-то на шесток уложили. Пусть его лежит на покое, в ямочке, пусть его ветром проносит. А печка-то сильно истоплена. Жарко на печке. Братья уснули, а Недопарушку-то очень уж тепло, чересчур уж жарко бедняжке. Недопарушек начал угорать. Недопарушек начал слабеть, Недопарушек болезненный стал. А Выгахкенийда уже тут. Тут у двери стоит: стук, стук... и спрашивает:

— Спят ли гости, отдыхают ли гости?

Еле-еле мог ответить ей Недопарушек тоненьким голосом, едва-едва слышным:

— Не спят гости, не отдыхают гости, калёну стрелу готовят — тебя, Выгахкину дочку, убить хотят.

Однако Выгахкенийда услышала, что там Недопарушек ответ даёт. Ушла она.

Мало-мало обождала — снова явилась и опять спрашивает:

— Спят ли гости, отдыхают ли гости?

мыйся сэні старик олӧ аслас гӧтыркӧд. Висьталіс пияныслы ставсӧ, мый тӧдӧ и кутшӧм кӧзяйка сійӧ керкаас овмӧдчӧма. Уточка шуис, мый батьныслӧн гӧтырыс — абу прӧстӧй ань, а улыс муса кӧзяйкалӧн, лёк Выгахкелӧн ныв, Выгахкенийда, коді вермас найӧс му вывсьыс бырӧдны да пӧгубитны — оз позь налы мунны батьныслӧн керкаӧ, лёк Выгахке ныв дорӧ. Кӧсъяс кӧ батьныс — ачыс пияныс дорӧ локтас.

Воис ар, пемдіс, кӧдзыд войяс нюжалісны, зэръяс мӧдӧдчисны. А зонъяс чери кыйӧмысь эз эновтчыны, петавлісны ты вылӧ, эз дышӧдчыны, чериасисны. Ӧтчыд поводдяыс ёна торксис, да нӧшта и сэтшӧма кӧдздӧдіс — кӧчвӧла трачкӧдчӧ. Ковмис зонъяслы бать керкаас вӧзйысьны — шойччыштны, шонтысьыштны, свежӧй чериваӧн пӧткӧдчыштны, вой коллявны.

И бара Выгахкенийда вочааліс шань кӧзяйка моз, горничаас пач ломтіс, мед налы чӧскыдджыка узьсис.

Вӧйтчисны вокъяс пухӧвӧй перинаясӧ, небыд куясӧн шебрасисны, а Недопарушекӧс бара сёр вылӧ лэптісны. Мед куйлӧ лӧня ичӧтик горсйын, мед сійӧс кокньыдик тӧвруыс малалӧ. А пачсӧ вӧлі ёна ломтӧма. Жар сылы пач бердад. Вокъясыс унмовсисны, а Недопарушек дзикӧдз нин пӧсяліс, вывті жар сылы коньӧрлы. Недопарушек пондіс кольмыны. Слабитны пондіс. Дзикӧдз укшальмис. А Выгахкенийда сэні нин. Ӧдзӧс водзас сулалӧ: тук, тук... и юалӧ:

— Узьӧны-ӧ менам гӧсьтъяс, шойччӧны-ӧ менам гӧсьтъяс?

Ӧдва вермис вочавидзны Недопарушек, вӧсньыдик гӧлӧсӧн, муртса кывмӧн шуис:

— Оз на узьны гӧсьтъясыд, оз на шойччыны, калитӧм кӧртысь дорӧм ньӧв дасьтӧны — тэнӧ, Выгахкелысь нылӧс, вины кӧсйӧны!

Кыліс Выгахкенийда, мый Недопарушек оз на узь, сійӧ вочавидзӧ. Муніс бӧр.

Недопарушек услышал, жарко ему, задыхается он, но сипленьким голоском, совсем даже чуть-чуть только слышным, он прошептал:

— Не спят гости, не отдыхают гости, калёну стрелу готовят — тебя, Выгахкину дочку, убить хотят!

Однако Выгахкенийда услышала шёпот Недопарушка, отошла она с дверей. Обождала немного и опять к двери подкралась — тук, тук:

— Спят ли гости, отдыхают ли гости?

Теперь Недопарушек ничего не услышал. Он уже ничего не мог ответить... распарило его на горячей печке, обессилел он, занемог бедненький... ничего он не услышал, ничего уже не мог сказать, слов лишился. Недопарушек лежит, хочет сказать, хочет крикнуть, а даже вздохнуть он не может.

Тут-то Выгахкенийда в горницу вошла. Недопарушка проглотила, а двух ребят на мороз выбросила — пусть про запас там лежат. Чуть не замёрзли братцы Недопарушкины, однако не вовсе умерли.

Материнское сердце чуяло, что детям беда грозит, что Недопарушек задыхается, что плохо ему, что слова сказать он не может. Встрепенулась она, превратилась в утку и полетела в дом Выгахкенийды, в дом отца её детей. Знала уже, куда ей лететь! Вошла потихоньку. Увидела постели, мехом покрытые,— подумала: «Там дети спят! А Недопарушек где?»

Стала искать Недопарушка. Нет её сыночка любимого. Нет нигде яичка серенького в крапинку! Не нашла. Бросилась к детям: не тут ли он, среди братьев спит. А детей-то

Недыр виччысис — бара локтіс и нöштаысь юалö:

— Узьöны-ö менам гöсьтъяс, шойччöны-ö менам гöсьтъяс?

Недопарушек кыліс... Жар сылы, пöдöмöн пöдö, но чирöм, öдва-öдва кылан гöлöсöн шöпкöдіс:

— Оз на узьны... Оз на шойччыны... Калитöм көртысь дорöм ньöв дасьтöны... Тэнö, Выгахкелысь нылöс, вины көсйöны!

Век жö кыліс Выгахкенийда шöпкöдömсö, вешйис öдзöс водзсьыс. Виччысис недыр и бара кыссис — тук, тук:

— Узьöны-ö менам гöсьтъяс, шойччöны-ö менам гöсьтъяс?

Тайö пöрйö Недопарушек нинöм нин эз кыв. И вочавидзны эз вермы... сэтшöма пöжсис пач бердад, дзикöдз вынтöммис: садьсö воштіс, коньöр... Нинöм оз аддзы, и кывсö воштіс. Куйлö Недопарушек, көсйö мыйкö висьтавны, горöдны зільö, а весиг лолыс оз шед.

Со и пырис Выгахкенийда горничаас. Недопарушектö пыр жö ньылыштіс, а вокъяссö көдзыд ывла вылö петкöдіс,— мед сэні мöдысь кежлö овласны. Öдва эз кынмыны Недопарушеклöн вокъяс, век жö эз дзикöдз кувсьыны.

Мам сьöлöмыд кыліс, мый пияныс неминучаö веськалöмаöсь, мый Недопарушек пöдö, лёк сылы, кыв шуны оз вермы. Чепöсйис ывлаö, пöртчис уткаö и лэбис Выгахкенийдалöн керкалань, пияныслöн ай дорö. Тöдіс нин, кытчö лэбны колö! Пырис сэтчö ньöжйöник. Аддзис небыд куясöн вевттьöм вольпасьястö,— мöвпыштіс:

— Тані, көнкö, менам зонъяс узьöны! А Недопарушек нö көні?

Пондіс корсьны Недопарушекöс. Неköні абу сылöн медся жалейтана пиукыс. Неköні оз тыдав чутöсь чужöма колькйыс! Эз аддзы. Уськöдчис пияныс дорö: абу-ö на дінын, оз-ö

нет под мехами! Она на улицу выбежала, а сынки её на крыше лежат — совсем замёрзшие. Она их давай тормошить, разогревать своим дыханием. Ничто не помогало. Тут-то поняла она, что не живые они, замороженные. Пала Уточка на тела своих детей и начала плакать и рыдать, голосом причитать:

Убиты Левушка и Правушка!
А где же мой Недопарушка?
Сколько я учила, просила я, говорила —
Придёт он, отец, придёт, сам он приедет!
Не ездите вы в дом отцовский, неродимый.
В дом отца Выгахке вошла!
Выгахкенийда злая в доме том живёт!
Не послушали мать, вы ослушались,
Сами себя загубили,
Загубили себя понапрасну!

Через всё озеро услышал голос Уточки муж её наречённый. Вернулся с охоты, прибежал домой и признал жену свою любимую. А Уточка его укоряла:

Что же ты, муж мой дорогой,
Выгахкенийде злой послушный,
Послушный мужик, рыбак и охотник!
Что же ты не любил, не берёг трёх яичек моих,
Детей своих, сироток моих дорогих?!
Двое лежат в снегу неподвижные,
А Недопарушек милый! Где ты?
Недопарушка родного и вовсе-то нету в живых!

Отец нашёл Выгахкенийду, она в амбарах спряталась, привёл её и сказал:

— Сумела ты детей моих заморозить, теперь сумей же их оживить, а нет — не можешь жизнь им вернуть — я тебя самую сделаю такою, как они здесь лежат.

вокъясыскӧд узь. А небыд куяс улад абу некоді! Ывлаӧ котӧртіс, а найӧ керка вевт вылас куйлӧны — дзикӧдз турдӧмаӧсь. Сійӧ давай найӧс тӧрмӧшитны, аслас ловруӧн пӧлявны да шонтыны. Нинӧм эз отсав. Гӧгӧрвоис сэсся, мый абу ловъяӧсь, йи кынӧсь. Уськӧдчис Уточка пияныс вылӧ, пондіс бӧрдны да лимзавны, гораа лыддьӧдлыны:

Виисны ӧд дай и виисны Лёвушкаӧс
дай и Правушкаӧс!
А кӧні нӧ эськӧ и менам Недопарушкаыс?
Мыйта ме найӧс туйді, мыйта кори да велӧді —
Локтас сійӧ ачыс, тіян айыд, локтас!
Энӧ мунӧй сылӧн керкаӧ,
ӧтдор тьӧтка дорӧ.
Айнылӧн керкаын ӧд и Выгахке ныв
ыджыдалӧ!
Лёк Выгахкенийда сылӧн керкаын олӧ!
Энӧ кывзӧй мамнытӧ,
сылысь кыв вуджинныд,
Да ӧд и асьнытӧ воштінныд,
Асьнытӧ пӧгубитінныд!

Ты мӧдарладорсянь Уточкалысь гӧлӧссӧ кыліс енмӧн индӧм верӧсыс. Бергӧдчис туй шӧрас, бӧр косіс кыйсянінсьыс, котӧрӧн локтіс керкаас и тӧдіс радейтана ныввсӧ. А Уточка сӧмын и дивитӧ сійӧс:

Мый нӧ тэ, менам дона верӧсӧй,
Лёк Выгахкенийдаӧс кывзысян,
Чери-пӧтка кыян, а гортад быттьӧ абу мужик!
Эн куж видзны менсьым кушм кольксӧ,
Ассьыд пиянтӧ, сирӧтаястӧ ассьыд?
Кыкыс лым пиын вӧрзьӧдчывтӧг куйлӧны...
А мусаник Недопарушкаыд? Кӧні сійӧ?
Сійӧ ӧд, медся донаыс, и некӧн абу — лы ни ку!

Выгахкенийда очень испугалась: она дунула, она плюнула — и старший, Левушка, ожил, встал, к отцу подошёл с левой руки.

Дунула, плюнула Выгахкенийда ещё раз, и второй сын, Правушка, ожил, с правой руки отца он встал.

А Недопарушек где? Где Недопарушек? Нет нигде Недопарушка! Проглотила его Выгахкенийда злая.

Братья прогнали дочку Выгахке. Отца они взяли с собою и поехали к себе домой, в дом матери Уточки.

Зонъяслӧн айыс аддзис Выгахкенийдаӧс, амбаръяс сайӧ вӧлі дзебсьӧма, вайӧдіс на дінӧ да шуис:

— Сяммин тэ менсьым челядьӧс кынтыны, ӧні сяммы бӧр ловзьӧдны, а он кӧ вермы налы олӧм бергӧдны,— асьтӧ вӧча сэтшӧмӧн, кутшӧмӧсь менам пиян куйлӧны.

Выгахкенийда ёна повзис,— пӧльыштіс, сьӧлыштіс,— и ыдджыдджыкыс, Лёвушка, ловзис, чеччис, ай дорас матыстчис, шуйга киладорас сувтіс.

Пӧльыштіс нӧштаысь Выгахкенийда, сьӧлыштіс, и мӧд пиыс, Правушка, ловзис, айыслӧн веськыдладор бокас сувтіс.

А Недопарушек нӧ кӧні? Кӧні налӧн Недопарушекыс? Некӧні оз тыдав Недопарушек! Ньылыштіс сійӧс лёк Выгахкенийда.

Вокъяс тодмышкалісны Выгахкелысь нывсӧ. Айсӧ босьтісны аскӧдныс и мӧдӧдчисны гортас, Уточка мамныслӧн керкаӧ.

ТО ЛИ БЫЛО, ТО ЛИ НЕ БЫЛО

Саамская сказка

РАССКАЗЫВАЛ один саам у костра то ли быль, то ли небылицу, то ли сказку, то ли байку. Говорил, что всё это с ним самим приключилось. И вы послушайте, если время есть, если других дел нету.

Вот с чего всё началось: запоздала как-то весна в северных краях. Давно бы ей пора прийти, а что ни день — ветер дует, снег с неба валит. Вот наш саам и думает: непорядок какой-то на небе, надо бы туда забраться посмотреть, что там такое. А как туда залезть? Земля низко, небо высоко!

Однако наш саам не дурак был, придумал. Взял топор да рубанок, пошёл в лес. Свалил большую сосну и начал её рубанком строгать. До тех пор трудился, пока всю не выстругал. Гора стружек выше леса поднялась. Постелил саам наверх мокрую рогожу, встал на неё и поджёг стружки. Вспыхнул огонь, начала рогожа сохнуть, пошёл от неё густой пар. Подхватил пар саама, покачал-покачал и вверх понёс.

Несло его торчком, несло его кувырком и донесло до облаков. Там саама ухватился за край тучи да и влез на неё.

Ходит по небу, смотрит. Скучно ему там показалось: пусто, бело кругом, живой души нет, только облака под ногами, как сугробы, лежат...

ТО ЛИ ВӦЛІ, ТО ЛИ ЭЗ

Саам мойд

ВИСЬТАЛІС ноддя дорын ӧти саам то ли збыльысь вӧвлӧмтор, то ли небылича, то ли мойд, то ли байка. Эскӧдіс, мый ставыс тайӧ сыкӧд вӧлӧма. И ті кывзыштӧй, кадыд кӧ эм, мукӧд могъяс кӧ абу.

Со мыйсянь ставыс пансьӧма: ӧтчыд сэтчӧс войвыв муясӧ тулысыс ёна сёрмӧма. Важӧн нин воны кад, а лун-лун — то чизыр тӧв шутлялӧ, то енэжсянь лым чӧлалӧ. Со и мӧвпалӧ саамыд: тыдалӧ, кутшӧмкӧ неминуча суӧма енэжсӧ, колӧ эськӧ кайлыны, видзӧдлыны, кыдзи да мый. А кыдзи сэтчӧ кавшасян? Муыд улын, енэжыд вылын!

Век жӧ миян саам абу дзик бӧб вӧлӧма, аддзас петан туйтӧ. Босьтас чер да струж, вӧрӧ каяс. Пӧрӧдас ыджыд пожӧм да босьтчас сійӧс стружнад гогнавны. Сэтчӧдз ноксяс, пока путӧ ставнас стружкиӧ оз лэдз. Стружки гӧра вӧрсьыс джуджыд лоӧ. Вольсалас саам гӧра вылад кӧтӧдӧм дӧра, сувтас сы вылӧ дай биасяс стружкиад. Би ыпнитас: дӧра косьмӧ, пӧсь ру сӧмын и кайӧ. Кватитас руыд саамӧс, катлӧдлыштас-катлӧдлыштас и вывлань кыпӧдас.

Нуӧ саамӧс сувтсӧн, нуӧ метальникӧдлӧмӧн, и тадзи кымӧръясӧдз лыбӧдас. Сэні нин саам кватитчас кымӧр дорышӧ да дзикӧдз кавшасяс сы вылӧ.

Ветлӧдлӧ тадзи енэж вывті, видзӧдалӧ гӧгӧр. Гажтӧм тай вӧлӧма тані: тыртӧм, кытчӧ он видзӧдлы — ни ӧти ловъя лов, и помтӧм еджыд — кок улад сӧмын кымӧръяс, быттьӧ лым толаяс...

Поглядел — вдали одно облако выше других вздымается, точь-в-точь круглый снежный дом.

«Значит, живёт всё-таки кто-то на небе!» — обрадовался саам и побежал к тому облачному дому.

Вошёл в дом, а там Гром сидит. По рукам, по ногам связан.

— Хорошо, что ты пришёл, человек,— говорит Гром.— Развяжи меня поскорее!

Саам отвечает:

— Развяжи тебя — ты греметь начнёшь! Я боюсь. Пусть тебя тот развязывает, который связал.

— Глупый ты человек,— рассердился Гром.— Да ведь меня Мороз связал. Зачем ему меня развязывать? Пока я не загремел, он на земле хозяин, Весна в тундре не начнётся.

«Вот оно что!— подумал саам.— Раз так, надо развязывать».

Распутал узлы на руках — Гром рукавами взмахнул. Загремело кругом, так саама в сторону и отшвырнуло. Хорошо, что туча мягкая: упал — не ушибся.

А Гром его торопит:

— Скорей ноги развязывай!

Как быть? Начал дело — кончать надо. Зажмурился саам от страха и развязал Грому ноги.

Ох, что тут поднялось! Гром ногами топочет — грохот такой, что оглохнуть можно. Руками молнии на землю мечет — блеск такой, что ослепнуть можно.

Совсем перепугался наш саам. Одно только у него в голове: как бы поскорей с этого неба убраться! Прыгнуть бы вниз, да очень уж высоко. Тут как раз мимо него Молния

Видзӧдӧ — ыліас ӧти кымӧр мукӧдсьыс джуджыдджыка мыччасьӧ, дзик быттьӧ лым керка, гӧгрӧсоват сэтшӧм.

«Сідзкӧ, эм жӧ кодкӧ олысь енэж вылад!» — ловзяс саам да котӧрӧн мӧдӧдчас кымӧр кодь керкалань.

Пырас керкаад, а сэні Гым пукалӧ. Киӧдыс и кокӧдыс кӧртӧда.

— Бур, мый воин, мортӧ,— шуас Гым.— Ӧдйӧджык вай разь менӧ!

Саам вочавидзас:

— Разя тэнӧ — гымавны пондан! Ме повзя. Мед разяс сійӧ, коді кӧртавліс.

— Йӧй жӧ тэ морт,— дӧзмас Гымыд.— Да ӧд менӧ Кӧдзыд Пӧль кӧртавліс. Сійӧ мый бурысь пондас разьны? Кытчӧдз ме ог гымышт, сэтчӧдз сійӧ и му вылын ыджыдалысь. Сідзкӧ, и тулысыс тундраӧ оз во.

«Со тай кыдзи вӧлӧма! — вежӧртас саам.— Сідзкӧ, колӧ разьны».

Разяс киясӧ — Гым кинад шевкнитіс. Матігӧгӧрас сідзи грымӧбтас, саам бокӧ лэбыштіс. Бур, мый кымӧрыд небыд: усьӧ, но весиг оз доймы некыт.

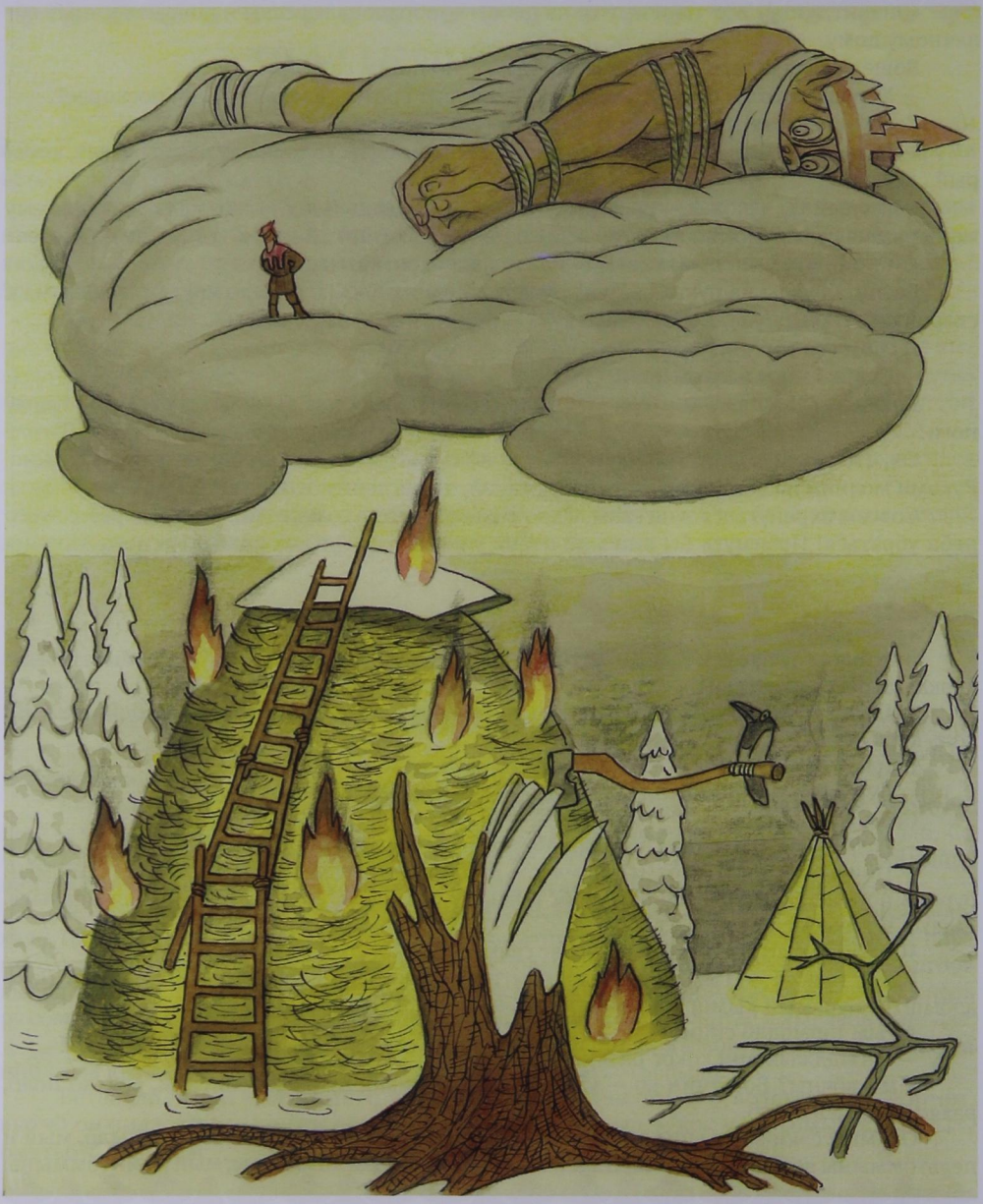
А Гым тэрмӧдлӧ сійӧс:

— Регыдджык нин кокӧс разь!

Мый вӧчны? Босьтчин кӧ — уджтӧ помавны колӧ. Куняс синсӧ саам, век жӧ полӧ, разяс Гымлысь коксӧ.

Ок, мый сэки вӧчсьыны пондас! Гым кокнас зымӧдӧ — сэтшӧма йиркакылӧ, мый и пельтӧммыны верман. Кинас чардъяс ысталӧ — найӧ сідзи югъялӧны, мый и синтӧммыны абу дыр.

Чегсьымӧн повзяс саам. Сӧмын ӧти дум и бергалӧ юрас: кыдзкӧ колӧ регыдджык усійсьны татысь! Чеччыштан эськӧ, да вывті вылын. Тайӧ здукас ӧти чард дзик сы дінті

стрелой пролетала. Саам схватился за неё. Моргнуть не успел, как пала Молния на землю. И саам с ней.

Угодил он прямо в болото. Ушёл по самые плечи, только голова над трясиной поднимается. Попробовал саам выбраться, да куда там! Ещё глубже увяз.

А кругом весна, морошка белым цветом расцветает, птицы хлопочут...

Прилетела на болото пара лебедей. Смотрит лебедиха — торчит что-то из трясины. Пень не пень, кочка не кочка, а для гнезда годится. Свила лебедиха гнездо на голове у саама. Положила три яйца, села насиживать.

Саам всё терпит. Если уж в болоте увяз, так оно, может, и лучше. Солнце печёт — гнездо ему макушку прикрывает. Дождь зарядит — он не мокнет.

Как-то отлучилась лебедиха ненадолго. Тут и пожаловал гость. Давно волк гнездо учуял, а теперь по кочкам к нему подобрался. Полакомился лебедиными яйцами, да, видно, мало ему показалось. Стал искать ещё, ворошить гнездо лапами. Дерёт твёрдыми когтями голову саама, а тот крикнуть боится, только глазами моргает, кряхтит. Наконец повернулся волк, чтобы назад идти. А саам изловчился и схватил зубами волка за хвост. Крепко стиснул зубы, хоть умри — не выпустит.

Теперь уже волк перепугался. Рванулся вперёд, саама из болота выдернул. Ещё три прыжка — саама на сухое место выволок.

Тут разжал зубы саам. Волк наутёк в лес пустился, а наш саам домой побежал.

Не раз и не два саам у костра рассказывал, что с ним приключилось. Кто верил, кто не верил. Кто говорил: сказка, кто говорил: небылица. А саам всё своё твердит: «Быль это, чистая правда! Разве такое выдумаешь?!»

ньӧв моз лэбысь лоӧ. Саам бӧжас кватитчас. Син лапнитны оз вевъяв, чардыд муӧдз воас. Сыкӧд и саам.

Стӧч да нюрйӧ веськалас. Пельпомӧдзыс кадъя нюйтӧ пырас, сӧмын юрыс и тыдалӧ веркӧсас. Видлас мездысьны, да кытчӧ нин! Петсьӧма! Сӧмын пыдӧджык пырӧ.

А гӧгӧр тулыс, мырпом еджыдӧн дзордзалӧ, лэбачьяс ноксьӧны...

Нюр вылад коркӧ сэсся юсь гоз воас. Видзӧдӧ иньыс — мыйкӧ мыччасьӧ нюр шӧрас. Мыр не мыр, вутш не вутш, а поздысянін вылӧ зэв на и туяна. Поздысяс саамлӧн юр вылӧ. Куим кольк пуктас позъяс, пуксяс да колькъяссӧ пӧжӧ.

Саам терпитӧ. «Нюрйӧ кӧ нин сибді,— думайтӧ,— гашкӧ, тадзтӧ весиг бурджык». Шонді пӧжӧ — поз сылысь юр чуксӧ видзӧ. Зэр мӧдӧдчас — оз кӧтась.

Коркӧ юсьыд недыр кежлӧ лэбліс кытчӧкӧ. Поз дорад пыр жӧ воис кортӧм гӧсьт, кӧин. Важӧн нин поздтӧ казялӧма, ӧні вутшкысь вутшкӧ чеччалӧмӧн кыссис сылань. Чӧсмасис юсь колькъясӧн, да, тыдалӧ, этша лои. Пондіс водзӧ мыйкӧ корсьысьны, поз увсӧ лапанас видлавны. Парсалӧ чорыд гыжъяснас саамлысь юрсӧ, а мӧдыс весиг горӧдчыны оз лысьт, сӧмын синнас лапйӧдлӧ, ружтӧ. Сэсся эновтчис кӧиныд, бӧр мунны лӧсьӧдчис. А саам вевйӧдчис да тшапкысис пиньяснас кӧин бӧжӧ. Сідзи пиньяссӧ топӧдіс — кӧть кулас, оз лэдз.

Ӧні нин кӧиныд повзис. Водзлань чепӧсйис, саамӧс нюйтсьыд нетшыштіс. Нӧшта куимысь чеччыштіс кӧин — и саам косінын.

Тані саам пиньяссӧ личӧдіс. Кӧин сійӧ вӧрӧ пышйис, а саам гортлань.

Унаысь висьтавліс ноддя дорын пукалігъясӧ, кутшӧм тешкодьтор сыкӧд вӧлӧма. Кодкӧ эскис, кодкӧ эз. Кодкӧ шуліс: мойд пӧ тайӧ, кодкӧ: небылича пӧ. А саам пыр ассьыс дольӧ: «Збыль тайӧ, чистӧ збыль! Татшӧмсӧ мӧй верман думыштны?!»

БЕЛАЯ ЛОШАДЬ

Венгерская сказка

ЖИЛ на свете бедный человек. Не было у него ничего, кроме белой лошади. Зарабатывал он на хлеб тем, что гонял свою лошадь на мельницу, впрягал её там в привод, и она послушно ходила по кругу. День-деньской молола мельница зерно, день-деньской работал бедняк на своей лошади. Очень это надоело бедной лошадке. И она сказала хозяину:

— Хозяин ты мой хороший, почему это другие люди двух лошадей запрягают в привод и только меня ты запрягаешь не в пару? Маюсь я на этой мельнице одна. Целый день хожу по кругу, верчу и верчу тяжёлые жернова.

— Лошадушка моя,— ответил ей бедняк,— причина тут простая. Ведь у меня не то что коня или мелкой скотинки, букашки даже и той нет, чтобы припрячь к тебе.

Тогда белая лошадь сказала своему хозяину:

— Коли беда только в этом, дай ты мне волю, и я сама найду себе подмогу.

Бедняк тут же распряг свою лошадь, и побрела она куда глаза глядят.

Пошла бедная в путь-дорогу. Шла, шла, вдруг видит — лисья нора. Раскинула умом белая лошадь и вот что решила: «Лягу возле самой лисьей норы и прикинусь мёртвой».

ЕДЖЫД ВӧВ

Венгр мойд

ОЛІС-ВЫЛІС свет вылас ӧти гӧль морт. Еджыд вӧлыс кындзи сылӧн нинӧм эз вӧв. Нянь вылӧ нажӧвитліс сійӧн, мый нуӧдліс вӧвсӧ мельничаӧ, домавліс изки бергӧдлан тас бердӧ, а мӧдыс дышӧдчытӧг бергӧдліс изкисӧ кытш бӧрся кытш. Лун бӧрся лун мельнича изіс нянь, лун бӧрся лун мырсис гӧль морт аслас вӧвкӧд. Ёна нин дӧнзис татшӧм олӧмыс коньӧр вӧвлы. Ӧтчыд сійӧ шуӧ кӧзяиныслы:

— Шань кӧзяинӧй тэ менам, мыйла эськӧ мукӧдыс кык вӧлӧн изкисӧ бергӧдлӧны, сӧмын тэ менӧ ӧтнамӧс домалан? Ме тайӧ мельнича вылас ёна маитча. Лунтыръясӧн кытшӧн ветла, помтӧг бергӧдла и бергӧдла сьӧкыд изкисӧ.

— Вӧлукӧй менам,— вочавидзис сылы гӧль морт,— тані нем и думайтны. Ӧд менам не сӧмын содтӧд вӧв либӧ мӧд пемӧс, весиг некутшӧм таг сэсся абу, медым тэкӧд орччӧн сувтӧдны.

Сэки еджыд вӧв шуис аслас кӧзяинлы:

— Шогыс кӧ сӧмын таын, сет меным вӧля, отсасьысьтӧ ачым аслым корся.

Гӧль морт пыр жӧ лэдзаліс вӧвсӧ, и муніс мӧдыс кытчӧ синъясыс видзӧдӧны.

Петіс коньӧр вӧв туй вылӧ. Муніс, муніс, друг аддзӧ — руч поз. Мӧвпалыштіс еджыд вӧлыд и шуис со мый: «Вода руч поз дорас да кулӧм улӧ лэдзчыся».

А в лисьей норе жила старая лисица с тремя лисятами. Одна лисичка, что поменьше, захотела вылезть из норы. Подошла к выходу, увидела белую лошадь и решила, что на дворе снег.

Вернулась лисичка к матери:

— Ой, маменька, нельзя сейчас выходить из норы, снег ведь на дворе!

— Какой там снег? — подивилась старая лисица.— Ведь на дворе лето стоит. Пойди, сыночек,— сказала она лисёнку, что был постарше.— Ты постарше, погляди-ка, что там такое.

Пошёл средний сын. Но и он увидел, что у выхода из норы лежит белая лошадь. Вернулся средний лис к матери и сказал:

— Ой, маменька, и вправду нельзя вылезть: на дворе снег.

— Какой же снег, когда середина лета! — сказала сердито лиса.— Поди ты, мой старший сын. Ты уже видывал виды, не чета младшим! Посмотри, что там такое.

Старший сын вышел, однако и он вернулся с тем же самым.

Тогда лиса сама направилась к выходу. Подошла и видит, что это не снег, а белая лошадь лежит.

Задумалась лиса: как бы оттащить её подальше? Кликнула детей; взялись они вчетвером, а лошадь ни с места.

Тогда старая лиса решила пойти к своему куму волку.

Пришла и говорит:

— Милый мой куманёк. И какой же я раздобыла лакомый кусок! До норы уже было дотащила, а он никак не влезает в неё. Вот я и надумала: давай-ка перетащим его в твоё логово; может быть, в него он и влезет. А есть его будем пополам.

А сійӧ позъяс аслас пиянкӧд оліс пӧрысь руч. Ӧти ручпи, медся ичӧтыс, окотитіс петавны ортсӧ. Матыстчис петан вом дорас, аддзис еджыд вӧвтӧ да чайтіс, мый ывла вылас лымъялӧма.

Бӧр локтіс мам дорас да висьталӧ:

— Ой, мамукӧ, он вермы ӧні позсьыд петны, уличас сымда лым усьӧма!

— Мыйся сэтшӧм лым? — чуймис пӧрысь руч.— Ӧні ӧд гожӧм. Ветлы,— тшӧктіс сійӧ шӧркост ручпилы.— Тэ верстьӧджык, видзӧдлы, мый сэні вӧчсьӧ.

Муніс шӧркост ручпи. И сійӧ аддзис петан розь водзын куйлысь еджыд вӧвтӧ. Локтіс мам дорас да шуӧ:

— Ой, мамук, збыль петнытӧ он вермы: уличтӧ лымйӧн тыртӧма.

— Кутшӧм лым, кор гожӧм шӧр! — скӧрысь шуис руч.— Мун ветлы тэ, медся ыджыдыс. Тэ быдторсӧ нин аддзылін да тӧдлін, дзоляджык чой-вокыдлы абу рӧвня! Видзӧдлы, мый сэні сэтшӧмыс.

Муніс медся ыджыд ручпиыд, но и сійӧ нинӧмӧн бӧр локтіс.

Сэки пӧрысь руч ачыс муніс позйысь петан розь дорӧ. Матыстчис и аддзӧ, мый тайӧ некутшӧм абу лым, а еджыд вӧв куйлӧ.

Думӧ уси руч: кыдзи эськӧ сійӧс бокӧ вештыны? Чукӧстіс челядьсӧ; босьтчылісны ӧтвыв, а вӧлыд некодарӧ.

Пӧрысь руч шуис ветлыны аслас кум дорӧ.

Муніс и шуӧ:

— Дона куманӧй. Тӧдін кӧ, кутшӧм чӧскыдтор ме кыйи! Пӧшти позйӧдз кыски, да тӧрӧдны ог сяммы. Со и думышті: а ог-ӧ ми сійӧс тэнад позйӧ кыскӧй; гашкӧ, тэнадӧ и тӧрас. А сёйнысӧ шӧриӧн пондам.

Обрадовался волк славному угощению, а про себя подумал:

«Было бы мясо в моём логове, а там уж лиса ни кусочка не получит».

Они подошли к месту, где лежала белая лошадь. Волк даже усомнился:

— Скажи, кумушка, а как же дотащить её до моего логова?

— Да очень просто,— ответила лиса.— Так же, как я тащила её сюда: привязала за хвост к моему хвосту и волокла её по рытвинам и ухабам. И до чего же легко мне было! А теперь давай привяжем её к твоему хвосту; тебе дотащить куда легче.

— Вот это будет здорово,— решил волк и тут же согласился.

И лисица крепко-накрепко привязала волчий хвост к хвосту белой лошади.

— Давай, кум, тащи!

Потянул волк, чуть не лопнул от натуги, а лошадь ни с места. Ещё пуще напрягся, и вдруг белая лошадь вскочила на ноги и понеслась. Тащила она волка за хвост через рытвины и ухабы до тех пор, покуда не приволокла его к бедняку.

— Получай, хозяин,— нашла я себе подмогу.

Бедняк тут же прикончил волка, шкуру его продал за большие деньги и купил на них вторую лошадь.

С тех пор белая лошадь не вертела больше жернова одна.

Нимкодь лои кӧинлы татшӧм гӧстинчи вӧзйӧмысь, ас кежас думыштіс:

«Мед сӧмын волас яйыд менам позйӧ, а бӧрнас ручлы и тор ог вичмӧд».

Матыстчисны найӧ сэтчӧ, кӧні еджыд вӧв куйліс. Кӧин падъявны пондіс:

— Кывзы, кумушка, а кыдзи нӧ ми тайӧс кыскам менам гу дорӧ?

— Да зэв прӧстӧ,— вочавидзис ручыд.— Сідз жӧ, кыдзи ме: бӧжсӧ кӧрталі аслам бӧж помӧ да сідзи и кыски рӧч да гуран вомӧн. И сэтшӧм кокньыда менам артмис! Вай ӧні тэ домась сылӧн бӧж бердӧ; тэныд ме серти кокньыдджыка сетчас.

— Вот тайӧ лоӧ бур,— шуис кӧин да пыр жӧ сӧглас сетіс.

Ручыд крепыда-крепыда кӧрталіс кӧинлысь бӧжсӧ еджыд вӧвлӧн бӧж помӧ.

— Но, кум, давай кыскы!

Выныштчис кӧин, ӧдва сӧптыс эз пот, а вӧв весиг эз вӧрзьыв. Нӧшта ёна зэлӧдчис, и друг еджыд вӧлыд чепӧсйис да кыдз тай мӧдіс гӧнитны. Кыскаліс кӧинтӧ рӧч да гуран вомӧн сэтчӧдз, пока эз вайӧд сійӧс гӧль морт дорӧ.

— Но, кӧзяин, видзӧд — аддзи ме аслым отсасьысьӧс.

Гӧль морт пыр жӧ начкис кӧинтӧ, кусӧ вузаліс бур донысь да сьӧм вылас мӧд вӧв ньӧбис. Сійӧ кадсяньыс еджыд вӧв изкитӧ ӧткӧн эз нин бергӧдлы.

ДВА ВОЛА С ГОРОШИНУ

Венгерская сказка

ЭТО было там, где и в помине не было. За океаном было большое море, посреди острова — высокая гора, на вершине горы — большое, тысячелетнее дерево. У этого дерева было девяносто девять ветвей; на девяносто девятой ветви висела сума с девяноста девятью тайниками, а в девяносто девятом тайнике лежала книга о девяносто девяти страницах; на девяносто девятой странице этой книги были написаны такие слова: «Тот, кто эту сказку слушать не станет, никогда счастливым не будет». Вот так-то.

Жил однажды один бедный-пребедный человек. По соседству с ним жил человек ещё беднее его. У одного был сын, у другого — дочь, и порешили два бедняка поженить своих детей. Пусть уж будет одна нищенская сума, а не две! Порешили — и поженили своих детей.

Как-то раз муж сказал своей молодой жене:

— Послушай, жена! Напеки мне лепёшек на дорогу — хочу до Бога дойти и узнать, почему Он беднякам не помогает.

Напекла жена мужу лепёшек; простился он с ней и отправился в путь.

К полудню он пришёл в Херецкий лес. Там он встретил седого старца, который па-

АНЬКЫТШ ТУСЬ ЫДЖДА ӦШЪЯС

Венгр мойд

ВӦЛІ тайӧ сэні, кӧні и лоны некыдзи эз вермы. Океан сайын вӧлі ыджыд саридз, саридз шӧрас — ді, ді шӧрас — джуджыд гӧра, а юр йылас — ыджыд-ыджыд, сюрс арӧса пу. Сійӧ пуыслӧн вӧлі ӧкмысдас ӧкмыс вож; ӧкмысдас ӧкмысӧд вож йылас ӧшаліс ӧкмысдас ӧкмыс гуся горсъя сепыс; а ӧкмысдас ӧкмысӧд горсъяс вӧлі ӧкмысдас ӧкмыс лист бока небӧг; сійӧ небӧгыслӧн ӧкмысдас ӧкмысӧд лист бокӧ вӧлі гижӧма татшӧм кывъяс: «Коді оз понды кывзыны тайӧ мойдсӧ, шудаӧн некор оз ло». Со тадз.

Коркӧ овліс-вывліс гӧльсьыс-гӧль морт. Сыкӧд орччӧн олысь мортыс вӧлі нӧшта на гӧль. Ӧтиыслӧн вӧлі пи, а мӧдыслӧн — ныв, и шуисны кык гӧль морт гӧтравны челядьсӧ. Мед пӧ нин лоӧ ӧти корысялан ноп, а оз кык! Шуисны тадзи — и гӧтралісны ассьыныс челядьсӧ.

Коркӧ ӧтчыд верӧсыс шуӧ аслас том гӧтырлы:

— Кывзы, гӧтыр! Пӧжав меным туй вылӧ сӧчӧнъяс — кӧсъя Ен дорӧ ветлыны да тӧдмавны, мыйла сійӧ гӧльяслы оз отсав.

Пӧжаліс гӧтырыс сӧчӧнъяс, тэчис верӧсыслӧн гӧль нопйӧ; прӧститчисны, и мӧдыс туйӧ петіс.

Лун шӧрнас гӧль морт воис Херецкӧй вӧр дорӧ. Сэні аддзысис дзор старикӧд, коді

хал целину на волах, да не на простых, а на крохотных-крохотных, величиной с горошину. Парень отвесил старику поклон, тот тоже поклонился в ответ и спросил, куда он держит путь.

— Иду искать Бога,— сказал бедняк.— Хочу узнать, почему Он ничего не даёт беднякам.

— Напрасный труд! — ответил седой старец.— Вот лучше я тебе помогу: подарю этих волов с горошину, и ты заживёшь на славу. Только ты, смотри, их никому не продавай, сколько бы тебе за них ни сулили.

Погнал человек домой дарёную животину и на следующее утро поехал с волами в лес. Телегу он со всего мира собрал: кто ему колесо дал, кто дышло, кто что — так он её и сколотил.

Приехал бедняк в лес, срубил дерево, распилил, разрубил. Но больше двух полешек не рискнул положить на телегу: не надеялся он на своих маленьких волов.

А они-то, даром что крохотные, были волшебными волами. И когда бедняк хотел уже тронуться в обратный путь, один из них заговорил:

— Что же ты, хозяин, всего два полешка положил? Нагрузи-ка телегу доверху, чтобы она прогибалась под тяжестью. А то налегке стыдно в деревню въезжать.

Бедняк только головой замотал. А вол опять говорит:

— Не бойся, грузи, как положено.

Бедняк собрался с духом, нагрузил телегу доверху, как только мог.

Волы и повезли воз. Сами идут впереди крохотные, а воз за собой везут огромный.

öшъяс вылын эжа путкыльтіс; а öшъясыс сылöн абу пröстöйöсь, ичöтöсь-ичöтöсь, анькытш тусь ыдждаöсь кымын. Зон копыртчыліс стариклы, мöдыс тшöтш копыртчыліс дай юаліс, кытчö нö пö мöдöма том молодечыс?

— Муна Енсö корсьлыны,— висьталіс гöль морт.— Кöсъя юавны, мыйла сійö гöльяслы нинömöн оз отсав.

— Весьшöрö пессян! — вочавидзис дзор старикыд.— Вай, бурджык, ме тэныд тайö анькытш тусь ыджда öшъяссö козьнала, и тэ тыр-бура овны мöдан. Сömын видзöд, некодлы найöс эн вузав, кöть кутшöм ыджыд сьöм оз вöзйыны.

Вайöдіс гöль морт öшъястö гортас, мöд луннас накöд вöрö мöдöдчис. Телега чукöртіс: коді сылы гöгыль сетіс, коді дышлö, коді мый убöлитіс — сыись и вöчис.

Муніс гöль морт вöрад, пу пöрöдіс, чинталіс, кераліс. Но кык чуркаысь унджык телегаö тэчны эз лысьт: эз надейтчы аслас ичöтик öшъяс вылö.

А найö, даröм ичöтöсь, волшебнöй öшъяс вöлömны. Кор гöль мортыд кöсйис нин гортланьвöрзьыны, öтиыс на пиысь шыасис:

— Мый нö тэ, кöзяин, кык чурка и убöлитін? Сöвт телегатö чукйöн, мед сьöктасьыс лайкнитчис. Миянлы яндзим сиктö кокньыдпырысь бергöдчыны.

Гöль морт сömын юрнас довкйöдлö. А öшкыд бара шуö:

— Эн пов, сöвт кыдзи колö.

Гöль морт ыджыда ышловзис, сэсся сöвтіс телегасö чукйöн, мыйта вермис törödны.

Öшъясыд и мöдісны кыскысьны. Асьныс кöть ичöтöсь, а кысканторйыс ыджыдсьысыджыд. Сömын петісны вöрсьыд, граф да суддя воча лоины. Найö весиг падмылісны чуймöм пондаыс, кор аддзисны, кыдзи ичöт öшъяс додь тыр пес кыскöны. Граф юаліс:

Только они выехали из лесу, как повстречали графа и судью. Те даже опешили от удивления, увидев, что крошечные волы везут целый воз с дровами. Граф спросил:

— За сколько ты, бедняк, отдашь мне эту пару волов?

— Непродажные они, сударь,— ответил бедняк.

Граф рассердился и сказал бедняку, что если он за день не выкорчует, не вспашет, не заборонит и не засеет Херецкий лес, то не видать ему больше своих волов.

Опечалился бедняк: что ж теперь ему делать?

— Не горюй, хозяин! — промолвил один из крошечных волов.— Ты только раздобудь плуг и всё, что нужно, а за нами дело не станет.

Бедняк достал всё, что нужно: со всей деревни собрал сколько было плугов, борон, сеялок и поехал на волах в Херецкий лес. Когда они доехали туда, один из волов обратился к своему хозяину:

— Ты, хозяин, ложись да поспи, а мы сами со всем управимся.

Бедняк послушался, лёг, заснул, а как проснулся, видит — всю пашню заборонили, засеяли. Тогда он поехал домой и доложил графу, что всю работу закончил. Поскакали граф и судья к лесу. Осмотрели всё и никакого, даже самого малого, изъяна не нашли в посеве.

— Ну, бедняк,— сказал граф,— если ты за один день не уберёшь у меня всю траву с полей и лугов, то так и знай, что останешься без волов!

Пригорюнился бедняк, а вол с горошину опять его утешает:

— Не кручинься, хозяин! Ты только ляг в борозду и поспи, а мы уж сами управимся.

— Донаысь-ö тэ, гöль морт, тайö öш парасö сетан?

— Оз вузассьыны найö, судар,— вочавидзис гöль морт.

Граф скöрмис да шуис гöль мортыдлы, он кö пö тэ öти лунöн керав да ректы Херецкöй вöрсö, он кö гöр да агсав, да он кö кöдз, не аддзывны тэныд öшъястö.

Шогö уси гöль морт: мый нö öні сылы вочны?

— Эн шогсьы, кöзяин! — шуис ичöт öшъяс пиысь öтиыс.— Тэ сöмын гöртö судзöд, а мый колö вочны, ставыс миян сайын.

Гöль морт судзöдіс мый колö: сиктысь чукöртіс став гöрсö, агассö, кöдзан кöлуйсö и муніс öшъяскöд Херецкöй вöрö. Кор воисны вöр дорад, öти öшкыс шуис:

— Тэ, кöзяин, вод да узьышт, а ми асьным мый колö вочам.

Гöль морт кывзысис, водіс, унмовсис, а мыйöн садьмис, аддзö — став гöрömсö агсалöма и кöдзöма. Муніс гортас да юöртіс графлы, став уджтö пö менам эштöдöма. Гöнитісны граф да суддя вöр дорö. Видзöдалісны гöгöр сюся, и эз казявны кöдза вылысь весиг ичöтик изъян.

— Но, гöль морт,— шуис граф,— öти лунöн кö он идрав менам лудъяс да муяс вылысь став турунсö, сідзи и тöд — öшъястöгыд колян!

Нöшта ёна шогö уси гöль морт, а ичöтик öшкыд и бара лöньöдö сійöс:

— Эн вийсьы, кöзяин! Тэ сöмын вод бöрöздаас да узьышт, а ми асьным справитчам.

Лунöн ставсö идралісны. Тэчисны öти телегаö, да сэтшöм джуджыда сигöртісны, мый гöль мортным юрсö чатрöдліс да чатрöдліс, а синнас эз судз. Со кутшöм джуджыд сійö вöлі!

Кор öшъяс матыстчисны замок водзö, гöль морт пырис граф дорö да юöртіс:

За день они всё убрали. Всё взвалили на одну телегу, да так высоко её нагрузили, что бедняк, сколько голову ни задирал, верха не увидел. Вот как высоко было!

Когда волы подъехали к замку, бедняк зашёл к графу и сказал:

— Сиятельный граф! Привёз я тебе травы. Но ты уж изволь сдвинуть с места свой замок, а то мне с моими волами никак не въехать во двор.

Граф не стал слушать бедняка и вместо благодарности так ему дал по шее, что тот чуть с ног не слетел. Увидели это волы с горошину, потянули телегу, наехали на замок, колесом зацепили, дёрнули — замок и перевернулся. А граф от злости чуть не лопнул.

— Слышь, бедняк! — закричал разъярённый граф.— Если ты не свезёшь меня вместе с судьёй на самый край света, то у тебя и волов не будет, и самому тебе не сдобровать. Я хочу увидеть, что там делается!

Эх, тут уж бедняк совсем пригорюнился! Да как же он довезёт туда графа, ежели никогда и не видали и слыхом не слыхали, где он есть, этот край света! Но тут один вол заговорил:

— Да не горюй ты, хозяин, туда им и дорога! А как их довезти, мы знаем.

Тогда бедняк запряг волов, граф и судья взобрались на телегу, и волы с горошину повезли их на самый край света. Волы-крошки с разбегу подкатили туда и стали как вкопанные на самом краешке. А граф и судья кувырком полетели вниз, только их и видели.

— Ну, теперь, хозяин, поворачивай обратно! — сказали волы.

Бедняк так и сделал.

С тех пор граф и судья никогда больше на земле не показывались. А бедняк со своими волами с горошину живёт счастливо и поныне.

— Вайи турунтӧ, сиятельнӧй граф! Но тэ вай кыдзкӧ вешты ассьыд замоктӧ, а то менам ӧшъяс йӧрад пырны оз вермыны.

Граф эз понды кывзыны гӧль мортӧс, аттьӧалӧм пыдди сідзи кучкис сьылі тшуптас, мӧдыс кок йывсьыс ӧдва эз усь. Аддзисны тайӧс анькытш тусь ыджда ӧшъясыд, вӧрзьӧдісны телегасӧ, мыджсисны замокад — весиг гӧгыльясыс дзуртӧны, выныштчисны нӧштаысь — замокыд и путкыльтчис. А граф дӧзмӧм пондаыс чуть оз пот.

— Кылан, гӧль морт! — горӧдіс скӧрысь.— Ӧні жӧ он кӧ нуӧдлы менӧ да суддяӧс му помӧдзыс, ӧшъястӧ вошtан и аслыд бур оз ло. Кӧсъя аддзывны, мый сэні вӧчсьӧ!

Эк, тайӧ пӧрйӧ гӧль мортным дзикӧдз шогӧ усьлі! Кыдзи нӧ нуӧдан сэтчӧ, кытчӧ некоді на эз волы, весиг эз кывлы ни эз аддзыв, кӧні пӧ сійӧ, му помыс! Пока тадзи шогсис, ӧти ӧшкыс шыасис:

— Да эн тэ шогсьы, кӧзяин, налы сэтчӧ и туй! А кыдзи воӧдчыны, ми тӧдам.

Гӧль морт доддяліс ӧшъяссӧ, граф да суддя кавшасисны телегаас, и анькытш тусь ыджда ӧшъяс нуисны найӧс му помӧ. Воисны да ӧддзӧдчылӧмӧн друг тай кыдзи сувтісны дзик дорышас. Граф да суддя тімбыльтчисны увланьюр, сӧмын и аддзылісны найӧс.

— Но, кӧзяин, ӧні бӧр бергӧдчам! — шуисны ӧшъяс.

Гӧль морт сідзи и вӧчис.

Сійӧ лунсяньыс граф да суддя эз нин петкӧдчывны тайӧ му вылас. А гӧль морт аслас анькытш тусь ыджда ӧшъяскӧд и ӧнӧдз шудаа олӧ.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Как Ими-Хиты на санках катался. *Хантыйская сказка.* 3
Мальчик Идэ. *Хантыйская сказка.* 14
Сказание про богатыря Вищ-Отыра. *Мансийская сказка.* 18
Умная сова. *Мансийская сказка.* 33
Лесной человек Яг-Морт. *Коми сказка.* 39
Пера-богатырь. *Коми сказка.* 50
Пера и Зарань. *Коми-пермяцкая сказка.* 58
Богатырь Кудым-Ош. *Коми-пермяцкая сказка.* 54
Как весёлый мужик радость искал. *Удмуртская сказка.* 77
Аннушка. *Удмуртская сказка.* 85
Сказание о Кокше-Патыре. *Марийская сказка.* 97
Сереброзубая Пампалче. *Марийская сказка.* 103
Дуболго Пичай. *Мордовская сказка.* 114
Куйгорож. *Мордовская сказка.* 123
Чёрная уточка. *Карельская сказка.* 129
Бедняк и судья. *Карельская сказка.* 139
Златопряхи. *Эстонская сказка.* 143
Как совы учились петь. *Эстонская сказка.* 160
Окно. *Финская* сказка. 163
Зимняя сказка. *Ц. Топелиус.* 166
Недопарушек. *Саамская сказка.* 180
То ли было, то ли не было. *Саамская сказка.* 192
Белая лошадь. *Венгерская сказка.* 196
Два вола с горошину. *Венгерская сказка.* 199

ЮРИНДАЛЫСЬ

Кыдзи Ими-Хиты даддьӧн ислаліс. *Хант мойд.* 3
Идэ зон. *Хант мойд.* 14
Багатыр Вищ-Отыр. *Манси мойд.* 18
Вежӧра сюзь. *Манси мойд.* 33
Вӧрса. *Коми мойд.* 39
Пера-багатыр. *Коми мойд.* 50
Пера да Зарань. *Перым-коми мойд.* 58
Багатыр Кудым-Ош. *Перым-коми мойд.* 54
Кыдзи ӧти мужик радлун корсис. *Удмурт мойд.* 77
Аннушка. *Удмурт мойд.* 85
Кокша-Патыр. *Мари мойд.* 97
Эзысь пиня Пампалче. *Мари мойд.* 103
Дуболго Пичай. *Мордва мойд.* 114
Куйгорож. *Мордва мойд.* 123
Сьӧд чӧж. *Карел мойд.* 129
Гӧль морт да суддя. *Карел мойд.* 139
Зарни шӧрт печкысь нывъяс. *Эст мойд.* 143
Кыдзи сюзьяс сьывны велӧдчисны. *Эст мойд.* 160
Ӧшинь. *Финн мойд.* 163
Тӧвся мойд. *Ц. Топелиус.* 166
Недопарушек. *Саам мойд.* 180
То ли вӧлі, то ли эз. *Саам мойд.* 192
Еджыд вӧв. *Венгр мойд.* 196
Анькытш тусь ыджда ӧшъяс. *Венгр мойд.* 199

Книга посвящается памяти
народного художника Республики Коми
Аркадия Мошева

Фото Е. Козлова

Аркадий Васильевич Мошев родился 29 сентября 1936 года в д. Дёмино под Кудымкаром. В начале 1960-х годов работал художественным редактором Коми-Пермяцкого книжного издательства. В конце 60-х переехал в Сыктывкар и здесь сотрудничал с Коми книжным издательством, в течение многих лет был его художественным редактором. Любимые темы его творчества — мир фольклора и детская книга.

Аркадий Васильевич оформил множество книг, используя технику рисунка карандашом и тушью, монотипии, линогравюры, гравюры на пластике, акварели. За иллюстрации к книге «Пера-богатырь» был удостоен звания заслуженного деятеля искусств Коми АССР (1985). Иллюстрации к «Коми народным сказкам» и художественное оформление книги В. Тимина «Мальчик из Перми Вычегодской» (Сыктывкар, издательство «Эском», 2000) в 2004 году были удостоены Государственной премии РК в области литературы и искусства. Высокий профессионал, художник с безупречным вкусом, он не приступал к работе, не исследовав досконально тему. При этом недостижимой высотой по лаконизму и образности считал пермский звериный стиль...

Заслуженный деятель искусств Коми АССР, А. В. Мошев скончался в Сыктывкаре 1 мая 2012 года.

ПЕРА-БОГАТЫРЬ

Сказки финно-угорских народов
На русском и коми языках

(Издание второе, исправленное и дополненное)

Редактор И. В. Иванов.
Перевод — Е. В. Козлов.
Вёрстка — Н. К. Денисов.
Корректоры – И. М. Иванова, Е. Е. Афанасьева.
Художник А. В. Мошев.

Издательство «Эском».
167000, г. Сыктывкар, ул. К. Маркса, 229.

Подписано в печать 05.12.2012.
Формат 84x108 1/16. Бумага мелованная 115 г/м².
Гарнитура «PT Serif». Печать офсетная.
Усл. п. л. 21,8. Тираж 1 тыс. экз. Заказ 2935.

Отпечатано в ООО «Кировская областная типография».
610004, г. Киров, ул. Ленина, 2. Тел.: (8332) 38-34-34.

